

**Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»**

ГЕОПОЛИТИКА И ЭКОГЕОДИНАМИКА РЕГИОНОВ

Научный журнал

Том 8 (18) Выпуск 3

2022

**Симферополь
2022**

ISSN 2309-7663

Журнал основан в 2005 году.

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций:

ПИ № ФС 77-61822 от 18.05.2015 г.

Учредитель: ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

**Печатается по решению Ученого совета ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(протокол № от2022 г.)**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – д. геогр. наук, профессор ПОЗАЧЕНЮК Е. А.

Заместитель главного редактора – д. геогр. наук, профессор ВАХРУШЕВ Б. А.

Ответственный редактор – к. геогр. наук СИКАЧ К. Ю.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

к. полит. наук **БЕДРИЦКИЙ А. В.**; д. геогр. наук, профессор **БОКОВ В. А.**;
д. эконом. наук **БУРКАЛЬЦЕВА Д. А.**; д. геогр. наук **ВОРОНИН И. Н.**;
д. геогр. наук **ГОРБУНОВ Р. В.**; д. экон. наук, доцент **ИБРАГИМОВ Э. Э.**;
д. биол. наук, профессор **ИВАШОВ А. В.**; д. геогр. наук, доцент
ИВЛИЕВА О. В.; д. полит. наук **ИЛЬИН М. В.**; д. биол. наук, профессор
ЛИТВИНСКАЯ С. А.; д. геогр. наук, профессор **ПЛОХИХ Р. В.** (Казахстан);
д. геогр. наук, профессор **ВОРОНИН И. Н.**; д. эконом. наук **РОТАНОВ Г. Н.**;
д. геогр. наук, профессор **ХОЛОПЦЕВ А. В.**; д. эконом. наук, профессор
ЦЕХЛА С. Ю.; д. геогр. наук, профессор **ЯКОВЕНКО И. М.**; д. геогр. наук,
профессор **ÇALIŞKAN V.** (Турция); PhD of geogr. and polit. **EDİRİPULIGE S.**
(Австралия); д. геогр. наук, профессор **ГЪАТО Р.** (Республика Сербская Босния
и Герцеговина); д. геогр. наук, профессор **ИБРАГИМОВ А. И. оглы** (Турция).

Статьи публикуются в авторской редакции и корректуре.

Мнение автора может не совпадать с позицией редакции.

Редакция не вступает в переписку с читателями.

Подписано в печать2022. Формат 60x84/8

39,41 усл. п. л. Заказ № НП/324. Тираж 25 экз. Бесплатно

Дата выхода в свет2022 г.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://geopolitika.cfuv.ru>

РАЗДЕЛ I

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ**

УДК 332.1(292.471):(1-24):316.61

А. Б. Швец¹
Д. А. Вольхин²

***Российское Причерноморье в новом
тренде социокультурного
развития Евразии***

^{1,2}ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика
Крым, Российская Федерация
e-mail: ¹fusion10@mail.ru; ²lomden@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены основные тренды современного социокультурного развития российского Причерноморья как части Евразийского геополитического и геоэкономического пространства. Отмечены главные факторы и риски трансформации роли российского Причерноморья в сложной системе взаимодействий Крыма с причерноморскими регионами России и зарубежья.

Ключевые слова: Причерноморье, Евразия, социокультурная трансформация, география, геополитика, геоэкономика.

Введение

Евразия – важнейшее геополитическое и геоэкономическое пространство современного мира. Здесь наиболее активно происходит структурирование пространства мировой политики и экономики. Геополитический смысл этого структурирования связан с попыткой России, Китая, Индии, Ирана сохранить свой суверенитет относительно политики западных стран, и прежде всего США, в их стремлении размыть суверенность указанных государств. В геоэкономическом плане евразийские страны, сохраняющие свою субъектность в отношении с США, проводящие самостоятельную экономическую политику, выстраивают новые конфигурации сотрудничества с Россией, начавшей в феврале 2022 года специальную операцию Вооруженных сил Российской Федерации на Украине.

В 2022 году Евразия стала «прифронтовой» территорией в противостоянии России и «коллективного Запада». Поставки западными странами оружия на Украину, их беспрецедентные экономические санкции против Российской Федерации, не имеющие аналогов в новейшей истории, создали вкупе с последствиями пандемии необходимость формирования Россией «страховочных» договорённостей с перечисленными выше странами по конструированию новых линий евроазиатского экономического сотрудничества. Речь идёт о возможности перевода Россией потоков своих топливных и продовольственных ресурсов критически важных для мировой экономики с западного на восточное направление.

В азиатской части Евразии формируется новая пространственная архитектура взаимодействия стран, строящих отношения не на принципах политической солидарности с Западом, а на позициях общности социокультурных ценностей. Эти ценности нередко классифицируют как традиционалистские (уникальные, неизменные). Архитектура взаимодействия между Россией и традиционалистскими странами носит в настоящее время ситуативный характер, что объясняется санкционным давлением США, угрожающим экономическими

«карами» любым государствам, решившимся на экономическое сотрудничество с Россией в обход западных санкций, связанных со спецоперацией на Украине. Предупреждение о возможности усиления экономического давления со стороны США уже получили Китай, Индия и Турция [1; 2; 3]. Более обширные, чем с Россией, экономические (торговые) связи этих стран с США, их зависимость от западных технологий, интеллектуальной собственности и поставок комплектующих способны в любой момент прервать их сотрудничество с Россией. Задача российского государства в условиях прямых угроз западных стран выстраивать «долговременные системы геэкономического взаимодействия, требующие очевидного институционального закрепления и принятия политических решений» [4].

Появление «долговременных систем геэкономического взаимодействия» России и традиционалистских стран Евразии видимо будет строиться с учетом их географической приближенности к границам России и наличия опыта сотрудничества. В этом отношении Российское Причерноморье является одним из востребованных регионов в системе построения новых координат мироустройства.

Учитывая неизбежность появления регионального аспекта в изучении новой архитектуры политического и экономического взаимодействия стран в азиатском секторе Евразии, целью работы стало выяснение трендов вписывания российского Причерноморья в систему ситуативного партнёрства со странами Азии для уточнения рисков и ограничений этого процесса.

Изучение территориальной специфики взаимодействия регионов Российского Причерноморья с иными территориями Евразии, рисков социокультурной трансформации приграничных территорий имеет междисциплинарный характер. Географические и политологические аспекты этой проблематики представлены трудами А. Г. Дружинина [5; 6], А. Б. Швец и Д. А. Вольхина [7; 8], А. Н. Яковлева [9], А. В. Баранова [10], А. Р. Никифорова [11] и др.

Результаты и обсуждение

Российское Причерноморье – это своеобразный аквально-континентальный плацдарм для перенаправления геополитических и геэкономических стратегий России на евразийский Юг – в сторону Ирана и Индии, ближневосточных и африканских рынков. Параллельно южному устремлению существует «восточный поворот» российских стратегий государственного развития – в сторону Китая и стран Юго-Восточной Азии. Учитывая существование этих двух пространственных векторов современного присутствия России в глобальном мире, нами подобран примерный перечень стран, которые могут стать ключевыми для развития российского Причерноморья на этапе жестких санкционных манипуляций западных стран против России и необходимости выстраивать ею новые долговременные отношения с азиатскими странами (табл. 1).

Китай занимает центральное место в системе трансформации геэкономических отношений России в целом и Причерноморья, в частности.

Таблица 1

Ключевые страны для создания в Российском Причерноморье долговременных систем геоэкономического взаимодействия в условиях изоляционистских действий западных стран, 2022 г.

Страна	Отношение к спецоперации ВС РФ на Украине	Отношение к экономической изоляции России Западом	Торговый оборот с Россией, млрд. долл. (2021 г.)	Торговый оборот с США, млрд. долл. (2021 г.)
Китай	Спецоперацию не поддержал, к резолюции Генассамблеи ООН ¹ , осуждающей действия РФ на Украине, не присоединился	К экономическим санкциям Запада не присоединился, считает их фактором дестабилизации глобального рынка; продолжит защиту интересов собственных торговых компаний	140,704 ↑	755,64 ↑
Турция	Спецоперацию осудила, к резолюции Генассамблеи ООН, осуждающей действия РФ на Украине, присоединилась; с 2014 г. остаётся приверженной принципу территориальной целостности Украины; в украинском кризисе стремится к роли посредника	К экономическим санкциям Запада не присоединилась; стремится к превращению в крупный транспортно-логистический хаб Евразии	33,024 ↑	25,00 ↑
Индия	Спецоперацию не поддержала; от присоединения к резолюции Генассамблеи ООН, осуждающей действия РФ на Украине, воздержалась	К экономическим санкциям Запада не присоединилась; продолжит независимые от США и Китая экономические отношения с Россией	13,556 ↑	119,42 ↑
Иран	Спецоперацию не поддержал; от присоединения к резолюции Генассамблеи ООН, осуждающей действия РФ на Украине, воздержался	К экономическим санкциям Запада не присоединился; может стать продуцентом опыта альтернативных западным санкциям финансово-экономических отношений	4,035 ↑	0,69 ↑ (внешняя торговля в «серой» зоне санкций)

¹ – Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 2 марта 2022 г. с осуждением военной спецоперации России на Украине и требованием её прекращения («за» проголосовало 141 государство из 193, «против» – 5, воздержались – 35). В тексте резолюции отсутствуют упоминания о реальном положении населения Донбасса и агрессии против ДНР и ЛНР, незаконном перевороте на Украине в 2014 году, которые требовала внести Россия.

↑ – рост, по сравнению с 2020 годом.

Составлено по данным Федеральной таможенной службы России и СМИ РФ.

Эта страна не только крупнейший торговый партнер России, но и государство, которое может при желании обрушить финансовую систему любой западной страны, обладая собственной устойчивой денежной единицей. Политико-экономическую позицию Китая в отношении России и её современного положения в мире можно назвать сдержанной. Она объясняется необходимостью сохранять стабильными отношения не только с Россией, но и с США, занимающими третье место в торговле с Китаем после стран АСЕАН и ЕС (совокупно по каждому региону).

Такой же сдержанной и противоречивой является позиция *Турции*. Для Причерноморья это наиболее реальный по географической близости экономический партнёр и крайне ситуативный политический актор. Турция поддержала резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 2.03.2022 года по осуждению спецоперации Вооруженных сил России на Украине. Учитывая рекомендательный характер резолюции, российское руководство «не заметило» этого решения Турции, понимая, что у России есть гораздо более чувствительные точки соприкосновения с ней. Турецкое государство, к примеру, не признало с 2014 года факт воссоединения Крыма с Россией. За этим решением кроется особая пантюркистская идеология Турции, нацеленная на собирание земель, населённых тюркскими народами. Вместе с тем, в настоящее время Турция превратилась в основной канал обхода Россией санкций западных стран, связанных со спецоперацией. Это подтверждают экспертные оценки итогов товарооборота России и Турции к концу 2022 года, которые могут увеличиться, по сравнению с 2021 годом, почти в полтора раза, составив 50 млрд. долларов [3].

Индия сохраняет традиционное сотрудничество с Россией в области вооружений и продовольствия. Вместе с тем её главным торговым партнёром остаются США, опередив в этом даже Китай. Учитывая тот факт, что в Индии проживает 1,39 млрд. человек, нуждающихся в продовольствии, и эта страна – третий по величине потребительский рынок в мире, имеющий одни из самых высоких в мире темпов роста, оставлять её без российского присутствия нерационально в любой политико-экономической ситуации.

Иран нередко сравнивают с современной Россией, подвергшейся таким же многочисленным санкциям со стороны США. Разница состоит лишь в том, что Иран получал свои санкционные ограничения постепенно, а Россия – одномоментно. Иран сумел за сорок лет санкционной политики против него со стороны США и ЕС адаптироваться к ограничениям и изобрёл способы их обхода. Так, например, Иран приспособился экспортировать нефть на танкерах без опознавательных знаков. Нефть перекачивается на суда других стран прямо в море и экспортируется уже от их лица. России, пытающейся в настоящее время экспортировать нефть в Индию, иранский опыт вполне мог бы пригодиться.

При оценке показателей внешней торговли как маркера внешнеэкономических связей регионов Российского Причерноморья и ключевых стран Азии важно учитывать объем их товарооборота, его динамику и значение в географической структуре внешней торговли России.

Суммарный товарооборот четырех регионов Российского Причерноморья (Краснодарского края, Республики Крым, Ростовской области и города Севастополь) с Индией, Ираном, Китаем и Турцией в 2021 г. составил около 8 млрд. долл. США, что соответствовало 4,2% от общего итога внешней торговли России с этими странами. Коэффициент локализации данного показателя

(соотношение доли причерноморских субъектов в общем товарообороте России с выбранными азиатскими странами к доле причерноморских субъектов в общем товарообороте России) за 2021 год составил больше единицы – 1,2. В относительном измерении наиболее заметна роль причерноморских субъектов в торговле России с Ираном – более 23% всех экспортно-импортных операций между этими странами в 2021 г. Для топологически более близкой Турции данный показатель составил – 13,3%, Индии – 2,2%, Китая – 1,7%.

За прошедшее пятилетие суммарный товарооборот четырех регионов Российского Причерноморья с выбранной четвёркой ключевых стран от года к году увеличивался: 2017 г. – 4,8 млрд. долл., 2018 г. – 5,4 млрд. долл., 2019 – 5,8 млрд. долл., 2020 – 6,0 млрд. долл., 2021 – 8,0 млрд. долл. Приведенные значения всех показателей указывают на относительно высокую и все возрастающую роль Индии, Ирана, Китая и Турции в географической структуре внешней торговли Российского Причерноморья.

Объем и динамика товарооборота с выбранными странами для регионов Российского Причерноморья имеют ряд особенностей (рис. 1).

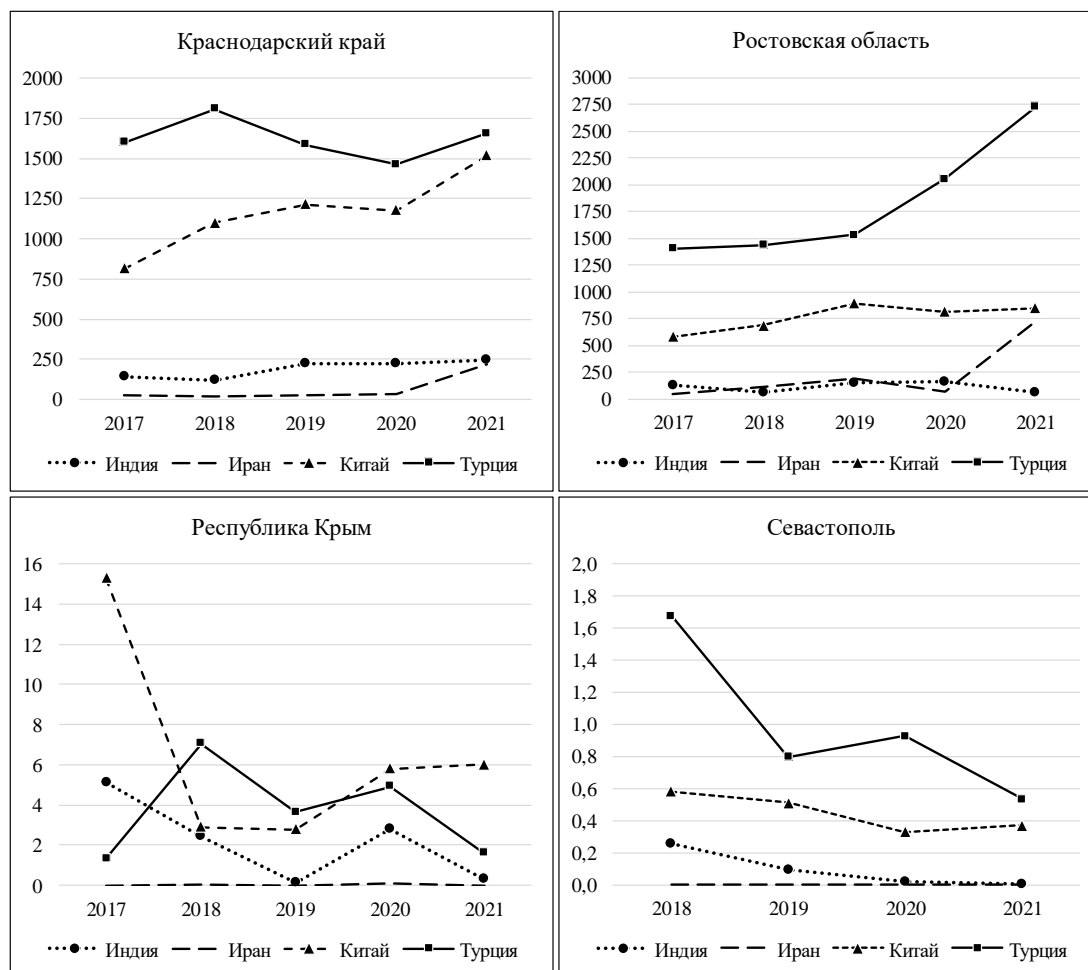

Рис. 1. Товарооборот регионов Российского Причерноморья с ключевыми странами Азии, млн. долл. США

Составлено по данным Федеральной таможенной службы России.

В целом среди выбранной четвёрки ключевых стран Азии наибольшее значение для причерноморских субъектов имеет торговля с Турцией. Только для Республики Крым характерна смена лидерства между Китаем и Турцией. Наиболее весомое и ежегодно возрастающее значение Турция играет во внешней торговле Ростова-на-Дону – к 2021 г. 18,8% всего товарооборота региона. Основу экспорта Ростовской области и Краснодарского края в Турцию традиционно составляют морские поставки продовольственных товаров (в основном зерна) и существенно меньшие объемы металлов, минерального сырья и топлива. Обращает на себя многократное увеличение товарооборота Ростовской области (в 11 раз) и Краснодарского края (в 6,7 раз) с Ираном в 2021 году, по сравнению с предыдущим годом. Таких успехов регионам удалось достичь благодаря тесному сотрудничеству с этим ближневосточным государством, которое начало активно развиваться правительствами означенных выше территорий в последние годы. На иранском фоне количественные изменения внешней торговли с Индией происходили медленно и имели колеблющийся характер.

В целом оба крымских субъекта, по сравнению с иными регионами-соседями по Причерноморью, демонстрируют очень низкие показатели внешней торговли с ключевыми странами Азии с тенденцией ежегодного сокращения. Исключением является начавшийся в 2019 году рост торговли между Республикой Крым и КНР. Таможенная статистика фиксирует экспортные и импортные операции Крыма со многими странами мира, однако их нельзя назвать устойчивыми и крупными. Санкционный режим вынуждает крымскую экономику пользоваться посредническими схемами для осуществления внешней торговли, поэтому существующая статистика не отражает реальную картину внешнеэкономических связей Крыма.

Для каждой из перечисленных выше ключевых стран для развития долгосрочных отношений с Российским Причерноморьем существуют риски сотрудничества. Их следует типологизировать по геоэкономическим критериям [12]. *Геополитический фактор* генерирует целый ряд геоэкономических рисков. Намечившееся «переформатирование» Большой Евразии создаёт фоновый риск – неопределённость будущего мировой экономики и международных экономических отношений. В результате устоявшиеся принципы и глобальная структура международного разделения труда прекращают действовать и фрагментируется. Комплекс новейших дезинтеграционных процессов в Причерноморье и сопредельных территориях (на Украине, Кавказе, Балканах, Ближнем Востоке) формирует образ этого региона как фрагмент «пояса нестабильности», создаваемого вокруг России. Неопределенность ситуации усиливает двойственный характер участия в этих деструктивных процессах Турции и Китая, что было описано выше. Санкционный режим позиционирования Российского Причерноморья в Евразии, продуцируемый странами Запада и их союзниками, отчасти нивелируется отказом Ирана, Индии, Китая и Турции вводить санкций в отношении России. Однако осложнение внешнеторговых операций России вынуждает её переходить на параллельный импорт для получения продукции и технологий компаний, поддержавших санкции против России. Всё это происходит на фоне негативизации экономического имиджа российских регионов в мировом информационном пространстве.

Рискогенным потенциалом обладает *несовпадение отраслевых структур производства и потребления товаров и услуг и разные скорости экономического*

развития в причерноморских регионах России и ключевых странах Азии. В таких условиях позиционирование Юга России в Евразии наиболее успешно лишь в направлении экспорта продовольственных товаров и сырья, в то время как в этих странах растёт спрос на высокотехнологичные товары и услуги. Сохранение разнотемпового экономического развития создаёт риск потери конкурентного преимущества Российского Причерноморья после геополитической разрядки в мире и снятия барьеров для экономик стран после пандемии.

Фактор геопространственной удаленности причерноморских регионов России от Ирана, Индии и Китая создаёт предпосылки для проявления *транспортно-логистических рисков*. Ключевая роль во внешнеэкономических связях Ростовской области и Краснодарского края с международным пространством принадлежит морскому транспорту. Устойчивая прямая морская связь из российских портов Азово-Черноморского бассейна осуществляются лишь в Турцию через акваторию Азовского и Черного морей, а транспортное сообщение с Индией, Ираном и Китаем выполняется по более сложным маршрутам. Основную часть торговли с Ираном регионы Юга России осуществляют с помощью мультимодальных перевозок по Каспийскому маршруту. Функционирование ирано-каспийского маршрута (каспийские порты России–Баку–Бандер-Аббас (Иран)) в Индию и страны Персидского залива сталкивается с недостаточными транспортными возможностями российских портов Астрахань и Оля. Хотя проекты по увеличению их мощности для эффективной работы транспортного коридора «Север–Юг» обсуждаются с иранской стороной [13]. Обсуждался и вопрос о Каспийско-Черноморском маршруте экспорта иранской нефти, в том числе через крымские порты, в Турцию и Сирию с целью обойти осложнения использования иранскими судами Суэцкого канала из-за санкций. Однако эта ветка не получила развития. Вместо неё Иран реализует новый сухопутно-морской транспортный коридор – Иран–Азербайджан–Грузия (порты Батуми и Потти)–Европа, который связывает Персидский залив с Чёрным морем [14] и станет конкурентом российской ветки транспортного коридора «Север–Юг» на пути к Ирану и Индии. Таким образом, азово-черноморским портам Юга России пока не удастся полноценно встроиться в новые транспортные потоки в ирано-индийском направлении.

Выводы

Геоэкономическое позиционирование регионов Российского Причерноморья в Большой Евразии существенно зависит от их отношений с Индией, Ираном, Китаем и Турцией – ключевыми странами Азии и традиционалистскими государствами по характеру их социокультурных ценностей.

Контакты причерноморских регионов России и указанных стран Азии усиливаются и демонстрируют растущую динамику, несмотря на нарастание геополитической нестабильности у границ России и реформирование Большой Евразии.

Главной скрепой устойчивого геоэкономического взаимодействия причерноморских регионов России с ключевыми странами Азии стала внешняя торговля продовольствием и сырьём. Ведущая роль во внешнеэкономическом взаимодействии Российского Причерноморья с этими странами принадлежит Краснодарскому краю и Ростовской области, которые имеют ключевое значение

во взаимоотношениях России с Турцией и Ираном. Выстраивание взаимоотношений России с Индией и Китаем происходит через другие регионы страны, территориально более близкие к границам этих государств.

Для крымских субъектов характерно преобладание их геостратегических функций в Причерноморье над их геоэкономическим потенциалом выстраивания тесного партнёрства с ключевыми странами Азии.

Основные риски геоэкономического взаимодействия Российского Причерноморья с Индией, Ираном, Китаем и Турцией генерируются новейшей геополитической дестабилизацией, с которой связана неопределенность будущего мироустройства. Рискогенным является фактор трансформации транспортно-логистической структуры Евразии и сложности эффективного встраивания в неё транспортных систем Российского Причерноморья. Внешнеэкономическое сотрудничество указанной четвёрки стран с причерноморскими регионами России имеет ограничения из-за структурно-динамических особенностей их экономик, в частности из-за более низких темпов экономического развития российской стороны и узости внешнеторговой специализации.

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Литература

1. «Уже не просто угрозы»: США идут ва-банк [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20220804/kitay-1806955053.html>.
2. Ермолов М. США усилят давление на Китай и Индию для недопущения помощи России обойти санкции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/08/23/18389906.shtml?updated>.
3. США поставили Турцию перед выбором: или банки страны работают с Западом, или с Россией [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kapital-rus.ru/news/389850>.
4. Евстафьев Д. «Триполярный» мир США, Китая и России? Что ждёт постсоветскую Евразию: Аналитический портал «Евразия. Эксперт» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eurasia.expert/tripolyarnyy-mir-chto-zhdet-postsovetskuyu-evraziyu/>.
5. Дружинин А. Г. «Причерноморская составляющая» российско-турецкого взаимодействия в современном евразийском контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2014, № 2 (9). С. 3–14.
6. Социально-экономическое развитие приморских территорий Европейской части России: факторы, тренды, модели / под ред. А. Г. Дружинина. Ростов-на-Дону, Изд-во ЮФУ, 2016. 236 с.
7. Швец А. Б. Риски крымско-украинского приграничья // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: монография / под ред. Л. И. Попковой, Цезары Мадры, Л. Б. Вардомского: Курск. гос. ун-т. Курск, 2018. С. 111–126.
8. Швец А. Б., Вольхин Д. А. Геополитическое порубежье Крыма: материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского, «Политическая

- география и геополитика в России: исторический опыт и современность», Санкт-Петербург, СПбГУ. 8-9 апреля 2021 г. / Под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Каледина, К. Э. Аксёнова. СПб.: изд-во ВВМ, 2021. С. 323–333.
9. Яковлев А. Н. Трансформация социокультурной конфликтности в Крыму в новых геополитических реалиях // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т.4 (14). Вып. 2. С. 63–71.
 10. Баранов А. В. Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т.4 (14). Вып. 2. С. 5–10.
 11. Никифоров А. Р. Черноморский регион: опыт пространственных измерений // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т.4 (14). Вып. 2. С. 47–53.
 12. Лачининский С. С. Опыт типологии геоэкономических рисков // География и природные ресурсы. 2013. № 2. С. 15–22.
 13. Россия готова обсуждать с Ираном проекты ускоренной доставки сельскохозяйственных грузов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_gotova_obsuzhdat_s_iranom_p_roekty_uskorennoy_dostavki_selskohozyaystvennyh_gruzov.html.
 14. Азербайджан, Иран и Грузия запустили новый транспортный коридор [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kavkazru.press/azerbajdzhan-iran-i-gruziya-zapustili-novyj-transportnyj-koridor>.

A. B. Shvets¹
D. A. Volkhin²

The Russian Black Sea Region in the new trend of socio-cultural development of Eurasia

^{1,2} V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: ¹*fusion10@mail.ru*; ²*lomden@mail.ru*

Abstract. *The main trends of the modern socio-cultural development of the Russian Black Sea region as part of the Eurasian geopolitical and geo-economic space are considered. The main factors and risks of the transformation of the role of the Russian Black Sea region in the complex system of interactions of the Crimea with the Black Sea regions of Russia and abroad are noted.*

Taking into account the inevitability of the emergence of a regional aspect in the study of the new architecture of political and economic interaction of countries in the Asian sector of Eurasia, the aim of the work was to clarify the trends of the Russian Black Sea region entering into the system of situational partnership with Asian countries to clarify the risks and limitations of this process.

The geo-economic positioning of the Russian Black Sea regions in Greater Eurasia significantly depends on their relations with India, Iran, China and Turkey - key Asian countries and traditionalist states by the nature of their socio-cultural values.

Contacts between the Black Sea regions of Russia and these Asian countries are intensifying and showing growing dynamics, despite the growing geopolitical instability near the borders of Russia and the reformatting of Greater Eurasia.

The main bond of sustainable geo-economic interaction of the Black Sea regions of Russia with key Asian countries has become foreign trade in food and raw materials. The leading role in the foreign economic cooperation of the Russian Black Sea region with these countries belongs to the Krasnodar Territory and the Rostov Region, which are of key importance in Russia's relations with Turkey and Iran. The building of relations between Russia and India and China takes place through other regions of the country, geographically closer to the borders of these states.

The main risks of geo-economic interaction of the Russian Black Sea region with India, Iran, China and Turkey are generated by the latest geopolitical destabilization, which is associated with the uncertainty of the future world order. The risk factor is the transformation of the transport and logistics structures of Eurasia and the complexity of the effective integration of the transport systems of the Russian Black Sea region into them. The foreign economic cooperation of these four countries with the Black Sea regions of Russia has limitations due to the structural and dynamic features of their economies, in particular due to the lower rates of economic development of the Russian side and the narrowness of foreign trade specialization.

Keywords: *Black Sea region, Eurasia, socio-cultural transformation, geography, geopolitics, geo-economics.*

References

1. «Uzhe ne prosto ugrozy»: SSHA idut va-bank. URL: <https://ria.ru/20220804/kitay-1806955053.html> (in Russian).
2. Ermolov M. SSHA usilyat davlenie na Kitaj i Indiyu dlya nedopushcheniya pomoshchi Rossii obojti sankcii. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/08/23/18389906.shtml?updated> (in Russian).
3. SSHA postavili Turciyu pered vyborom: ili banki strany rabotayut s Zapadom, ili s Rossiej. URL: <https://kapital-rus.ru/news/389850> (in Russian).
4. Evstaf'ev D. «Tripolyarnyj» mir SSHA, Kitaya i Rossii? CHto zhdyot postsovetskuyu Evraziyu: Analiticheskij portal «Evraziya. Ekspert». URL: <https://eurasia.expert/tripolyarnyy-mir-chto-zhdet-postsovetskuyu-evraziyu/> (in Russian).
5. Druzhinin A. G. «Prichernomorskaya sostavlyayushchaya» rossijsko-tureckogo vzaimodejstviya v sovremennom evrazijskom kontekste // YUzhno-rossijskij forum: ekonomika, sociologiya, politologiya, social'no-ekonomicheskaya geografiya. 2014, № 2 (9). S. 3–14 (in Russian).
6. Social'no-ekonomicheskoe razvitie primorskih territorij Evropejskoj chasti Rossii: factory, trendy, modeli / pod red. A. G. Druzhinina. Rostov-na-Donu, Izd-vo YUFU, 2016. 236 s. (in Russian).
7. Shvec A. B. Riski krymsko-ukrainskogo prigranich'ya // Strategiya razvitiya prigranichnyh territorij: tradicii i innovacii: monografiya / pod red. L. I. Popkovej, Cezary Madry, L. B. Vardomskogo: Kursk. gos. un-t. Kursk, 2018. S. 111–126 (in Russian).
8. Shvec A. B., Vol'hin D. A. Geopoliticheskoe porubezh'e Kryma: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 150-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossijskogo geografa V. P. Semyonova-Tyan-

- SHanskogo, «Politicheskaya geografiya i geopolitika v Rossii: istoricheskij opyt i sovremennost'», Sankt-Peterburg, SPbGU. 8-9 aprelya 2021 g. / Pod red. N. M. Miheevoj, N. V. Kaledina, K. E. Aksonova. SPb.: izd-vo VVM, 2021. S. 323–333 (in Russian).
9. Yakovlev A. N. Transformaciya sociokul'turnoj konfliktnosti v Krymu v novyh geopoliticheskikh realiyah // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2018. T.4 (14). Vyp. 2. S. 63–71 (in Russian).
 10. Baranov A. V. Izmeneniya geopoliticheskogo balansa sil v Prichernomor'e v usloviyah vossoedineniya Kryma s Rossiej // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2018. T.4 (14). Vyp. 2. S. 5–10 (in Russian).
 11. Nikiforov A. R. Chernomorskij region: opyt prostranstvennyh izmerenij // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2018. T.4 (14). Vyp. 2. S. 47–53.
 12. Lachininskij S. S. Opyt tipologii geoekonomicheskikh riskov // Geografiya i prirodnye resursy. 2013. № 2. S. 15–22 (in Russian).
 13. Rossiya gotova obsuzhdat' s Iranom proekty uskorennoj dostavki sel'skohozyajstvennyh gruzov. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_gotova_obsuzhdat_s_iranom_proekty_uskorennoj_dostavki_selskohozyaystvennyh_gruzov.html (in Russian).
 14. Azerbajdzhan, Iran i Gruzija zapustili novyj transportnyj koridor. URL: <https://kavkazru.press/azerbajdzhan-iran-i-gruziya-zapustili-novyj-transportnyj-koridor> (in Russian).

Поступила в редакцию 02.08.2022 г.

УДК 338.48

И. М. Яковенко¹
Л. С. Карлов²

Факторы эволюции и территориальной организации социокультурных видов туризма

^{1,2}ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: ¹yakovenko-tnu@ya.ru , ²lkarlov97@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные факторы, определяющие эволюцию функциональной и территориальной структуры социокультурных видов туризма. Особое внимание уделено изменениям туристского спроса как важнейшему генерирующему фактору, и культурному ресурсному потенциалу, реализующему спрос на определенной территории. Выявлены географические закономерности эволюционного развития социокультурного туризма – расширение географического ареала, диверсификация функциональной структуры, пространственная дифференциация в результате неоднородной реализации парадигмы устойчивого развития, усиление трансграничного сотрудничества в области социокультурного туризма.

Ключевые слова: эволюция, социокультурные виды туризма, функциональная структура, территориальная структура, туристская дестинация.

Введение

Эволюция социокультурных видов туризма – многофакторный, одновременно целенаправленный и стохастический процесс, скорость и стадии прохождения которого имеют пострановые и региональные различия. В 1970-1980 гг. развивались теории, связанные с эволюцией туристских направлений. Широкое признание получила теория жизненного цикла туристской территории Р. Батлера, согласно которой в последовательном развитии дестинации выделяются шесть этапов: исследование, вовлечение, развитие, консолидация, стагнация и упадок или омоложение [1].

С философских позиций развитие туризма является порождением культуры. В XX в. новой культурной формой стал туризм как «массовый вид путешествий, образ жизни, динамичная область экономики, социальная практика, отображающая жизнь во всем ее многообразии, сконцентрированном на коротком временном отрезке, с определенным целеполаганием и способом осуществления» [2]. Для социокультурных видов туризма главной движущей силой становится развитие самой социокультурной среды, следствием которого является изменение всей мотивационной системы рекреационной деятельности людей.

Задачи исследования эволюции социокультурных видов туризма требуют систематизации представлений о факторах их развития. Целью данной статьи также выступает выявление общемировых географических закономерностей в эволюции пространственной организации социокультурных видов туризма.

Материалы и методы

Исследование строилось на основе анализа отечественных и зарубежных научно-методических публикаций, статистических данных и аналитических материалов

международных организаций, работающих в области культурного туризма и охраны мирового культурного наследия.

Результаты и обсуждение

В теории рекреационной географии принято различать генерирующие и реализующие факторы, внешние и внутренние по отношению к изучаемой территориальной системе или региону, играющие стимулирующую или сдерживающую роль.

В группе важнейших *генерирующих факторов*, определяющих эволюционное развитие туризма, большинство исследователей отмечают доминирование факторов *внутреннего развития личности, межличностного взаимодействия и изменения ценностно-культурных стереотипов туристско-рекреационного поведения* [3]. Авторы аналитического отчета «Влияние культуры на туризм» (ОЕСД – Организации экономического сотрудничества и развития, 2009 г.) среди факторов, стимулирующих растущую взаимосвязь между культурой и туризмом, указали: *спрос* (в т.ч. повышенный интерес к культуре как источнику самобытности и дифференциации в условиях глобализации); *растущий уровень культурного капитала*, стимулируемый повышением уровня образования: *постмодернистский стиль потребления*, подчеркивающий личностное развитие, а не материальное стремление к непосредственным формам опыта («наблюдение за жизнью, а не осмотр достопримечательностей»); *растущее значение нематериальной культуры и роли имиджа и атмосферы; повышенную мобильность*, облегчающую доступ к другим культурам [4]. Увеличение числа участников культурного туризма также объясняют эволюционированием от туризма материального наследия к творческому туризму, который фокусируется на совместном опыте и трансформации, что, в свою очередь, приводит к расширению числа туристских продуктов, составляющих культуру и к увеличению числа людей, которые могут быть отнесены к культурным туристам [5].

Новая модель мотивации в туризме «три Е» (развлечение, возбуждение, образование) отражает ориентацию на самоактуализацию, рост интеллектуального потенциала и культурного уровня личности. При этом массовые виды туризма, прежде всего, оздоровительной и развлекательной направленности, расцениваются как компоненты глобальной индустрии потребления и проявление новой социальной идентичности среднего класса [2,6]. О.В. Лысикова также считает, что выездной туризм становится распространенной практикой представителей средних потребительских слоев, к стандарту потребления которых принадлежат культурные практики туризма за рубежом как ресурс развития социального и символического капитала. При этом основными трендами практик современных российских туристов являются глобальная пространственная мобильность и возросший масштаб потребления туристских и сопутствующих услуг [7].

Турист нового типа формируется под влиянием скачкообразного роста информированности благодаря возможностям глобальной сети Интернет, индивидуализации потребления туристских продуктов, акцентирования потребительских приоритетов на экстраординарности впечатлений, эпатаже, спонтанности, риске и опасности, игре и развлекательности. Это определяет интерес потребителей к видам и формам туризма с явно выраженным коммуникационным воздействием (постановочные зрелищные события, музейная и экскурсионная анимация, имитационные формы туристской реальности, например, посещения тематических парков; виртуальные туры) и к различным формам эскапизма в туризме (экстрим, духовные практики, джайлоо-туризм, приключенческий туризм и др.).

Основным реализующим фактором развития социокультурных видов туризма признается *культурный потенциал территории*. Ю.А. Веденин утверждает, что масштабы развития туризма во многом зависят от признания мировым и национальными сообществами ценности культурного и природного потенциала страны, ее отдельных регионов и поселений [8, с.5]. Наиболее высокую аттрактивность территории обеспечивает наличие объектов, включенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В 2021 г. в 167 странах-членах Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного и природного наследия насчитывалось 1154 объекта, из которых 897 являются культурными, 218 – природными и 39 – смешанными [9]. В странах, входящих в Топ-20, за исключением Австралии, Канады и США, больший удельный вес занимают объекты культурного наследия (рис. 1).

Неравномерное географическое распределение культурных объектов ЮНЕСКО, а также объектов национального значения (с максимальной концентрацией в районах древнего заселения, зонах комфортного климата, на побережьях, в оазисах и плодородных равнинах [10]) создает диспропорции в рекреационных нагрузках и вызывает необходимость введения дифференцированного подхода в управлении

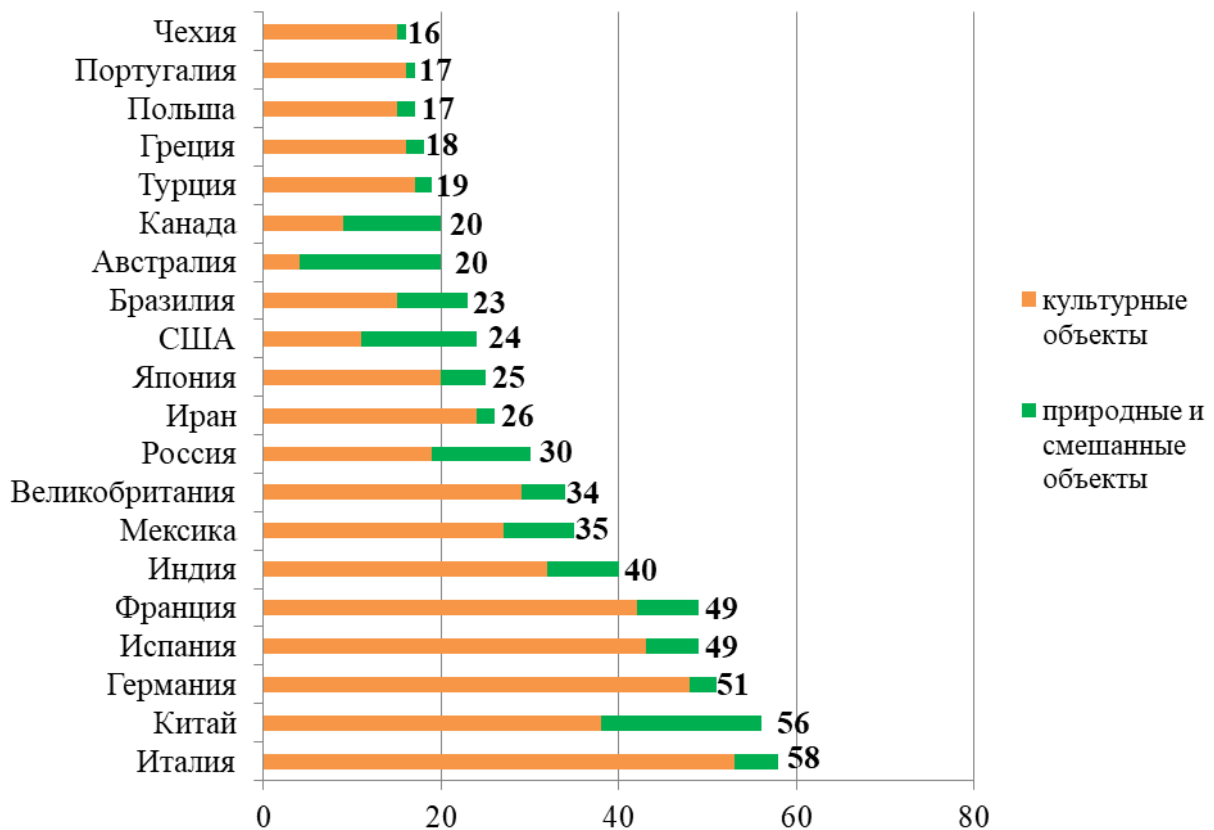

Рис. 1. Топ-20 стран мира по числу объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, 2021 г.
 Составлено по: <https://whc.unesco.org/en/list/>

объектами наследия. Например, в России все материальные объекты, ранее включенные в Список ЮНЕСКО по культурному критерию, сосредоточены в европейской части страны.

Ресурсный фактор продолжает оказывать влияние на структуру и территориальную организацию различных видов культурного туризма, однако

наращивание ресурсного потенциала происходит за счет новых комбинаций имеющихся ресурсов и создания дополнительных, в т.ч. инновационных, объектов, приобретающих статус ресурсов. Если ранее около 90% объектов, представляющих туристский интерес, так или иначе связывали с религиями и культурами [11.], то сейчас во многих странах расширяется сеть парков индустрии культуры, которым, по выражению китайского автора Го Цюаньчжуна, отводится роль «новых кластеров культурного туризма, создаваемых с целью творческого самовыражения посетителей» [12]. Тематические парки создают мощный импульс туристской активности в регионе. Для сравнения: ежегодная посещаемость Лувра – около 8 млн чел., парка «Magic Kingdom» во Флориде – около 21 млн чел. [13,14]. Лидером по уровню развития системы тематических парков считаются США, где реализованы наиболее крупные по инвестициям, инновационным технологиям, разнообразию программных продуктов и уровню доходности проекты. Новые объекты с начала тысячелетия создавались также в странах Восточной Азии. Структура тематических парков отражает как общемировые тенденции, так и направления, специфичные для отдельно взятой страны (рис.2).

По состоянию на 2021 г. наибольшим числом культурных достопримечательностей отличаются 10 городов мира (рис. 3). А.Ю. Александрова и Е.В. Аигина полагают, что наряду с культовыми, имиджевыми достопримечательностями, для гармоничного развития туристской дестинации надо развивать так называемые *флагманские, или ядерные, аттракции (flagship attractions)*, формирующие особо крупные потоки туристов и имеющие международную известность (Лондонский глаз, музей Гуггенхайма в Бильбао, Испания и др.) [16].

Рост ресурсного потенциала социокультурных видов туризма достигается за счет актуализации нематериального культурного наследия, в первую очередь, мифологических ресурсов. Так, к числу мировых музеев легенд с устойчивыми

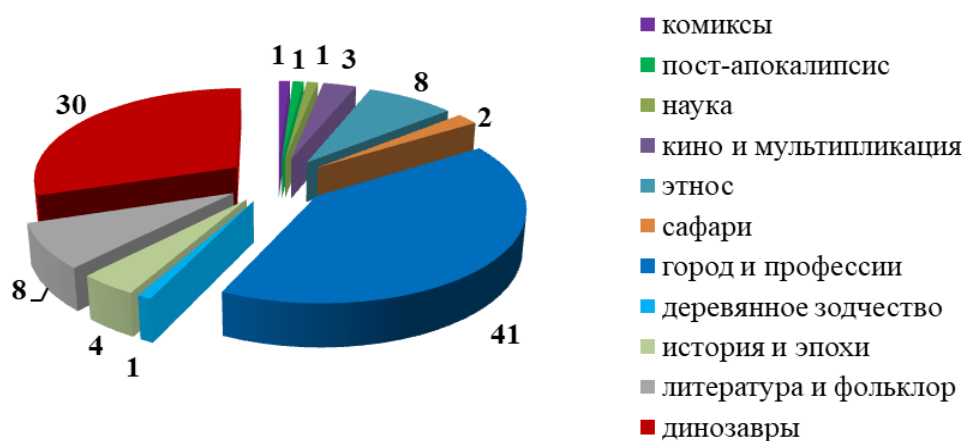

Рис. 2. Структура тематических парков Российской Федерации, %
Составлено авторами

туристскими посещениями относят Замок Бран (Музей Дракулы, Румыния), Центр и выставку Лох-Несс (Драмнадрочит, Шотландия), Пражский музей призраков и легенд (Чехия), Северо-западный музей легенд и местной истории (виртуальный музей современных мифов, штат Вашингтон, США) и др.

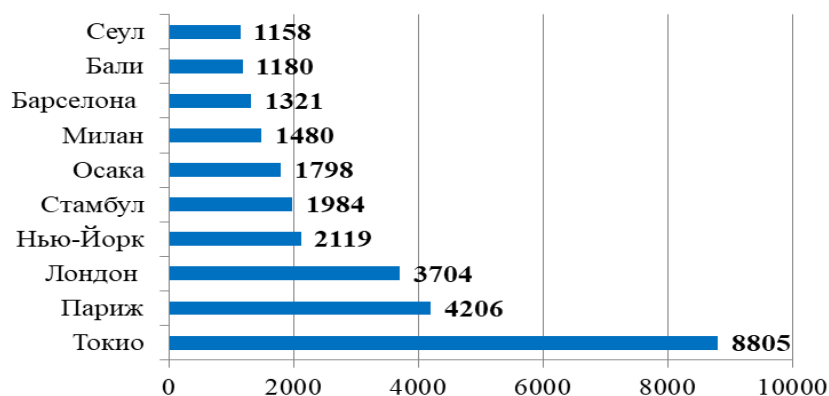

Рис.3. Ведущие города мира по числу культурных достопримечательностей, 2021 г.
Составлено по [15]

Движущей силой эволюционного процесса в сфере социокультурного туризма выступают *инновации*, под которыми понимается система научно-исследовательских, организационно-экономических, технологических и иных мероприятий и их результатов, направленных на коренное преобразование и обновление туристско-рекреационного продукта, механизма его продвижения и реализации с целью достижения социального, экономического, экологического или другого эффекта [17]. В мировой истории туризма выделяются радикальные продуктовые, технологические, организационно-управленческие и иные инновации, обусловившие тотальную трансформацию функциональной и территориальной структуры социокультурных видов туризма. Большинство экспертов единодушны в высокой оценке значимости технологических инноваций на основе цифровых технологий, освоение которых ознаменовало переход мировой туристской индустрии на новый, информационный этап развития. К числу ведущих онлайн-туристских компаний мира по рыночной капитализации в декабре 2021 г. были отнесены: Airbnb (104,3 млрд. долл., США), Booking.com (98,5 млрд. долл., США), Expedia (27,4 млрд. долл., США), Trip.com (15,9 млрд. долл., Китай), MakeMyTrip (2,9 млрд. долл., Индия), Webjet (1,4 млрд. долл., Австралия), Edreams Odigeo (1,3 млрд. долл., Люксембург), Trivago (0,8 млрд. долл., Германия), OnTheBeach (0,64 млрд. долл., Великобритания), Despegar.com (0,63 млрд. долл., Аргентина) [18]. Следует упомянуть, что в России объем рынка совместного цифрового потребления к 2021 г. достиг 1232,3 млрд. руб., доля населения, использующая сеть Интернет для заказа туристских услуг, оценивается в 12%, а доля молодежи, привлекающей для организации путешествий сервисы онлайн-бронирования, превысила 88% [19].

Процесс цифровизации приобретает всеобщий охват в музейном деле: музеи и галереи искусств активно используют дополненную и виртуальную реальность для улучшения впечатлений посетителей. Примером этой тенденции является Музей цифрового искусства Mori Building в Токио, Япония, представляющий иммерсивные крупномасштабные инсталляции и голограммы [5].

Эволюционные сдвиги в системе социокультурных видов туризма происходят под влиянием разнообразных *социально-экономических факторов*, среди которых решающая роль отводится *колебаниям мировой экономической конъюнктуры и глобальным финансово-экономическим кризисам*. *Экологические факторы* оцениваются как безусловно важные в контексте влияния экологической ситуации на качество среды развития культурного туризма и угрозы деградации культурной среды туристских дестинаций в условиях овер-туризма.

На протяжении последних лет резко возросла роль *санитарно-эпидемиологической ситуации* как фактора, определяющего масштабы и географическую избирательность туристских дестинций. Деструктивное воздействие пандемии «COVID-19» особенно сильно сказалось на социокультурных видах туризма, как наиболее контактных форматах туристского обслуживания. Данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о значительном снижении числа посетителей в ведущих музеях России: в результате закрытия на карантин в 2020 г. посещаемость музеев в группе Топ-15 сократилась в среднем на 52,4% по сравнению с 2019 г., а по отдельным объектам – на 70-86%. Аналогичные последствия пандемии зафиксированы и в главных художественных музеях мира: так, на более чем 80% сократилось число посетителей в Музее Метрополитен (США), Музее Ватикана, Британском музее, Национальной галерее Лондона; и даже в Лувре поток туристов снизился на 72% [20].

Последствием пандемии явились сокращения рабочего времени и полная потеря рабочих мест в туристском секторе. В 2020 г. максимальное количество сокращений произошло в Китае (16 тыс. чел.), Индии (8,3 тыс. чел.), США (5,5 тыс. чел.) [21]. Особому риску подвержена экономика стран Европы, в которых туризм имеет значительный прямой и мультипликационный эффект – Мальта, Кипр, Греция, Испания, Австрия. В течение длительного времени будут проявляться такие изменения потребительских предпочтений, как ориентация на безопасную среду, выбор в пользу менее многолюдных туристских направлений, цифровой контент туристских достопримечательностей. В музейной среде, помимо видеоэкскурсий, получили развитие такие виртуальные форматы, как лекционные программы в социальных сетях, онлайн-выставки, игры-конструкторы, флешмобы, мультимедийные шоу. Однако, по мнению специалистов, коронавирус обозначил необходимость сочетания «цифрового с предметным, материальным» [22].

Социокультурные виды туризма остро реагируют на осложнение *геополитической ситуации* в мире. О.А. Халява признает «геополитическую нестабильность государства и, тем более, военные конфликты едва ли не главной «отпугивающей» причиной» для туристов [23, с. 128].

В группе социально-психологических факторов значимой детерминантой выступает *мода в туризме*. Рассматривая эволюцию этого феномена как элемента культурной жизни, А.Ю. Александрова пришла к выводу, что если в XIX в. мода на путешествия складывалась в высших стратах общества, а затем спускалась вниз по социальной лестнице в вертикальной плоскости, то сегодня корпорации, чтобы увеличить рыночную долю и ценность бренда задают преимущественно горизонтальный вектор распространения моды – от группы к группе потребителей [24].

Изучение отечественных и зарубежных научных публикаций разных лет позволило обозначить ряд *географических закономерностей эволюционного развития социокультурных видов туризма*.

1. На протяжении двадцати лет наблюдается *расширение географического ареала развития социокультурных видов туризма*, в т.ч. за счет пионерного освоения новых стран (развивающиеся страны Африки, Азии, Латинской Америки) и регионов (освоение аридных территорий, Арктической зоны (Россия, Канада). Многие работы посвящены развитию этнографического туризма как способа сохранения культурного наследия коренных народов [25,26]. Подтверждая глобальную экспансию современных туристских практик, исследователи констатируют «поляризацию туристских культурных объектов и аутентичного культурного ландшафта» [27], наличие своеобразных «образно-географических «точечных вспышек», нарушающих единую картину мира (по Д.Н. Замятину [28]).

Таблица 1

Рейтинг посещаемости музеев России. Топ-15. 2021 г.

Рейтинг	Название музея	Город	Общее число посетителей, человек	Сокращение по сравнению с 2019 г., %	Число подписчиков в социальных сетях
1	Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль»	Казань	1 829 882	37	Нет данных
2	Государственный музей-заповедник «Сталинградская битва»	Волгоград	1 734 018	36	Нет данных
3	Государственный музей-заповедник «Петергоф»	Санкт-Петербург	1 523 492	73	180 785
4	Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор»	Санкт-Петербург	1 303 691	67	Нет данных
5	Государственный Русский музей	Санкт-Петербург	1 203 324	50	631 539
6	Государственный Эрмитаж	Санкт-Петербург	968 604	80	1 967 950
7	Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Царское Село»	Санкт-Петербург	956 811	76	200 286
8	Государственная Третьяковская галерея	Москва	931 398	68	1 361 764
9	Музей Фаберже (включая выставку Дали на площадке московского МВО «Манеж»)	Санкт-Петербург	728 779	плюс 6	156 563
10	Государственный музей-заповедник «Царицыно»	Москва	687 916	72	160 211
11	Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя	Севастополь	595 602	49	Нет данных
12	Музейно-выставочное объединение «Манеж»	Москва	585 306	17	Нет данных
13	Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник	Владимир	578 094	51	Нет данных
14	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина	Москва	564 431	62	695 702
15	Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник	Ярославль	557 642	48	Нет данных

Составлено по [22]

2. *Диверсификация функциональной структуры социокультурных видов туризма* характеризуется неоднородностью в разрезе стран и регионов. Определяющими факторами выступают структура ресурсного туристско-рекреационного потенциала и уровень социально-экономического развития регионов. Наиболее сложную структуру видов и форм социокультурного туризма имеют высокоразвитые страны, при этом приоритетное развитие получили *деловой, событийный и образовательный туризм*. Глобальные расходы деловых туристов в мире, достигнув в 2014 г. 1.4 трлн долл. США, после годового снижения в результате пандемии более чем на 50%, к 2021 г. незначительно увеличились на 0,75 трлн долл. США. Самые большие расходы на авиаперелеты бизнес-туристов имеет компания Amazon [29]. В группу лидирующих мероприятий событийного туризма по числу посетителей входят имиджевые события развитых стран Европы; исключение составляет бразильский карнавал (табл.2).

Таблица 2

Рейтинг мероприятий событийного туризма в мире.

Топ-10 по числу посетителей, 2019 г.

Тематический вид мероприятия	Название мероприятия, место проведения	Число участников, чел.	Число посетителей, тыс. чел.	Доход, млн евро
Гастрономический фестиваль	Фестиваль «Октоберфест», г. Мюнхен, Германия	9000	6300	1195
Развлекательное мероприятие	Бразильский карнавал, г. Рио-де-Жанейро, Бразилия	60000	6000	919
Спортивное мероприятие	Чемпионат мира по футболу	736	5700	7355
Спортивное мероприятие	Автогонки «Формула 1»	10	4200	1859
Развлекательное мероприятие	Венецианский карнавал, г. Венеция, Италия	300	3000	70
Развлекательное мероприятие	Кельнский карнавал, г. Кельн, Германия	11000	2000	600
Развлекательное мероприятие	Карнавал культур, г. Берлин, Германия	5800	1600	150
Спортивное мероприятие	Олимпийские игры	2920	1330	2027
Развлекательное мероприятие	Фестиваль Св. Патрика, г. Дублин, Ирландия	3000	500	50
Музыкальный фестиваль	Фестиваль джаза, г. Монтре, Швейцария	1000	250	55

Составлено авторами

Новыми направлениями в социокультурных практиках туристов становятся спортивный культурный туризм (поездки с целью участия и наблюдения за спортивными событиями), шопинг-туризм, милитари-туризм. Появился ряд практик с негативным психологическим контентом: трущобный (slums); мистический (mystic), мрачный (dark), или черный (black) – по местам загадочных

смертей; мемориальный (memorial) и могильный (grave) – по кладбищам и местам захоронений, туризм; туризм невзгод и лишений (hardship tourism, troubles tourism); туризм стихийных бедствий и катастроф (disaster tourism); танатуризм – по местам, связанным с насильственной смертью. В европейских странах и в Японии реализуется концепция «хюгге-туризма» (от дат. «Hygge» – комфорт, уют, удовлетворенность, благополучие, умиротворенность, душевное спокойствие), в рамках которого туристы сосредоточены на собственных ощущениях [30].

3. Эволюционные изменения в системе социокультурных видов туризма приобретают пространственную дифференциацию в результате реализации *парадигмы устойчивого развития*. В рамках Европейского года культурного наследия (2018 г.) Рабочая группа по открытому методу координации устойчивого культурного туризма определила устойчивый культурный туризм как комплексное управление культурным наследием и туристской деятельностью в сочетании с местным сообществом, создающее социальные, экологические и экономические выгоды для всех заинтересованных сторон, для достижения сохранения материального и нематериального культурного наследия для будущих поколений [5]. Во многих работах устойчивый туризм рассматривается как такой метод управления всеми ресурсами региона, при котором экономические, социальные и эстетические потребности туристов и местного населения могли быть удовлетворены при сохранении культурной целостности, основных экологических процессов, биологического разнообразия и систем жизнеобеспечения [31,32]. В качестве примера несбалансированного развития и неэффективного управления туристской дестинацией часто приводится Венеция, где отмечаются такие негативные последствия, как потеря местными жителями чувства принадлежности и чувства места, рост спекуляций недвижимостью, разрушение социокультурных связей, снижение паритета покупательной способности местных жителей и туристов, нерациональное использование городских и прибрежных пространств [33]. Среди основных инструментов устойчивого развития на основе культурного наследия предлагаются: инновации, направленные на поиск экологически чистых технологий; адаптация моделей наилучших практик с активным участием местных сообществ; образование туристов, местных жителей, госслужащих в области ценностей культурного наследия; сохранение баланса между аутентичностью и интерпретацией, образовательными и развлекательными компонентами; разработка и реализация стратегических планов устойчивого развития; диверсифицированное финансирование и др. [34].

4. Географической закономерностью в развитии социокультурных видов туризма является *реализация проектов трансграничного сотрудничества в области социокультурного туризма*. Трансграничный туризм развивается на территории сопредельных стран или отдельных районов этих стран и направлен на использование общего природного или историко-культурного наследия и создание единого туристского продукта, потребление которого связано с более интенсивным обменом туристами. Основными формами социокультурного трансграничного сотрудничества выступают организация трансграничных туристских маршрутов, сопряженное размещение по обе стороны границы центров, специальных зон и инфраструктурных объектов, проведение в приграничных районах масштабных международных мероприятий с целью

привлечения туристов из соседнего государства (фестивалей, спортивных соревнований, торговых ярмарок и др.) [35]. В приграничных районах обычно развивается взаимный шопинг-туризм, создаются игорные зоны для привлечения посетителей из-за рубежа (например, в Канаде казино построены у пунктов въезда с территории США [36]).

Примерами трансграничных социокультурных туристских продуктов являются Международный исторический центр Клондайкской золотой лихорадки (США-Канада), совместные инициативы в странах Черноморского региона (проект «Совместные сети многоуровневых участников для продвижения стандартов качества для туризма наследия на трансграничном уровне», 2014-2015 гг.). В России в рамках сотрудничества между КНР, Монголией и Россией в 2016 г. разрабатываются туристские продукты альянса «Великий чайный путь». С 2007 по 2020 гг. были реализованы программы приграничного сотрудничества «Юго-Восточная Финляндия - Россия» (в т.ч. маршрут замкового туризма «От замка к замку»). «Карелия» (в т.ч. маршрут «Дорога горных промыслов») и «Коларктик» (совместные программы России, Финляндии, Швеции, Норвегии в области этнографического, археологического, религиозного и событийного туризма) [37]. Деструктивное влияние на данный вид активности может оказать дестабилизация санитарно-эпидемиологической и геополитической ситуации.

Выводы

Эволюционное развитие социокультурных видов туризма обусловлено масштабными трансформациями мировой социокультурной среды под влиянием глобальных вызовов современности. Главной движущей силой выступает туристский спрос, постоянно меняющийся в условиях трансформации межличностного взаимодействия и ценностных установок людей, информатизации общества, высокой мобильности и экологизации всех сторон общественной жизни.

Функциональная и территориальная структура социокультурного направления в туризме определяются географическими особенностями ресурсного культурно-исторического потенциала территории стран и регионов и ролью государства в сохранении культурного наследия и поддержке инициатив по созданию и продвижению инновационных проектов в области культурного наследия. Детерминантами, определяющими масштабы, виды и формы активности в сфере социокультурного туризма, выступают геополитическая, финансово-экономическая и санитарно-эпидемиологическая ситуации в мире и стране.

На основе изучения научно-методических публикаций, данных национальной и международной туристской статистики и аналитических отчетов профильных международных организаций были сформулированы географические закономерности эволюционного развития социокультурных видов туризма:

- расширение географического ареала социокультурных видов туризма за счет реализации новых проектов в группе развивающихся стран и актуализации ресурсного потенциала слабо освоенных и экстремальных районов;
- неоднородность процесса диверсификации функциональной структуры, обусловленная межстрановыми и региональными различиями в уровне

- социально-экономического развития и направлениями туристской политики; приоритетное развитие делового, событийного и образовательного туризма, появление новых нишевых направлений, рассчитанных на узкие потребительские аудитории;
- пространственная дифференциация стран и регионов в уровне устойчивости (сбалансированности) развития социокультурных видов туризма;
 - развитие трансграничного сотрудничества.

Литература

1. Butler R.W. The Concept of Tourist Area Cycle of Evolution: Implications for Management of Resources // Canadian Geographer. 1980. V 24. №1. P.5-12.
2. Будько М. Туризм как сигнификативная модальность социокультурных изменений [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ur.edu.pl/storage/file/core_files
3. Hall M., Page S.J. The geography of tourism and recreation. Environment, place and space. Third Edition. Routledge Publ; Milton Park, Abingdon, N. Y., 2006. 527 p.
4. The impact of culture on tourism / Organization for Economic Co-operation and Development. Paris: OECD, 2009. 155 p.
5. Theoretical framework for cultural tourism in urban and regional destinations. Smart cultural tourism as a driver of sustainable development of European regions. 2020. 50 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.smartcultour.eu/wp-content/uploads/2020/07/D2.1-Theoretical-framework-for-cultural-tourism-in-urban-and-regional-destinations.pdf>
6. Беззубова О. В. Индустрия туризма как новый тип культурного потребления // Культурное пространство путешествий: Тезисы форума (8–10 апреля 2003 г.). Санкт-Петербург: Центр изучения культуры, 2003. С. 320–324.
7. Лысикова О. В. Социальные изменения культурных практик отечественного туризма в условиях глобализации: автореф. дисс. ...доктора социолог. наук: 22.00.06. Саратов, 2012. 40 с.
8. Веденин Ю. А. Развитие туризма в контексте сохранения и эффективного использования культурного и природного наследия России // Туризм и региональное развитие. 2020. №1. С. 5-16.
9. World heritage List. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/list/>
10. Интеграционный подход в управлении объектами Всемирного наследия в странах СНГ. Информационная записка по итогам нацно-практического семинара / авторы-составители: М. Биюкли, Н. Максаковский, Т. Матыль, А. Сташкевич, О. Титова. Минск: Фонд «Культурное наследие и современность», 2015. 36 с.
11. Современное состояние религиозного туризма и его социальная роль в России и за рубежом (аналитический обзор) / С. Ю. Житенев и др. Москва: Междунар. тур. академия, 2010. 178 с.
12. Цюаньчжун Г. Исследование парков индустрии культуры Китая // Пресс. Промышленно-экономический форум. 2012. №18. С.62-67.
13. Александрова А. Ю., Сединкина О. Н. Тематические парки мира. Москва: КНОРУС, 2017. 208 с.

14. Leading amusement and theme parks worldwide in 2019 and 2020, by attendance. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/194247/worldwide-attendance-at-theme-and-amusement-parks/>
15. Selected leading cities ranked by number of cultural attractions worldwide as of June 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/1123614/most-cultural-cities-worldwide>
16. Александрова А. Ю., Аигина Е. В. Туристский вектор в актуализации культурного наследия // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т.10. №2. С. 19-27.
17. Яковенко Е. В. Методические аспекты оценки инновационной активности туроператоров Крыма // Культура народов Причерноморья. 2010. № 196. С. 230–233.
18. Market cap of leading online travel companies worldwide as of December 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/1039616/leading-online-travel-companies-by-market-cap>
19. Горбатов С. А. Формирование социально-экономической модели развития молодежного туризма: автореф. дисс. ... канд. ...экон. наук: 08.00.05. Симферополь, 2022. 26 с.
20. Visitor number to major art museums collapsed in 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statista.com/chart/24547/change-in-visitor-numbers-to-major-art-museums>
21. Employment loss in the travel and tourism industry due to the coronavirus (COVID-19) pandemic in selected countries worldwide in 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/1107475/coronavirus-travel-tourism-employment-loss>
22. Рейтинг российских музеев – 2021: маски, перчатки и надежды на лучшее. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/9030/>
23. Халява О. А. Социокультурные и правовые основания развития культурного туризма // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2015. №1(13). С. 120-132.
24. Александрова А. Ю. Мода и туризм в меняющемся мире // Современные проблемы туризма и сервиса. 2011. №3. С.31-42.
25. Золотарева Н. В. Этнографический туризм как форма презентации этнокультурного наследия в г. Сургуте и Сургутском районе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/287454863.pdf>
26. Толстых О. Н. Этнографический туризм в Канаде как способ сохранения и возрождения этнокультурного наследия аборигенного населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/349199777_ETNOGRAFICESKIJ_TURIZM_V_KANADE_KAK_SPOSOB_SOHRANENIA_I_VOZROZDENIA_ETNOKULTURNOGO_NASLEDIA_ABORIGENNOGO_NASELENIA
27. Гализдра А. А. Феномен туризма: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... канд. ... филос. наук: 09.00.11. Саратов, 2006. 26 с.
28. Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. Москва: Знак, 2006. 488 с.

29. Expenditure of business tourists worldwide from 2001 to 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/1093295/business-travel-spending-worldwide/>
30. Колесникова Н. В. Хюгге как концептуальная основа развития нового вида туризма (на примере Республики Карелия) // Сервис в России и за рубежом. 2018. Т. 12. Вып. 3. С. 79-89.
31. Kumar D. A. Cultural and heritage tourism: a tool for sustainable development / D. A. Kumar // Global Journal of Commerce & Management Perspective. 2017. N 6. PP. 56–59. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [esearchgate.net/publication/322755442_CULTURAL_AND_HERITAGE_TOURISM_A_TOOL_FOR_SUSTAINABLE_DEVELOPMENT](https://www.researchgate.net/publication/322755442_CULTURAL_AND_HERITAGE_TOURISM_A_TOOL_FOR_SUSTAINABLE_DEVELOPMENT)
32. Sustainable cultural tourism / European Commission. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Retrieved from https://europa.eu/culturalheritage/sites/eych/files/sustainable-cultural-tourism-recommendations_en5097.pdf?token=PsePI9T4
33. Seraphin, H., Sheeran, P., & Pilato, M. Over-tourism and the fall of Venice as a destination. Journal of Destination Marketing & Management. 2018. N 9. PP. 374-376. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://winchester.elsevierpure.com/en/publications/over-tourism-and-the-fall-of-venice-as-a-destination-3>
34. Synergetic relations between Cultural Heritage and Tourism as driver for territorial development: ESPON evidence October 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/Topic%20paper%20-%20Tourism_1.pdf
35. Ступина О. Г. Туризм и государственные границы // Псковский регионологический журнал. 2010. №10. С. 100-107.
36. Александрова А. Ю. Роль и влияние границы, пограничности и трансграничности в туризме // Устойчивое развитие туризма: стратегические инициативы и партнерство. Матер. III –ей межд. научно-практич. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 56-66.
37. Мирзеханова Д. Г. Трансграничные территории в развитии международного туризма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://intercarto.msu.ru/jour/articles/article124.pdf>.

I. M. Yakovenko¹
L. S. Karlov²

Factors of evolution and territorial organization of socio-cultural types of tourism

^{1,2}V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol,
Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: ¹yakovenko-tnu@ya.ru , ²lkarlov97@mail.ru

Abstract. *The evolutionary development of socio-cultural types of tourism is caused by large-scale transformations of the world socio-cultural environment under the influence of global challenges of our time. The main driving force is the tourist demand, which is constantly changing in the conditions of transformation of interpersonal interaction and value attitudes of people, informatization of society, high mobility and greening of all aspects of public life. The current trend is the*

individualization of the consumption of tourist products and the emphasis of consumer priorities on the extraordinariness of impressions, outrageous, spontaneity, risk and danger, play and entertainment.

The functional and territorial structure of the socio-cultural direction in tourism is determined by the geographical features of the resource cultural and historical potential of the territory of countries and regions and the role of the state in preserving cultural heritage and supporting initiatives to create and promote innovative projects in the field of cultural heritage. The determinants determining the scale, types and forms of activity in the field of socio-cultural tourism are the geopolitical, financial, economic and sanitary-epidemiological situation in the world and the country. As a result of the COVID-2019 pandemic, such changes in consumer preferences as orientation to a safe environment, choice in favor of less crowded tourist destinations, digital content of tourist attractions and programs are expected for a long time.

Based on the study of scientific and methodological publications, data from national and international tourism statistics and analytical reports of relevant international organizations, geographical patterns of the evolutionary development of socio-cultural types of tourism were formulated:

- expansion of the geographical area of socio-cultural types of tourism through the implementation of new projects in a group of developing countries and the actualization of the resource potential of poorly developed and extreme areas;*
- the heterogeneity of the process of diversification of the functional structure due to cross-country and regional differences in the level of socio-economic development and directions of tourism policy; priority development of business, event and educational tourism, the emergence of new niche types of tourism designed for narrow consumer audiences;*
- spatial differentiation of countries and regions in the level of sustainability (balance) of the development of socio-cultural types of tourism;*
- development of cross-border cooperation.*

Keywords: *evolution, socio-cultural types of tourism, functional structure, territorial structure, tourist destination.*

References

1. Butler R.W. The Concept of Tourist Area Cycle of Evolution: Implications for Management of Resources // *Canadian Geographer*. 1980. V 24. №1. P.5-12.
2. Bud'ko M. Turizm kak signifikativnaya modal'nost' sociokul'turnyh izmenenij URL: https://www.ur.edu.pl › storage › file › core_files (in Russian).
3. Hall M., Page S. J. The geography of tourism and recreation. Environment, place and space. Third Edition. Routledge Publ; Milton Park, Abingdon, N. Y., 2006. 527 p.
4. The impact of culture on tourism / Organization for Economic Co-operation and Development. Paris: OECD, 2009. 155 p.
5. Theoretical framework for cultural tourism in urban and regional destinations. Smart cultural tourism as a driver of sustainable development of European regions. 2020. 50 p. URL: <http://www.smartcultour.eu/wp-content/uploads/2020/07/D2.1-Theoretical-framework-for-cultural-tourism-in-urban-and-regional-destinations.pdf>

6. Bezzubova O. V. Industriya turizma kak novyj tip kul'turnogo potrebleniya // Kul'turnoe prostranstvo puteshestvij: Tezisy foruma (8–10 aprelya 2003 g.). Sankt-Peterburg: Centr izucheniya kul'tury, 2003. S. 320–324. (in Russian).
7. Lysikova O. V. Social'nye izmeneniya kul'turnyh praktik otechestvennogo turizma v usloviyah globalizacii: avtoref. diss. ...doktora sociolog. nauk: 22.00.06. Saratov, 2012. 40 s. (in Russian).
8. Vedenin YU. A. Razvitie turizma v kontekste sohraneniya i effektivnogo ispol'zovaniya kul'turnogo i prirodnogo naslediya Rossii // Turizm i regional'noe razvitie. 2020. №1. S. 5-16. (in Russian).
9. World heritage List. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/>
10. Integracionnyj podhod v upravlenii ob'ektami Vsemirnogo naslediya v stranah SNG. Informacionnaya zapiska po itogam nacchno-prakticheskogo seminara / avtory-sostaviteli: M. Biyukli, N. Maksakovskij, T. Matyl', A. Stashkevich, O. Titova. Minsk: Fond «Kul'turnoe nasledie i sovremennost'», 2015. 36 s. (in Russian).
11. Sovremennoe sostoyanie religioznogo turizma i ego social'naya rol' v Rossii i za rubezhom (analiticheskij obzor) / S.YU. ZHitenev i dr. Moskva: Mezhdunar. tur. akademiya, 2010. 178 s. (in Russian).
12. Cyuan'chzhun G. Issledovanie parkov industrii kul'tury Kitaya // Press. Promyshlenno-ekonomicheskij forum. 2012. №18. S.62-67. (in Russian).
13. Aleksandrova A.YU., Sedinkina O.N. Tematicheskie parki mira. Moskva: KNORUS, 2017. 208 s. (in Russian).
14. Leading amusement and theme parks worldwide in 2019 and 2020, by attendance. URL: <https://www.statista.com/statistics/194247/worldwide-attendance-at-theme-and-amusement-parks/>
15. Selected leading cities ranked by number of cultural attractions worldwide as of June 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/1123614/most-cultural-cities-worldwide>.
16. Aleksandrova A. YU., Aigina E. V. Turistskij vektor v aktualizacii kul'turnogo naslediya // Sovremennye problemy servisa i turizma. 2016. T.10. №2. S. 19-27. (in Russian)
17. YAkovenko, E. V. Metodicheskie aspekty ocenki innovacionnoj aktivnosti turoperatorov Kryma // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2010. № 196. S. 230–233. (in Russian)
18. Market cap of leading online travel companies worldwide as of December 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/1039616/leading-online-travel-companies-by-market-cap>
19. Gorbatov S. A. Formirovanie social'no-ekonomicheskoy modeli razvitiya molodezhnogo turizma: avtoref. diss. ... kand. ...ekon. nauk: 08.00.05. Simferopol', 2022. 26 s. (in Russian)
20. Visitor number to major art museums collapsed in 2020. URL: <https://www.statista.com/chart/24547/change-in-visitor-numbers-to-major-ar>.
21. Employment loss in the travel and tourism industry due to the coronavirus (COVID-19) pandemic in selected countries worldwide in 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/1107475/coronavirus-travel-tourism-employment-loss>
22. Rejting rossijskih muzeev – 2021: maski, perchatki i nadezhdy na luchshee. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/9030/> (in Russian)

23. Halyava O. A. Sociokul'turnye i pravovye osnovaniya razvitiya kul'turnogo turizma // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. 2015. №1(13). S. 120-132. (in Russian)
24. Aleksandrova A. YU. Moda i turizm v menyayushchemsya mire // Sovremennye problemy turizma i servisa. 2011. №3. S.31-42. (in Russian)
25. Zolotareva N. V. Etnograficheskij turizm kak forma prezentacii etnokul'turnogo naslediya v g. Surgute i Surgutskom rajone URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/287454863.pdf> (in Russian)
26. Tolstyh O. N. Etnograficheskij turizm v Kanade kak sposob sohraneniya i vozrozhdeniya etnokul'turnogo naslediya aborigennogo naseleniya URL: https://www.researchgate.net/publication/349199777_ETNOGRAFICESKIJ_TURIZM_V_KANADE_KAK_SPOSOB_SOHRANENIA_I_VOZROZDENIA_ETNOKULTURNOGO_NASLEDIA_ABORIGENNOGO_NASELENIA (in Russian)
27. Galizdra A. A. Fenomen turizma: social'no-filosofskij analiz: avtoref. diss. ... kand. ... filos. nauk: 09.00.11 / Galizdra A. S. Saratov, 2006. 26 s. (in Russian)
28. Zamyatin D. N. Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov. Moskva: Znak, 2006. 488 s. (in Russian)
29. Expenditure of business tourists worldwide from 2001 to 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/1093295/business-travel-spending-worldwide/>
30. Kolesnikova N. V. Hyugge kak konceptual'naya osnova razvitiya novogo vida turizma (na primere Respubliki Kareliya) // Servis v Rossii i za rubezhom. 2018. T. 12. Vyp. 3. S. 79-89. (in Russian)
31. Kumar D. A. Cultural and heritage tourism: a tool for sustainable development / D. A. Kumar // Global Journal of Commerce & Management Perspective. 2017. N 6. PP. 56–59. URL: [researchgate.net/publication/322755442_CULTURAL_AND_HERITAGE_TOURISM_A_TOOL_FOR_SUSTAINABLE_DEVELOPMENT](https://www.researchgate.net/publication/322755442_CULTURAL_AND_HERITAGE_TOURISM_A_TOOL_FOR_SUSTAINABLE_DEVELOPMENT)
32. Sustainable cultural tourism / European Commission. 2018. URL: Retrieved from https://europa.eu/culturalheritage/sites/eych/files/sustainable-cultural-tourism-recommendations_en5097.pdf?token=PsePI9T4
33. Seraphin H., Sheeran P., & Pilato M. Over-tourism and the fall of Venice as a destination. Journal of Destination Marketing & Management. 2018. N 9. PP. 374-376. URL: <https://winchester.elsevierpure.com>.
34. Synergetic relations between Cultural Heritage and Tourism as driver for territorial development: ESPON evidence October 2020. URL: https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/Topic%20paper%20-%20Tourism_1.pdf
35. Stupina O. G. Turizm i gosudarstvennye granicy // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2010. №10.. S. 100-107. (in Russian)
36. Aleksandrova A.YU. Rol' i vliyanie granicy, pogranichnosti i transgranichnosti v turizme // Ustojchivoe razvitie turizma: strategicheskie iniciativy i partnerstvo. Mater. III –ej mezhd. nauchno-praktich. konf. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2009. S. 56-66. (in Russian)
37. Mirzekhanova D. G. Transgranichnye territorii v razvitii mezhdunarodnogo turizma. URL: <http://intercarto.msu.ru/jour/articles/article124.pdf> (in Russian)

Поступила в редакцию 10.07.2022 г.

УДК: 2-6(4)
И. А. Захаров¹

Эффекты интенсификации религиозной конкуренции в глобальных городах

¹ФГБУН «Институт Африки Российской академии наук»,
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: vanszax@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются эффекты интенсификации религиозной конкуренции в глобальных городах Европы, спровоцированной прежде всего миграционным кризисом. В территориальном отношении данные эффекты проявляются в поляризации конфессионального пространства городов в ходе формирования (само)сегрегированных «параллельных» мусульманских обществ. В свою очередь, это способствовало росту напряженности в европейском обществе, трансформации религиозной идентичности религиозных групп, возникновению новых форм религиозности, усилению конверсионного обмена между христианской и мусульманской общинами.

Ключевые слова: глобальные города, религиозная конкуренция, миграционный кризис, миграционная политика, параллельные конфессиональные общества, конфессиональное геопространство, религиозная идентичность.

Введение

Глобализация, сопровождающаяся интенсификацией миграционного обмена между регионами мира и стремительной урбанизацией, актуализирует значение городов для развития конфессионального геопространства. Особую роль в этом процессе играют именно глобальные города, выступающие, с одной стороны, крупнейшими транспортными узлами, обеспечивающими связность государств мира, с другой стороны, драйверами социально-экономического, политического и культурного развития, определяющими не только локальные, но и глобальные преобразования. В связи с этим глобальные города обращают все большее внимание религиозных движений, стремящихся закрепить за ними статус своих «опорных пунктов».

В этом контексте особый интерес представляет кризисное развитие межрегиональных миграционных процессов, оказывающих серьезное влияние на динамику конфессионального пространства отдельных стран на разных территориальных уровнях. Так, недавние события на Ближнем Востоке, ряде других государств Азии, а также Африки спровоцировали масштабные потоки преимущественно мусульманских беженцев, направленные в основном в европейские государства. В результате начали возникать «параллельные» общества – территориальные анклавные этноконфессиональные меньшинств, сосредоточенных преимущественно в городах [7]. Как было показано Л.А. Андреевой, в ходе роста мусульманских общин в ряде стран Европы ими создаются основанные на нормах Корана субституты существующих государственных структур, в отдельных случаях несущих реальную угрозу национальной безопасности [2]. Это мнение находит подтверждение и в других исследованиях, например, в работах И.О. Абрамовой и Л.Л. Фитуни [1]. При этом в городах, особенно крупных, формируются незащищенные районы, которые *de facto* находятся вне контроля властей и развиваются по собственным законам [4].

Несмотря на то внимание, которое уделяется европейскому миграционному кризису в СМИ, в научной литературе наблюдается дефицит исследований, рассматривающих этот феномен в свете интенсификации религиозной конкуренции. В настоящей статье предпринимается попытка обобщения наиболее важных эффектов этого процесса на примере европейского полигона, учет которых необходим для оптимизации в сфере международной миграционной политики. Полученные результаты могут быть использованы применительно и к другим регионам мира, где имеют место аналогичные процессы.

Материалы и методы

Теоретическую основу настоящего исследования составляет работа С. А. Горохова, в которой подчеркивается важность крупных городов для развития конфессионального геопространства [3; 12]. По нашему мнению, изменения именно на этом территориальном уровне могут служить индикаторами глубоких качественных изменений конфессионального геопространства. Интенсификация религиозной конкуренции в пределах компактной территории создает условия для возникновения качественно новых процессов в функционировании конфессионального геопространства и его усложнения. При этом в городах, выступающих в качестве «плавильных котлов», эти явления проявляются наиболее ярко. Тем не менее данная проблематика получила ограниченное развитие в научной литературе, а тема религиозной конкуренции освещена в ней недостаточно [21].

Эффекты интенсификации религиозной конкуренции в глобальных городах рассматриваются нами с точки зрения взаимодействия параллельных мусульманских обществ с европейским населением. В этом отношении мы опираемся на ряд социологических и политологических исследований, рассматривающих особенности взаимодействия инокультурных мигрантов с принимающим обществом [5], особенности его адаптации [10; 20], конфликты [11; 14] и рост социальной напряженности [18], трансформацию идентичности, в т.ч. в результате конверсии [13; 16], деятельность религиозных организаций [6] и др.

Результаты и обсуждение

Европейский миграционный кризис привел к формированию «параллельных» мусульманских обществ в глобальных городах Европы. В результате увеличения религиозной мозаичности их населения произошла актуализация религии в публичном дискурсе. Столкнувшись с активно практикующими мусульманами, религиозная идентичность вновь приобрела важное значение для европейцев. Это проявляется не только и не столько в возвращении населения к собственно религиозной практике, сколько в возникновении политических движений, выступающих за ужесточение миграционной политики и осуждающих мультикультурализм, и даже радикально настроенных группировок, ассоциирующих себя с христианством [4; 11].

Такая реакция, судя по результатам опросов, определяется общественным заказом – европейское население воспринимает ислам как угрозу, особенно это характерно для Испании (60% опрошенных), Германии (58% – в восточной части,

50% – в западной), Швейцарии (50%), Франции (39%) и др. Большинство респондентов считают, что мусульманские общины в их странах не стремятся интегрироваться в принимающее общество. В частности, такое мнение разделяет больше половины жителей Греции, Венгрии, Испании, Нидерландов, Швеции, Франции, Германии, Италии, Великобритании [18, р. 25-27.]. На этом фоне можно ожидать усиление процессов поляризации конфессионального пространства глобальных городов за счет образования в них преимущественно мусульманских районов.

Учитывая в целом негативное восприятие мусульман европейцами и нежелание первых интегрироваться в принимающее общество, усиливается риск возникновения конфликтов и роста напряженности в отдельных городах Европы и их районах. В этом отношении группу риска составляют семьи безработных мусульман, имеющих низкую квалификацию, в среде которых получают распространение идеи радикального фундаментализма [14]. Исходя из реалий современного положения мусульман, сталкивающихся с дискриминацией, социальной (в т.ч. в сфере образования) и территориальной сегрегацией (формирование «незащищенных» районов), роста их благополучия ожидать не приходится. Напротив, учитывая усиливающийся в 2022 г. экономический и политический кризис, более вероятным представляется рост конфликтности.

Это связано не только со спецификой формируемых СМИ парасоциальных отношений между европейцами и мусульманами-мигрантами, но и с внутренними установками последних и, что особенно важно, ростом их численности. Так, если в 2016 г. их доля в населении Европы составляла 4,9%, то, согласно прогнозам, за счет естественного и миграционного прироста к середине нынешнего века она может вырасти до 14,0% [17]. Эта цифра может вырасти еще больше из-за усиливающегося продовольственного и топливного кризиса в странах Азии и Африки. Таким образом, происходит увеличение удельного «веса» ислама в конфессиональном пространстве европейских стран. При этом рост числа мусульман осуществляется не только за счет миграционного и демографического прироста, но и благодаря конверсии. По приблизительным оценкам численность новообращенных мусульман в европейских странах оценивается в 200–320 тыс. чел. или порядка 2% от их общего количества (2011)¹. Расширение мусульманской общины происходило прежде всего в результате принятия супругами мусульман ислама. Также эта религия находит своих последователей среди людей, разочарованных в материализме западной культуры, марксизме и др. Неофиты проявляют высокую активность в жизни мусульманской общины, демонстрируя свою религиозную идентичность и становясь медиаторами между ней и структурами власти. Это проявляется не только в продвижении ценностей ислама и его культуры в принимающем обществе, но иногда может принимать и радикальный характер. Так, по данным немецкой полиции, большая часть терактов в Германии была спланирована или осуществлена с участием новообращенных мусульман европейского происхождения [13].

В то же время, несмотря на то что вероотступничество (иртидат) считается одним из самых страшных грехов в исламе, который в ряде арабских стран карается смертной казнью, мусульмане в Европе и других регионах мира все же

¹ По другим данным, эта цифра может быть выше. Так, только в одной Великобритании численность новообращенных мусульман по состоянию на 2011 г. оценивается в 100 тыс. чел. (предыдущая оценка их численность – почти в 4 раза ниже) [19].

переходят в другие религии, прежде всего в христианство, или отказываются от религии вовсе. Одним из ключевых факторов перехода мусульман в христианство является гуманитарная помощь и социальная активность протестантских и католических организаций [6]. В европейских государствах они оказывают материальную, финансовую, юридическую и иную поддержку¹ беженцам из стран Ближнего Востока, Африки и Азии. Например, в Австрии такие организации предоставили жилье 1/3 от всех просителей убежища. Кроме этого, христианские церкви стремятся познакомить мигрантов с христианской культурой. Некоторые из них полностью переориентировались на работу с ними, например, в одной из центральных церквей Швеции начали проводить службу на фарси, в стране специально для беженцев также были организованы курсы, посвященные основам христианства [9].

Объемы конверсионного прироста христианской общины Европы за счет мусульман пока что невелики. К 2015 г. в 19 европейских странах² накопленная численность обращенных мусульман оценивается в 150 тыс. чел., если добавить к этому списку остальные государства, то их численность можно оценить в 200–250 тыс. чел. Для сравнения в других макрорегионах мира, например, в Африке накопленная численность обращенных мусульман значительно больше и составляет около 2,2 млн чел., в мусульманских странах Азии эта цифра достигает 6,8 млн чел. [16]. Вместе с этим часть мусульман отказывается от ислама в пользу атеизма, что наблюдается не только в государствах Европы, но и в арабских государствах. По оценкам социологических опросов в одной Саудовской Аравии доля убежденных атеистов составляет порядка 5% населения страны, а нерелигиозное население – 19% [8]. Тем не менее первые объединения бывших мусульман («ex-Muslims») начали возникать именно в европейских странах (Германия, 2007), где секулярные ценности получают определенное распространение среди мусульман. Спрогнозировать изменение доли нерелигиозных и обращенных в христианство мусульман в глобальных городах затруднительно. Увеличение или сокращение их доли будет зависеть от ряда факторов. Известно, что, как и в случае с конверсией в христианство, увеличение числа мусульман, ставших атеистами, совпадало по времени с крупными террористическими атаками, экспансией террористических организаций, особенно на Ближнем Востоке и в Африке. С другой стороны, отказ от религии в исламской культуре резко осуждается, поэтому увеличение нерелигиозного населения в пределах очагов концентрации мусульман в крупных городах в среднесрочной перспективе представляется маловероятным.

Другим еще менее изученным проявлением религиозной конкуренции в глобальных городах становится возникновение новых течений и религий. Исторический опыт развития мировых религий свидетельствует о том, что зачастую этот процесс получает развитие именно в крупных городах. Исходя из этого можно предполагать, что в будущем можно ожидать еще большую плюрализацию мировых религий и повышение количества их течений. В настоящее время изучение обозначенных процессов представляется наиболее

¹ Хотя внутри христианских церквей существуют и другие взгляды на политику по отношению к мигрантам.

² Австрия, Албания, Беларусь, Бельгия, Босния и Герцеговина, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Россия, Сербии, Косово, Украина, Франция, Хорватия, Швейцария, Швеция.

перспективным на примере ислама в городах стран Глобального Севера. В связи с этим важно учитывать изменения религиозного сознания мусульманской молодежи и ее адаптация. В частности, одним из наиболее интересных явлений, обнаруженных исследователями, является «индивидуализация» ислама [10; 20]. У мусульманской молодежи Европы она проявляется в демонстрации религиозной идентичности при сравнительно низкой распространенности религиозных практик (чтения Корана, регулярного посещения мечети, соблюдения намаза и т.д.) и сопровождается принятием западных либеральных ценностей. Последние нередко вступают в противоречие с традиционными ценностями ислама, например, молодые мусульмане оказываются гораздо более терпимыми к однополым отношениям (при резко негативных взглядах к таким бракам), абортам и т.п. [14]. Вместе с этим наблюдаются сдвиги самоидентификации инокультурных мигрантов, которые проявляются в замещении этнической или национальной идентичности религиозной (такая ситуация, например, характерна для бангладешской диаспоры Великобритании) [15].

Выводы

Интенсификация религиозной конкуренции в глобальных городах мира – качественно новое явление, имеющее ряд последствий для функционирования конфессионального геопространства и требующее дополнительных исследований. На примере Европы нами были определены некоторые эффекты данного процесса, учет которых необходим для совершенствования миграционного законодательства стран макрорегиона, особенно в рамках программ адаптации и размещения мигрантов.

В территориальном отношении они состоят в поляризации конфессионального пространства городов как результат формирования (само)сегрегированных «параллельных» мусульманских обществ. Повышение их присутствия в общественном пространстве способствует усилению религиозной идентичности местного и пришлого населения, что стало важным фактором возникновения многоуровневого конфликта как между общинами, так и внутри них. Противоборствующими полюсами в нем выступают религиозность и нерелигиозность, индивидуализм и коллективизм, мультикультурализм и национализм, традиционализм и модернизм. В связи с этим данный конфликт несводим к простой борьбе за ресурсы, а носит более комплексный характер. С другой стороны, происходит трансформация религиозного сознания, в первую очередь молодежи, усиление конверсионного обмена между христианской и мусульманской общиной, возникновение новых форм религиозности, а также сближение ценностных установок религиозных общин.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

Литература

1. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Феномен “восточного общества” в современной Европе: парадигмы, вызовы прогнозы // Современная Европа. 2017. № 4. С. 5-16.

2. Андреева Л. А. Радикальный исламизации в школах Франции и Германии // Современная Европа. 2021. № 3. С. 139-148.
3. Горохов С. А. География религий: циклы развития глобального конфессионального пространства. Москва: Юнити-Дана, 2020. 235 с.
4. Горохов С. А., Агафшин М. М., Дмитриев Р. В. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение // Современная Европа. 2020. № 7. С. 132-143.
5. Следзевский И. В. Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 1. С. 82-90.
6. Смирнов М. Ю. Христианские церкви Европы и политика // Современная Европа. 2021. № 3. С. 159-166.
7. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений: коллективная монография / науч. ред. Л. А. Андреева, И. В. Следзевский, М. Ю. Смирнов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 549 с.
8. Benchensi A. Invisible Atheists: The spread of disbelief in the Arab world. The New Republic. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newrepublic.com/article/121559/rise-arab-atheists>.
9. Braw E., Liana S.M. (2015) Europe's churches find new spirit from unexpected source: Muslim refugees. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.csmonitor.com/World/Europe/2016/0210/Europe-s-churches-find-new-spirit-from-unexpected-source-Muslim-refugees>.
10. Cesari J. When Islam and Democracy Meet: Muslims in Europe and in United States. New York: Palgrave Macmillan, 2004.
11. Dangubić M., Verkuyten M., Stark T.H. Rejecting Muslim or Christian religious practices in five West European countries: a case of discriminatory rejection? // Ethnic and Racial Studies. 2020. Vol. 43, № 16. P. 306-326. DOI: 10.1080/01419870.2020.1792525
12. Gorokhov S.A. The cyclical movement of religions: from unity toward ... unity // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2019. № 4. P. 388-395.
13. Karagiannis E. Islamic Activism in Europe: The Role of Converts // CTC Sentinel. 2011. Vol. 4, Iss. 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ctc.usma.edu/islamic-activism-in-europe-the-role-of-converts/>.
14. Kashyap R., Lewis, V.A. British Muslim Youth and Religious Fundamentalism: a Quantitative Investigation // Ethnic and Racial Studies. 2013. Vol. 36, № 12. P. 2117-2140. doi:10.1080/01419870.2012.6727
15. Kibria N. The 'new Islam' and Bangladeshi Youth in Britain and the US // Ethnic and Racial Studies. 2008. Vol. 31, № 2. P. 243-266. DOI: 10.1080/01419870701337593
16. Miller D. A., Johnstone P. Believers in Christ from a Muslim Background: A Global Census // Interdisciplinary Journal of Research on Religion. 2015. Vol. 11. P. 197-216.
17. Pew Research Center. 2017. "Europe's Growing Muslim Population" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/religion/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/>
18. Pickel G. Perceptions of Plurality: The Impact of the Refugee Crisis on the Interpretation of Religious Pluralization in Europe / Religion in the European

- Refugee Crisis // Eds. Schmiedel U., Smith G. New York: Palgrave Macmillan, 2018. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-67961-7>
19. Purdy L. Report Sheds Light on Rise in Number of Converts to Islam. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.faith-matters.org/report-sheds-light-on-rise-in-number-of-converts-to-islam/>
20. Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. L.: Hurst, 2004.
21. The Routledge Handbook of Religion and Cities // Eds. Day K., Edwards E.M. London: Routledge, 2021.

I. A. Zakharov

Effects of intensifying religious competition in global cities

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: vanszax@yandex.ru

Abstract. *The intensification of religious competition in global cities of the world is a qualitatively new phenomenon that has a number of consequences for the functioning of confessional geospace and requires additional research. On the example of Europe, we have identified some of the effects of this process, the consideration of which is necessary to improve the migration legislation of the countries of the macroregion, especially in the framework of adaptation and accommodation programs for migrants.*

In territorial terms, those effects consist in the polarization of the confessional space of cities as a result of the formation of (self) segregated "parallel" Muslim societies. The increase in their presence in public space contributes to the strengthening of the religious identity of the local and non-local population, which has become an important factor in the emergence of a multi-level conflict both between communities and within them.

The opposing poles of this conflict are religiosity and non-religiosity, individualism and collectivism, multiculturalism and nationalism, traditionalism and modernism. In this regard, the conflict cannot be reduced to a simple struggle for resources, it appears to be more complex. On the other hand, there is a transformation of religious consciousness, especially among young people, an increase in the conversion exchange between the Christian and Muslim communities, the emergence of new forms of religiosity, as well as the convergence of the values of religious communities.

An important consequence of this consists in the emergence of new religions and denominations. The historical experience of the development of world religions shows that this process often develops in major cities. We can assume that in the future we can expect even greater pluralization of world religions and an increase in the number of their denominations and movements within them. The study of these processes seems to be the most promising on the example of Islam in the cities of the Global North. In this regard, it is important to take into account changes in the religious consciousness of Muslim youth and its adaptation. Thereby, religious organizations should be incorporated in decision-making regarding migration policy, including the preparation of events aiming to present a foreign culture in the place of their destination.

Keywords: *global cities, religious competition, migration crisis, migration policy, parallel religious societies, religious landscape, religious identity.*

References

1. Abramova I. O., Fituni L. L. Fenomen “vostochnogo obshchestva” v sovremennoj Evrope: paradigm, vyzovy prognozy // *Sovremennaya Evropa*. 2017. № 4. P. 5-16. (in Russian)
2. Andreeva L. A. Radikal'nyj islamizacii v shkolah Francii i Germanii // *Sovremennaya Evropa*. 2021. № 3. P. 139-148. (in Russian)
3. Gorohov S. A. Geografiya religij: cikly razvitiya global'nogo konfessional'nogo prostranstva. Moskva: Uniti-Dana, 2020. 235 p. (in Russian)
4. Gorohov S. A., Agafoshin M. M., Dmitriev R.V. Somalijcy v SHvecii: regional'noe izmerenie // *Sovremennaya Evropa*. 2020. № 7. P. 132-143. (in Russian)
5. Sledzevskij I.V. Civilizacionnoe izmerenie sovremenogo mirovogo razvitiya: problemy i podhody // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2020. № 1. P. 82-90. (in Russian)
6. Smirnov M. YU. Hristianskie cerkvi Evropy i politika // *Sovremennaya Evropa*. 2021. № 3. P. 159-166. (in Russian)
7. Transformacii global'nogo konfessional'nogo geoprostranstva: fenomen «parallel'nyh» obshchestv v sisteme mezhdunarodno-politicheskikh otnoshenij: kollektivnaya monografiya / nauch. red. L. A. Andreeva, I. V. Sledzevskij, M. YU. Smirnov. SPb.: Vladimir Dal', 2021. 549 p. (in Russian)
8. Benchemsi A. Invisible Atheists: The spread of disbelief in the Arab world. *The New Republic*. 2015. URL: <https://newrepublic.com/article/121559/rise-arab-atheists> (in English)
9. Braw E., Liana S.M. (2015) Europe's churches find new spirit from unexpected source: Muslim refugees.2015. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Europe/2016/0210/Europe-s-churches-find-new-spirit-from-unexpected-source-Muslim-refugees>. (in English)
10. Cesari J. *When Islam and Democracy Meet: Muslims in Europe and in United States*. New York: Palgrave Macmillan, 2004. (in English)
11. Dangubić M., Verkuyten M., Stark T. H. Rejecting Muslim or Christian religious practices in five West European countries: a case of discriminatory rejection? // *Ethnic and Racial Studies*. 2020. Vol. 43, № 16. P. 306-326. DOI: 10.1080/01419870.2020.1792525 (in English)
12. Gorokhov S. A. The cyclical movement of religions: from unity toward ... unity // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2019. № 4. P. 388-395. (in English)
13. Karagiannis E. Islamic Activism in Europe: The Role of Converts // *CTC Sentinel*. 2011. Vol. 4, Iss. 8. URL: <https://ctc.usma.edu/islamic-activism-in-europe-the-role-of-converts/> (in English)
14. Kashyap R., Lewis, V. A. British Muslim Youth and Religious Fundamentalism: a Quantitative Investigation // *Ethnic and Racial Studies*. 2013. Vol. 36, № 12. P. 2117-2140. doi:10.1080/01419870.2012.6727 (in English)
15. Kibria N. The ‘new Islam’ and Bangladeshi Youth in Britain and the US // *Ethnic and Racial Studies*. 2008. Vol. 31, № 2. P. 243-266. DOI: 10.1080/01419870701337593 (in English)

16. Miller D. A., Johnstone P. Believers in Christ from a Muslim Background: A Global Census // *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*. 2015. Vol. 11. P. 197-216. (in English)
17. Pew Research Center. 2017. "Europe's Growing Muslim Population". URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (in English)
18. Pickel G. Perceptions of Plurality: The Impact of the Refugee Crisis on the Interpretation of Religious Pluralization in Europe / *Religion in the European Refugee Crisis* // Eds. Schmiedel U., Smith G. New York: Palgrave Macmillan, 2018. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-67961-7> (in English)
19. Purdy L. Report Sheds Light on Rise in Number of Converts to Islam. 2011. URL: <https://www.faith-matters.org/report-sheds-light-on-rise-in-number-of-converts-to-islam/> (in English)
20. Roy O. *Globalized Islam: The Search for a New Ummah*. L.: Hurst, 2004. (in English)
21. *The Routledge Handbook of Religion and Cities* // Eds. Day K., Edwards E.M. London: Routledge, 2021. (in English)

Поступила в редакцию 27.06.2022 г.

УДК 911.3

Н. Е. Красноштанова¹

Трансформации локальных социально-экономических систем в условиях нового хозяйственного освоения Севера

¹ ФГБУН «Институт географии им. В.Б. Сочавы»,
г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: knesun@mail.ru

Аннотация. В статье представлены основные направления и механизмы современных трансформаций локальных социально-экономических систем районов севера Иркутской области в условиях нового промышленного освоения. В основу статьи положены материалы полевых социально-географических исследований, проведенных в феврале и марте 2022 года, дополненные данными федеральной службы государственной статистики, документов стратегического планирования регионального и муниципального уровней и других открытых источников, касающихся вопросов социально-экономического развития территорий исследования.

Ключевые слова: локальные социально-экономические системы, Север, промышленное освоение, устойчивое развитие.

Введение

Процессы нового хозяйственного освоения, прежде всего связанные с промышленной деятельностью по добыче природных ресурсов, продолжают охватывать новые территории, продвигаясь все дальше на Север и оказывая значительное влияние на местные социально-экономические системы разных уровней. Все актуальнее становится тема разработки промышленной политики освоения Севера и Арктики России, которая будет комплексно учитывать особенности ведения хозяйственной деятельности в этом регионе и способствовать повышению устойчивости социально-экономического развития [1, 2]. В начале XXI века в хозяйственном освоении территории Восточной Сибири особую роль играет нефтегазовая отрасль. Здесь реализуются масштабные промышленные и инфраструктурные проекты федерального значения. В 2000-ых строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан позволило организовать поставки углеводородного сырья на рынок Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В свою очередь наличие нефтепровода способствовало активизации геологоразведочных работ и активному освоению месторождений углеводородов Восточной Сибири, разработка которых прежде сдерживалась труднодоступностью этих территорий и отсутствием необходимой инфраструктуры. В 2010-ых началось строительство газопровода Сила Сибири также с ориентацией поставок сырья на рынок АТР. Масштабные инфраструктурные проекты и сопутствующее развитие нефтегазодобывающей отрасли оказывают значительное влияние на социально-экономическое развитие регионов присутствия. Так в Иркутской области в структуре валового регионального продукта добыча полезных ископаемых составляет практически 30% [3], при этом 72,3 % из них приходится на добычу нефти и газа [4]. Нефтегазодобывающая отрасль продолжает активное развитие в регионе,

вовлекая в промышленное освоение все новые территории. Именно эта отрасль, согласно стратегиям развития исследуемых территорий, лежит в основе их социально-экономического развития в долгосрочной перспективе. Однако на практике ожидаемые социально-экономические эффекты реализации промышленных и инфраструктурных проектов часто не достигаются по ряду причин [5, 6, 7]. Вместе с этим локальные социально-экономические системы (СЭС) сталкиваются с новыми вызовами и необходимостью адаптации местной экономики и социокультурной среды к происходящим изменениям. Исследование СЭС особенно актуально с позиций концепции устойчивого развития, и подразумевает включение в эту систему также экологической составляющей, как неотъемлемого системного компонента [8].

Цель статьи раскрыть механизмы влияния процессов нового промышленного освоения территорий исследования на локальные СЭС. Под локальными СЭС мы понимаем системы уровня городских и сельских поселений муниципальных районов непосредственной реализации промышленных и сопутствующих инфраструктурных проектов.

Материалы и методы

В статье использованы материалы полевых социально-географических исследований, проведенных в феврале и марте 2022 года на севере Иркутской области в трех муниципальных районах: Киренском, Катангском и Усть-Кутском, где в настоящее время наиболее активно происходят процессы нового промышленного освоения природных ресурсов (из 13 разрабатываемых месторождений углеводородов 11 расположены в районах исследования). Исследованиями охвачено 18 населенных пунктов разного статуса и удаленности от мест проведения промышленных работ. Для сбора данных использованы методы социальных наук: интервью, опросы и включенное наблюдение. Всего в исследовании приняли участие 103 респондента мужского и женского пола с возрастным диапазоном от 18 до 70 лет, среди которых представители местных администраций, различных социальных учреждений (медицинские организации, школы, детские сады, библиотеки, дома культуры и др.), работники промышленных компаний, представители бизнеса, охотники, рыболовы, члены общин КМНС и другие представители местного населения. Полевые материалы дополнены данными федеральной службы государственной статистики, документов стратегического планирования регионального и муниципального уровней и других открытых источников, касающихся вопросов социально-экономического развития территорий исследования. В работе использованы сравнительно-географический, статистический и картографический методы, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

Результаты и обсуждение

Каждый из исследуемых районов имеют свою специфику социально-экономического развития, обусловленную географическим расположением и историческими особенностями хозяйственного освоения этих территорий севера Иркутской области. В транспортном отношении наиболее развит Усть-Кутский район и его районный центр г. Усть-Кут, являющийся опорной базой освоения севера региона и соседней Республики Саха (Якутия). Здесь представлены

практически все виды транспорта: железнодорожный (Байкало-Амурская магистраль (БАМ)); автомобильный (трассы федерального значения «Вилуй» и регионального «Усть-Кут – Уоян»); воздушный (авиасообщение с региональным центром и другими городами, а также осуществляется вертолетное обслуживание промышленных работ); речной (танкерные перевозки грузов по реке Лена, порт Осетрово); трубопроводный (нефтепровод ВСТО). Основные отрасли экономики района: промышленность, транспорт, строительство, лесное хозяйство, торговля.

Киренский район расположен к востоку от Усть-Кутского. В транспортном отношении менее развит, так как фактически отсутствует железная дорога, лишь небольшой отрезок БАМ проходит через южную оконечность муниципалитета, но не играет заметной роли в социально-экономическом развитии района. Нет автомобильных трасс федерального значения, трассы регионального значения имеют гравийное покрытие. Структуру современной экономики района определяют три основные отрасли: транспорт и связь, нефтегазовая и лесная промышленности. Важное значение в социально-экономическом развитии муниципалитета имеют сферы торговли и сельского хозяйства.

Катангский район расположен севернее Усть-Кутского и Киренского районов и является самой северной территорией региона. Это единственное муниципальное образование на территории Иркутской области относящееся к районам Крайнего Севера. Район считается труднодоступным, так как здесь нет круглогодичных автомобильных дорог, только в холодное время функционируют зимники, лишь одно село на юге области имеет постоянное наземное сообщение. Круглогодичное сообщение с другими населенными пунктами района осуществляется вертолетами, а с районным центром также самолетом. В районе компактно проживают эвенки [9], функционирует порядка десяти общин КМНС, члены которых занимаются традиционными видами деятельности. Добывающая промышленность считается основной отраслью экономики района, при этом с точки зрения занятости местного населения самой значимой являются организации бюджетной сферы и охотничье-рыболовная деятельность.

Предпосылки развития в этих районах нефтегазовой отрасли выявлены еще во второй половине XX века, когда был открыт ряд месторождений углеводородов. Однако их промышленное освоение сдерживалось отсутствием инфраструктуры, строительство которой на тот момент не было государственным приоритетом в связи с активной разработкой месторождений нефти и газа в Западной Сибири. При этом, работавшие в 1960-80-ые годы в Восточной Сибири геологоразведочные экспедиции внесли значительный вклад в социально-экономическое развитие местных поселений, особенно расположенных в отдалении от основных транспортных путей. Местные старожилы вспоминают эти времена как годы активного развития:

«Ангара-Ленская экспедиция здесь была, они вот эти дома тогда успели построить еще, государство им тогда большие деньги выделяло. [...] Они же школу построили и в 85-ом запустили. И строили, и строили тогда, и народу то тут было...» (жен. 70, с. Омолой, Усть-Кутский район)

Ожидаемые локальные эффекты влияния нефтегазовой отрасли на социально-экономические системы слабо реализуются на практике в современных условиях. В таблице 1 представлен для сравнения ряд статистических показателей социально-экономического развития по исследуемым районам за последние годы, а также изменение отдельных характеристик во время активного развития

нефтегазовой деятельности с начала 2010-ых. Весомый вклад в экономику районов принадлежит сектору «Добыча полезных ископаемых», который развивается за счет нефтегазовой отрасли, особо активной последнее десятилетие. При этом показатели социального характера стабильно показывают снижение. Убыль численности населения северных районов по-прежнему высока, что обусловлено как миграционным оттоком, так и низкими, как правило, отрицательными показателями естественного прироста. Районы исследования занимают лидирующие места по размерам заработной платы, однако высокие показатели обеспечиваются секторами добычи полезных ископаемых, строительство, обрабатывающие производства и др., обеспечивающими функционирование новой отрасли экономики. Значительная часть работников этой отрасли представлена внешними трудовыми ресурсами (вахтовиками), т.е. фактические средние заработные платы местного населения ниже.

Таблица 1

Сравнение ряда показателей социально-экономического развития районов исследования

Показатель	Усть-Кутский	Киренский	Катангский
Объем отгруженной продукции собственного производства в 2021 г., млрд. руб.	339,0	71,7	277,4
Прирост объемов отгруженной продукции собственного производства по разделу «Добыча полезных ископаемых» 2011-2021 гг., раз	9,5	11,5	5,03
Доля сектора «Добыча полезных ископаемых» в общем объеме отгруженной продукции в 2021 г., %	86,5	41,0	96,8
Численность населения на 1 января 2021 г., тыс. чел.	47,3	17,0	3,2
Средняя скорость сокращения численности населения в год в период 2011-2021 гг., %	13,0	17,1	15,6
Доходы муниципального бюджета на душу населения (с учетом ИБР) в 2020 г., тыс. руб./чел.	36,5	29,5	34,5
Сокращение числа общеобразовательных организаций в 2011-2017 гг., %	25,0	37,5	47,1
Сокращение числа организаций культурно-досугового типа в 2011-2017 гг., %	37,5	54,5	44,5
Средняя заработная плата в 2021 г., тыс. руб.	85,0	75,1	102,9

Составлено по [10; 11]

Статистические показатели демонстрируют общие тенденции развития ситуации в районах исследования. В результате анализа собранных полевых материалов и научной литературы в этой области исследований выявлены и систематизированы механизмы влияния промышленного освоения территории на социально-экономические системы на локальном уровне. Локально-ориентированный подход позволяет определить барьеры распространения социально-экономических эффектов от процессов нового хозяйственного освоения территорий Севера. Можно выделить три категории, соответствующие типам оказываемого влияния: экономические, социальные, экологические.

Экономические. Категория связана с понятием «распределение выгод» (benefit sharing), в результате промышленного освоения природных ресурсов, хотя этот термин имеет в первую очередь социальный контекст [12]. Экономические эффекты в районах исследования достигаются за счет налоговых и неналоговых платежей от добывающих компаний, договорных механизмов, через косвенное влияние на местную экономику путем развития нового бизнеса. Ограничения влияния прямых поступлений от налоговых и неналоговых платежей в местный бюджет на развитие локальных социально-экономических систем вызваны рядом институциональных барьеров [6, 7, 13, 14]. Развитие нового бизнеса, как правило, характерно для больших узловых поселений, через которые идут потоки грузов и вахтовых работников, местные предприниматели предоставляют услуги в сфере транспорта, питания, размещения и т.д. При этом местные органы власти стараются способствовать развитию этих направлений малого бизнеса:

«Сфера услуг, там такси, доставка пиццы, мы же понимаем, что люди [работники компаний] приезжают из больших городов, а там условия другие, они приезжают вахтой или даже на постоянной основе, им же нужны соответствующие условия, иначе что им тут делать? Ну и, естественно, комфортная социальная среда нужна, чтобы после работы можно что-то было сделать, отдохнуть, например, на лыжах покататься, просто погулять, в этих направлениях мы работаем сейчас» (представитель местной администрации).

Также к сопутствующим эффектам относится возможность трудоустройства в новой высокодоходной сфере промышленности. Однако пока есть такой сдерживающий фактор, как отсутствие необходимой квалификации у местных жителей. Социально-ориентированные компании проводят политику по привлечению местной молодежи для обучения востребованным профессиям для последующего трудоустройства на производство. Для жителей имеющих подсобное хозяйство или небольшие крестьянско-фермерские хозяйства, а также занимающиеся традиционными видами деятельности появились новые пути сбыта продукции.

Социальные. Процессы промышленного освоения территорий исследования имеют существенное значение в происходящих сегодня там трансформациях социальной среды. Прежде всего, за счет притока новых людей, преимущественно мужчин – работников промышленных компаний. Связанные с этим социальные процессы хорошо описаны в научной литературе на примере реализации промышленных проектов за рубежом [15]. Полевые исследования позволили зафиксировать подобные явления и в исследуемых районах. Вместе с тем появление новых технологических дорог, в том случае, когда они открыты для использования местным населением и имеют социальную значимость [16],

становится чрезвычайно важным событием для труднодоступных поселений. Такие новые маршруты влекут за собой формирование новых социальных связей, что в итоге приводит к трансформации направлений потоков перемещения людей и грузов. В основе этих изменений лежат социальные отношения неформального характера и развиваются вне существующих формальных институтов.

Островной характер современных процессов промышленного освоения территорий Севера [5, 17] приводит к существованию двух «параллельных миров» - рабочих вахтовых поселков и населенных пунктов, где проживают местные жители (большой контраст отмечен для удалённых населенных пунктов). Неравномерность развития этих поселений, когда первые обеспечены сотовой связью, интернетом, бесперебойным электроснабжением, и в целом лучшим снабжением и регулярными перевозками пассажиров (вахтовиков), а для вторых, уже не один десяток лет, это главные проблемы социально-экономического развития, приводит к нарастанию социальной напряженности, вызванной чувством социальной несправедливости [18]. Большая часть респондентов из числа местных жителей не видит позитивных перспектив развития в условиях сохранения текущих тенденций, поясняя свои слова ощущениями социальной незащищенности и общей неуверенности в будущем.

«Крупные предприятия работают здесь, это нефтегазодобывающая отрасль, она процветает, развивается. У них там своя транспортная логистика, свои дороги, которые они не открывают для общего пользования, пользуются они только сами» (муж. 65 лет, местный житель)

«Ну вот тут же они совсем рядом работают, а у нас нет телефонов сотовых, ну это же смешно. Ну тут же рядышком, ну можно было бы поставить. Вертолет идет на посадку, связь еще есть, ну усилитель бы хоть какой-нибудь поставили» (жен. 60 лет, местный житель)

Экологические. Неуверенность в будущем особенно характерна для жителей, занимающихся традиционными видами деятельности (охотой, рыболовством, оленеводством и собирательством), так как в результате промышленного освоения территории оказывается значительное негативное влияние на природную среду. Тесные связи человека и природы северных территорий характерны как для коренного населения (для исследуемых территорий эвенки), так и старожильского, которые имеют глубокие связи с местом проживания и также как коренное вовлечены в традиционные формы природопользования. Промышленные разработки углеводородов задевают все компоненты природных ландшафтов [19]. Более того, глобальные климатические изменения активно фиксируются в Сибири [20]. Все это ставит в неустойчивое положение местные социально-экологические системы. Экономическое благополучие местных жителей, чья деятельность зависит от состояния природной среды также снижается. В интервью ряд охотников, столкнувшихся с промышленными работами в границах их угодьев сообщили о снижении продуктивности участков.

«Когда геологи у меня на участке работали, в тот год совсем плохо было, зверь разбежался, так там шум гам со всех сторон, какая там охота» (местный житель, охотник, 60 лет)

При этом потеря продуктивности может быть, как кратковременной, например, в период геологоразведки, так и долгосрочной, когда строятся объекты промышленной инфраструктуры длительного пользования. Социально

ответственные компании компенсируют наносимый ущерб посредством социально-экономических соглашений с общинами КМНС, в рамках которых, например, выделяется газоконденсат в качестве топлива для техники, оказывается спонсорская поддержка социальных мероприятий и др. Существенная спонсорская поддержка оказывается местным этнокультурным центрам.

«Нефтяные компании нас поддерживают, вот только в пандемийный год там не получилось, а так постоянно. Поддерживают и участие в конкурсах, выезжаем мы, и аппаратуру покупаем, материалы необходимые, но это все через администрацию, через соглашение» (руководитель эвенкийского центра).

Выводы

Все компоненты локальных СЭС исследуемых районов находятся под влиянием современных процессов промышленного освоения территории. Масштабы и механизмы происходящих трансформаций СЭС зависят от удаленности от реализуемых проектов, степени диверсифицированности местной экономики, вовлеченности населения в традиционное природопользование, социокультурной среды, инфраструктурной обеспеченности поселений.

Активное сокращение численности населения исследуемых территорий продолжается, при этом не установлена зависимость влияния реализуемых проектов на замедление этого процесса. Современные социально-экономические условия районов исследования слабо соответствуют принципам перехода на путь устойчивого развития, а реализуемые здесь проекты нового промышленного освоения природных ресурсов в этом плане имеют двойственную роль.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 21-78-00057 «Районы нового хозяйственного освоения Севера: перспективы устойчивого развития».

Литература

1. Пилясов А. Н. Арктическая промышленная политика: не фонды и отрасли, а ресурсы и корпорации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. №1. С. 41-58. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2020.67.004.
2. Усс А. В., Крюков В. А., Нефёдкин В. И., Криворотов А. К. Как повысить региональные эффекты от ресурсных проектов // ЭКО. 2022. № 2. С. 27-46. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-2-27-46
3. Справка о состоянии и перспективах использования минерально-сырьевой базы Иркутской области на 15.06.2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://atlaspacket.vsegei.ru/_Documents/RUSSIA_2021/REZULT/.
4. Пояснительная аналитическая записка по итогам социально-экономического развития Иркутской области за 12 месяцев 2021 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://irkobl.ru/sites/economy/socio-economic/>.
5. Шмат В. В. «Центр» оказался прав, потому что взял больше прав? // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2013. №7. С.60-77. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2013-7-60-77

6. Севастьянова А. Е., Яценко В. А. Барьеры устойчивого развития муниципальных образований с ресурсной специализацией экономики // *Journal of New Economy*. 2020. № 4. С. 174-191. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-4-9.
7. Красноштанова Н. Е. Особенности административного управления в районах нового промышленного освоения Севера: проблемы и преимущества социально-экономического развития // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2022. № 2. С. 82-96. DOI 10.37614/2220-802X.2.2022.76.007.
8. Мутовин С. И., Судьин К. Н. Инструменты устойчивого развития Северных территорий: опыт региональных исследований. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 100 с.
9. Муниципальная подпрограмма «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера проживающих на территории Катангского района». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://катанга.рф/economy/municipalprograms/>.
10. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.
11. Открытый бюджет Иркутской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://openbudget.irkobl.ru/>.
12. Tysiachniouk M., Petrov A. Benefit sharing in the Arctic energy sector: Perspectives on corporate policies and practices in Northern Russia and Alaska // *Energy Research and Social Science*. 2018. No 39. P. 29-34. DOI: 10.1016/j.erss.2017.10.014.
13. Лаженцев В. Н., Чужмарова С. И., Чужмаров А.И. Налогообложение в системе природопользования и его влияние на экономическое развитие северных территорий // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11. № 6. С. 109-126. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.7.
14. Захарчук Е. А. Влияние промышленного освоения арктических территорий на финансовое развитие муниципальных образований // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2021. №1(65). 6501 DOI:10.24412/1999-2645-2021-165-1.
15. Taylor A.J., Carson D. B. It's Raining Men in Darwin: gendered Effects from the Construction of Major Oil and Gas Projects // *Journal of Rural and Community Development*. 2014. №1(9) P. 24-40.
16. Argounova-Low T. Roads and Roadlessness: Driving trucks in Siberia // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2012, No 6(1). P. 71-88.
17. Пилясов А. Н., Замятина Н. Ю. Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // *Арктика и Север*. 2019. №34. С. 57-76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57.
18. Красноштанова Н. Е. Влияние трансформаций социально-экономической среды на качество жизни населения севера Иркутской области // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о Земле*. 2019. Т. 30. С. 38-55. DOI: 10.26516/2073-3402.2019.30.38.
19. Опекунова М. Г., Опекунов А. Ю., Кукушкин С. Ю., Арестова И. Ю. Оценка трансформации природной среды в районах разработки углеводородного сырья на севере Западной Сибири // *Сибирский экологический журнал*. 2018. №1. С.122-138. DOI: 10.15372/SEJ20180111

20. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2016 год. М.: Росгидромет, 2017. 70 с.

N. E. Krasnoshtanova

Transformation of local socio-economic systems in the new economic development of the North

V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk,
Russian Federation
e-mail: knesun@mail.ru

Abstract. *The article presents the main directions and mechanisms of modern transformations of local socio-economic systems of the northern districts of the Irkutsk region in the conditions of new industrial development. The article is based on the materials of field socio-geographical studies conducted in February and March 2022, supplemented by the data of the Federal State Statistics Service, regional and municipal strategic planning documents and other open sources concerning the issues of socio-economic development of the study areas.*

Keywords: *local socio-economic systems, the North, industrial development, sustainable development.*

References

1. Piljasov A. N. Arkticheskaja promyshlennaja politika: ne fondy i otrasli, a resursy i korporacii // Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka. 2020. №1. pp. 41-58. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2020.67.004. (in Russian).
2. Uss A. V., Krjukov V. A., Nefjodkin V. I., Krivorotov A. K. Kak povysit' regional'nye jeffekty ot resursnyh proektov // JeKO. 2022. № 2. pp. 27-46. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-27-46. (in Russian).
3. Spravka o sostojanii i perspektivah ispol'zovanija mineral'no-syr'evoj bazy Irkutskoj oblasti na 15.06.2021 g. URL: http://atlaspacket.vsegei.ru/_Documents/RUSSIA_2021/REZULT/. (in Russian).
4. Pojasnitel'naja analiticheskaja zapiska po itogam social'no-jekonomicheskogo razvitija Irkutskoj oblasti za 12 mesjacev 2021 goda. URL: <https://irkobl.ru/sites/economy/socio-economic/>. (in Russian).
5. Shmat V. V. «Centr» okazalsja prav, potomu chto vzjal bol'she prav? // JeKO. Vserossijskij jekonomicheskij zhurnal. 2013. №7. pp. 60-77. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2013-7-60-77. (in Russian).
6. Sevast'janova A. E., Jacenko V. A. Bar'ery ustojchivogo razvitija municipal'nyh obrazovanij s resursnoj specializaciej jekonomiki // Journal of New Economy. 2020. № 4. pp. 174-191. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-4-9. (in Russian).
7. Krasnoshtanova N. E. Osobennosti administrativnogo upravlenija v rajonah novogo promyshlennogo osvoenija Severa: problemy i preimushhestva social'no-jekonomicheskogo razvitija // Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka. 2022. № 2. pp. 82-96. DOI 10.37614/2220-802X.2.2022.76.007. (in Russian).

8. Mutovin S. I., Sud'in K. N. Instrumenty ustojchivogo razvitija Severnyh territorij: opyt regional'nyh issledovanij. Krasnojarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2014. 100 p. (in Russian).
9. Municipal'naja podprogramma «Ustojchivoe razvitie korennyh malochislennyh narodov Severa prozhivajushhij na territorii Katangskogo rajona». URL: <http://katanga.rf/economy/municipalprograms/>. (in Russian).
10. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table. (in Russian).
11. Otkrytyj bjudzhet Irkutskoj oblasti. URL: <https://openbudget.irkobl.ru>. (in Russian).
12. Tysiachniouk M., Petrov A. Benefit sharing in the Arctic energy sector: Perspectives on corporate policies and practices in Northern Russia and Alaska // Energy Research and Social Science. 2018. No 39. pp. 29-34. DOI: 10.1016/j.erss.2017.10.014. (in English).
13. Lazhencev V. N., Chuzhmarova S. I., Chuzhmarov A. I. Nalogooblozhenie v sisteme prirodopol'zovanija i ego vlijanie na jekonomicheskoe razvitie severnyh territorij // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2018. T. 11. № 6. pp. 109-126. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.7. (in Russian).
14. Zaharchuk E. A. Vlijanie promyshlennogo osvoenija arkticheskijh territorij na finansovoe razvitie municipal'nyh obrazovanij // Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2021. №1(65). 6501. DOI:10.24412/1999-2645-2021-165-1. (in Russian).
15. Taylor A. J., Carson D. B. It's Raining Men in Darwin: gendered Effects from the Construction of Major Oil and Gas Projects // Journal of Rural and Community Development. 2014. №1(9) pp. 24-40. (in English).
16. Argounova-Low T. Roads and Roadlessness: Driving trucks in Siberia // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2012, No 6(1). pp. 71-88. (in English).
17. Piljasov A. N., Zamjatina N. Ju. Osvoenie Severa 2.0: vyzovy formirovanija novoj teorii // Arktika i Sever. 2019. №34. pp. 57-76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57. (in Russian).
18. Krasnoshtanova N. E. Vlijanie transformacij social'no-jekonomicheskoj sredy na kachestvo zhizni naselenija severa Irkutskoj oblasti // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Nauki o Zemle. 2019. T. 30. pp. 38-55. DOI: 10.26516/2073-3402.2019.30.38. (in Russian).
19. Opekunova M. G., Opekunov A. Ju., Kukushkin S. Ju., Arestova I. Ju. Ocenka transformacii prirodnoj sredy v rajonah razrabotki uglevodorodnogo syr'ja na severe Zapadnoj Sibiri // Sibirskij jekologicheskij zhurnal. 2018. №1. pp.122-138. DOI: 10.15372/SEJ20180111. (in Russian).
20. Doklad ob osobennostjah klimata na territorii Rossijskoj Federacii za 2016 god. M.: Rosgidromet, 2017. 70 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 06.07.2022 г.

УДК 325.2; 910

Н. А. Жерлицына

***Стратегия ЕС в отношении
центрально-средиземноморского
маршрута миграции и пострадавших
транзитных государств Сахеля и Ливии***

ФГБУН «Институт Африки РАН», г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: ns_inafr@mail.ru

Аннотация В статье анализируется политика ЕС в отношении миграционного кризиса, разразившегося в Европе в последнее десятилетие в результате революционных событий в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. На основе документов ЕС и двусторонних договоренностей с Ливией и странами Сахеля детально рассмотрена стратегия ЕС по сокращению миграционного потока на центрально-средиземноморском маршруте и ее последствия.

Ключевые слова: Европейский Союз, Ливия, Сахель, миграционный кризис, центрально-средиземноморский маршрут миграции, экстернализация миграции

Введение

Последние десять лет Европа и Европейский Союз (ЕС) как ее единый политический блок пытаются справиться с беспрецедентным миграционным кризисом. Начало ему положили события «Арабской весны» на южном берегу Средиземного моря в 2011 г., пик кризиса пришелся на 2015 г., когда 1,3 млн. человек прибыли на континент с просьбой о предоставлении убежища. В 2020 - 2021 гг. наиболее часто используемым путем в Европу для нелегальной миграции оставался центрально-средиземноморский маршрут, так, в 2021 г. на этом пути было обнаружено 67 724 мигранта [1, р. 14]. Этот маршрут пролегает от побережья Ливии и нацелен, в основном, на порты Италии.

В хаосе, последовавшем за падением режима Муаммара Каддафи в результате революции 2011 г., Ливия стала ключевым транзитным пунктом для мигрантов из стран Африки к югу от Сахары, стремящихся найти безопасность и заработок в Европе. Гражданская война, все еще продолжающаяся в Ливии, несмотря на усилия ООН и других участников по содействию политическому диалогу, служит питательной средой для всякого рода незаконной деятельности, и в том числе для контрабанды людей, признанной прибыльным бизнесом для местных преступных сетей.

Материалы и методы

В рамках проведения данного исследования автор использует системный и статистический анализ. Для рассмотрения стратегии ЕС в отношении обуздания миграции по центрально-средиземноморскому маршруту автором привлечены такие документы, как доклады FRONTEX и ООН о ситуации в сфере миграции, Глобальная стратегия ЕС в сфере международной безопасности и Мальтийская декларация. Также использовалась информация из открытых источников,

включающих отчеты, опубликованные правительственными учреждениями, международными и неправительственными организациями.

Результаты и обсуждение

Большинство незаконных мигрантов, прибывающих из стран Африки к югу от Сахары, попадают в Ливию через границу Феццана. Феццан – это регион, расположенный на юго-западе Ливии, который номинально находится под властью правительства, но фактически в нем царит анархия, он контролируется местными племенами, часто конфликтующими друг с другом. Их ополченцы контролируют часть пограничных районов и маршруты контрабанды людей и товаров. Например, племя Тебу контролирует маршруты незаконной миграции из Нигера в Себху, административную столицу Феццана. Там мигрантов передают под «опеку» племени Авлад Сулейман [2]. Цена «трансфера» к итальянским берегам высока, и местные преступные группировки, управляющие «бизнесом», получают огромные доходы. Сами же мигранты, отдавая себя во власть контрабандистов, подвергаются многочисленным опасностям: произвольным задержаниям, пыткам, другим видам жестокого обращения, убийствам, сексуальной эксплуатации и множеству других нарушений прав человека. Мигрантов также эксплуатируют, заставляя принудительно трудиться. Они становятся жертвами вымогательства как со стороны контрабандистов, торговцев людьми, так и сотрудников государственных учреждений. Женщины-мигранты подвергаются наибольшему риску на фоне многочисленных и постоянных сообщений о разного рода видах сексуального насилия. Наиболее удачливые беженцы доберутся до итальянских берегов – обычно это о. Лампедуза, ближайшая к Ливии итальянская территория, или будут спасены государственными, коммерческими или частными судами, курсирующими в этом районе Средиземноморья, и доставлены в Италию. Италия является ключевым пунктом въезда для мигрантов из данного региона, направляющихся в Европу, тысячи из которых достигли итальянских берегов за последнее десятилетие.

Оставаясь ключевыми очагами продолжающейся нестабильности, Северная Африка и Сахель все это время находятся в центре внимания ЕС: «Наши интересы и наша безопасность напрямую связаны со Средиземноморьем и Сахелем», - заявил председатель ОБСЕ А. Альфано в январе 2018 г [3, р. 9]. Устранение трансграничной динамики в так называемом «расширенном Средиземноморье» стало важнейшей задачей для безопасности ЕС, и Ливия и страны Сахеля, такие как Нигер, Чад, Мали и Буркина-Фасо, занимают важное место в этой общей стратегии. Участие ЕС в регионе в значительной степени сосредоточено на двух угрозах: незаконной миграции и связанным с ней транснациональным исламистским джихадизмом. В глобальной стратегии безопасности ЕС «Общее видение, единый подход: сильная Европа», представленной на саммите этой организации в июне 2016 г., была выражена решимость усилить охрану границ и безопасности на море, чтобы «спасти больше жизней, бороться с трансграничной преступностью и разрушать сети контрабанды» [4, р. 28-32]. 3 февраля 2017 г. на Мальте главы государств и правительств ЕС приняли так называемую Мальтийскую декларацию, в которой они подтвердили свою готовность поддержать Италию и согласовали комплекс мер по пресечению потока нелегальных мигрантов из Ливии в ЕС через Италию.

Декларация предусматривала обучение, оснащение и поддержку ливийской береговой охраны; осуществление усиленных оперативных действий против контрабандистов; поддержку развития местных общин Ливии, особенно в прибрежных районах и на сухопутных границах на миграционных маршрутах; сотрудничество с Правительством национального согласия и соседними с Ливией государствами в целях уменьшения миграционного давления на сухопутные границы Ливии; помощь в обеспечении надлежащих условий приема мигрантов в Ливии. После принятия Мальтийской декларации целевой фонд ЕС выделил € 90 млн. для усиления защиты мигрантов в Ливии и улучшения социально-экономического развития местных общин Ливии в прибрежных районах и вдоль миграционных маршрутов [5].

Действуя на основе декларации ЕС и двустороннего италийно-ливийского меморандума о взаимопонимании от 2 февраля 2017 г., Италия предприняла значительные усилия для укрепления способности Ливии контролировать свою южную границу, руководствуясь убеждением, выраженным министром внутренних дел М. Миннити, что «перекрытие южной границы Ливии означает перекрытие южной границы Европы» [6]. Италия оказывает необходимую помощь в строительстве инфраструктуры пограничного контроля в южной части Ливии. Еще одна сфера сотрудничества двух государств – создание так называемых «временных лагерей», центров содержания под стражей задержанных незаконных мигрантов. Обе стороны согласились улучшить уже существующие 34 таких центра, находящиеся под исключительным контролем ливийского министерства внутренних дел. В этих лагерях нелегальные мигранты временно содержатся в ожидании добровольной или принудительной репатриации в страны их происхождения. Чтобы сделать это возможным Италия и Ливия убеждают африканские государства согласиться на возвращение своих граждан и содействовать заключению договоров о реадмиссии. Улучшать инфраструктуру и финансировать эти лагеря предполагалось за счет средств как Италии, так и ЕС. Кроме того, Италия обязалась доставлять медикаменты и медицинское оборудование для этих лагерей, в частности для борьбы с серьезными хроническими и инфекционными заболеваниями. В соответствии с Мальтийской декларацией ЕС оказывает Ливии помощь в охране и укреплении военно-морских границ, оснащении морских сил для противодействия судам, занимающимся контрабандой мигрантов. В соответствии с меморандумом ливийская береговая охрана имеет право перехватывать суда, направляющиеся в Италию, и возвращать всех пассажиров в зоны высадки в Ливии, где задержанные мигранты содержатся в лагерях, поддерживаемых ЕС. Длительное содержание под стражей является обычным решением в Ливии, и на развитие инфраструктуры содержания мигрантов под стражей в Ливии была направлена крупная финансовая поддержка ЕС.

Идея о том, чтобы западное государство или их группа содействовали содержанию беженцев и мигрантов в приграничной стране, не является новаторской, она уже была использована в декларации ЕС – Турция от 18 марта 2016 г. Реализация данного плана вызвала неоднозначную реакцию общественности и критику специалистов. Ливийский случай отличается от турецкого несколькими отягчающими обстоятельствами. Прежде всего, Ливия находится в разгаре гражданской войны, и она все еще далека от стабильного и эффективного управления. Это не относится к Турции, где, хотя и было

объявлено чрезвычайное положение, правительство полностью контролирует всю национальную территорию. Во-вторых, Ливия является транзитной страной для так называемых смешанных потоков, состоящих из экономических мигрантов и лиц, нуждающихся в международной защите. На практике в ситуации отсутствия государственной власти в Фецане «временные лагеря» часто не контролируются государственными властями и к ним практически невозможно получить доступ. ЕС и Италия имеют договоренности только с Правительством национального согласия – одним из субъектов гражданской войны в Ливии. Второй актор – правительство в Тобруке, контролирующее значительную часть территории страны, не подписывало никаких соглашений с ЕС и правительством Италии и, следовательно, не участвует в реализации этих соглашений.

ЕС рассматривает военное вмешательство на новых региональных театрах военных действий как основной способ решения проблем безопасности, таких как миграция и терроризм. ЕС является крупнейшим донором многонациональных вооруженных сил Сахеля, известных как «G5», в состав которых входят войска из Нигера, Чада, Мавритании, Мали и Буркина-Фасо. Программа «G5» направлена на укрепление механизмов безопасности государств-членов, наращивание потенциала в решении задач, начиная от борьбы с терроризмом и заканчивая пограничным контролем. В рамках данной политики, Италия направила три полицейских подразделения для поддержки ливийского пограничного контроля, правоохранительных органов и уголовного правосудия. Объединенные военно-морские силы ЕС с 2015 по 2020 гг. проводили в Средиземном море операцию «София», направленную на борьбу с контрабандой людей. Назначение итальянского адмирала Кредендино командующим «Софией» отразило заинтересованность итальянского правительства в достижении целей миссии. «София» планировалась главным образом для «борьбы и разрушения бизнес-модели контрабандистов» [7, p. 19].

ЕС рассматривает Нигер как страну происхождения большинства мигрантов, прибывающих в Италию через Ливию, поэтому этой стране уделяется особое внимание в стратегии союза. Финансовый вклад ЕС в миссию в Нигере за период 2017 – 2020 гг. составил примерно €1 млрд [8]. Там были развернуты несколько военных миссий: Франция направила 500 военнослужащих на свою базу в г. Ниамее, открыла дополнительные базы в гг. Мадаме и Агуэлале; 50 немецких солдат также размещены в Ниамее. В 2018 г. Италия начала развертывание своего контингента в Нигере. 470 военнослужащих входили в состав разведывательных и командно-контрольных групп, инструкторов, медицинского персонала, инженеров для оказания помощи в инфраструктурных работах, подразделения по борьбе с химическими, биологическими и радиологическими угрозами и подразделения для сбора информации, наблюдения и разведки [9].

Вышеописанные меры позволили ЕС эффективно сократить несанкционированный въезд в Европу. Но, парадоксальным образом, незаконная миграция по центрально-средиземноморскому маршруту сегодня более смертоносна, чем когда-либо прежде. Согласно докладу о состоянии мировой миграции в 2018 г., Средиземное море является самой смертоносной границей на земле [10]. Многочисленные жертвы вдоль этой морской границы тесно связаны с ограничительной миграционной политикой ЕС и всеобъемлющими мерами, направленными на сдерживание нелегальной миграции. Управление границами

ЕС во все большей степени осуществляется за пределами юрисдикции государств-членов ЕС, в приграничных зонах и в соседних с ЕС странах. Это делается посредством более или менее формализованных экстерриториальных соглашений между ЕС и третьими странами. Расширяющиеся сети межправительственных действий по предоставлению убежища и миграции препятствуют как выезду, так и въезду мигрантов, не имеющих документов. Пограничный контроль ЕС во все большей степени осуществляется в транзитных или отправляющих странах, не входящих в ЕС, посредством политики пресечения миграции или задержания мигрантов. Такие меры направлены на то, чтобы помешать нелегальным мигрантам попасть в ЕС, где они могли бы получить разрешение на получение убежища. Они также направлены на то, чтобы удержать потенциальных мигрантов от поездок в ЕС вообще. Традиционное наблюдение за внешними границами все больше дополняется предварительным пограничным контролем в стране, не входящей в ЕС, перед границами принимающих стран, вдоль миграционных маршрутов в международных водах или на территориях стран транзита и отправки. Перехваченных нелегальных мигрантов обычно реадмиссируют в третьи страны и задерживают в них. Это означает, что меры, принимаемые в рамках суверенных полномочий одного государства для обеспечения соблюдения его собственной миграционной политики, осуществляются и оказывают воздействие на территории, отличные от его собственной. Это также означает, что нет прямой связи между физической территорией государства и лицами, чьи права затрагиваются. Экстернализация ЕС управления границами, как правило, влечет за собой передачу этих функций на аутсорсинг или субподряд соседним странам [11, р. 54-56]. Неавторизованные агенты участвуют в управлении миграцией, а также в таких деликатных вопросах, как решение о тюремном заключении незаконных мигрантов. Таким образом, задержанные лица без гражданства оказываются полностью бесправными и зачастую во власти лиц, не имеющих официальных полномочий. Мигранты, которые отправляются из Ливии с целью добраться до Европы, при перехвате ливийской береговой охраной, как правило, лишаются доступа к стандартным процедурам предоставления убежища и возможности обратиться к властям европейских государств, которые осуществляют свои полномочия через местных агентов в третьей стране. Одновременно уменьшаются шансы мигрантов повлиять на решение европейской страны. Они не могут эффективно подавать свои ходатайства о предоставлении убежища и не могут оспаривать способы рассмотрения или игнорирования их дел. Незаконные мигранты абсолютно уязвимы для осуществления над ними произвольной, неконтролируемой власти из-за их статуса.

Существует очевидная причинно-следственная связь между такой миграционной политикой ЕС и многими человеческими жертвами среди незаконных мигрантов, пересекающих Средиземное море. ЕС закрыл легальные пути въезда, что заставило мигрантов совершать рискованные нелегальные поездки и полагаться на торговцев людьми и контрабандистов для перемещения. ЕС принял меры по блокированию оставшихся нелегальных путей въезда и задержанию тех, кто смог прорваться через усиленно охраняемые границы. В случае Ливии как жертвы на море, так и насилие в лагерях содержания под стражей были предсказуемым ущербом, которого при принятии надлежащих мер можно было избежать. Как указано в докладе Миссии ООН в Ливии и Управления

Верховного комиссара ООН по правам человека за 2019 г., условия содержания в таких центрах «в целом бесчеловечны и далеко не соответствуют международным стандартам в области прав человека» [12]. Они характеризуются сильной переполненностью, недостаточной вентиляцией и плохой гигиеной. Мигранты там постоянно страдают от недоедания и имеют ограниченный доступ к медицинской помощи или вообще не имеют его. Как правило, они подвергаются пыткам и другим видам жестокого обращения со стороны охранников, главным образом для того, чтобы вымогать деньги у своих родственников за их освобождение. Женщины часто становятся жертвами изнасилования или других форм сексуального насилия.

Таким образом, сегодня страны Европы, благодаря своему благосостоянию и влиянию, способны почти герметично закрывать свои внешние границы с помощью огромных инвестиций в сложные системы контроля и соглашения со странами транзита, которые защищают их интересы в недопущении нежелательных мигрантов. Эта способность оказывает значительное влияние на положение и без того незащищенных и бесправных людей из бедных стран. [13, p. 128].

Выводы

Когда группы богатых стран, таких как государства - члены ЕС, объединяются, чтобы подавить несанкционированную иммиграцию в свою юрисдикцию, и достигают согласия, чтобы сделать это эффективно, обездоленные соседние страны, как правило, вынуждены принимать большое количество нелегалов, которым запрещен въезд в ЕС и которым «больше некуда идти». То есть меры, принимаемые ЕС для обеспечения соблюдения своей собственной миграционной политики, осуществляются и оказывают влияние на территории, отличные от их собственной [14, с. 138]. В то время как укрепление внешних границ Шенгенского региона является ключевой целью внутренней миграционной политики ЕС, сотрудничество с третьими странами в области миграционного контроля за последнее десятилетие стало ключевой чертой его внешней миграционной политики. В тесном сотрудничестве с третьими странами ЕС удалось обуздать отток мигрантов из стран транзита и отправки.

Но действия Европейского союза вызывают сомнения в их соответствии международному праву и им самим декларируемых принципов защиты прав человека. Парадоксально, но страны, которые лидировали в разработке и распространении стандартов и процедур, защищающих права человека, когда дело коснулось собственных интересов, сделали все, чтобы лица, ищущие убежища, не смогли ступить на их территорию. Мигрантам фактически не позволяют появляться на пороге ЕС, что, по-видимому, освобождает государства члены ЕС от обязательств в области прав человека, которые они приняли на себя. Деятельность института экстерриториального управления миграцией, практикуемую в отношении центрально-средиземноморского маршрута, вряд ли можно оправдать сокращением числа мигрантов, прибывающих из Ливии, ведь оно было достигнуто ценой нарушения прав человека.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

Литература

1. FRONTEX. Risk analysis for 2021. Publication office in Luxembourg. 2021. 64 p.
2. Migration: Libya's Southern Borders Key to Crisis // Africa Research Bulletin. August 16th–September 15th 2018.
3. Varvelli A., Villa M. Libya Between Conflict and Migrants: Rethinking the Role of Militias. Milan. 2018. / ISPI. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ispionline.it/en/publication/libya-between-conflict-and-migrants-rethinking-role-militias-21094>
4. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. 2016. 53 p.
5. EC (European Council). Malta Declaration by the Members of the European Council on the External Aspects of Migration: Addressing the Central Mediterranean Route. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/02/03/malta-declaration/>.
6. Libia, le tribù del Sud siglano la pace e si impegnano a bloccare i migranti La Stampa, 2 April 2017.
7. Tardy T. Operation Sophia Tackling the refugee crisis with military means // EU Institute for Strategic Studies, Brief Issue, Paris. 2015. 47 p.
8. Lebovich A. The real Reason UN Troops are in Niger // Foreign Policy. 27 October 2017.
9. La Camera approva la missione in Niger: 470 uomini contro il traffico di esseri umani // La Repubblica. 17 January 2018.
10. McAuliffe M., Ruhs M. World Migration Report 2018. International Organization for Migration (IOM) Report. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en.pdf.
11. Kim S. Non-Refoulement and Extraterritorial Jurisdiction: State Sovereignty and Migration Controls at Sea in the European Context. Leiden Journal of International Law. № 30 (1). 2017. P. 49–70.
12. UNOHCHR and UNSMIL 2019. Detained and Dehumanised: Report on Human Rights Abuses against Migrants in Libya. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/LY/DetainedAndDehumanised_en.pdf
13. Geddes A. The Politics of European Union Migration Governance // Journal of Common Market Studies. № 56. 2018. P. 120–130.
14. Агафосин М.М., Горохов С.А. География современной мусульманской миграции в страны ЕС // В сборнике: Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования. М., 2019. С. 136-139.

N. A. Zherlitsina

EU strategy for the Central Mediterranean migration route and the affected transit States of the Sahel and Libya

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: ns_inafr@mail.ru

Abstract *The article analyzes the EU policy regarding the migration crisis that broke out in Europe in the last decade as a result of revolutionary events in the Middle East and North Africa region. On the basis of EU documents and bilateral agreements with Libya and the Sahel countries, the EU strategy to reduce the migration flow on the Central Mediterranean route and its consequences are considered in detail. To review the EU strategy for curbing migration along the Central Mediterranean route, the author uses systematic and statistical analysis and documents such as FRONTEX and UN reports on the situation in the field of migration, the EU Global Strategy for International Security and the Malta Declaration 2017. In recent years the most frequently used route to Europe for illegal migration remained the Central Mediterranean route, running from the coast of Libya to Italy. Most illegal migrants from sub-Saharan Africa enter Libya through the Fezzan border, which is nominally government-run but de facto anarchic and controlled by local tribes. Their militias control part of the border areas and smuggling routes for people and goods.*

The EU has indicated that the elimination of cross-border dynamics in the so-called "expanded Mediterranean" has become the most important task for the security of Europe. Libya and the countries of the Sahel have an important place in this overall strategy. The management of EU borders is increasingly carried out outside the jurisdiction of EU member States, in border areas and in neighboring countries of the EU. This is done through more or less formalized extraterritorial agreements between the EU and third countries. Expanding networks of intergovernmental asylum and migration action hinder both the exit and entry of undocumented migrants. EU border control is increasingly carried out in non-EU transit or sending countries through anti-migration or migrant detention policies. Such measures are aimed at preventing illegal migrants from entering the EU, where they could receive permission for asylum. They also aim to deter potential migrants from traveling to the EU at all. Traditional external border surveillance is increasingly complemented by pre-border controls in a non-EU country, before the borders of host countries, along migratory routes in international waters or in the territories of countries of transit and dispatch. Intercepted illegal migrants are usually readmitted to and detained in third countries. This means that measures taken under the sovereign authority of one state to enforce its own migration policy are carried out and have an impact on territories other than its own. The activities of the institution of extraterritorial migration management, practiced in relation to the Central Mediterranean route, can hardly be justified by reducing the number of migrants arriving from Libya, because it is achieved at the cost of human rights violations.

Keywords: *European Union, Libya, Sahel, migration crisis, Central Mediterranean migration route, externalization of migration*

References

1. FRONTEX. Risk analysis for 2021. Publication office in Luxembourg. 2021. 64 p.
2. Migration: Libya's Southern Borders Key to Crisis // Africa Research Bulletin. August 16th–September 15th 2018.
3. Varvelli A., Villa M. Libya Between Conflict and Migrants: Rethinking the Role of Militias. Milan. 2018. / ISPI. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/libya-between-conflict-and-migrants-rethinking-role-militias-21094>

4. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. 2016. 53 p.
5. EC (European Council). Malta Declaration by the Members of the European Council on the External Aspects of Migration: Addressing the Central Mediterranean Route. 2017. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/02/03/malta-declaration/>.
6. Libia, le tribù del Sud siglano la pace e si impegnano a bloccare i migranti La Stampa, 2 April 2017.
7. Tardy T. Operation Sophia Tackling the refugee crisis with military means // EU Institute for Strategic Studies, Brief Issue, Paris. 2015. 47 p.
8. Lebovich A. The real Reason UN Troops are in Niger // Foreign Policy. 27 October 2017.
9. La Camera approva la missione in Niger: 470 uomini contro il traffico di esseri umani // La Repubblica. 17 January 2018.
10. McAuliffe M., Ruhs M. World Migration Report 2018. International Organization for Migration (IOM) Report. 2018. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en.pdf.
11. Kim S. Non-Refoulement and Extraterritorial Jurisdiction: State Sovereignty and Migration Controls at Sea in the European Context. Leiden Journal of International Law. № 30 (1). 2017. P. 49–70.
12. UNOHCHR and UNSMIL 2019. Detained and Dehumanised: Report on Human Rights Abuses against Migrants in Libya. URL: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/LY/DetainedAndDehumanised_en.pdf
13. Geddes A. The Politics of European Union Migration Governance // Journal of Common Market Studies. № 56. 2018. P. 120–130.
14. Agafoshin M.M., Gorokhov S.A. Geografia sovremennoy musulmanskoy migratsii v strani ES // V sbornike: Obshestvennaya geografia v meniyushemsya mire. Moscow, 2019. P. 136-139. (in Russian)

Поступила в редакцию 10.06.2022 г.

УДК 327

Г. М. Сидорова

Трансграничная миграция в Африке в условиях военно-политических конфликтов

ФГБУН «Институт Африки РАН», г. Москва,
Российская Федерация
e-mail: gal_sid@mail.ru

Аннотация. Проблема трансграничных миграций и последующих гуманитарных катастроф в Африке остается на сегодняшний день нерешенной для многих государств континента. Причиной массового перемещения населения являются вооруженные конфликты, опустошающие исконные земли этносов, а также их физическое истребление. Цель исследования состоит в анализе современной военно-политической ситуации в ряде стран Центральной, Западной и Восточной Африки, установлении взаимосвязи между конфликтом, миграцией и последующими гуманитарными катастрофами.

Ключевые слова: Африка, военно-политическая ситуация, безопасность, миграционные процессы, вооруженные конфликты, беженцы, незаконные вооруженные формирования, гуманитарные катастрофы.

Введение

Решение проблемы трансграничной миграции особо важно в условиях военно-политических конфликтов в Африке. Несмотря на то, что многие африканские государства встали на рельсы демократического развития, создали законную вертикаль власти путем общенациональных выборов, конфликты локального и межгосударственного значения все еще имеют место и отличаются средневековой жестокостью. Как правило последствия имеют катастрофический характер. Стихийное массовое перемещение в другие районы страны или за пределы ее границ порождает новые конфликты, уже с местным населением, которое враждебно относится к пришельцам.

Этой проблеме уделяют большое внимание международные организации, в первую очередь, специализированные структуры ООН. Базовым источником статистических материалов является Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ). Так, по его сведениям, (на март 2022 г.) только в ДР Конго насчитывалось более 522 тыс беженцев, нуждающихся в убежище. Как правило, они мигрируют в соседние страны, включая Руанду, Бурунди и Южный Судан. Помимо этого, наблюдалось 5,6 млн внутри перемещенных лиц, в основном на востоке ДР Конго в провинции Северное Киву [1]. Отечественные и зарубежные исследователи не обходят вниманием затронутую тему. По мнению О. Б. Громовой, «горячими зонами» Африки остаются Центральная Африка, район Великих озер, Западная Африка, Африканский Рог и Ангола [2]. По прошествии почти 20 лет с момента публикации этой статьи ситуация в целом на африканском континенте практически не изменилась в лучшую сторону и остается критической. Этой же точки зрения придерживаются авторы Новицкая Е.Н. и Селиванов А.В. Они считают, что одним из субрегионов, наиболее подверженных нестабильности, является Африка. По их словам, это континент,

который является местом для самых разрушительных и кровопролитных конфликтов и переворотов [3]. Яркий свет проливает на изучаемую проблематику книга Кривушина И.В. «Сто дней безумия», посвященная руандийскому геноциду 1994 года, противостоянию двух этносов – тутси и хуту. Его исследование показывает, как традиционные административные структуры Руанды трансформировались в механизмы массового истребления «врагов» [4]. Непреодолимо пока источнику конфликтов, сепаратизму, посвящена коллективная монография «Сепаратизм в Африке южнее Сахары». Его авторы, включая такие имена как Денисова Т.С., Костелянец С.В., Мезяев А.Б., Садовская Л.М., Филиппов В.Р., Шубин В.Г. и другие, исследуют истоки происхождения конфликтов и их последствия [5]. Среди зарубежных авторов можно выделить работы Камдена П.[6], Брэкман К. [7], Сесанга Ипунги [8]. При анализе этих исследований прослеживается полярность мнений, которая заключается в разнице источников происхождения конфликтов, однако все они сходятся в том, что проблемы должны решаться мирным путем, без применения силы.

В результате полевых исследований автора данной статьи в ДР Конго на протяжении длительного времени, можно констатировать, что сами африканские государства не могут разорвать порочный круг «конфликты-беженцы-людские трагедии» в силу несовершенства национальных силовых структур, которые должны обеспечивать и поддерживать безопасность государства. Переводить решение проблемы только в плоскость помощи сил извне, не представляется реальной, поскольку это требует больших финансовых вливаний, а также больших людских ресурсов причем с риском для жизни. Таким образом, именно власти африканских государств сами должны мобилизовать усилия на предупреждение конфликтов и как следствие – недопущение массовых исходов населения, возможно, при опоре на региональные и/или международные силовые структуры.

Материалы и методы

При исследовании автор использовал материалы из личного архива, собранного в результате полевых исследований в ряде стран Африки; инвент-анализ, который помог обобщить разнородную информацию и выявить главные черты современных конфликтов в Африке; контент анализ – для определения различных точек зрения на исследуемую тематику.

Результаты и обсуждение

На рубеже тысячелетий резкое увеличение беженцев в Африке породило серьезные политические и социально-экономические проблемы во многих странах континента, а также стало источником внутренних и межгосударственных конфликтов. Вооруженные конфликты в ряде стран осложнились межобщинным насилием, насильственными протестами, организованной преступностью или другими формами насилия, что стирало разницу между вооруженными конфликтами и другими ситуациями насилия.

Многие африканские государства южнее Сахары по-прежнему остаются за чертой бедности, испытывают недостаток в продовольствии и питьевой воде. Бесконечные вооруженные столкновения, провоцирующие массовый исход

населения и гуманитарные катастрофы. В Африке 54 государства, из которых более трети охвачены конфликтами [9]. Причиной перемещений могут быть различные мотивы: политические, вызванные отсутствием диалога с оппозицией, государственные перевороты, гражданские войны, сепаратистские вызовы, конституционная нестабильность, территориальные споры и многое другое [10].

Помимо конфликтов ситуация драматизируется природными катаклизмами (засуха, извержение вулканов и прочее). Накладываясь друг на друга, недуги ведут к нарушению существующей социальной структуры. Перемещаются миллионы человек, отчаявшиеся в борьбе за выживание на собственной земле и в собственной стране. Люди покидают родные места в одиночку, семьями и общинами, этническими группами в поисках лучшей жизни. В чужой среде они отрываются от привычного образа жизни, где нет родственников и соплеменников. Не имея возможности вернуться на родину и стремясь к «укоренению» на новом месте, пришельцы нередко навязывают другим народам свой образ жизни и религию, что вызывает недовольство местного населения. Возникает также конкуренция в рабочей силе. В результате возникает новый очаг напряженности.

По данным международной НПО Global Peace Index от 23 июня 2021 г. большинство государств Африки охвачены локальными войнами. Среди них Мали – находится на 148 месте по индексу человеческого развития (среди 178 стран), Нигерия занимает 146 место низовое место, Камерун – 145, Эфиопия – 139, Нигер – 137 [11]. Самая тяжелая ситуация с правами человека сложилась в Буркина Фасо. Протестные акции в стране увеличились и были связаны со всеобщей пандемией Covid-19. Страна находится в состоянии гражданской войны, пока слабой интенсивности. Однако в 2020 году там было зафиксировано уже 1 млн перемещенных лиц [11]. «В связи с пандемией увеличилось число жертв насилия и самоубийств», – утверждает директор бельгийского Института экономики и мира (Institut pour l'économie et la paix) С. Струбант [11]. Из-за проблем на границе ДР Конго и Замбии, куда переселяются конголезские беженцы вследствие вооруженных конфликтов на востоке страны, увеличиваются военные расходы Замбии. А это в свою очередь вызывает разногласия о финансовых проблемах в стране. На границе Эфиопии и Эритреи в 2021 г. также наблюдался конфликт, в результате которого погиб 291 человек [11]. За 2020 и 2021 гг. среди опрошенных подвергались насилию 63% населения Намибии, 58% ЮАР, 56% Лесото, 55% Либерии, 54% Замбии [12].

Сохраняется нестабильное положение в зоне Сахеля. Субрегион Западной Африки, включая Буркина-Фасо, Мали, Нигер и Нигерию, продолжает страдать от террористической экспансии и нападений террористов. Там, как и во всем регионе бассейна озера Чад, сохраняется угроза со стороны террористических групп, связанных с «Аль-Каидой», ДАИШ и «Боко харам», а также с ростом числа незаконных вооруженных формирований (НВФ). Кроме того, реальной угрозой для этого субрегиона и для Сахеля остаются такие явления, как неконституционная смена власти, насильственный экстремизм, рост наркоторговли, а также межобщинные конфликты и конфликты между земледельцами и скотоводами.

По сведениям УВКБ на март 2022 года, ДР Конго стала страной-реципиентом беженцев, главным образом из Центральноафриканской Республики, Руанды, Бурунди и Южного Судана. Около 48% составляли

мужчины и 52% - женщины. Большая часть (73%) из них проживала за пределами лагерей беженцев. Внутри самой ДР Конго наблюдалось перемещение 5,6 млн лиц, в основном на востоке страны. Более одного миллиона конголезцев из ДР Конго считались беженцами в различных странах Африки [13].

В нескольких странах региона Центральной Африки продолжают затяжные вооруженные конфликты, характеризующиеся, в частности, деятельностью НВФ, напряженностью в связи с проведением выборов, гуманитарными кризисами, зачастую выходящими далеко за пределы национальных границ, отсутствием безопасности на море и террористической активностью, в том числе в Центральноафриканской Республике. В начале 2022 года в западной части страны наблюдались столкновения между группировкой «Возвращение, восстановление в правах и реабилитация» и служащими национальной обороны и других сил безопасности сопровождалось нарушениями в отношении гражданского населения и привели к его перемещению. Вышеуказанная вооруженная группировка действует вблизи границы с Камеруном в префектурах Мамбере-Кадеи, Нана-Мамбере и Уам-Пенде [14]. В Камеруне в северо-западном и юго-западном регионах продолжались столкновения между государственными силами и НВФ, а также нападения на гражданских лиц, включая детей. Гуманитарная ситуация в субрегионе характеризовалась усиливающейся уязвимостью и перемещением населения, а также насилием и нападениями на медицинских работников и персонал гуманитарных организаций, особенно в Камеруне и в Центральноафриканской Республике, что привело к сокращению гуманитарного пространства.

В регионе Африканского Рога продолжали возникать проблемы, связанные с политическими преобразованиями. Ситуация в Сомали оставалась сложной, несмотря на достижение политическими субъектами договоренности о проведении непрямых выборов. Продолжающийся конфликт в регионах Тыграй, Амхара и Афар в Эфиопии, события, связанные с Плотиной великого возрождения Эфиопии, и разногласия между Эфиопией и Суданом по поводу их общей границы создают серьезную угрозу региональному миру и безопасности. Поиск консенсусного решения проблемы продолжается.

По данным ООН на май 2022 года, вооруженные конфликты по-прежнему характеризовались высоким уровнем смертности, ранений, психологических травм и сексуального насилия среди гражданского населения, а также большим количеством пыток, разлучением семей и исчезновений гражданских лиц. В результате конфликтов были повреждены или разрушены объекты критически важной инфраструктуры, что нарушало работу жизненно важных служб водоснабжения, санитарии, электроснабжения и здравоохранения и провоцировало лишения, голод и перемещение населения [15].

Выводы

Таким образом, ситуация в ряде африканских государств характеризовалась наличием многомерных угроз, включая деятельность вооруженных групп, терроризм и насильственный экстремизм, а также трансграничных угроз миру и безопасности. Связь между вооруженными конфликтами, массовым исходом населения и гуманитарными катастрофами четко прослеживается из проведенного анализа. Опыт автора в ходе полевых исследований в ряде стран Африки, а также

опыт отечественных и зарубежных исследователей дает основание полагать, что повода для оптимизма в отношении военно-политической и гуманитарной ситуации в государствах Центральной, Западной и Восточной Африки пока нет. Причиной тому – слабость силовых структур, которые не могут обеспечить военно-политическую стабильность в стране, а также нерешенные еще с колониальных времен застарелые «тлеющие» конфликты на этнической и религиозной почве.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

Литература

1. UNHCR RD Congo Factsheet - Janvier - Mars 2022. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/unhcr-rd-congo-factsheet-janvier-mars-2022>.
2. Громова О. Б. Внутриконтинентальное беженство // Сб. Беженцы в Африке. М.: Институт Африки РАН. 2004. С. 31-82.
3. Новицкая Е. Н., Селиванов А. В. Проблема беженцев и деятельность УВКБ ООН в Африке в 2016–2017 гг. // Беларусь в современном мире : материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. / Белорус. гос. ун-т [и др.]; редкол.: В. Г. Шадурский (председатель) [и др.]. Минск, 2017. С. 363–365.
4. Кривушин И. В. Сто дней во власти безумия: руандийский геноцид 1994 г. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 2015. 527 с.
5. Сепаратизм в Африке южнее Сахары. Колл. Монография. М.: Институт Африки РАН, 2021. 226 с.
6. Kamdem P. *Éléments d'une géopolitique des migrations au Cameroun. Territorialité migrante, citoyenneté et frontières*. P: Ed. l'Harmattan, 2015. 214 p.
7. Braeckman C. *Les nouveaux prédateurs: Politique des puissances en Afrique Centrale*. P.: Ed. L'Harmattan, 2003.
8. Sesanga Hipungu Dja Kaseng. *L'Afrique du Sud et la sécurité sous-régionale des Grands Lacs*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ridi.org/adi/articles/2002/200203hip.htm>.
9. Boongi Efonda Efolote. *l'instabilité politique : cause majeure de l'afflux des réfugiés en Afrique*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/4173/3286.pdf>.
10. Gonidec. P. F. *Les systèmes politiques africaines*, Paris: LGDJ, 1996. 260 p.
11. *Conflits: les 10 pays les moins pacifiés au monde* [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210718-conflits-les-10-pays-les-moins-pacifi%C3%A9s-au-monde>.
12. *L'Afrique en tête dans l'expérience vécue de la violence*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210718-conflits-les-10-pays-les-moins-pacifi%C3%A9s-au-monde>.
13. UNHCR RD Congo Factsheet - Janvier - Mars 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/unhcr-rd-congo-factsheet-janvier-mars-2022>.

14. S/2022/119. 16 February 22. Доклад Генерального секретаря ООН. Центральноафриканская Республика. 25 с.
15. S/2022/381. 10 May 2022. Доклад Генерального секретаря ООН. Защита гражданских лиц в вооруженном конфликте. 25 с.

G. M. Sidorova

Cross-border migration in Africa during military and political conflicts

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: gal_sid@mail.ru

Abstract. *The problem of cross-border migrations and following humanitarian disasters remains today unresolved for many countries of Africa. Armed conflicts are the cause of mass population displacement, as they devastate the ancestral lands of ethnic groups, and cause their physical extermination. Central Africa often serves as the conflicts epicenter, as in this region armed conflicts have been endlessly occurring since the end of colonial times. The reasons can be different, such as centuries-old ethnic and territorial disputes, the fight for power and access to natural resources.*

In this regard, it is worth recalling the long-standing inter-ethnic contradictions between the main ethnic and social groups in Rwanda, which have escalated into a bloody conflict. In the context of the confrontation between two ethnic camps, Hutus and Tutsis, the open extermination of Tutsis began in April-July 1994, recognized as genocide and entailing the creation of the UN International Tribunal for Rwanda. The scale and way civilians were killed had become appalling. Innocent people suffered only because they belonged to the Tutsi ethnicity. As a result of the massacre, 75% of the Tutsi and moderate Hutus population was exterminated in three months, and the total number of victims ranged from 500 to 800 thousand people. These events were the reason for the flight of thousands of Hutu refugees, who feared Tutsi revenge, to neighboring countries - Burundi, Tanzania, Uganda and especially Zaire (modern DR Congo). In total, about 3 million people have moved to North and South Kivu provinces of the DRC, most of whom were Hutus hiding from persecution.

Another example of a mass exodus is the consequence of the so-called First African World War in the early 2000s. Then a large-scale armed conflict broke out in the DR Congo, in which all border states were involved. In addition to the local State-run military forces, Western private companies also rushed to the DR Congo from neighboring African countries - uncontrollably supplying weapons, which, along with dubious industrialists of medium and large hands, took advantage of the unstable situation in Zaire. Private military companies, having access to resource extraction sites, simultaneously guarded the local regimes and the mines, and supporting their presence by "experience-sharing in the security field." Thus, conflicts in the mining zone became profitable, and the destabilization of the situation became beneficial for a number of actors and companies. The core of the problem was that the natural resources in this newly-established system started to serve as a conflict catalyst. The abundance of private military companies, the lack of transparency of their activities, as well as the vagueness of the ties between industrial enterprises and individual

politicians strengthened the idea of the profitability of the conflict. What had been a problem for a weakened country rich in mineral resources became a profitable commercial activity for all parties. The casualties of this war amount to more than 6 million people.

In 2012 military and political events in the east of the DR Congo reached such a high intensity that they forced to mobilize the efforts of Congolese regional and international politicians to restore peace, as well as to save the country from partition by separatists. It was during this period that the activities of illegal armed groups intensified in the eastern regions of the country. Most of the activity of militants occurred in the provinces of the country bordering Rwanda and Uganda, rich in natural resources. In the Great Lakes region, an undeclared war began, which was dubbed a "strange" war.

Protracted armed conflicts are still happening in several countries of the Central African region. They usually entail, *inter alia*, the activities of non-state armed groups, electoral tensions, humanitarian crises often extending far beyond national borders, maritime insecurity and terrorist activity (including the countries of Cameroon and Chad). Cross-border tensions between the Chad and the Central African Republic pose an additional threat to regional stability.

The April 11, 2021 invasion of Chadian rebels of the Front for Change of Power and Reconciliation in Chad (FACT) into Chad was an clear proof of how high the risk of cross-border movement of armed groups or militants is. Due to problems on the border of the DR Congo and Zambia, where Congolese refugees are resettled as a result of armed conflicts in the east of the country, Zambia's military expenses are increasing. And this in turn causes disagreements about financial problems in the country. On the border of Ethiopia and Eritrea in 2021 there was also a conflict, as a result of which 291 people died. In 2020 and 2021, 63% among the respondents of the Namibian population were subjected to violence, 58% in South Africa, 56% in Lesotho, 55% in Liberia, 54% in Zambia.

Thus, the problem of cross-border migration to this day remains unresolved. This entails disruption at all levels – individuals, families, at the workplace, in clans, ethnic groups, in the state in general. Refugees lose their former social status by becoming unemployed, face negative attitude from the local population being a competitor in the workforce, and as it seems, their future still remains far from being optimistic.

Keywords: Africa, military and political situation, security, migration, armed conflicts, refugees, illegal military groups, humanitarian disasters

References

1. UNHCR RD Congo Factsheet - Janvier - Mars 2022. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/unhcr-rd-congo-factsheet-janvier-mars-2022> (in English).
2. Gromova O. B. Vnutrikontinental'noe bezhenstvo // Sb. Bezhency v Afrike. M.: Institut Afriki RAN. 2004. S. 31-82. (in Russian).
3. Novickaya E. N., Selivanov A. V. Problema bezhencev i deyatel'nost' UVKB OON v Afrike v 2016–2017 gg. // Belarus' v sovremennom mire : materialy XVI Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 96-letiyu obrazovaniya Belorus. gos. un-ta, Minsk, 25 okt. 2017 g. / Belorus. gos. un-t [i dr.] ; redkol.: V. G. SHadurskij (predsedatel') [i dr.]. Minsk, 2017. S. 363–365. (in Russian).

4. Krivushin I. V. Sto dnej vo vlasti bezumiya: ruandijskij genocid 1994 g. M.: Izd. Dom Vysshej shkoly ekonomiki. 2015. 527 s. (in Russian).
5. Separatizm v Afrike yuzhnee Sahary. Koll. Monografiya. M.: Institut Afriki RAN, 2021. 226 s. (in Russian).
6. Kamdem P. Eléments d'une géopolitique des migrations au Cameroun. Territorialité migrante, citoyenneté et frontières. P: Ed. l'Harmattan, 2015. 214 p. (en Français).
7. Braeckman C. Les nouveaux prédateurs: Politique des puissances en Afrique Centrale. P.: Ed. L'Harmattan, 2003. (en Français).
8. Sesanga Hipungu Dja Kaseng. L'Afrique du Sud et la sécurité sous-régionale des Grands Lacs. URL: <http://www.ridi.org/adi/articles/2002/200203hip.htm> (en Français).
9. Boongi Efolote. l'instabilité politique : cause majeur de l'afflux des réfugiés en Afrique. URL: <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/4173/3286.pdf> (en Français)
10. Gonidec. P. F. Les systèmes politiques africaines, Paris: LGDJ, 1996. 260 p. (en Français).
11. Conflits: les 10 pays les moins pacifiés au monde URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210718-conflits-les-10-pays-les-moins-pacifi%C3%A9s-au-monde> (en Français).
12. L'Afrique en tête dans l'expérience vécue de la violence. URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210718-conflits-les-10-pays-les-moins-pacifi%C3%A9s-au-monde> (en Français).
13. UNHCR RD Congo Factsheet - Janvier - Mars 2022 URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/unhcr-rd-congo-factsheet-janvier-mars-2022> (in English).
14. S/2022/119. 16 February 22. Doklad General'nogo sekretarya OON. Central'noafrikanskaya Respublika. 25 s. (in Russian).
15. S/2022/381. 10 May 2022. Doklad General'nogo sekretarya OON. Zashchita grazhdanskih lic v vooruzhennom konflikte. 25 s. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.07.2022 г.

УДК 325 + 913.1
А. М. Харитонов

Изучение социокультурных трансформаций исторической географией и современная геополитика

ФГБУН «Тихоокеанский институт географии ДВО РАН»,
г. Владивосток, Российская Федерация
e-mail: mavr@tigdvo.ru

Аннотация. Современная геополитика бесцеремонно вмешивается в географические исследования, проводимые на исторической основе. По этой причине ряд подобных исследований лишь множит исторические ошибки уже допущенные геополитиками в географии. Сходное положение наблюдается и в изучении социокультурных трансформаций в истории германского и российского обществ. Фактически произошла подмена историками исторической географии своими геополитическими воззрениями, что мешает объективно оценивать и сами такие трансформации, произошедшие в ходе исторического процесса.

Ключевые слова: социокультурные трансформации, Россия, Скандинавия, Древняя Русь, геополитика

Введение

Историческая география в современной науке перестала существовать как самостоятельная географическая дисциплина, что коренным образом сказывается на географических исследованиях так или иначе связанных с исторической наукой. Будучи политической наукой, наука история постаралась включить в свой состав все исследования, где хотя бы упоминается слово «историческая». В результате находящаяся, по мнению географов, на стыке истории и географии историческая география попала в разряд вспомогательных исторических дисциплин, и ее законное место в практике исторических исследований заняла геополитика.

Эти процессы тесным образом затрагивают проблемы социокультурной трансформации общества. В первую очередь, это изучение динамики межкультурной коммуникации разных народов и социумов, вызывающие перестроение культурного пространства обществ. [1]. На наш взгляд, вопросы динамики культурного пространства, географические особенности перестроения национального состава и социальной структуры общества, в настоящее время становятся особенно актуальными.

Ведь в ходе такой геополитической и социокультурной трансформации истории общества некоторые классики исторической науки стали вообще заявлять, что историк может обращаться с географией, как ему будет угодно. Очень удобная позиция, которая позволяет историкам отмахиваться от любых попыток указать им на допущенные чисто географические ошибки в ходе проводимых ими географических исследований.

Впрочем, и у историков есть козыри, что они могут противопоставить географии. Действительно, исследователь, обладающий элементарными познаниями в законах лингвистической науки, взяв соответствующую географическую карту, вполне может провести историческое исследование по

поиску исторических топонимов. Вот только такое исследование редко проводится с общегеографических позиций, а потому нередко содержит изъяны, которые умело гипертрофируют историки, если их представления об исторических процессах и явлениях с ними не сходятся [см. 2].

Подобный произвол ряда исследователей к географической науке способствовал распространению дилетантского подхода в географических исследованиях, связанных с культурным наследием прошлого. В частности, по этой причине границы ойкумены в античности и средние века оказались сильно раздвинутыми по сравнению с действительными их размерами.

Вот и получилось, что такой раздел науки как мифологическая и легендарная география и вовсе переключался в число недостоверных, так как многие результаты подобных социокультурных исследований не согласовывались с выводами современных геополитиков. Но так ли это на самом деле? Постараемся развеять некоторые сложившиеся геополитические стереотипы на основе ряда легендарных сказаний скандинавской мифологии.

Материалы и методы

Современная историческая наука убеждена, что формирование скандинавской мифологии происходило только в современной Скандинавии или в самом крайнем случае вблизи нее. Иные точки зрения попросту не принимаются во внимание. Но как в таком случае объяснить аналогию между названием скандинавского эпоса «Эдда» [3] и индийскими «Ведами»?

Впрочем, историческая наука этого и не заметила, хотя лингвисты еще в самом начале зарождения компаративистики (сравнительно-историческое языкознание) строго доказали общность происхождения германских и индоиранских языков в плане языкового родства через санскрит. Более того, современные историки очень высоко оценивают роль поздних скандинавских сказаний в качестве исторических источников, но лишь до тех пор, пока они не начинают в корне противоречить воззрениям самих историков.

Так произошло со сведениями «Младшей Эдды» [4], которая недвусмысленно выводит происхождение предков скандинавов норманнов с территории Скифии (Причерноморье), в т.ч. с реки Танаис и известий Саксонского анналиста [5] о приходе части норманнов в Нормандию с низовьев Дуная. Эти легендарные и исторические сведения историческая наука не приемлет в корне. Между тем именно вверх по Дунаю лежит наиболее удобный путь проникновения на территорию Западной Европы. Сегодня с верховьев Дуная на реку Рейн можно перебраться, даже не используя переправы [см. 6].

Ну а если сравнить места проживания лингвистических аналогов норманнов («северные люди») и летописных северян Древней Руси, то не заметить, что места проживания предков норманнов и северян совпадают, могли только очень не заинтересованные в таком сопоставлении специалисты [см. 7].

Ведь как раз на нижнем Дунае была известна еще одна группа северян, помимо основной их части, проживающей на Северском Донце. Более того, если считать предками северян народы савиров-суваров, то цепочку предковых народов можно продолжить.

Так автор наткнулся на народ исавров (вспомнив о существовании в Византии Исаврийской династии). Большой интерес представляет история

данного народа и, особенно, его место проживания на географической карте (рис.1). Нами было обращено внимание, что в III веке горы-Тавра слились в единый народ с пиратами Киликии.

Если учесть, что в скандинавском эпосе некие боги-асы слились в единый народ с мореходами богами-ванами во главе с Ньердом (т.е. Северянином), то данное совпадение чистой случайностью быть не может. Очень уж неожиданный получился результат, особенно если вспомнить что сами германские боги (Gott) подозрительно похожи по имени на исчезнувший ныне народ готв.

Рис. 1. Картограмма места расположения Исаврии (Isauria)

[https://yandex.ru/images/search?pos=4&img_url=https%3A%2F%2Favatars.mds.yandex.net%2Fget-zen_doc%2F3985649%2Fpub_61a3ba7f4a33ef3b037a42ec_61a3bcd1c9f58837b7ab0a74%2Fscale_1200&text=Исаврия&lr=75&rpt=simage&source=serp]

Мысль же о том, что помимо транскрибирования этнонимов и топонимов в античные времена и в средневековье существовали и иные методы их перевода с одного языка на другой, только-только начинает проникать в сознание современных специалистов по переводу. К сожалению, они не всегда могут этим приемом правильно воспользоваться. Для этого чисто лингвистических знаний и исторической практики бывает явно маловато, а с книгами В. А.Курбатова [8 и др.] они явно не знакомы.

Опора же на географию порой позволяет лингвистам совершить то, что не удастся иными методами. Так Л. П. Грот [9] в буквальном смысле слове утопила предполагаемую родину русов в Скандинавии провинцию Рослаген в Балтийском море, показав, что в ранние времена эта земля еще находилась под водой. А вот связь названия Рослаген с «Русским озером» так и не была отмечена, хотя это вытекает из преданий о происхождении норманнов из Причерноморья.

Результаты и обсуждение

Но кто же такие асы и ваны германской мифологии, если перевести их на современный язык истории и географии? Получается, что наименование асы народ получил из-за проживания на территории Азии (в глубокой древности собственно Азией считалась только современная Малая Азия). Европа же тогда располагалась, похоже, ... восточнее. Так, Эвром древние греки именовали восточный ветер, а Аврора была богиней утренней зари. Есть над чем задуматься ревнителям современной исключительности европейской цивилизации.

Народ же ванов некоторые исследователи пытались сопоставлять с возможными историческими предками славян венетами. Однако в Киликии историки вроде бы не отмечают их проживания. Если встать на эту точку зрения, то ваны германской мифологии должны быть Иаванами мифологии библейской, т.е. греками - ионийцами.

Но еще В. Н. Татищев [10] отмечал, что предки славян могли выйти из Сирии и Финикии, ссылаясь на Диодора Сицилийского. При этом сам Татищев опирался еще и на библейские родословия. Последние обычно редко принимают во внимание, но в данном случае, похоже, ими можно воспользоваться не без пользы для нашего исследования.

К тому же Страбон [11] упоминает в этом районе некий городок Рос, а более древние ассирийские источники страну Куэ - Кияву. Последнее уж очень похоже на Киев, имя которого иногда упоминается в связи с готами. Получается уж слишком много совпадений, чтобы это было «сиренами созвучия», которыми историки обычно отмахиваются от непонравившихся им исследований на лингвистической основе.

Но возможно ли вообще появление на Ближнем Востоке предков германских народов? Современные лингвисты [12] допускают такую возможность, но она была сразу поставлена под сомнение историками. Между тем еще Геродот упоминал скифское племя германиев в своей «Истории» [13]. Современные топонимы Керман, Керманшах, даже Армения весьма близки Германии. В курдском языке имеется диалект курманджи и т.д.

Но очевидно, что эти наши выводы резко контрастируют с выводами зарубежных геополитиков современности. Они заставляют иначе освещать события древности и средневековья, показывают больше сходства в происхождении современных народов, чем им бы хотелось. А если к этому добавить, что античная география считала холодный (современный умеренный) климатический пояс необитаемым, о чем напрочь забывают историки, то о какой тогда Скандинавии могла идти речь? Она и на картах средних веков появляется только в XV веке!

Скорее всего, принятая в лингвистике теория моногенеза (происхождения всех современных языков от одного источника) не совсем точно отражает

происходящие в действительности языковые процессы. На самом деле сходство языков проявляется не в едином их происхождении, а в формировании языковых союзов на основе сближения языков в процессе межязыкового общения на общей территории проживания. При этом законы компаративистики и в этом случае остаются неизменными.

Каковы же общие выводы в освещении наукой развития процесса социокультурных трансформаций? Старый принцип «разделяй и властвуй» присущ и современной истории. Разделяя науки по своему усмотрению по степени важности, историки поставили геополитику во главе угла.

Отвергнув историческую географию, как географическую науку, геополитики бессознательно расширили пределы обитаемой зоны в древности и средние века и распространили свои ошибочные воззрения на другие науки, тем самым плодя в них новые ошибки на своих собственных.

Неверно заданное направление в науке чревато и неверными выводами. Особенно это сказывается на развитии этнографии и генетической антропологии, которые вынуждены опираться на выводы археологии, в свою очередь зависящей от взглядов историков. Отсюда многочисленные споры в данной среде по поводу возникающих противоречий и взаимные обвинения по поводу и без повода.

Но даже понимание коренного источника противоречий вряд ли поможет современным историческим исследованиям в рамках социокультурных трансформаций. Ведь они всегда следовали в направлении, заданном теми, кого они посчитали классиками исторической науки.

Но основной вопрос, который возникает в результате анализа положения исауров в германском родословии, все же остается у нас пока без ответа. Вопрос этот: являются ли горы Тавра изначальной германской прародиной или же это одна из промежуточных остановок на фоне миграций носителей германских языков, подобная Причерноморью?

Впрочем, здесь возможны варианты, каким бы не был сам ответ. Ведь ближайшим местом, где язык предков германцев мог бы сформироваться ранее (Л.Н. Гумилев считал обычным временем развития и исчезновения этноса примерно 1500 лет) получается археологическая культура Чатал-Гуока (что тоже существовала порядка 1500 лет). Последняя некоторыми исследователями (К. Ренфрю) уже предлагалась в качестве предковой для всех индоевропейских языков в рамках теории моногенеза. Кстати, по мнению ряда греческих историков, скифы владели Азией (т.е. Малой Азией ранней античности) тоже 1500 лет.

Если же отвлечься от очевидного вывода, то поиск становится интересней, но более затруднительным и, возможно, так и останется без ответа на современном уровне развития исторического, лингвистического, генетического и географического знания.

Таким образом, полноценное изучение динамики социокультурного пространства древних народов предполагает учет не только исторических, археологических данных, а также лингвистических и географических особенностей формирования и перемещения, их культурного взаимодействия. На этом пути, вполне вероятно, нас ожидает еще много интересных открытий.

Литература

1. Лапин Н. И. Социокультурная трансформация // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. М.: Республика, 2001. С. 420–426.
2. Харитонов А. М. О некоторых принципах и методах географической оценки работы с объектами легендарной и мифологической географии в историко-географических исследованиях // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 19. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 219-224.
3. Беовульф. Старшая Эдда. Песня о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. 752 с.
4. Младшая Эдда. Л.: Наука, 1970. 255 с.
5. Саксон Анналист. ХРОНИКА. 741-1139 / Перевод с лат. и комм. И.В. Дьяконова; предисл. И.А. Настенко. М.: «SPSL»-«Русская панорама», 2012. 712 с.
6. Шарый А. Дунай: река империй. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 480 с.
7. Харитонов А. М. Об образовательно-мировоззренческом статусе географических исследований в современной исторической науке (взгляд географа) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2017. Том 3 (69). №3. Ч.2. С. 197-207.
8. Курбатов В. А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V – XIX вв.). М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. 382 с.
9. Грот Л. П. Призвание варягов: Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. М.: Алгоритм, 2012. 368 с.
10. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч.2. М., 1769. С. 225-600.
11. Страбон. География. М.: Наука, 1964. 944 с.
12. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Древние цивилизации. От Египта до Китая. М.: Ладомир, 1997. С. 591 - 614. (ВДИ. - 1980. - N3).
13. Геродот. История. М.: Ладомир, АСТ, 1999. 752 с.

A. M. Kharitonov

***The study of socio-cultural transformations by
historical geography and modern geopolitics***

Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the
Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation
e-mail: mavr@tigdvo.ru

Abstract. *Modern geopolitics unceremoniously interferes with geographical research conducted on a historical basis. For this reason, a number of such studies only multiply the historical mistakes already made by geopolitics in geography. A similar situation is observed in the study of socio-cultural transformations in the history of German and Russian societies. In fact, historians have replaced historical geography*

with their own geopolitical views, which makes it difficult to objectively assess such transformations themselves that occurred during the historical process.

Scandinavian sagas take a specific position in science. Scientists recognize the most recent of them as historical sources, and consider their evidences as most reliable. However, a number of other earlier sagas are considered as "false" and for some reason are not quoted as historical sources. In particular, all legendary and historical data concerning the origin of the Normans from Scythia and Asia are recognized as unreliable. Meanwhile, it turns out that there is data allowing us to interpret the most legendary information about mergence of the gods of the Aesirs and the Vanirs into one people as true.

To clarify the possible origin of the sagas, the author in first drew attention to the similarity of the names «Edda» and «Vedas», which escaped other commentators, and gives a different look at the search for the early historical geography of the Scandinavian epic. To do this, the author studied the existing theories of the origin of the Indo-Europeans in order to reconcile them with the origin of the Germanic languages.

The results obtained made it possible to interpret the Vanirs of the «Edda» as Greek-Ionians and to determine the exact place and time of mergence of the Aesirs and the Vanirs into a single people. That calls into question the geopolitical conclusions about the origin of the Scandinavian epic directly from the territory of modern Scandinavia.

Rejecting historical geography as a geographical science, geopolitics unconsciously expanded the limits of the habitable zone in antiquity and the Middle Ages and spread their erroneous views to other sciences, thereby breeding new errors in them on their own.

An incorrectly set direction in science is fraught with incorrect conclusions. This especially affects the development of ethnography and genetic anthropology, which are forced to rely on the conclusions of archaeology, which in turn depends on the views of historians. Hence the numerous disputes in this environment about the contradictions that arise and mutual accusations about and without reason.

But even understanding the root source of contradictions is unlikely to help modern historical research within the framework of socio-cultural transformations. After all, they always followed the direction set by those whom they considered classics of historical science.

But the main question that arises as a result of the analysis of the position of the Isaurians in the Germanic genealogy still remains unanswered. This question is: are the Taurus Mountains the original Germanic ancestral homeland, or is it one of the intermediate stops against the background of migrations of native speakers of Germanic languages, similar to the Black Sea areal?

Keywords: socio-cultural transformations, Russia, Scandinavia, Ancient Russia, geopolitics.

References

1. Lapin N. I. Sociokul'turnaja transformacija // Rossijskaja civilizacija: jetnokul'turnye i duhovnye aspekty. M.: Respublika, 2001. S. 420–426. (in Russian)
2. Haritonov A. M. O nekotoryh principah i metodah geograficheskoj ocenki raboty s ob#ektami legendarnoj i mifologicheskoj geografii v istoriko-geograficheskih

- arealissledovanijah // Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'. Vyp. 19. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2019. S. 219-224. (in Russian)
3. Beovul'f. Starshaja Jedda. Pesnja o Nibelungah. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1975. 752 s. (in Russian)
 4. Mladshaja Jedda. L.: Nauka, 1970. 255 s. (in Russian)
 5. Sakson Annalist. HRONIKA. 741-1139 / Perevod s lat. i komm. I.V. D'jakonova; predisl. I. A. Nastenko. M.: «SPSL»-«Русская panorama», 2012. 712 s.
 6. Sharyj A. Dunaj: reka imperij. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2015. 480 s. (in Russian)
 7. Haritonov A. M. Ob obrazovatel'no-mirovozzrencheskom statuse geograficheskikh issledovanij v sovremennoj istoricheskoj nauke (vzgljad geografa) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografija. Geologija. 2017. Tom 3 (69). №3. Ch.2. S. 197-207. (in Russian)
 8. Kurbatov V. A. Slavjanskije kontinenty: puti rasselenija nashih predkov (V – XIX vv.). M.: Izd-vo Jeksmo, Izd-vo Algoritm, 2005. 382 s. (in Russian)
 9. Grot L.P. Prizvanie varjagov: Normanskaja lzheteorija i pravda o knjaze Rjurike. M.: Algoritm, 2012. 368 s. (in Russian)
 10. Tatishev V. N. Istorija Rossijskaja s samyh drevnejshih vremen. Kn. 1. Ch.2. M., 1769. S. 225-600. (in Russian)
 11. Strabon. Geografija. M.: Nauka, 1964. 944 s. (in Russian)
 12. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. Drevnjaja Perednjaja Azija i indoevropejskaja problema. Vremennye i areal'nye karakteristiki obshheindoevropejskogo jazyka po lingvisticheskim i kul'turno-istoricheskim dannym // Drevnie civilizacii. Ot Egipta do Kitaja. M.: Lodomir, 1997. S. 591 - 614. (VDI. - 1980. - N3). (in Russian)
 13. Gerodot. Istorija. M.: Lodomir, AST, 1999. 752 s. (in Russian)

Поступила в редакцию 10. 07. 2022 г.

РАЗДЕЛ II

ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ

УДК 911.3
К. С. Галямов

К вопросу о фрагментации электорально-географического пространства Урало-Поволжья

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Пермский край, Российская Федерация
e-mail: galjamov.kirill@rambler.ru

Аннотация. В статье проведено исследование электорально-географической дифференциации Урало-Поволжского макрорегиона через призму учета объективных и субъективных социально-экономических факторов в последнем электоральном цикле. Были выявлены типы голосования в регионах; варибельность распределения голосов отдельных партий; корреляционные зависимости между результатами партий и социально-экономическими факторами.

Ключевые слова: территориально-электоральные системы, электорально-географическое пространство, электоральный раскол, Урало-Поволжьею.

Введение

Осенью 2021 г. прошли очередные выборы в Государственную Думу Российской Федерации. Данное событие отметилось, во-первых, увеличением в 2,2 раза доли проголосовавших вне помещений для голосования; во-вторых, появлением в парламенте партии «Новые люди»; в-третьих, увеличением популярности партий левого толка. В связи с этим существует практическая заинтересованность общественности и власти в информации о причинах, которые повлияли на итоги голосования в разных регионах страны.

Решить данную проблему помогает электоральная география, занимающаяся изучением процессов, происходящих в территориально-электоральных системах различного уровня [1]. Так, одной из важнейших тем является выявление факторов, определяющих причины территориальных различий в результатах голосования.

В отечественной политико-географической науке выделяют два вида факторов: объективные и субъективные [2–4]. Обычно к объективным факторам относят те, которые отражают социально-экономические и историко-культурные характеристики территориальных систем, а к субъективным – те, результаты которых сложно формализовать, в т.ч. к ним относятся различные электоральные эффекты.

Объектом исследования в данной работе выступает территориально-электоральная система Урало-Поволжского макрорегиона.

Предмет исследования – территориальные особенности электорального поведения населения изучаемого макрорегиона, сформированные дифференциацией условий проживания населения.

Целью нашего исследования является выявление степени фрагментации электорально-географического пространства Урало-Поволжья и определение

доминирующих факторов в формировании «электорального рисунка» изучаемого макрорегиона.

Полигоном исследования выступил Урало-Поволжский макрорегион, включающий 16 регионов-субъектов РФ: республики Татарстан, Башкортостан, Марий Эл, Чувашию, Мордовию, Удмуртию; Самарскую, Саратовскую, Ульяновскую, Нижегородскую, Оренбургскую, Кировскую, Свердловскую, Оренбургскую и Курганскую обл.; Пермский край.

Материалы и методы

В работе использована официальная статистическая информация Федеральной службы государственной статистики [5] и Центральной избирательной комиссии РФ [6]. В частности, авторская электорально-географическая типология регионов Урало-Поволжья была сформирована на основе учета следующих показателей, полученных по итогам выборов в Государственную Думу РФ в 2021 г.: а) распределение процентов голосов между разными партиями в различных регионах; б) процент явки избирателей; в) доля недействительных бюллетеней.

С помощью программы STATISTICA10 была составлена трёхмерная диаграмма рассеяния. Чем ближе точки располагаются на диаграмме, тем более похожее распределение показателей у регионов, которые подразумеваются под данными точками (рис. 1).

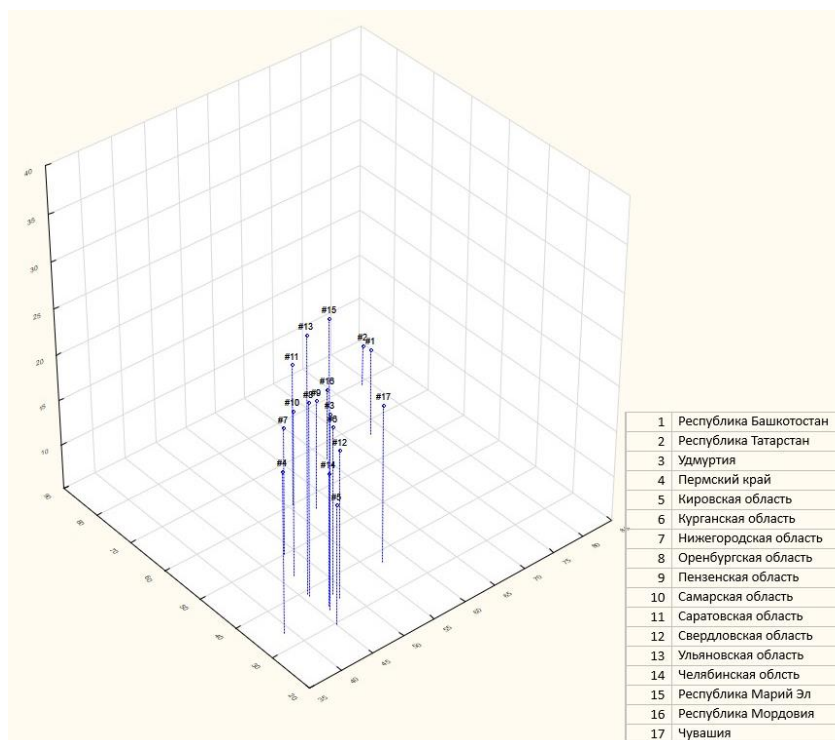

Рис. 1. Трёхмерная диаграмма рассеяния

Составлено автором по данным: [5]

Для определения равномерности распределения голосов по территории Урало-Поволжья необходимо вычислить коэффициенты вариальности (1):

$$v = \sigma/\bar{x}, \quad (1)$$

где v – коэффициент вариабельности; σ – среднеквадратичное отклонение; \bar{x} – среднеарифметическое значение разброса значений.

Также для выявления зависимостей между результатами партий была вычислена корреляционная матрица (табл. 2) по формуле (2).

$$r = Sxy/SxSy, \quad (2)$$

где r – коэффициент корреляции; Sxy – ковариация; Sx – стандартное отклонение переменной x ; Sy – стандартное отклонение переменной y .

Кроме того, был рассчитан коэффициент корреляции между голосами за определённые политические силы и 20-тью объективными и субъективными факторами, отражающими политическое настроение населения или социально-экономические особенности его жизни. С помощью шкалы Чаддока каждому результату был присвоен балл: 0 баллов – коэффициент корреляции $<0,1$; 1 балл – коэффициент корреляции $0,1-0,3$; 2 балла – коэффициент корреляции $0,3-0,5$; 3 балла – коэффициент корреляции $0,5-0,7$; 4 балла – коэффициент корреляции $0,7-0,9$. Далее была подсчитана сумма и выставлен итоговый балл. Чем больше данное значение, тем сильнее влияние фактора на электорально-географическую дифференциацию.

Результаты и обсуждение

Электоральная типология регионов Урало-Поволжья. Методом сопоставления итогов выборов по регионам было выделено и охарактеризовано 5 типов голосования (рис. 2):

- 1) левоориентированный (Кировская область);
- 2) протестный (Удмуртия, Пермский край, Свердловская, Челябинская, Курганская и Оренбургская обл.);
- 3) конформистско-левый (Чувашия, Нижегородская, Самарская, Пензенская и Саратовская обл.);
- 4) конформистский (республики Мордовия, Татарстан и Башкортостан);
- 5) прокоммунистический (Республика Марий Эл, Ульяновская обл.).

Определяющими факторами для выделения левоориентированного типа стали результаты КПРФ и блок «Справедливой России – Патриотов – За правду» (далее СР). Именно в Кировской области были зафиксированы максимальные показатели за данные политические силы на фоне остального Урало-Поволжья, а у «Единой России», наоборот, был зафиксирован наименьший результат.

Конформистский тип голосования характерен для трёх республик – Мордовии, Татарстана и Башкирии. Для них характерны самые высокие проценты проголосовавших за «Единую Россию» (больше 65%). Также жители проявили наивысшую электоральную активность. При этом показатели всех остальных политических сил оказались значительно меньше средних значений данных партий по Урало-Поволжскому макрорегиону.

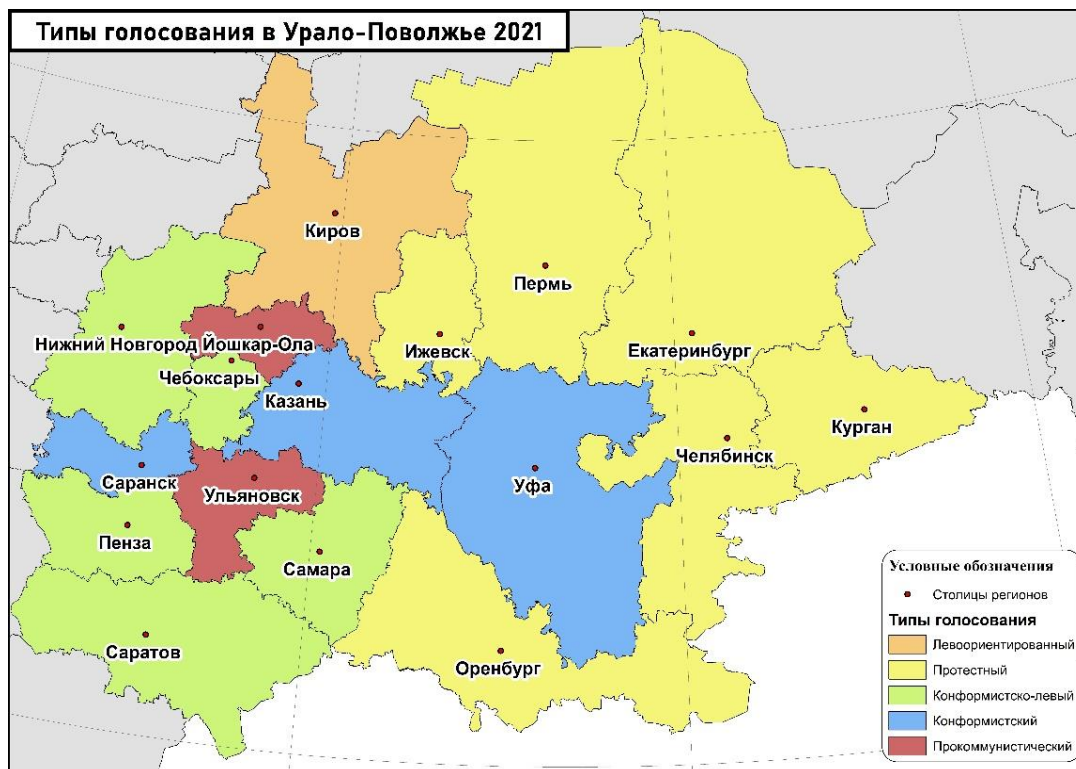

Рис. 2. Типы голосования в регионах Урало-Поволжья на выборах депутатов Государственной Думы 2021 г.

Составлено автором по данным ист. [5]

Самый многочисленный – протестный тип голосования. В него в основном входят регионы Урала. Для них характерны относительно низкие результаты «Единой России», относительно низкая явка (во всех регионах не голосовали более половины избирателей), а также повышенный процент недействительных бюллетеней. Низкую явку и порчу бюллетеней можно интерпретировать как политический протест. Также стоит отметить, что здесь замечены относительно высокие результаты партий, не прошедших 5-ти процентный барьер, и новой партии – «Новые люди». Особенно здесь выделяется Пермский край с минимальными показателями явки и максимальным процентом испорченных бюллетеней.

Прокommунистический тип голосования проявился в двух регионах – Ульяновской области и Республике Марий-Эл. Результаты КПРФ приняли здесь максимально высокие значения – больше трети голосов избирателей. Причём в Марий Эл КПРФ смогла обойти «Единую Россию» по проценту голосов. Остальные показатели были на уровне средних значений, а процент голосов за партию власти был практически наравне с результатами из протестного типа голосования – критически низкий.

Конформистско-левый тип оказался достаточно многочисленным, характерным для западной части Урало-Поволжья. Здесь зафиксированы одновременно высокие показатели голосов за «Единую Россию» и КПРФ. Проценты данных партий значительно превышали среднестатистические результаты по макрорегиону. Также присущим явлением стала низкая доля испорченных бюллетеней в большинстве регионов. Стоит отметить показатели

явки, которые оказались примерно равны средним значениям. Одновременная поддержка действующей власти, а также высокие результаты их прямых оппонентов (левых из КПРФ) – все же основная характеристика этого типа.

Определив типологию регионов по результатам голосования на выборах в Государственную Думу 2021 г., а также опираясь на прошлые исследования российского электорального пространства [7–12], можно сделать следующие замечания. К устойчивым типам среди выделенных можно отнести: конформистский (с 1990-х гг.) и левоориентированный (с 2000-х гг.), характерный для Кировской области. Тогда как остальные типы окончательно сформировались только по результатам выборов 2021 г., хотя их первые признаки появились в электоральных циклах начала 2010-х гг. Насколько они сохраняться – покажут результаты выборов 2026 г.

Распределение голосов отдельных партий в Урало-Поволжье. Как видно из табл. 1, результаты партий сильно вариабельны, коэффициенты приняли значения больше 0,100. Это говорит о наличии регионов или групп регионов, где та или иная партия пользовались либо гораздо большей популярностью, либо наоборот – гораздо меньшей. Несмотря на то, что победу во всех регионах (кроме Марий Эл) одержала партия власти, нельзя говорить о полном единстве электорально-географического пространства Урало-Поволжья.

Таблица 1

Коэффициенты вариабельности результатов голосования

Партия	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	Новые Люди	Остальные партии
Коэффициент вариации	0,323	0,306	0,282	0,559	0,394	0,298
Среднее значение, %	45,51	21,57	8,15	8,68	5,64	8,02
Стандартное отклонение, %	14,71	6,61	2,30	4,85	2,22	2,39

Составлено по [5]

Таблица 2

Корреляционная матрица результатов партий

	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	Новые Люди	Остальные партии
ЕР	1,000	-0,695	-0,672	-0,742	-0,935	-0,891
КПРФ	-0,695	1,000	0,256	0,093	0,467	0,446
ЛДПР	-0,672	0,256	1,000	0,539	0,705	0,533
СР	-0,742	0,093	0,539	1,000	0,805	0,781
Новые Люди	-0,935	0,467	0,705	0,805	1,000	0,900
Остальные партии	-0,891	0,446	0,533	0,781	0,900	1,000

Составлено по [5]

На основе анализа пространственного распределения голосов за различные политические силы можно сделать некоторые выводы (табл. 1–2. рис. 3–8):

1. Голоса за различные партии по территории Урало-Поволжья распределены неравномерно. Наблюдаются полюса повышенной и пониженной их популярности. Наиболее близки к нормальному распределению голоса за ЛДПР, дальше всех – СР.

2. Голосование за любую другую партию с большой долей вероятности можно определять как голосование против «Единой России».

3. На Урале и Вятке протестный электорат распределен между различными силами. Тогда как в некоторых регионах Поволжья (Марий Эл и Ульяновской области) протестный электорат консолидирован вокруг КПРФ.

4. Выявлен раскол электорально-географического пространства Урало-Поволжья: северо-восток плюс Ульяновская область – юго-запад.

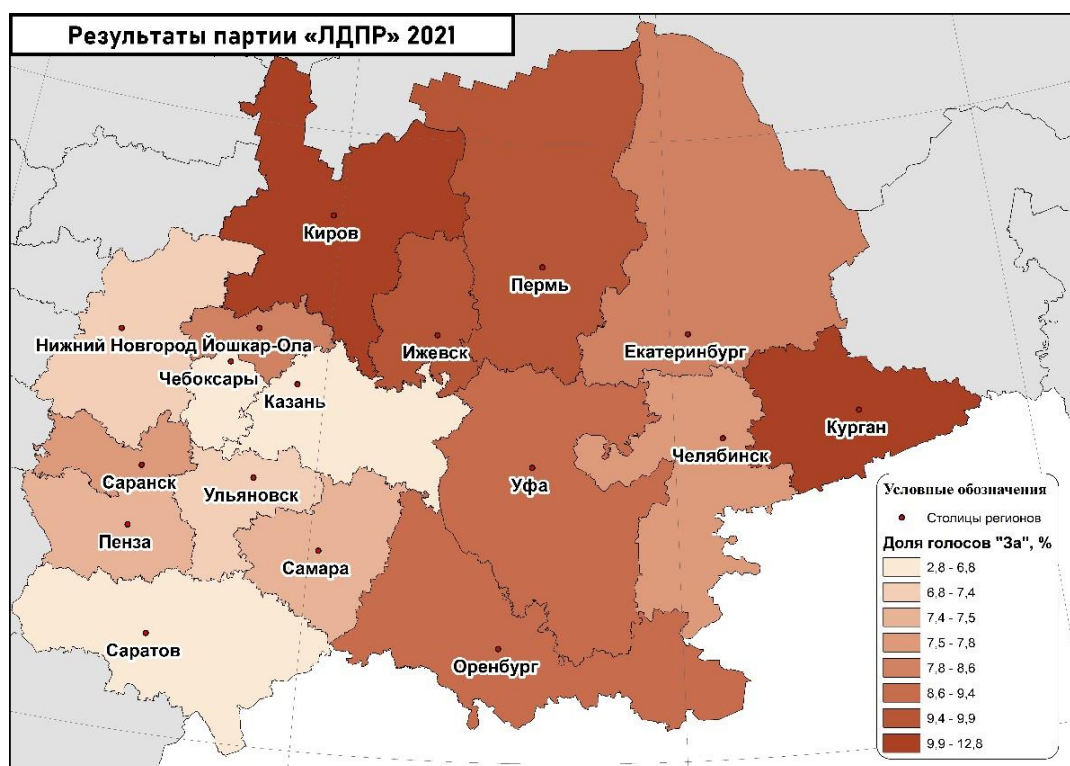

Рис. 3. Результаты ЛДПР на выборах 2021 г.
Составлено автором по: [5]

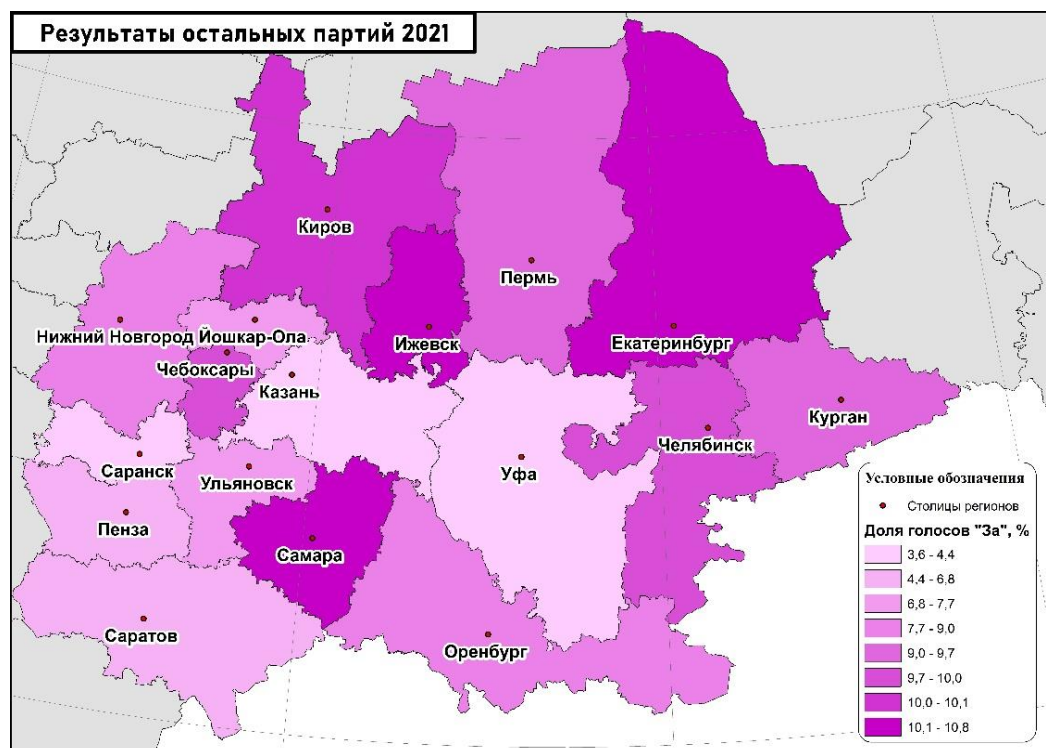

Рис. 4. Результаты партий, которые не прошли в Государственную Думу 2021 г.
Составлено автором по: [5]

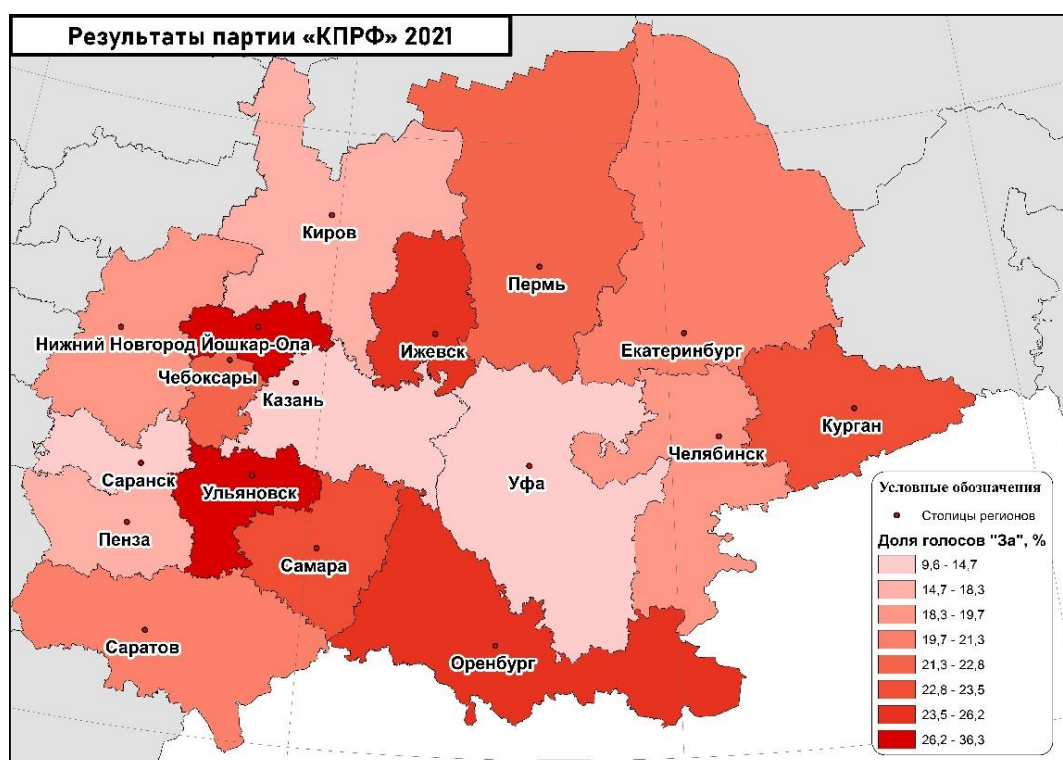

Рис. 5. Результаты КПРФ на выборах 2021 г.
Составлено автором по: [5]

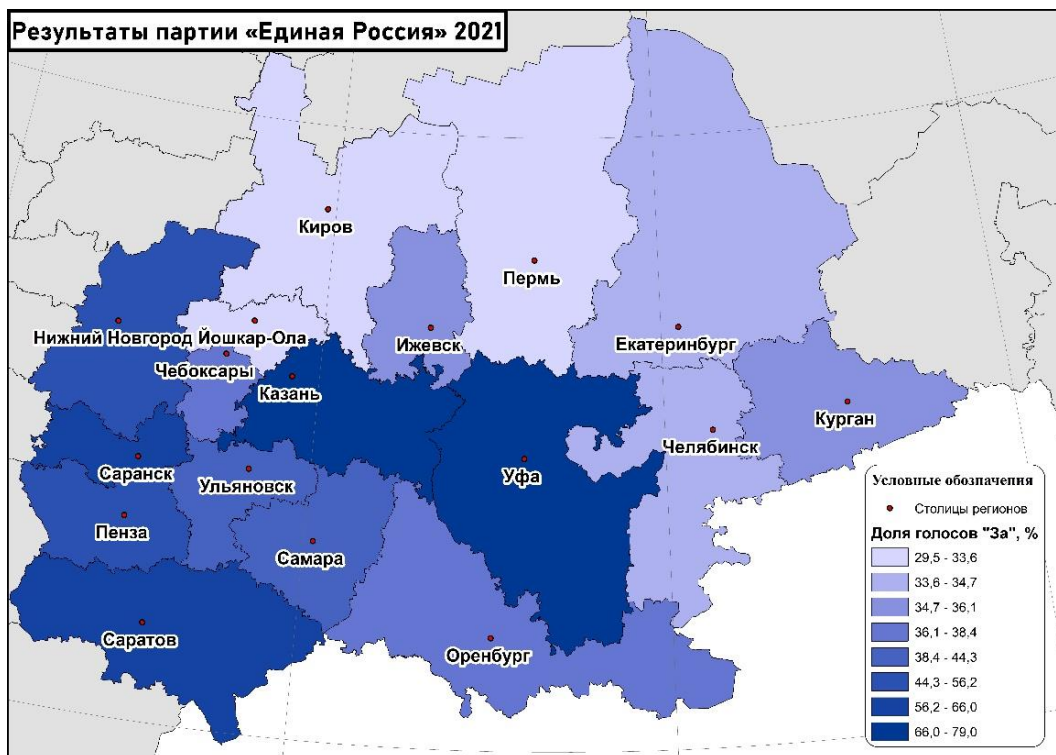

Рис. 6. Результаты «Единой России» на выборах 2021 г.
Составлено автором по: [5]

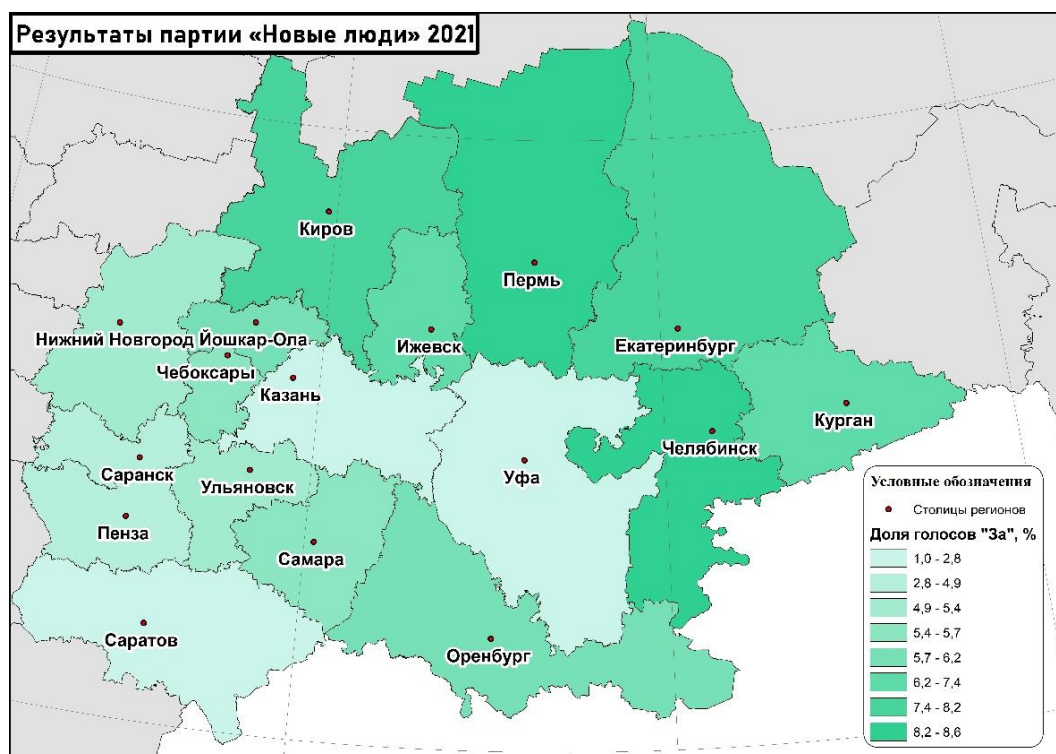

Рис. 7. Результаты партии «Новые Люди» на выборах 2021 г.
Составлено автором по: [5]

Рис. 8. Результаты блока СР на выборах 2021 г.
Составлено автором по: [5]

Корреляционный факторный анализ. В табл. 3 представлены факторы, которые в корреляционном анализе среди всех остальных, указанных выше, показали наибольшее влияние на результаты голосования.

Таблица 3

Корреляционная матрица многофакторного анализа

Партии Факторы	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	Новые Люди	Остальные партии	Итоговый балл
Доля населения моложе трудоспособного возраста, %	-0,33	0,17	0,23	0,28	0,36	0,29	7
Доля населения трудоспособного возраста, %	0,53	-0,31	-0,68	-0,41	-0,47	-0,40	14
Численность студентов вузов, на 10000 чел.	0,56	-0,27	-0,77	-0,45	-0,56	-0,35	16
Доля этнических русских в структуре населения, %	-0,39	0,10	0,39	0,31	0,50	0,49	12
Доля городского	-0,12	-0,09	-0,21	0,30	0,26	0,31	7

населения, %							
Доля обрабатывающих производств в структуре стоимости объемов ВЭД, %	-0,54	0,35	0,17	0,51	0,57	0,51	15
Уровень полной безработицы, %	-0,55	0,40	0,58	0,40	0,49	0,33	15
Инвестиции в основной капитал на душу населения	0,44	-0,42	-0,47	-0,28	-0,27	-0,22	9
Поддержка В.В. Путина на выборах 2018 г., %	0,84	-0,59	-0,63	-0,62	-0,76	-0,71	21

Составлено по: [5, 6]

Самое сильное влияние на электоральное пространство оказал фактор поддержки Президента РФ. В территориальном разрезе мы можем наблюдать наивысшие его показатели в регионах, которые относятся к конформистскому и конформистско-левому типам. Результаты всех остальных партий имеют заметно высокую обратную связь. В регионах протестного, прокоммунистического и маргинального типов голосования ситуация противоположная.

Следующий по значимости фактор – «Численность студентов вузов на 10000 чел. населения». Большое число студентов в регионе может говорить о его высокой привлекательности для молодых специалистов. В тоже время известно, что электоральная активность молодёжи находится на крайне низком уровне. Прямую заметную связь данный фактор продемонстрировал лишь с результатами «Единой России» (0,56). Объясним это тем, что, большое число молодёжи в регионах пассивно проявляет свою протестность, не приходя на избирательные участки. Во-вторых, относительно благоприятная социально-экономическая обстановка в регионах позитивно сказывается в голосовании за партию власти. Занимательным остаётся факт обратной корреляции между численностью студенческой молодёжи и результатами партий ЛДПР (-0,77) и «Новые Люди» (-0,56), которые вели активную работу с молодым поколением.

Аналогичные показатели и у другого демографического фактора – «Доля населения трудоспособного возраста». Он тоже имеет заметную прямую связь с результатами «Единой России», а с результатами других партий – обратную связь.

Далее в равной степени можно сказать о влиянии двух экономических факторов: «Доля обрабатывающих производств в структуре стоимости объемов ВЭД» и «Уровень полной безработицы». Заметная прямая связь первого из них была обнаружена с результатами партий СР, «Новые Люди» и партиями, не прошедшими в парламент. На обрабатывающих производствах занят средний класс – рабочие, экономическое состояние которых часто оставляет желать лучшего на данный момент. Также это говорит о более индустриальной структуре экономики отдельных регионов. Отсюда заметна обратная корреляция с результатами правящей партии, которая, по их мнению, является виновной в

сложившейся ситуации. Заметная обратная корреляция была отмечена между результатами «Единой России» и уровнем полной безработицы. Прямая заметная связь была характерна для партии ЛДПР. Близкие значения к заметным оказались у данного фактора с партиями СР, «Новые Люди» и КПРФ.

Свое влияние на формирование электорального пространства Урало-Поволжья имеет национальный фактор. Доля этнических русских прямо коррелирует с результатами ЛДПР, партией «Новые Люди» и остальными партиями, не прошедшими в парламент. Риторика указанных политических движений основывается на правоцентризме, что импонирует русскому населению. На другом полюсе находятся нерусские регионы. Известно, что для многих «срединных» национальных регионов России характерен конформистский тип голосования. Поэтому заметна обратная связь с голосами за партию власти и долей этнических русских. Тут стоит сделать небольшое замечание. Конформизму более подвержено мусульманское население. В том числе это можно связать с тем, что в исламе принят культ сильного лидера. В то же время в Урало-Поволжье проживают коренные народы, исповедующие православие. В таких регионах (Чувашия, Удмуртия и Марий-Эл) процент «единогосов» гораздо ниже.

Выводы

Современную фрагментацию электорально-географического пространства Урало-Поволжья определяют выделенные нами пять типов голосования, в каждом из которых сложилась уникальная комбинация поддержки политических партий. При этом чётко выделяется электоральный раскол «юго-запад – северо-восток», который можно охарактеризовать как противостояние между конформистским и протестным типами. Стоит отметить наличие полюса популярности «Единой России» в Татарстане и Башкирии, тогда как яркого центра протеста на другой стороне пока нет. Было определено, что любое голосование за другую партию является голосованием против «Единой России», но протестный электорат расколот: полюса популярности СР – Кировская и Челябинская обл.; КПРФ – Ульяновская обл. и Марий Эл; ЛДПР – Кировская и Курганская обл. Партии, не прошедшие в парламент, в совокупности получили максимумы в Свердловской и Самарской обл.

Анализ территориальных факторов позволил выяснить, какие процессы и явления в наибольшей степени влияют на фрагментацию электорально-географического пространства. Фактор №1 – популярность нынешнего Президента России – весьма субъективен. Он прямо пропорционален результатам «Единой России» и обратен всем другим партиям. Это доказывает, что электорат в России при голосовании апеллирует к своему субъективному мнению и эмоциям («голосует сердцем, а не умом»). Также не стоит отменять действие пропагандистских ресурсов. Кроме того, своё влияние оказывают и другие уже объективные факторы. Было выяснено, что регионы с преобладающим трудоспособным населением, благоприятной экономической обстановкой и с более постиндустриальным укладом экономики предрасположены к конформизму. Тогда как протестные регионы в основном характеризуются депрессивными чертами развития, застойными тенденциями в экономике.

В целом, электорально-географическое пространство Урало-Поволжья в данном цикле находится в достаточно гомогенном состоянии. Одновременно с этим оно подвержено фрагментации. Скрепляющим воедино территорию являются субъективные факторы (консолидация вокруг личности В.В. Путина и близкие к этому иные показатели), при нивелировании которых чётко прослеживается дифференциация территорий на электоральной карте.

Литература

1. Зырянов С. Г. Электоральные процессы в современной России: институциональный и поведенческий подходы к анализу. Челябинск, 2007. 210 с.
2. Белов А. А. Факторы территориальной дифференциации электорального поведения населения России: дисс. канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2005. 333 с.
3. Гешева Е. Г. Электоральный ландшафт в России: вчера, сегодня, завтра // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 2. С. 125–137.
4. Манаков А. Г. Прикладные аспекты электорально-географических исследований // Псковский обозреватель. 2001. №1. С. 33–36.
5. Сводная таблица итогов голосования Выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ VIII созыва [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&root=0&tvd=100100225883177&vrn=100100225883172&prver=0&pronetvd=null®ion=0&sub_region=0&type=233&report_mode=null.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. М., 2021. 1113 с.
7. Жидкин А. П. Электоральное поведение городских и сельских жителей России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География, 2002. № 1. С. 47–54.
8. Кришталь М. И. Применение модели «центр-периферия» для анализа электорального пространства Калининградской области // Наука и образование: векторы развития. Материалы V междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 7–13.
9. Лихтенштейн А. В. Федерализм и партия власти: география распределения электоральной поддержки // Политическая наука. 2005. № 2. С. 40–67.
10. Петров Н., Титков А. Электоральный ландшафт России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://polit.ru/article/2004/05/29/demoscope159/#_ftn1
11. Туровский Р. Ф., Гайворонский Ю. О. Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? // Полития. 2017. № 3. С. 42–61.
12. Туровский Р. Ф. Электоральный конформизм в России и его география // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 2. С. 107–118.

К. S. Galyamov

On the issue to fragmentation of the electoral-geographical space in the Ural-Volga region

Perm State National Research University, Perm, Perm region,
Russian Federation

e-mail: galjamov.kirill@rambler.ru

Abstract. *The article studies the electoral and geographical differentiation of the Ural-Volga macroregion through the prism of taking into account objective and subjective socio-economic factors in the last electoral cycle. The types of voting in the regions; variability in the distribution of votes of individual parties; correlations between the results of parties and socio-economic factors were identified.*

Keywords: *territorial-electoral systems, electoral-geographical space, electoral split, Ural-Volga region.*

References

1. Zyryanov S. G. Elektoral'nye processy v sovremennoj Rossii: institucional'nyj i povedencheskij podhody k analizu. Chelyabinsk, 2007. 210 s. (in Russian)
2. Belov A. A. Faktory territorial'noj differenciacii elektoral'nogo povedeniya naseleniya Rossii: diss. kand. geogr. nauk: 25.00.24. M., 2005. 333 s. (in Russian)
3. Gesheva E. G. Elektoral'nyj landshaft v Rossii: vchera, segodnya, zavtra // Vestnik Instituta sociologii. 2019. T. 10. № 2. S. 125–137. (in Russian)
4. Manakov A. G. Prikladnye aspekty elektoral'no-geograficheskikh issledovanij // Pskovskij obozrevatel'. 2001. №1. S. 30–33. (in Russian)
5. Svodnaya tablica itogov golosovaniya Vyborov deputatov Gosudarstvennoj Dumy FS RF VIII sozyva. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&root=0&tvd=100100225883177&vrn=100100225883172&prver=0&pronetvd=null&ion=0&sub_region=0&type=233&report_mode=null (in Russian)
6. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. M., 2021. 1113 s. (in Russian)
7. ZHidkin A. P. Elektoral'noe povedenie gorodskih i sel'skih zhitelej Rossii // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 5. Geografiya, 2002. № 1. S. 47–54. (in Russian)
8. Krishtal' M. I. Primenenie modeli «centr-periferiya» dlya analiza elektoral'nogo prostranstva Kaliningradskoj oblasti // Nauka i obrazovanie: vektory razvitiya. Materialy V mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Cheboksary, 2017. S. 7–13. (in Russian)
9. Lihtenshtejn A. V. Federalizm i partiya vlasti: geografiya raspredeleniya elektoral'noj podderzhki // Politicheskaya nauka. 2005. № 2. S. 40–67. (in Russian)
10. Petrov N., Titkov A. Elektoral'nyj landshaft Rossii // Polit.ru. URL: https://polit.ru/article/2004/05/29/demoscope159/#_ftn1 (in Russian)
11. Turovskij R. F., Gajvoronskij YU. O. Vliyanie ekonomiki na elektoral'noe povedenie v Rossii: rabotaet li «kontrakt» vlasti i obshchestva? // Politiya. 2017. № 3. S. 42–61. (in Russian)
12. Turovskij R. F. Elektoral'nyj konformizm v Rossii i ego geografiya // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2007. № 2. S. 107–118. (in Russian)

Поступила в редакцию 01.07.2022 г.

УДК [911.3+314.74](485)

С. А. Горохов¹

М. М. Агафшин²

Р. В. Дмитриев³

**Уязвимые районы как форма
территориальной эксклюзии мигрантских
сообществ в Швеции: пример Гётеборга**

ФГБУН «Институт Африки РАН», г. Москва,

Российская Федерация

e-mail: ¹stgorohov@yandex.ru, ²agafoshinmm@gmail.com,

³dmitrievrv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются уязвимые районы как форма территориальной эксклюзии мигрантских сообществ в Швеции. Особое внимание уделено проблемам уязвимых районов Гётеборга, значительную часть населения которого составляют мигранты из стран Азии и Африки. Определено, что уровень их территориальной эксклюзии в Гётеборге в два раза превышает средний показатель по стране. Установлена прямая зависимость степени уязвимости городских районов от доли мигрантов в их населении.

Ключевые слова: уязвимые районы, Швеция, Гётеборг, территориальная эксклюзия, миграция.

Введение

Нарастание социально-экономического неравенства, политической нестабильности и экологических проблем в современном мире привело к увеличению масштабов международной миграции. Согласно современным оценкам, в мире насчитывается 280 млн мигрантов, большинство из которых – 157 млн (56%) – концентрируется в развитых странах мира. С 1990 по 2020 гг. число международных мигрантов, проживающих в развитых странах, увеличилось на 74,5 млн человек (+90%) [1]. В результате развитым странам становится все сложнее интегрировать на своей территории возрастающие потоки мигрантов, большинство из которых отличается от принимающего их общества в культурном и религиозном плане [2; 3]. В этой связи миграция в обществе стран ее аккумуляции все чаще воспринимается в негативном ключе, а в экспертном сообществе становится популярным концепт миграционного кризиса, под которым подразумевается аномальное увеличение мощности потока мигрантов, интеграция которых в стране назначения связана со значительными экономическими, политическими и культурными издержками [4]. Наиболее ярким примером подобной ситуации может служить Европейский миграционный кризис, в результате которого на территорию стран ЕС попало около 4,4 млн беженцев, более половины которых – из Сирии и Ирака; а в числе европейских стран, принявших наибольшее число мигрантов, оказалась Швеция. В истории Швеции были периоды интенсивной иммиграции, однако никогда прежде в страну не приезжало так много людей, как в последние годы. Только в 2015 г. – на пике миграционного кризиса – Швеция приняла 163 тыс. беженцев [5]!

Территориальная эксклюзия мигрантов, то есть концентрация пришлого населения в отдельных городских районах Швеции, способствует возникновению мультиэтнических и мультиконфессиональных по составу населения районов, своеобразных «no-go-zones», или «зон недоступности», становящихся очагами

бедности, безработицы и криминалитета. В Швеции такие территории получили название уязвимых районов: их жители слабо интегрированы в шведское общество, зачастую используют прежние социальные практики, распространенные в странах, из которых они были вынуждены мигрировать – это способствует усилению влияния в мигрантских сообществах этнических, клановых и криминальных групп [6]. Доступ государственных служб, прежде всего полиции, в уязвимые районы затруднен, иногда даже само появление в них коренных жителей сопряжено для последних с определенным риском.

Таким образом, территориальная эксклюзия мигрантов приводит к тому, что значительные их группы, проживающие в уязвимых районах, маргинализируются, то есть фактически исключаются из сферы экономических, культурных и политических прав, которыми пользуются граждане Швеции. Опасность подобной ситуации прекрасно осознается в Швеции, что обуславливает повышенное внимание шведского общества к проблемам интеграции мигрантов. Во многом именно из-за проблем, связанных с интеграцией иммигрантов, в стране в последние годы наблюдается рост популярности правоцентристской партии «Шведские демократы» [7]. Большинство уязвимых районов сосредоточено в крупнейших городских агломерациях центра и юга страны, в том числе в Гётеборге – втором по людности городе, который занимает первое место среди крупнейших городских агломераций Швеции по доле проживающих в нем жителей уязвимых районов.

Материалы и методы

Информационной базой исследования послужили национальные статистические источники, содержащие сведения о структуре миграции в Швецию и размещении мигрантов по территории страны [8; 9], а также данные шведской полиции [10], результаты независимых исследований криминальной обстановки и проблем социально-демографического развития уязвимых районов [11]. Статистическая информация по странам происхождения и миграционному фону населения уязвимых районов Гётеборга почерпнута из официальной статистической базы данных города [12]. Крайне важным для оценки территориальной эксклюзии мигрантских сообществ стало исследование географии уязвимых районов Швеции в целом и Гётеборга в частности, которое проводилось нами на основе картографической информации из официальных отчетов шведской полиции [13].

На основе упомянутых источников дана характеристика шведской концепции уязвимых районов, проведен сравнительный анализ структуры населения Швеции и уязвимых районов по странам его происхождения: это дает возможность судить об особенностях интеграционных процессов в шведском обществе и социальных проблемах, обусловленных увеличением масштабов миграции в страну.

Результаты и обсуждение

Термин «уязвимый район» был впервые введен шведской полицией для характеристики территорий с высоким уровнем преступности. Национальный оперативный департамент полиции (Nationella operativa avdelningen) выделяет 3 типа таких районов: уязвимая зона, зона повышенного риска, особо уязвимая

зона. К уязвимым зонам относятся территории с низким уровнем социально-экономического развития, в пределах которых имеют место акты публичного насилия, открытый оборот наркотиков, угрозы и вымогательство, что оказывает негативное влияние на местное сообщество. Зоны риска удовлетворяют всем критериям, предъявляемым к уязвимым зонам, однако в данных районах криминогенная обстановка имеет негативный прогноз своего развития, результатом которого может стать их отнесение к особо уязвимым зонам – в случае, если власти не предпримут никаких действий по улучшению ситуации. Особо уязвимые зоны характеризуются максимально низкими социально-экономическими показателями развития на фоне высокого уровня насилия на данной территории, нарушения прав и свобод населения, экстремизма. Для населения особо уязвимых зон характерно нежелание сотрудничать с полицией; фактически эти территории находятся вне контроля государственных служб, а управление ими осуществляют параллельные властные структуры, образованные этническим криминалом из стран происхождения мигрантов [10].

Таким образом, для всех уязвимых районов характерны высокий уровень криминального воздействия на местные сообщества, соперничество преступных этнических кланов, бандитизм, наркоторговля, вымогательство, кражи, вооруженное насилие. В 2015 г. в Швеции было 53 уязвимых района, а в 2021 г. – уже 61, что свидетельствует о существовании проблемы интеграции мигрантов, которая обострилась на фоне Европейского миграционного кризиса. При этом из общего числа уязвимых районов 19 – с общей численностью населения 200 тыс. человек – относились к категории особо уязвимых, 14 – к зонам риска, 28 – к уязвимым зонам [14].

Хотя уязвимые районы занимают лишь 0,02% территории Швеции, в них проживают около 560 тыс. человек, что составляет более 5% ее населения. Из 290 муниципалитетов страны уязвимые районы есть лишь в 28: все они располагаются исключительно в центральной и южной Швеции – наиболее развитой и густо заселенной части страны. Все уязвимые районы характеризуются повышенной долей мигрантов в своем населении, являясь по сути формой территориальной эксклюзии мигрантских сообществ Швеции. В среднем в уязвимых районах доля людей, родившихся в Швеции, составляет 46% (в стране в целом – 81%), однако почти три четверти их населения являются лицами иностранного происхождения¹ (в стране в целом – только 26%). Также наблюдается связь между долей лиц иностранного происхождения и степенью уязвимости района: чем более неблагоприятная ситуация в районе, тем выше доля его жителей, имеющих миграционный фон. В особо уязвимых районах доля лиц иностранного происхождения в среднем составляет 82%. Всего в уязвимых районах проживают 16,2% жителей Швеции, имеющих иностранное происхождение, и 1,9% жителей шведского происхождения [11].

Наиболее высок уровень территориальной эксклюзии в Швеции у мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока, в то время как размещение выходцев из стран ЕС фактически не отличается от такового для коренного населения страны. Так, в уязвимых районах концентрируется более 35% всех сомалийцев, находящихся в Швеции, 30% эфиопов и турок, 27% иракцев и ливанцев; в то же время в них проживают лишь 5% финнов [11]. Неблагоприятная криминогенная

¹ Шведские власти относят к лицам иностранного происхождения как людей, родившихся за границей так и детей, родившихся в Швеции от двух родителей, рожденных за границей.

обстановка в уязвимых районах способствует еще более активному вымыванию из них коренного населения: по данным шведской полиции, в их границах действуют 5 тыс. преступников и 200 криминальных сетей [15]; 50% членов группировок родились за границей, 85% имеют иностранное происхождение [16].

Причины уязвимости этих территорий Швеции кроются в их социально-экономической отсталости. Уровень образования населения, знания им шведского языка здесь значительно ниже средних показателей по стране. Часто оказывается, что именно плохо функционирующая система образования закладывает основу для многих других проблем в обществе – начиная с преступности и заканчивая безработицей и фактическим отсутствием интеграции в шведское общество. Лишь 70% школьников из уязвимых районов (65% – в зонах повышенного риска) продолжают обучение в средней школе после окончания начального девятилетнего обучения, в то время как в остальной Швеции этот показатель составляет 87%. При этом заканчивают среднюю школу лишь 51% девушек и 42% молодых людей из уязвимых районов, поэтому 25% населения последних имеют только начальное образование (в среднем по стране – 11%) и лишь 16% – высшее (средний показатель по стране – 28%). В результате для населения уязвимых районов характерен более низкий, чем для остальной страны уровень образования, что затрудняет поиск работы. Если в среднем по Швеции уровень безработицы составляет 3,1% экономически активного населения, то в уязвимых районах – 7,9%, а в зонах повышенного риска – 10%; при этом среди молодежи он в два раза выше. Особенно сложно найти работу в самих уязвимых районах, и большинство их жителей вынуждено работать далеко от своего дома, а их средний доход более чем на треть (а в особо уязвимых районах – почти в два раза) ниже, чем у жителей остальной Швеции [11].

Наибольшая концентрация уязвимых районов имеет место в трех так называемых «столичных» лёнах (провинциях) Швеции, где расположены крупнейшие города страны – Стокгольм, Гётеборг и Мальмё, аккумулирующих наибольшее количество мигрантов. Так, в лёне Стокгольм насчитывается 28 (8 – в самом Стокгольме) уязвимых районов страны, в Вестра-Гёталанде – 11 (8 из них – в административном центре лёна Гётеборге), еще 9 – в лёне Сконе (в том числе 4 – в самом Мальмё). Таким образом, всего в этих трех лёнах сосредоточены 48 из 61 уязвимого района Швеции. При этом Гётеборг хоть и уступает Стокгольму по численности населения уязвимых районов (103 тыс. и 128 тыс. человек соответственно), но лидирует среди крупнейших городов Швеции по его доле в городском населении – 17,5% [11]! В Гётеборге расположены 2 уязвимые зоны, 1 зона повышенного риска и 5 особо уязвимых зон; в том числе один из трех крупнейших по численности населения особо уязвимых районов страны – Бископсгорден, насчитывающий почти 25 тыс. жителей (табл. 1).

В 2021 г. около 38% 588-тысячного населения Гётеборга составляли жители с миграционным фоном. Этническая структура населения города отличается от таковой в Швеции: если в стране лидирующую миграционную пятерку образуют сирийцы, иракцы, финны, поляки и иранцы, то в Гётеборге это – иранцы, иракцы, сомалийцы, сирийцы и индийцы [11, 12]. В населении Гётеборга в среднем выше доля инокультурных мигрантов из стран Азии и Африки, традиционно исповедующих в своем большинстве ислам. Доля мигрантов из различных стран мира, проживающих в уязвимых районах Гётеборга, почти в два раза выше, чем в среднем по уязвимым районам Швеции, что свидетельствует о большей степени

экслюзии мигрантских сообществ в городе. Так, более половины проживающих в Гётеборге выходцев из Сомали, Ирака, Ливана, Эфиопии и Эритреи концентрируются именно в уязвимых районах города, что обуславливает высокий уровень безработицы и вовлеченности в криминальные структуры уроженцев этих стран в Швеции (табл. 2).

Таблица 1

Уязвимые районы Гётеборга, 2021 г.

Уязвимый район	Население, тыс. человек	Тип района	Преобладающие мигрантские сообщества	Доля в населении уязвимого района, %	
				родившихся за пределами Швеции	имеющих иностранное происхождение
Бископсгорден (Biskopsgården)	24,9	Особо уязвимая зона	сомалийцы, турки, индийцы, иракцы, сирийцы	59,2	87,9
Хисингс Бакка (Hisings Backa)	20,1	Уязвимая зона	сирийцы, иракцы, иранцы, индийцы, боснийцы	39,2	61,5
Бергшён (Bergsjön)	16,5	Особо уязвимая зона	сомалийцы, боснийцы, иракцы, сирийцы	60,5	88,6
Тюннеред (Tynnered)	8,9	Зона риска	сирийцы, иракцы, иранцы, турки	37,5	71,0
Гордстен (Gårdsten)	8,7	Уязвимая зона	македонцы, поляки, румыны, боснийцы	63,1	89,3
Хаммаркуллен (Hammarkullen)	8,3	Особо уязвимая зона	сомалийцы, вьетнамцы	58,1	87,1
Лёвгердет (Lövgärdet)	8,0	Особо уязвимая зона	иракцы, сирийцы, сомалийцы	63,0	85,1
Эльбо (Hjällbo)	7,7	Особо уязвимая зона	ливанцы, боснийцы, иракцы, сирийцы	60,0	90,5

Составлено авторами по [12]

Таблица 2

Состав мигрантского населения Гётеборга по странам происхождения, 2021 г.

Страна происхождения мигрантов	Численность выходцев из страны в Гётеборге	Численность выходцев из страны в уязвимых районах Гётеборга	Доля выходцев из страны, проживающих в уязвимых районах Гётеборга, %	Доля выходцев из страны, проживающих в уязвимых районах Швеции, %
Ирак	12695	7103	56,0	27,4
Иран	12555	3013	24,0	12,9
Сомали	9089	5979	65,8	35,2
Сирия	7667	3717	48,5	15,7
Босния и Герцеговина	7092	3235	45,6	16,3
Финляндия	6191	1572	25,4	5,4
Югославия	6068	2506	41,3	15,3
Польша	5964	2465	41,3	16,2
Индия	5327	1583	29,7	14,0
Турция	4976	2578	51,8	29,7
Афганистан	2706	1251	46,2	15,1
Ливан	2621	1370	52,3	26,9
Эфиопия	2326	1212	52,1	30,4
Чили	2025	596	29,4	18,3
Эритрея	1806	913	50,6	16,9

Составлено авторами по [11, 12]

Высокий уровень территориальной сегрегации среди большинства мигрантских групп Гётеборга приводит к формированию в уязвимых районах параллельных сообществ, основывающихся на исламизме и традиционной клановой идеологии [17; 18]. Наиболее высока концентрация населения с миграционным фоном в особо уязвимых зонах города: его доля колеблется от 85% в Лёвгердете до более чем 90% в Эльбо – при том, что на всех этих территориях абсолютное большинство населения составляют недавние мигранты, которые родились за пределами Швеции и поэтому слабо интегрированы в принявшее их общество. Именно Эльбо известен как квартал, в котором действует самая жестокая в стране преступная банда Али Хана, созданная выходцами из Ливана и открыто бросающая вызов государству и обществу, грозящая подрвать традиционный шведский образ жизни. В последние годы насилие стало нормой для жителей Эльбо, в этом уязвимом районе действуют более 500 преступников и наркоторговцев. Район также отличается высоким уровнем домашнего насилия: 85% детей и молодежи либо пострадали от жестокого обращения в семье, либо стали свидетелями насилия дома или в школе [19].

Также как и в целом по стране, уровень уязвимости районов в Гётеборге прямо пропорционален доле в их населении мигрантов: в уязвимых зонах и зонах риска он значительно ниже, чем в особо уязвимых зонах, а наиболее высок он именно в Эльбо. Исключение составляет уязвимая зона Гордстен, однако в ее населении преобладают выходцы из европейских стран, по своему менталитету

более близкие шведам, что позволило им лучше интегрироваться в принимающее общество.

Выводы

На протяжении последних десятилетий Швеция испытала несколько волн миграции, которые коренным образом изменили ее общество, выделив интеграцию мигрантов в качестве одного из наиболее актуальных вопросов в стране. В результате роста численности мигрантов и сложности процесса интеграции население одной из самых благополучных стран Европы ныне характеризуется самым высоким в регионе уровнем смертности от огнестрельного оружия – в 10 раз выше, чем в Германии [20]. Криминализация районов города с высокой долей мигрантского населения, превращение их в уязвимые зоны – форму территориальной эксклюзии пришлых этнических групп в Швеции – свидетельствуют о том, что шведская модель интеграции нуждается в изменениях. Наиболее остро проблема интеграции населения иностранного происхождения стоит в крупнейших городах Швеции и, особенно, в Гётеборге, который характеризуется крайне высоким уровнем территориальной эксклюзии и преступности. В этой связи именно решение проблемы социально-экономического развития уязвимых районов, без которого невозможна их декриминализация, является ключом к решению миграционных проблем в Швеции.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00054-П, <https://rscf.ru/project/19-18-00054/>

Литература

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2020). International Migrant Stock 2020 (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2020). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/pd/>
2. Agafoshin M. M., Gorokhov S. A. Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape // Baltic Region. 2020. Vol. 12. № 2. P. 84-99. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-2-6
3. Цапенко И. П., Монусова Г. А. Эволюция подходов принимающих государств к организации культурного разнообразия // Отв. ред. И. П. Цапенко, И. В. Гришин. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. М.: ИМЭМО РАН. 2018. С. 81–101.
4. Рязанцев С. В. Миграционный кризис: понятие и критерии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 7–16. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.1
5. Migration Policy Debates № 13 January 2017. OECD. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/els/mig/migration-policy-debates-13.pdf>
6. Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение // Современная Европа. 2020. № 7. С. 132–143. DOI: 10.15211/soveurope72020150161

7. Агафшин М. М. Миграционный фактор трансформации политического ландшафта в странах Евросоюза // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6, № 3. С. 116–125. DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-116-125
8. Invandringar och utvandringar efter födelseland och kön. År 2000 – 2021. // Statistiska centralbyrån (SCB) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statistikdatabasen.scb.se/>
9. Folkmängden efter region, födelseland och kön. År 2000 – 2021 // Statistiska centralbyrån (SCB) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statistikdatabasen.scb.se/>
10. Utsatta områden – polisens arbete. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://polisen.se/om-polisen/polisens-arbete/utsatta-omraden>
11. Fakta för förändring: demografi och boende. Stockholm: Stiftelsen. The Global Village, 2019. 84 p.
12. Statistikdatabas Göteborgs Stad. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://statistikdatabas.goteborg.se>
13. Kartgränser utsatta områden i region Väst. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/region-vast-kartgranser-utsatta-omraden-2021.pdf
14. Lägesbild över utsatta områden. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/lagesbild-over-utsatta-omraden-2021.pdf
15. Гришин И. В. Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект). // Южно-российский журнал социальных наук/ 2019. Т. 20. № 1. С. 40–56. DOI: 10.31429/26190567-20-1-40-56.
16. Organized crime to remain primary security threat in Sweden throughout 2021 – Sweden Analysis. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.max-security.com/security-blog/organized-crime-to-remain-primary-security-threat-in-sweden-throughout-2021-sweden-analysis/>
17. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений: коллективная монография / науч. ред. Л. А. Андреева, И. В. Следзевский, М. Ю. Смирнов. СПб.: Владимир Даль. 549 с.
18. Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. 2017. № 4(76). С. 5–16.
19. How the murder of a Swedish rapper shocked a nation and put police on the back foot // The Guardian [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/04/how-the-of-a-swedish-rapper-shocked-a-nation-and-put-police-on-the-back-foot>
20. Швеция занимает первое место в Европе по числу смертей от оружия – SVT // Regnum [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/3281186.html>

S. A. Gorokhov¹,
M. M. Agafoshin²,
R. V. Dmitriev³

***Vulnerable areas as a form of territorial
exclusion of migrant communities in Sweden:
the case of Gothenburg***

Institute for African Studies of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: ¹stgorohov@yandex.ru, ²agafoshinmm@gmail.com,
³dmitrievrv@yandex.ru

Abstract. We consider vulnerable areas as a form of territorial exclusion of migrant communities in Sweden. Particular attention is paid to the vulnerable areas of Gothenburg, a significant part of whose population consists of migrants from Asia and Africa. It is determined that the level of their territorial exclusion in Gothenburg is twice the national average. The paper establishes a directly dependence of the level of vulnerability of urban areas on the proportion of migrants in their population.

Keywords: vulnerable areas, Sweden, Gothenburg, territorial exclusion, migration.

References

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2020). International Migrant Stock 2020 (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2020). URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/>
2. Agafoshin M. M., Gorokhov S. A. Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape // Baltic Region. 2020. Vol. 12. no 2. P. 84-99. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-2-6. (in Russian).
3. Tsapenko I. P., Monusova G. A. Evolyutsiya podkhodov prinimayushchikh gosudarstv k organizatsii kul'turnogo raznoobraziya // Tsapenko I. P., Grishin I. V. (red.) Integratsiya inokul'turnykh migrantov: perspektivy interkul'turalizma. M.: IMEMO RAN. 2018. P. 81-101. (in Russian).
4. Ryazantsev S. V. Migratsionnyj krizis: ponyatie i kriterii // DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. 2021. Vol. 1. No 1. P. 7–16. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.1. (in Russian).
5. Migration Policy Debates № 13 January 2017. OECD. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/migration-policy-debates-13.pdf>
6. Gorokhov S. A., Agafoshin M. M., Dmitriev R. V. Somaliitsy v Shvetsii: regional'noe izmerenie // Sovremennaya Evropa. 2020. № 7. S. 132–143. DOI: 10.15211/soveurope72020150161. (in Russian).
7. Agafoshin M. M. Migratsionnyi faktor transformatsii politicheskogo landshafta v stranakh Evrosoyuza // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2020. Vol. 6, no. 3. P. 116–125. DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-116-125. (in Russian).
8. Invandringar och utvandringar efter födelseland och kön. År 2000 – 2021. // Statistiska centralbyrån (SCB) URL: <https://www.statistikdatabasen.scb.se/>
9. Folkmängden efter region, födelseland och kön. År 2000 – 2021 // Statistiska centralbyrån (SCB) URL: <https://www.statistikdatabasen.scb.se/>
10. Utsatta områden - polisens arbete. URL: <https://polisen.se/om-polisen/polisens-arbete/utsatta-omraden>

11. Fakta för förändring: demografi och boende. Stockholm: Stiftelsen. The Global Village, 2019. 84 p.
12. Statistikdatabas Göteborgs Stad. URL: <http://statistikdatabas.goteborg.se>
13. Kartgränser utsatta områden i region Väst. URL: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/region-vast-kartgranser-utsatta-omraden-2021.pdf
14. Lägesbild över utsatta områden. URL: https://polisen.se/siteassets/dokument/ovriga_rapporter/lagesbild-over-utsatta-omraden-2021.pdf
15. Grishin I. V. Integratsiya immigrantov v Shvetsii (sotsial'no-politicheskii aspekt). // Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk/ 2019. Vol. 20. No. 1. P. 40–56. DOI: 10.31429/26190567-20-1-40-56. (in Russian).
16. Organized crime to remain primary security threat in Sweden throughout 2021 – Sweden Analysis. URL: <https://www.max-security.com/security-blog/organized-crime-to-remain-primary-security-threat-in-sweden-throughout-2021-sweden-analysis/>
17. Transformatsii global'nogo konfessional'nogo geoprostranstva: fenomen «parallel'nykh» obshchestv v sisteme mezhdunarodno-politicheskikh otnoshenii: kollektivnaya monografiya / nauch. red. L.A. Andreeva, I.V. Sledzevskii, M.Yu. Smirnov. SPb.: Vladimir Dal'. 549 p. (in Russian).
18. Fituni L. L., Abramova I. O. Fenomen «vostochnogo obshchestva» v sovremennoi Evrope: paradigm, vyzovy, prognozy // Sovremennaya Evropa. 2017. no. 4(76). P. 5-16. (in Russian).
19. How the murder of a Swedish rapper shocked a nation and put police on the back foot // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/04/how-the-of-a-swedish-rapper-shocked-a-nation-and-put-police-on-the-back-foot>
20. Shvetsiya zanimaet pervoe mesto v Evrope po chislu smertei ot oruzhiya – SVT // Regnum URL: <https://regnum.ru/news/society/3281186.html> (in Russian).

Поступила в редакцию 02.07.2022 г.

УДК 912+349.6
М. В. Грибок¹
И. А. Рыльский²

Пространственный анализ и картографирование судебной деятельности по нарушениям, связанным с загрязнением воздуха

¹ ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: gribok.marina@gmail.com

² ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: rilskiy@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы данные о количестве судебных актов по статьям КоАП РФ и УК РФ, связанным с загрязнением воздуха. Построена карта и выявлены регионы России с наибольшей распространённостью судебной практики по соответствующим правонарушениям. При помощи диаграммы рассеяния проведено сравнение распределения субъектов РФ по числу записей о судебных актах по Ст. 8.21 КоАП РФ «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха» и объёма выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. Полученные данные и их визуализации в дальнейшем дополняют раздел о загрязнении воздуха в составе разрабатываемой атласной информационной системы.

Ключевые слова: география судебной деятельности, экологические правонарушения, загрязнение воздуха, ГАС «Правосудие»

Введение

Судебная деятельность, как социальный процесс и необъемлемая часть жизни общества, является объектом исследований не только для специалистов в области права и других гуманитарных наук, но также и для географов. Информация о работе судов может использоваться в исследованиях в области географии преступности, выделяемой как междисциплинарную науку на стыке социальной географии и криминологии [1]. Некоторые российские исследователи выделяют судебную географию как самостоятельную отрасль правовых наук и учебную дисциплину [2].

Информация о проведении судебных заседаний на территории России содержится в свободном доступе в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие» (ГАС «Правосудие»). Эта система создана в рамках выполнения федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы с целью решения таких задач как формирование единого информационного пространства судебной деятельности, реализация конституционных принципов самостоятельности судебной власти и независимости судей, обеспечение единства судебной системы России, повышение эффективности деятельности судов, реализация прав граждан и юридических лиц на судебную информацию [3]. Данные о судебных актах, представленные в системе ГАС «Правосудие», содержат пространственную информацию — привязку к субъекту федерации и населённому пункту, к

которому относится наименование суда. Таким образом, эти данные могут являться источником для составления карт и проведения геоинформационного анализа.

Целью данной работы является обоснование возможности использования информации о работе судов для составления баз географических данных в рамках исследований и мониторинга в области охраны атмосферного воздуха. Задача исследования — пространственный анализ и картографирование распространённости судебной практики по данной теме в регионах России.

Противозаконные действия, связанные с загрязнением атмосферного воздуха, в географических исследованиях обычно рассматриваются как часть обширной группы экологических преступлений и правонарушений [4], однако в данном исследовании сделан акцент именно на загрязнении воздуха без учёта других противозаконных действий. Картографирование данных о судебных актах по статьям уголовного и административного кодексов РФ, связанным с загрязнением воздуха, является новым и позволит выявить регионы, где в наибольшей степени распространена судебная практика именно по данному виду нарушений законодательства.

Исследование является частью проекта разработки атласной информационной системы (АИС) нового поколения, предназначенной для мониторинга характеристик экологического состояния регионов и городов России и Европы. Работа над проектом осуществляется при поддержке Российского научного фонда.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили списки судебных актов по Статье 8.21 «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха» административного кодекса РФ и Статье 251 «Загрязнение атмосферы» уголовного кодекса РФ, полученные при помощи поисковых запросов к системе ГАС «Правосудие». В качестве примера запроса на рис. 1 представлен скриншот страницы поиска по всем судебным актам за 2019 год по Статье 8.21 КоАП РФ.

Записи о судебных актах по указанным статьям присутствуют в системе начиная с 2015 года. Как мы видим на рис. 1, также доступна информация об уровне и наименовании суда (по которому можно установить населённый пункт), уровню суда, судебной инстанции и результату заседания. По большинству судебных дел в ГАС «Правосудие» представлены документы с описанием правонарушения и другими обстоятельствами дела.

Рис. 1. Скриншот экрана системы ГАС «Правосудие» (<https://bsr.sudrf.ru/>) с примером поискового запроса

По результатам поисковых запросов выявлено, что судебные заседания по уголовным преступлениям в области загрязнения воздуха происходят крайне редко, не более восьми раз в год по всей стране (см. таблицу 1), тогда как административные правонарушения данной категории рассматривались более 8000 раз за семь лет, и можно проследить их динамику и структуру по регионам.

Таблица 1

Статистика записей о судебных актах в системе ГАС «Правосудие» по статьям УК РФ и КоАП РФ, связанным с загрязнением воздуха

Год	Число записей о судебных актах по Ст. 251 УК РФ	Число записей о судебных актах по Ст. 8.21 КоАП РФ	% записей по Ст. 8.21 от всех записей по Гл. 8 КоАП РФ
2015	0	194	4,7 %
2016	1	2025	4,3 %
2017	6	1847	3,7 %
2018	8	2030	1,7 %
2019	8	1240	0,8 %
2020	7	649	0,6 %
2021	8	291	1,6 %

Составлено по <https://bsr.sudrf.ru>

В последние годы наблюдается тенденция к снижению количества записей о судебных актах по нарушениям правил охраны атмосферного воздуха, а также снижение их доли среди всех записей судебных актов, относящихся к Главе 8 КоАП «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Общее снижение записей в 2020 и 2021 гг. может быть связано с пандемией COVID-19. Для дальнейшего анализа статистики судебной деятельности по субъектам РФ взяты данные за 4 допандемийных года, когда зафиксировано наибольшее количество судебных актов по административным делам о загрязнении воздуха. Подсчёт количества записей о судебных актах по субъектам РФ осуществлялся в системе ГАС «Правосудие» при помощи функции группировки результатов поиска по регионам.

Также в базе данных, разрабатываемой для создания АИС, содержатся такие показатели как численность населения регионов, объём и структура выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, затраты на охрану атмосферного воздуха и некоторые другие близкие по тематике данные Росстата и Росприроднадзора в разрезе субъектов РФ.

Результаты и обсуждение

В результате исследования выявлены регионы с наибольшим числом судебных актов по указанным выше статьям (таблица 2). В основном это промышленные и одновременно крупные по населённости регионы, а также курортные регионы — Республика Крым и Краснодарский край. В Москве и Санкт-Петербурге судебная практика по нарушениям в сфере загрязнения воздуха практически отсутствует.

Таблица 2

Регионы с наибольшим числом записей о судебных актах по нарушениям, связанным с загрязнением воздуха в 2016–2019 гг.

Субъект РФ	Число записей о судебных актах по Ст. 8.21 КоАП РФ					Число записей о судебных актах по Ст. 251 УК РФ
	2016	2017	2018	2019	Итого	
Респ. Башкортостан	238	111	92	71	512	0
Респ. Татарстан	131	91	104	38	364	0
Московская обл.	65	95	115	48	323	0
Самарская обл.	82	97	102	29	310	0
Ростовская обл.	71	67	120	48	306	7
Краснодарский край	108	95	60	43	306	0
Кемеровская обл.	81	71	66	67	285	2
Приморский край	52	75	74	36	237	0
Красноярский край	17	43	110	42	212	0
Респ. Крым	62	51	61	20	194	0

Составлено авторами

Для наглядного представления ситуации в регионах России составлена карта (Рис. 2), где при помощи картограмм показано число записей о судебных актах по Статье 8.21 КоАП на 100 тыс. человек населения. Такой показатель позволяет представить распределение записей системы ГАС «Правосудие» без привязки к численности населения регионов. Опыт вычисления и картографирования данного показателя может быть применён также в исследованиях других правонарушений.

Рис. 2. Карта распространённости судебной практики по Статье 8.21 КоАП РФ «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха» в 2016–2019 гг.
Составлено авторами

По карте можно выделить несколько групп регионов, где практика судебных разбирательств по нарушениям, связанным с загрязнением воздуха, наиболее распространена. Прежде всего, это приволжские регионы: Республики Башкортостан, Татарстан и Самарская область, регионы Дальнего Востока: Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Сахалинская область, а также регионы Северо-Запада: Мурманская, Архангельская, Калининградская и Новгородская области. Отдельные регионы лидируют как по абсолютному (табл. 2), так и относительному показателю распространённости судебной практики по данной теме: Кемеровская область, Самарская область, Респ. Башкортостан и Респ. Крым. При этом Кемеровская область и Республика Башкортостан также входят в топ-10 по объёму выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников (по данным Росстата за 2019 г.: https://gks.ru/free_doc/new_site/oxgana/oxr_bd1.htm).

Наиболее светлый цвет на карте, т.е. низкая распространённость судебной практики по данной проблеме, может говорить как о редкости правонарушений в области охраны атмосферного воздуха или меньшем количестве предприятий-нарушителей, так и о низком уровне «бдительности» правоохранительных органов. Для оценки ситуации в каждом конкретном регионе необходимо ознакомление с текстами судебных актов и результатами судебных заседаний, а

также с другими данными, связанными с загрязнением воздуха, — например, с объёмом выбросов загрязняющих веществ в атмосферу.

Для сравнения распределений субъектов РФ по распространённости судебной практики в области охраны загрязнения воздуха и выбросам загрязняющих веществ в атмосферу построена диаграмма рассеянности — облако точек (регионов России) по указанным показателям (Рис. 3). Размер кружка пропорционален численности населения. Как видно из иллюстрации, регионы с наибольшими выбросами, — Красноярский край, Кемеровская область и ХМАО, — характеризуются средним уровнем распространённости судебной практики по данному виду правонарушений. Регионы с наибольшим количеством записей о судебных актах в системе ГАС «Правосудие» сосредоточены в левом верхнем углу диаграммы и характеризуются не слишком высоким уровнем выбросов.

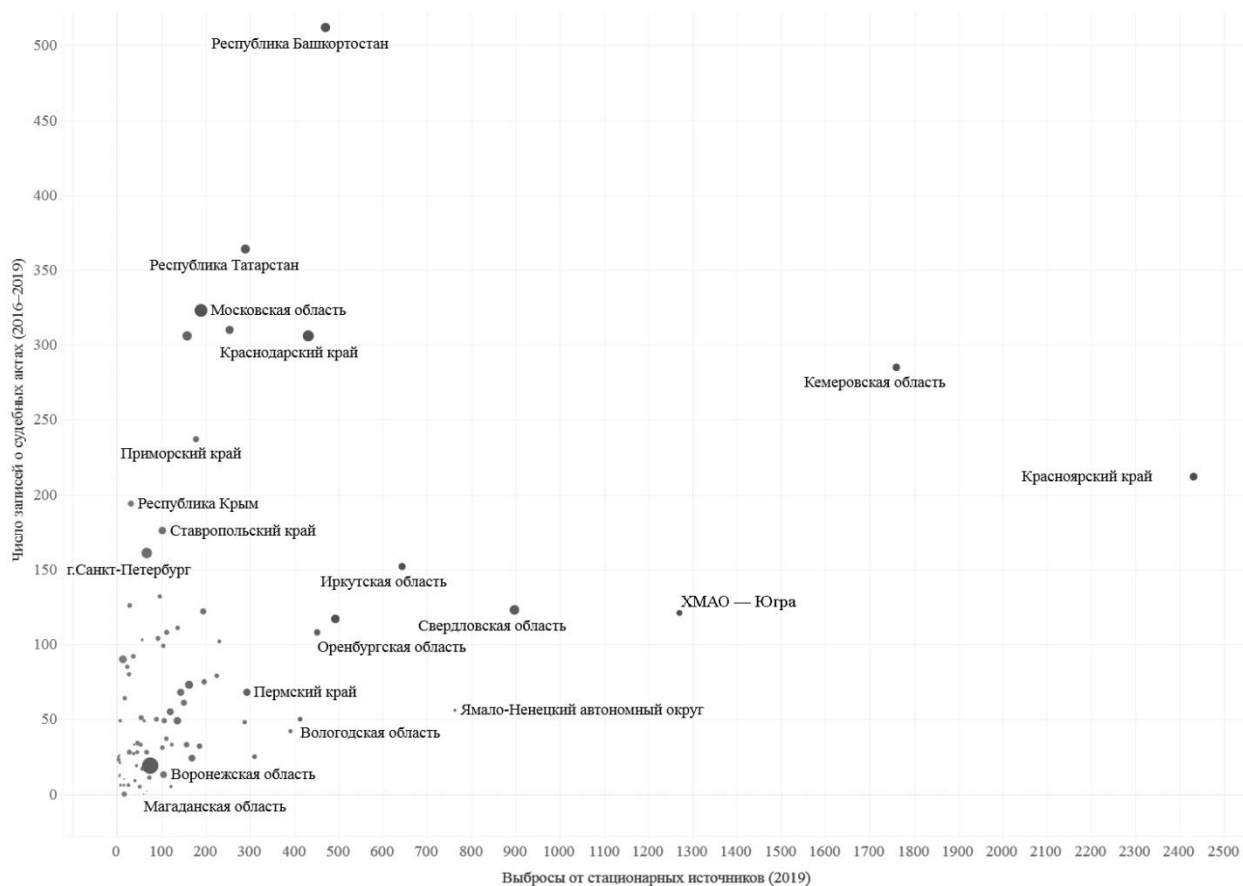

Рис. 3. Распределение субъектов РФ по распространённости судебной практики в области охраны загрязнения воздуха и выбросам загрязняющих веществ в атмосферу.

Составлено авторами

Выводы

Система ГАС «Правосудие» является перспективным источником геопространственных данных по теме судебной деятельности, которые могут использоваться для картографирования и геоинформационного анализа различных правонарушений. На примере судебных актов по Статье 8.21 КоАП РФ «Нарушение

правил охраны атмосферного воздуха» рассмотрены особенности распределения судебной практики по данному виду правонарушений в разрезе субъектов РФ. Полученные результаты могут быть полезны как для исследований в области географии преступности, так и для мониторинга ситуации с загрязнением воздуха в регионах России.

В совокупности с другими данными, такими как численность населения, объём выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, затраты на охрану атмосферного воздуха и т.п., информация о судебной деятельности по соответствующим нарушениям дополнит общую картину характеристик субъектов РФ по теме охраны атмосферного воздуха. Позже планируется рассмотреть географические особенности судебной практики по другим статьям КаАП РФ и УК РФ, связанным с экологическими правонарушениями и преступлениями.

В дальнейшем полученные данные будут включены в раздел о загрязнении воздуха в составе разрабатываемой АИС, предназначенной для мониторинга характеристик экологического состояния регионов и городов России и Европы.

Исследование выполнено при поддержке РНФ, грант № 20-47-01001.

Литература

1. Бадов А. Д. География преступности в России: изменения за постсоветский период. Вестник Московского университета. Серия 5. География, 2009, №2, с. 64–70.
2. Абдулвалиев А. Ф. Судебная география как правовая наука и учебная дисциплина. Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, 2019, 5(4), с.122–137.
3. Постановление Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. N 805 «О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России" на 2002-2006 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12124943/>
4. Рубина Е. А. Картографирование экологических правонарушений. Вестник Московского университета. Серия 5. География, 2014, №1, с. 35–41.

M. V. Gribok¹,
I. A. Rilskiy²

Spatial analysis and mapping of judicial activity on violations related to air pollution

¹Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Faculty of Geography, Moscow, Russian Federation
e-mail: gribok.marina@gmail.com

²Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Faculty of Geography, Moscow, Russian Federation
e-mail: rilskiy@mail.ru

Abstract. *The article analyzes data on the number of judicial acts under articles of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation related to air pollution. The authors have built a map and identified the regions of Russia with the highest prevalence of judicial practice on relevant offenses. Using a scattering diagram, a comparison of the distribution of the subjects of*

the Russian Federation by the number of records of judicial acts under Article 8.21 of the Administrative Code of the Russian Federation "Violation of the rules for the protection of atmospheric air" and the volume of emissions of pollutants into the atmosphere was carried out. These data and their visualizations will further supplement the section on air pollution as part of the atlas information system being developed.

Keywords: *geography of judicial activity, environmental offenses, air pollution, state automated system "Justice"*

References

1. Badov A. D. Geografiya prestupnosti v Rossii: izmeneniya za postsoveteskij period. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya, 2009, №2, s. 64–70. (in Russian)
2. Abdulvaliev, A.F. Sudebnaya geografiya kak pravovaya nauka i uchebnaya disciplina. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya, 2019, 5(4), c.122–137. (in Russian)
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20 noyabrya 2001 g. N 805 «O federal'noj celevoj programme "Razvitie sudebnoj sistemy Rossii" na 2002-2006 gody» URL: <https://base.garant.ru/12124943/>(in Russian)
4. Rubina E. A. Kartografirovaniye ekologicheskikh pravonarushenij. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya, 2014, №1, s. 35–41. (in Russian)

Поступила в редакцию 04.05.2022 г.

УДК 910.3:528.871.7 (477.75)

С. А. Гуров

Сельский туризм: динамика и трансформации

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: gurrov@mail.ru

Аннотация. В данной статье разработана динамическая модель территориальной системы сельского туризма, исследованы трансформации в системе сельского туризма в Российской Федерации и Республике Крым, проведен географический анализ развития сельского туризма в Крымском регионе, выявлены тенденции сельского туризма в Горном Крыму, определен наиболее перспективный район для развития сельского туризма в Крыму.

Ключевые слова: сельский туризм, сельские усадьбы, трансформации, Российская Федерация, Республика Крым, Белогорский район, агротуризм, агропромышленный комплекс, санкции, территориальная система.

Введение

Трансформационные процессы, происходящие в российской экономике, обуславливают поиск инновационных форм бизнеса, направленных на обеспечение экономического развития. Одним из приоритетных способов преодоления проблем в экономике, связанных с антироссийскими санкциями 2022 года, является активизация населения сел к предпринимательской деятельности в непроизводственной сфере. Актуальной является проблема развития сельского туризма (СТ) в регионах РФ с уникальными природными и историко-культурными туристскими ресурсами. Важность этого сегмента связана с его прибыльностью. Усадьбы СТ, в отличие от большинства типов средств размещения, не имеют привязки к конкретному «сезону» и фактически имеют круглогодичную заполняемость.

Изучению СТ посвящены труды многих учёных, среди которых отметим работы Яковенко И. М. [1], Зырянова А. И. [2], Биржакова М. Б. [3], Бугаец Т. Г. [4], Денисенко В. В. [5], Доможилкиной Ж. В. [6], Егорова Ю. Н. [7], Чернявой А. Л. [8]. Относительно мало работ посвящено трансформациям и динамике развития СТ.

Целью статьи является изучение динамики развития СТ в РФ, в частности в Республике Крым как одной из наиболее популярных дестинаций страны.

Материалы и методы

Материалами исследования является «Концепции развития сельского туризма в России», данные Министерства курортов и туризма Республики Крым, работы отечественных учёных по проблематике СТ, информация о ценах и услугах СТ, размещенная на сайтах сельских усадеб Белогорского, Бахчисарайского и Симферопольского района Республики Крым.

Для достижения цели в статье использованы следующие методы:

1. Метод идеализации и моделирования – для разработки динамической модели территориальной системы СТ.

2. Картографический метод исследования – для разработки карты предприятий агропромышленного комплекса, локализованных в сельской местности и предоставляющих услуги туристам. Приём картографирования – способ картодиаграммы с обводкой.

3. Исторический метод исследования – для определения особенностей развития и трансформации СТ в РФ и Горном Крыму.

4. Статистический метод исследования – статистическое наблюдение за динамикой цен в усадьбах, принимающих сельских туристов в 2018 – 2022 гг.

5. Сравнительно-географический метод исследования – для сравнения различных показателей СТ в разных центрах и усадьбах.

6. Эксперимент (метод тайного гостя) – для оценки качества обслуживания автор останавливался на ночь в усадьбе «Феодоро» и зафиксировал свои выводы.

Алгоритм исследования включил следующие этапы:

1. разработка динамической модели территориальной системы СТ;
2. исследование трансформаций в системе СТ РФ;
3. географический анализ развития СТ в Республике Крым;
4. выявление тенденций СТ в Горном Крыму;
5. определение наиболее перспективного района для развития СТ в Крыму.

Результаты и обсуждение

1. Динамическая модель территориальной системы сельского туризма

Под сельским туризмом (СТ) чаще всего понимают вид туризма, сконцентрированный на сельских территориях или предусматривающий размещение в сельской местности [9]. Территориальную организацию СТ во многом объясняет теория периферии. К первым авторам теории периферии принадлежал немецкий ученый Кристаллер В. Суть этой теории заключается в обосновании пространственной организации расселения в поиске определенной регулярности сферы услуг [10]. Сельские туристы пытаются удовлетворить рекреационные потребности за пределами городских поселений, осваивая периферийное пространство зеленых зон вокруг крупных городов, богатое, прежде всего природными рекреационными ресурсами. Большинство отраслей промышленности не совместимы с туристско-рекреационной деятельностью. Поэтому периферийность и ее активное использование для развития туризма – закономерное общественное явление, приводящее к трансформации пространственной организации социума.

Под территориальной системой сельского туризма (ТССТ) мы понимаем комплексную геосистему, включающую природные, антропогенные и природно-антропогенные объекты, сельские усадьбы и гостевые дома, предоставляющие услуги туристам с целью удовлетворения их потребностей к приобщению к природе и сельскому образу жизни [9].

Модель ТССТ нужно рассматривать в динамике. Формирование геосистемы СТ проходит ряд стадий:

1. «Город» – крупный населенный пункт, где формируются ожидания и потребности сельских туристов, в частности желание спокойствия, размеренности сельской жизни, которую они не получают в городе, потребности в чистом воздухе,

ощущении близости с природой в формате индивидуального, а не массового отдыха. Происходит процесс формирования турпотока в сельскую местность.

2. «Село» включает усадьбу (гостевой дом), где размещаются туристы, разнообразные рекреационные ресурсы с явным преобладанием природных и другие элементы (рис. 1).

3. «Трансформация» – в селе появляются новые места работы, новые усадьбы, улучшается инфраструктура, эстетизируются поселения, сохраняется их культурное наследие.

Ярким примером подобной трансформации территории является село Ходжа-Сала в Горном Крыму, которое в украинский период представляло собой маленький полузаброшенный населенный пункт с ветхими, старыми домами, поваленными заборами, разбитыми дорогами. После присоединения Крыма к РФ спрос на СТ заметно увеличился. Результатом этого стало превращение села Ходжа-Сала в полифункциональный туристский центр с джипингом, конными прогулками, восточной кухней, качественно сделанными дорогами, эстетично оформленными усадьбами и ресторанами.

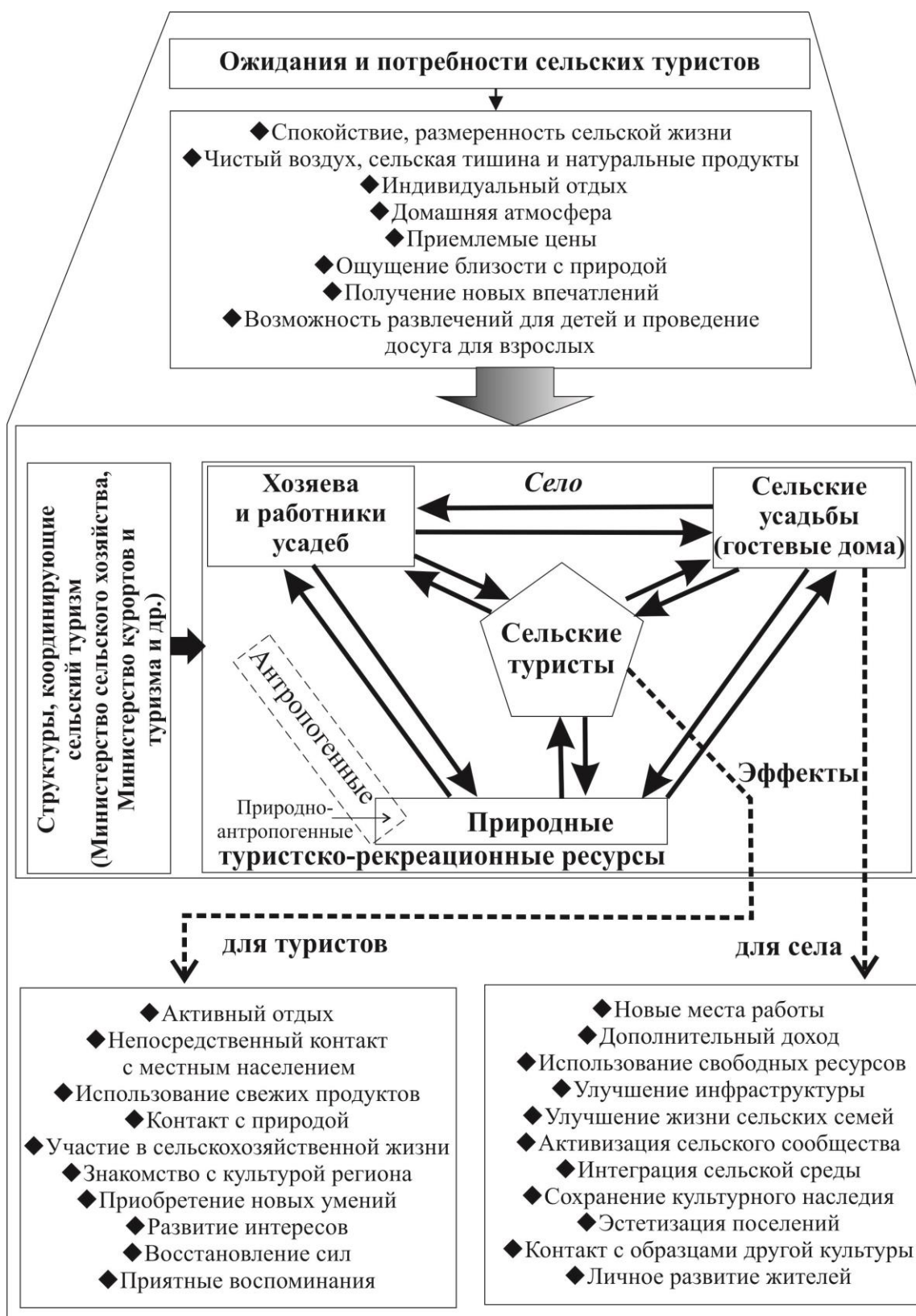

Рис. 1. Модель территориальной системы сельского туризма
Составлено автором

2. Трансформации сельского туризма в Российской Федерации

Международный независимый институт аграрной политики разработал Концепцию развития СТ в России на период до 2030 года. Она разработана с учетом концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ и стратегии развития туризма в РФ. Согласно Концепции, к 2030 г. объем продукции и услуг, поставленных и оказанных в области сельского туризма должен составить 50 млрд. рублей в год [11].

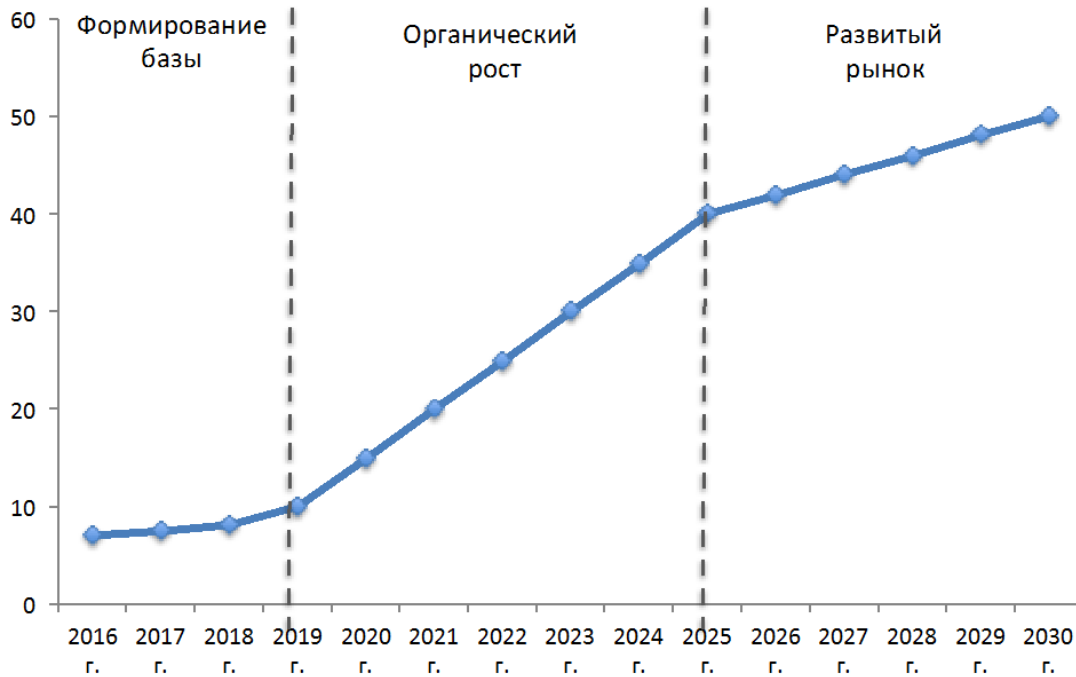

Рис. 2. Этапы реализации Концепции развития сельского туризма в России, млрд. руб. [11].

В настоящее время уже сформирована база для развития СТ в регионах РФ и наблюдается её органический рост. Цель – выход на развитый рынок СТ к 2025 году. Была создана Национальная ассоциация организаций по развитию сельского и экотуризма. Она уже 9 лет занимается повышением профессиональной квалификации различных групп населения, главным образом, сельских предпринимателей [12]. Проходит обучение тому, как создать и развивать свой объект и как объединить разрозненные «точки» в единый и конкурентоспособный турмаршрут; обучение маркетингу и продвижению; нормативно-правовым и финансовым основам развития СТ. Таким образом, постепенно обеспечивается системная подготовка кадров для СТ.

СТ стал активно развиваться в Краснодарском крае, Нижегородской, Смоленской, Астраханской, Воронежской, Калининградской, Ярославской, Смоленской областях, Ставропольском крае, Республике Крым и Карелии, ряде других субъектов РФ. Особое место занимает Кубань. С 2017 года в регионе работает Краевая Ассоциация Агротуризма. Хозяйства, которые принимают гостей по программе СТ, находятся в небольших городках и в кубанских станицах. Краснодарский край привлекает сельских туристов казачьим колоритом, живописной

природой, многочисленными полями по выращиванию арбузов, кукурузы, помидоров, а также черешневых, вишневых, яблочных, персиковых, сливовых и абрикосовых садов.

Важным аспектом трансформаций в СТ стала оптимизация нормативно-правовой базы, в части создания условий для развития и функционирования СТ, в т.ч. разработка механизмов субсидирования и грантовой поддержки СТ, использования земель для размещения объектов СТ, системы подтверждения регионального происхождения и системы экологической сертификации продуктов питания и др. Введение в июне 2021 г. понятия СТ в законы «Об основах туристской деятельности в РФ» и «О развитии сельского хозяйства» обеспечит его государственную поддержку и государственное регулирование.

С 1 января 2022 года в России вступил в действие новый федеральный закон, который определил СТ как приоритетное направление государственной политики в сфере развития сельского хозяйства и регулирования рынков сбыта сельхозпродукции [13].

Перспективы рынка СТ в РФ связаны с обеспечением доведения информации о государственных мерах поддержки развития СТ до фермеров, частных предпринимателей, иных заинтересованных лиц и организаций, обеспечением постоянного функционирования системы обратной связи с властями региона по вопросам СТ.

3. Развитие сельского туризма в Республике Крым

Республика Крым является не только одним из самых популярных курортных регионов РФ, но и обладает мощным потенциалом в развитии СТ. Это обусловлено как разнообразием природных рекреационных ресурсов [14], так и большим количеством сельских поселений – в 10 из 14 муниципальных районов Республики Крым удельный вес сельского населения имеет предельный уровень – 100% [15]. В Крыму СТ активно развивается с конца 1990-х годов. Первая программа республиканская программа развития СТ в Крыму была утверждена ещё в 2007 году на трехлетний период, однако, она была реализована лишь на 20%.

Освоение территории Крыма для целей СТ шло двумя путями [16]:

1. Появление объектов СТ вблизи популярных туристских достопримечательностей – характерно для Горного Крыма;
2. Создание объектов аттракции (конные базы, зарыбленные пруды и др.), вслед за которыми появлялись средства размещения сельских туристов – характерно для степного Крыма. Большинство таких предпринимателей не ассоциировали первоначально свою деятельность с СТ.

В настоящее время развитие СТ в Крыму косвенно определяется «Стратегией социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года». В ней отмечается, что значительным потенциалом для развития СТ обладает Белогорский и Советский районы [17]. Более активно СТ развивается в Бахчисарайском районе. Однако, отдельных комплексных программ развития сельского туризма в Крымском регионе в настоящее время нет.

СТ в любом регионе, в Крыму в частности, связан с сельскохозяйственной составляющей. Очень разнообразит цикл рекреационной деятельности в СТ возможность дегустации местного сыра, рыбы, вина, мяса и другой продукции агропромышленного комплекса. По данным Министерства курортов и туризма

Республики Крым [18] в статье была разработана карта предприятий агропромышленного комплекса, локализованных в сельской местности и предоставляющих услуги туристам (рис. 3).

Как видно из карты, большинство предприятий агропромышленного комплекса, локализованных в сельской местности и предоставляющих услуги туристам, размещаются в горно-предгорной зоне Крыма, особенно в Бахчисарайском районе. Большинство предприятий комбинирует различные дополнительные услуги для туристов: экскурсии и дегустации. Наиболее распространенной специализацией таких предприятий является животноводство и растениеводство. Более редкими специализациями является производство сыра (Лучистое, Щебетовка), кумыса (Зеленогорское), рыбоводство (Кацивели, Северное, Новоозёрное), виноделие (ЮБК, Вилино, Владимировка). В отдельных глубинных районах Северного Крыма (Первомайский, Красногвардейский, Красноперекопский, Нижнегорский, Советский) такие предприятия вообще отсутствуют, что говорит о ярко выраженных диспропорциях в развитии СТ в Крыму, в частности такой его составляющей как агротуризм (рис. 3). Разработка программы и принятие закона о СТ в Крыму поможет перенаправить туристские потоки в районы, которые менее востребованы у сельских туристов.

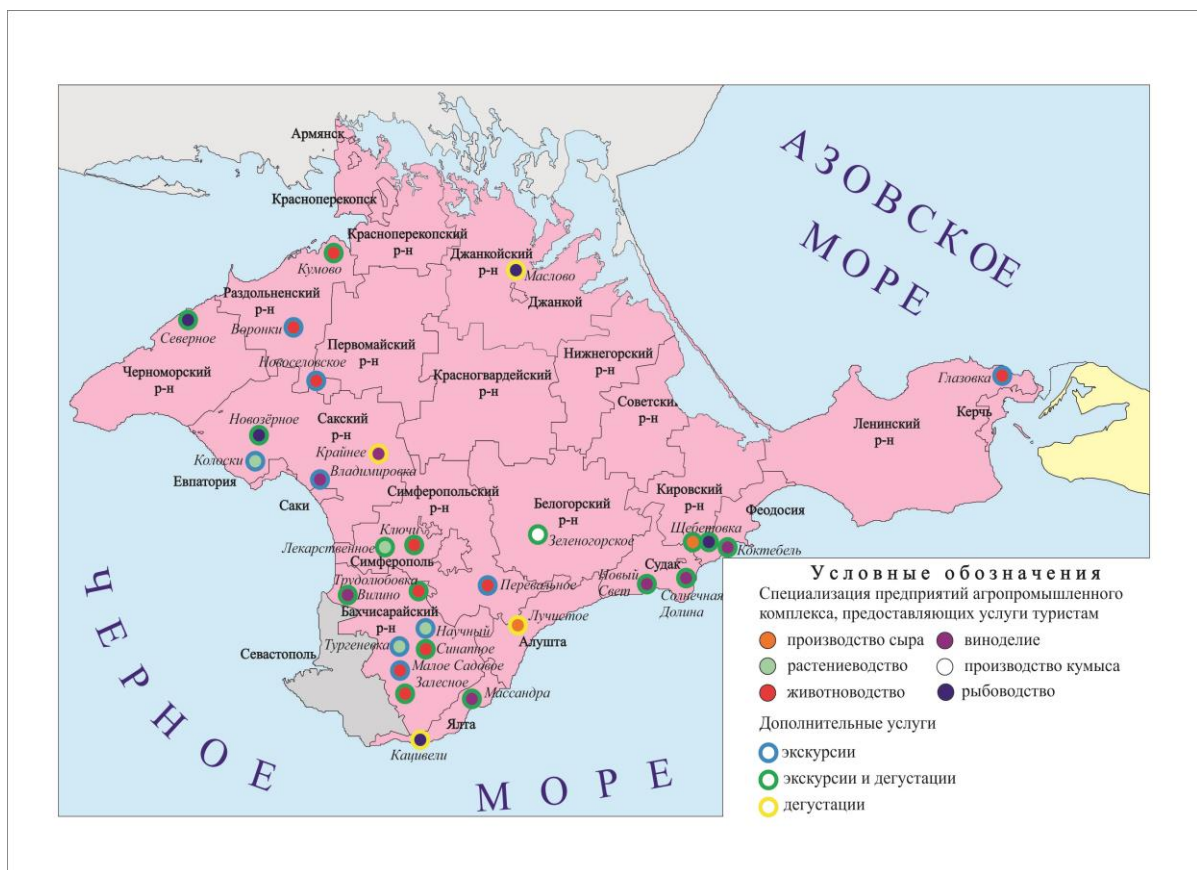

Рис. 3. Предприятия агропромышленного комплекса Республики Крым, предоставляющие услуги туристам в 2022 году.

Составлено автором по [18]

Наиболее перспективной территорией для организации СТ является Горный Крым. Анализируя динамику объёма и структуры рекреационно-ресурсного потенциала Горного Крыма можно констатировать прогрессивные тенденции, связанные с [19]:

1. Переходом к многоцелевому использованию ресурсов и их пространственных сочетаний;
2. Вовлечением в процессии рекреационного природопользования ранее закрытых для рекреации особо охраняемых природных территорий;
3. Появлением новых объектов антропогенного и природно-антропогенного типа, выполняющих функции ресурсного обеспечения для рекреации.

Горный Крым отличается практически полным набором видов рекреационных ресурсов (за исключением пляжных и грязевых) при ведущей роли геоморфологических, биологических и ландшафтных (пейзажных). На основе ландшафтообразующего влияния Крымских гор и лесных биоценозов в комбинации с антропогенными объектами формируются различные типы пространственных сочетаний ресурсов, обеспечивающих большой диапазон видов рекреационных занятий.

Наиболее развитыми в плане организации СТ в Горном Крыму остаются Бахчисарайский (больше всего усадеб), Симферопольский и Белогорский районы, отдельные усадьбы которых рассматриваются в статье.

Отрицательным фактором развития СТ является отсутствие должного статистического учета средств размещения, предоставляющих услуги СТ. Раньше такая статистика велась. Статистика усадеб СТ необходима как для анализа рынка СТ, так и для управления им. Конечно, мы можем судить о предприятиях и размере центров СТ по данным Интернета (таблица 1). Однако, многие сельские усадьбы Горного Крыма не имеют своих сайтов и продвигают продукты СТ на месте, поэтому можно утверждать, что их значительно больше.

Таблица 1

Средства размещения, принимающие туристов в горнолесной зоне Республики Крым (имеющие свои сайты)

Название средства размещения	Населенный пункт
Усадьба «Межгорье»	с. Межгорье
Усадьба «Ени-Сала»	с. Красноселовка
Усадьба «Гартенталь»	с. Донское
Усадьба «Ковчег»	с. Баштановка
Усадьба «Алимова Балка»	с. Баштановка
Поместье Керменчик	с. Высокое
Усадьба «Горец»	с. Многогоречье
Усадьба «Berghof»	с. Многогоречье
Гостевой дом «Лесной Кордон»	с. Многогоречье
Гостевой дом «Бельбек»	с. Многогоречье
Лесотель «Пальмира»	с. Многогоречье
Усадьба «Рыбацкий хутор»	с. Соколиное
Коттеджи «У горной речки»	с. Соколиное
Гостевой дом «Зеленый дворик»	с. Соколиное
ТК «Ателика Орлиный Полет»	с. Соколиное
Гостевой дом «Счастливое Village»	с. Счастливое
Комплекс отдыха «Есо Camp»	с. Новоульяновка
База отдыха «Кабаний перевал»	с. Поляна
Усадьба «Феодоро»	с. Ходжа Сала

Турбаза «Эски-Кермен»	с. Красный Мак
Спортивно-оздоровительная база «Черный Камни»	с. Холмовка

Составлено автором

Из представленных в таблице 1 усадеб и гостевых домов, занимающихся СТ, «Межгорье» и «Ени-Сала» располагаются на территории Белогорского района, «Гартенталь» – в Симферопольском районе, все остальные усадьбы – в Бахчисарайском районе.

Цены размещения в Горном Крыму варьируют в широких пределах – от 500 рублей в сутки за проживание в своей палатке на территории эко-усадьбы «Эски-Кермен» (с. Красный Мак) до 130 000 рублей за аренду усадьбы «Феодоро» для мероприятий (с. Ходжа Сала).

На стоимость размещения очень сильно влияет время рекреации и тип самого средства размещения. Средние цены размещения в двухместном номере в «сезон» в горнолесной зоне Крыма превышают 3000 рублей в сутки.

Специфической тенденцией в организации СТ в горнолесной зоне Крыма является то, что лето не является «сезоном» [20]. Это связано с тем, что большинство туристов летом в Крыму предпочитают отдых у моря. Когда же оно достаточно охлаждается, направляются отдыхать в горы. Лучшее время для сельского отдыха в горах – май и сентябрь, однако, туристы заполняют усадьбы круглый год. Это явное преимущество СТ перед массовым купально-пляжным туризмом.

Рассмотрим инфраструктуру, услуги и ценовую политику усадеб самых популярных у сельских туристов районов Крыма – Бахчисарайского, Белогорского и Симферопольского. Нами были выбраны 6 усадеб, у которых открыты на сайтах данные о ценах, комплексе услуг, инфраструктурных особенностях. По ним можно судить об особенностях развития СТ в Крыму в целом.

Бахчисарайский район. Крупнейшими центрами СТ в районе являются села Многогоречье и Соколиное. В с. Многогоречье услуги СТ предлагают усадьбы «Berghof» и «Горец», гостевые дома «Лесной Кордон» и «Бельбек», а также Лесотель «Пальмира». Рассмотрим инфраструктуру, услуги и цены подробнее.

Гостевой дом «Бельбек» расположен на участке размером 1 га [21]. На территории разбит фруктовый сад и созданы качественные условия для рекреации. В каждом объекте размещения имеется современная кухня, бытовая техника, спутниковое телевидение. Ко всем строениям прикреплена беседка с мангалом. В шале имеется камин. К дополнительным платным услугам относится рыбалка на форель (700 руб./кг), русская баня (2000 руб. за 2-3 часа), экскурсии на УАЗе по горному лесу (1500 руб./час). Имеется возможность самостоятельно приготовить еду. В оборудованном озере на территории усадьбы водится форель, которую можно поймать и приготовить на мангале.

Таблица 2

Цены размещения в гостевом доме «Бельбек»

Объект	Площадь, м ²	Количество спален	Количество санузлов	Цена, руб./сут.	
				2018 г.	2022 г.
Коттедж	90	4	4	10000	15000
Сруб	30	1	1	3000	5000

Составлено автором по [21]

Как видно из таблицы, за последние несколько лет цена увеличилась в 1,5 раза, что характерно для многих сельских усадеб.

Лесотель «Пальмира». На участке площадью 0,5 га расположены строения из закарпатской сосны, среди которых: 4 двухэтажных коттеджа, сауна, барбекю, открытая веранда-шатёр с печкой барбекю и большой терем с комнатами различной планировки и комфортности, среди которых можно выделить: 4-хместный номер, 2-хместный отдельный номер, так называемый (2+2)-хместный номер и 2-хместный «в блоке». Гости, снимающие номера в большом тереме пользуются всей его инфраструктурой. Всего в гостинице возможно размещение до 32 человек, из них 20 на основных местах и 12 на дополнительных [22].

Ценовая политика усадеб Горного Крыма отличается динамичностью и гибкостью. На примере прайса лесотеля «Пальмира», заметно, что усадьба делает скидки при увеличении пребывания, продаёт услуги размещения по значительно более низким ценам в будни и предоставляет детские скидки (таблица 3). Это характерно для большинства усадеб.

Таблица 3

Цены размещения в лесотеле «Пальмира» в 2022 г., руб./сут.

Место размещения	Контингент отдыхающих	Будни	Выходные	Праздники	>7 ночей
Коттедж и домик-барбекю	Для 2-х человек	4000	5000	6000	4000
	Дополнительное место (до 2-х)	+ 500			
	Дети до 12 лет (в т.ч. на дополнительном месте)	Бесплатно			

Составлено автором по [22]

Вторым центром СТ по количеству сельских усадеб в районе (после с. Многоречье) является с. Соколиное. Здесь принимает сельских туристов усадьба «Рыбацкий хутор», коттеджи «У горной речки», гостевой дом «Зеленый дворик», туристский комплекс «Ателика Орлиный Полет».

Усадьба «Рыбацкий хутор», кроме размещения, предлагает разнообразные дополнительные услуги, включая квадроциклинг, аренду УАЗа, массаж и стоун-масса с использованием прогретых базальтовых камней путем воздействия на рефлекторные зоны тела статически, скольжением и растиранием. Стоимость стоунтерапии – 2000 р. за сеанс. Цены за проживание указаны в таблице 4.

Таблица 4

Цены размещения в усадьбе «Рыбацкий хутор» в 2022 г., руб./сут.

Тип средства размещения	Будни	Выходные
Коттедж (первый этаж, до 2 гостей)	3000	3000
Коттедж (второй этаж, до 3 гостей)	4500	4500
Коттедж целиком (до 4 гостей)	7500	7500
Деревянные шале (до 3 гостей)	4000	4500
Шале романтик (до 3 гостей)	4500	4500
Шале бойка (до 4 гостей)	6500	7000
Шале семейный (до 4 гостей)	7000	8000

Шале восточный (до 5 гостей)	10000	12000
Шале охотничий (до 5 гостей)	10000	12000
Шале лесной (до 4 гостей)	10000	12000

Составлено автором по [23]

Белогорский район является вторым по насыщенности усадьбами СТ в Крыму. Крупнейшая усадьба СТ «Розенталь» в селе Ароматное в настоящее время продаётся за 250 тысяч долларов (20 млн рублей). Рассмотрим ценовую политику и особенности обслуживания в наиболее популярных усадьбах СТ в Крыму – «Межгорье» и «Ени-Сала».

Усадьба «Межгорье» находится в одноимённом селе Белогорского района. Есть стандартные двухместные номера за 1200 рублей и семейный номер с дополнительным местом за 1800 рублей. Предусмотрена детская скидка: для детей до пяти лет без предоставления отдельного спального места – бесплатно, детям до 12 лет на основном месте – скидка 20%. На дополнительном месте детям от 5 лет и взрослым предоставляется скидка 25%. В качестве дополнительных услуг предлагается аренда беседок с мангалом, в зависимости от вместимости беседок – 1500 – 2000 рублей; аренда бани (включает 5 банных комплектов) – 2500 р./2 часа [24].

Усадьба «Ени-Сала» находится в с. Красносёловка у северного подножия Главной гряды Крымских гор, в верховьях долины реки Тана-Су. Её рекламный слоган «воплощение загородной идиллии». Предлагает четырёхместные (двухкомнатные) номера: «Люкс» – 2500 р., где есть камин и «королевский» санузел, «Домик» – 2500 р. (двухспальная кровать-софа, 2 дивана), «Стандарт» – 2000 р. (двухспальная кровать-софа, 1 диван) [25].

Симферопольский район отличается меньшей базой СТ, чем Бахчисарайский и Белогорский. Однако, именно здесь находится одна из крупнейших баз СТ – «Гартенталь».

Усадьба «Гартенталь» расположена в селе Донское. Поместье построено в 2010 году в традициях немецкой деревни. На обширной территории усадьбы, занимающей около 5 га, создан большой инфраструктурный комплекс, соединяющий в себе все необходимое для разнообразного отдыха и досуга. Здесь стоят уютные домики в немецком стиле на берегу живописного озера, имеется русская баня и финская сауна, австрийский чан, аромакомната, массажный кабинет, поле для игры в мини-гольф и футбол, а также площадка для волейбола, стрельбы из лука, по тарелкам из пневморужья. Также туристы могут сходить за грибами, порыбачить, поохотиться, покататься на лошадях, велосипедах [26].

Для проживания гостей подготовлены 12 номеров, рассчитанных на 2, 3 и 4 места. Летом есть возможность разбить палатку на территории «Гартенталья». В ресторане усадьбы гостям предлагают блюда, приготовленные по старинным немецким рецептам. Кроме того, здесь проводят мастер-классы по приготовлению брецелей (немецких кренделей), на праздники приглашают музыкальные и танцевальные коллективы.

В хозяйстве разбиты плодовые сады и ухоженные огороды с клубникой, разнообразными ягодами и овощами. Выращенные на собственной ферме, животные обеспечивают кухню свежим мясом.

Рис. 4. Объекты усадьбы «Гартенталь» [26].

Цена аренды гостиничного номера на двоих – 2000 р., улучшенный – 2500 р., на троих – 3000 р., на четверых – 3500 р., гостевой 2-этажный домик – 6000 р., VIP-коттедж + 5 часов сауны и бильярд – 35000 р. [26] Таким образом, предложения очень диверсифицировано.

Другие усадьбы сельского туризма в Симферопольском районе не имеют такого разнообразия услуг и даже своих сайтов. Функционируют такие базы как «Барская усадьба» в селе Опущки, «Muday» в селе Андрусово, «Грушевое озеро» у села Клиновка, «Добрая Долина» в селе Доброе, «Ангара» в селе Перевальное.

Одной из заметных тенденций последних лет является увеличение цен на проживание в сельских усадьбах. На рисунке 5. показана динамика суточных цен за двухместный номер на 3 ночи на выходные (пятница – понедельник) с 2018 по 2022 год.

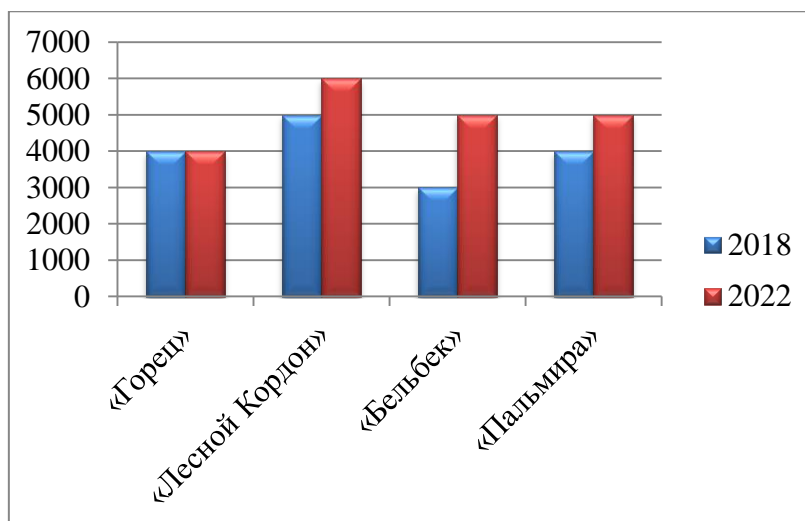

Рис. 5. Динамики суточной стоимости аренды двухместного номера, снятого на 3 ночи с пятницы по понедельник в 2018 – 2022 гг. в усадьбах, принимающих сельских туристов.

Составлено автором

На рисунке 5 видно, что с 2018 по 2022 год цены в среднем за 4 года увеличились на 20%.

Стоит отметить, что отдельные средства размещения, принимающие сельских туристов, не смогли «пережить» пандемию COVID-19 2020 – 2021 годов с её ограничительными мерами и закрылись. Среди них такие усадьбы как «Колесо», «Золотая усадьба», «Солнечноселье». Сложившаяся в 2022 году геополитическая ситуация также заметно повлияла на развитие СТ, заполняемость средств размещения, по оценкам хозяев усадеб, гораздо ниже, чем в «сезон» 2021 года. Это связано как с закрытием авиасообщения в 2022 году в Крыму, так и с опасениями людей, так как Республика Крым находится рядом с «горячей точкой». Без восстановления гражданской авиации в Крыму, показатели развития как СТ, так и туризма в целом, будут низкими.

Также необходимо внедрение инноваций в подбор кадров СТ. Качество обслуживания сельских туристов пока находится на достаточно низком уровне, о чём можно судить по отзывам на портале Яндекс. Автор статьи в качестве эксперимента по оценке качества обслуживания СТ летом 2021 останавливался в усадьбе «Феодоро». Эта усадьба является самой дорогостоящей по услугам в селе Ходжа-Сала. По приезду в усадьбу автора никто из персонала не встретил. Ночью постояльцы громко пели песни под гитару до 5 утра во дворе усадьбы. Персонал не ограничил их в этом, потому что отсутствовал. В номере усадьбы было ночью душно, а у кондиционера не было пульта. Обратиться по этому поводу было не к кому, персонала также не было. Это один из многочисленных примеров неудачного подбора кадров. Для того, чтобы подбирать эффективно людей на работу в туристской отрасли необходимо применять новые технологии, в частности соционические [27], которые позволяют оценить особенности типа личности каждого претендента. Для работы в СТ подходят люди малой группы «социалы», так как эта деятельность предусматривает корректное взаимодействие с людьми и природой. А для оценки качества обслуживания, кроме традиционного метода тайного гостя, стоит порекомендовать активное внедрение технологии Net promoter score (NPS), основанную на готовности клиентов рекомендовать компанию.

Одной из задач этой статьи является определение наиболее перспективного для развития СТ в Крыму региона. На наш взгляд, это Белогорский район, в частности местность Ени-Сала в окрестностях горного села Красносёловка. Причины:

1. В окрестностях местности села Красносёловка проходят туристские маршруты на Нижний и Верхний Кок-Асан, гору Филлипов Сенкос, гору Кок-Таш, откуда открывается живописный вид на урочище Панагия и юго-восточное побережье Крыма. Для опытных пешеходников интересным вариантом является живописный маршрут из Красносёловки на Караби-яйлу. Для массового туриста маршрут может быть сокращён до восхождения на Кузгунны-Каясы с панорамными видами на скалы Шуври и Хриколь или до восхождения на перевал Каллистон через Нижний Кок-Асан, то есть в обратном направлении.

2. В самом селе Красносёловка официально работает только усадьба СТ «Ени-Сала». Таким образом, конкуренция в этой местности гораздо ниже, чем, например, в Бахчисарайском районе, где размещаются десятки сельских усадеб. Более того, Белогорский район расположен ближе к Крымскому мосту, чем Бахчисарайский, что является топологическим конкурентным преимуществом, особенно в условиях отсутствия авиaperевозок в Крым.

3. В перспективе спрос у туристов на посещение этих мест должен увеличиться, что обусловлено реконструкцией дороги Белогорск-Приветное. Приказом Министерства строительства и архитектуры РК от 31 января 2022 года

утверждена документация по планировке территории с целью размещения объекта «Строительство и реконструкция автомобильной дороги 35 ОП МЗ 35Н-116 «Белогорск – Приветное» [28]. Данный приказ может стать отправной точкой в развитии этого региона и определить рост рекреационного спроса именно в сфере сельского туризма, так как дорога «Белогорск-Приветное» проходит через живописные горные территории, удаленные от городов.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Развитие СТ приводит к трансформации сельских территорий – в селе появляются новые места работы, новые усадьбы, улучшается инфраструктура, эстетизируются поселения, сохраняется их культурное наследие. Так, село Ходжа-Сала в Горном Крыму превратилось из маленького полузаброшенного населенного пункта с ветхими домами и разбитыми дорогами в полифункциональный туристский центр с джипингом, конными прогулками, восточной кухней, качественно сделанными дорогами, эстетично оформленными усадьбами и ресторанами.

2. В настоящее время уже сформирована база для развития СТ в регионах РФ и наблюдается её органический рост. Цель – выход на развитый рынок СТ к 2025 году. Была создана Национальная ассоциация организаций по развитию сельского и экотуризма. Согласно Концепции развития СТ в России, к 2030 г. объем продукции и услуг, поставленных и оказанных в области СТ должен составить 50 млрд. рублей в год.

3. Освоение территории Крыма для целей СТ шло двумя путями: появление объектов СТ вблизи популярных туристских достопримечательностей, что характерно для Горного Крыма, а также создание объектов аттракции, вслед за которыми появлялись средства размещения сельских туристов, что характерно для степного Крыма.

4. Большинство предприятий АПК, локализованных в сельской местности и предоставляющих услуги туристам, размещаются в горно-предгорной зоне Крыма, особенно в Бахчисарайском районе. В основном эти предприятия комбинируют различные дополнительные услуги для туристов: экскурсии и дегустации. Наиболее распространенной их специализацией является животноводство и растениеводство, реже это производство сыра, кумыса, рыбоводство, виноделие.

5. Наиболее развитыми в плане организации СТ в Горном Крыму остаются Бахчисарайский (больше всего усадеб), Симферопольский и Белогорский районы, отдельные усадьбы которых были рассмотрены в статье.

6. Все усадьбы Горного Крыма очень отличаются по типу инфраструктурных элементов средств размещения и по предоставляемым услугам. Кроме таких традиционных услуг как экскурсии по горному лесу или баня, отдельные предприятия делают акцент на уникальность, предлагая поездки на багги или японскую ванну о-фуро («Лесной Кордон»), стоунтерапию («Рыбацкий хутор»). Посетители всех усадеб имеют возможность пройти по аттрактивным «зеленым» маршрутам окрестностей горных сёл.

7. Цены размещения в Горном Крыму варьируют в широких пределах – от 500 рублей в сутки за проживание в своей палатке на территории эко-усадьбы «Эски-Кермен» (с. Красный Мак) до 130 000 рублей за аренду усадьбы «Феодоро» для

мероприятий (с. Ходжа-Сала). Одной из заметных тенденций последних лет является увеличение цен на проживание в сельских усадьбах. В среднем цены за 4 года увеличились на 20%.

8. Отдельные средства размещения, принимающие сельских туристов, не смогли «пережить» пандемию COVID-19 2020 – 2021 годов и закрылись. Крупнейшая усадьба СТ «Розенталь» в селе Ароматное выставлена на продажу и на момент написания статьи продавалась за 20 млн рублей. Геополитическая ситуация 2022 года также очень негативно повлияла на развитие СТ.

9. По нашим оценкам, наиболее перспективным для развития СТ в Крыму является Белогорский район, в частности местность Ени-Сала в окрестностях горного села Красносёловка. Это обусловлено обилием достопримечательностей в этом районе, меньшим уровнем конкуренции по сравнению с Бахчисарайским районом, строительством и реконструкцией автомобильной дороги «Белогорск – Приветное», что регламентируется Приказом Министерства строительства и архитектуры Республики Крым от 31 января 2022 года.

Литература

1. Яковенко И. М., Лозова Д. В. Сельский туризм как фактор социально-экономического развития равнинного Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 78-92.
2. Зырянов А. И., Щепеткова И. О. Сельско-лесной туризм и дачная рекреация в Пермском крае // Актуальные проблемы развития сельского (аграрного) туризма в условиях современных геополитических и социально-экономических вызовов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2017. Краснодар: Кубанский государственный университет. С. 11-17.
3. Биржаков М. Б., Биткулова Л. И., Панова Д. Н. Организация сельского туризма: практическое пособие. Всевожск: ЕЛГО, 2010. 120 с.
4. Бугаец Т. Г. Современное состояние и перспективы развития зелёного туризма в Крыму // Таврические студии. Серия: искусствоведение. 2016. №8 (22). С. 121-126.
5. Денисенко В. В. Современное состояние и перспективы развития агротуризма в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 2011. Том 24 (63). №1. С. 173-185.
6. Доможилкина Ж. В., Халилова М. Н. Современное состояние и перспективы развития агротуризма в Белогорском районе Республики Крым // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4 (ч.2). С. 340-346.
7. Егоров Ю. Н. Сельский туризм: опыт, проблемы, перспективы развития в России. М. : ООО «Столичная типография», 2008. 72 с.
8. Чернявая А. Л. Анализ современного состояния сельского зеленого туризма в АР Крым // Економічний вісник Донбасу. 2012. № 1 (27). С. 63-66.
9. Гуров С. А. Территориальная рекреационная система «сельского зеленого туризма» // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. №7. С. 207-217.
10. Купер К., Флетчер Д, Гильберт Д., Ванхилл С., Богданов Е. Экономика туризма: теория и практика: учебное пособие. СПб.: Омега, 1998. 380 с.

11. Концепция развития сельского туризма в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://мниап.рф/rural-tourism>.
12. Национальная ассоциация организаций по развитию сельского и экотуризма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://selturacademia.ru/>.
13. Сельский туризм как приоритетное направление государственной политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://odinweek.ru/2022/01/20/selskij-turizm-kak-prioritetnoe-napravlenie-gosudarstvennoj-politiki/>.
14. Туристско-рекреационный ресурсный потенциал Республики Крым и Г. Севастополь / С. А. Гуров, Л. А. Багрова, Г. Н. Амеличев [и др.]. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2015. 408 с.
15. Атлас социокультурных процессов в Крыму: Карты / Н. И. Борисова, С. А. Гуров, Е. А. Дудник [и др.]. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. 196 с.
16. Специализированные виды туризма в Крыму: состояние, проблемы, перспективы / под ред. И.М. Яковенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. 288 с.
17. Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rk.gov.ru/file/strategiya_sotsialno_ekonomicheskogo_razvitiya_respubliki_krim_do_2030.pdf?ysclid=15fqwm8ugq905849095.
18. Информация о крестьянских (фермерских) хозяйствах / личных подсобных хозяйствах и иных объектах агропромышленного комплекса, готовых предложить услуги туристам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/>.
19. Яковенко И. М., Дугаренко И. А. Горный Крым: эволюция и география рекреационных функций: монография. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2014. 240 с.
20. Гуров С. А. Развитие сельского зеленого туризма в Бахчисарайском районе Республики Крым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2019. Т. 5. № 3. С. 19-37.
21. Гостевой дом «Бельбек» — отдых в горах Крыма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mnogoreche.ru>.
22. Сайт усадьбы зеленого туризма в крымских горах. Лесотель Пальмира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://лесотель.рф>.
23. Усадьба «Рыбацкий хутор». Село Соколиное [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hytor-sokolinoe.ru/>.
24. Усадьба «Межгорье» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mejgorie.com/>
25. Усадьба «Ени-Сала» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eni-sala.com/>.
26. Гартенталь – частная усадьба в Крыму [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gartental.ru/>.
27. Гуров С. А. Соционика как инструмент подбора кадров в туристской отрасли // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России. Материалы I Всероссийской с международным участием научной конференции. 2018. С. 119-122.
28. Приказ Министерства строительства и архитектуры Республики Крым «Об утверждении документации по планировке территории с целью размещения объекта регионального значения» №35 от 31.01.2022 года [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://belogorsk.rk.gov.ru/uploads/txteditor/belogorsk/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpwZMI9O_3.pdf

S. A. Gurov

Rural tourism: dynamics and transformations

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Russian Federation
e-mail: gurrov@mail.ru

Abstract. *In this article, a dynamic model of the territorial system of rural tourism has been developed, transformations in the system of rural tourism in the Russian Federation and the Republic of Crimea have been investigated, a geographical analysis of the development of rural tourism in the Crimean region has been carried out, trends in rural tourism in the Mountainous Crimea have been identified, the most promising area for the development of rural tourism in the Crimea has been identified.*

Key words: *rural tourism, rural estates, transformations, Russian Federation, Republic of Crimea, Belogorsky district, agrotourism, agro-industrial complex, sanctions, territorial system.*

References

1. YAkovenko I. M., Lozova D. V. Sel'skij turizm kak faktor social'no-ekonomicheskogo razvitiya ravninnogo Kryma // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. 2018. T. 4 (70). № 1. S. 78-92. (in Russian)
2. Zyryanov A. I., SHCHepetkova I. O. Sel'sko-lesnoj turizm i dachnaya rekreaciya v Permskom krae // Aktual'nye problemy razvitiya sel'skogo (agrarnogo) turizma v usloviyah sovremennyh geopoliticheskikh i social'no-ekonomicheskikh vyzovov. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 2017. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet. S. 11-17. (in Russian)
3. Birzhakov M. B., Bitkulova L. I., Panova D. N. Organizaciya sel'skogo turizma: prakticheskoe posobie. Vsevolzhsk: ELGO, 2010. 120 s. (in Russian)
4. Bugaev T. G. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya zelyonogo turizma v Krymu // Tavricheskie studii. Seriya: iskusstvovedenie. 2016. №8 (22). S. 121-126. (in Russian)
5. Denisenko V. V. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya agroturizma v Krymu // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. 2011. Tom 24 (63). №1. S. 173-185. (in Russian)
6. Domozhilkina ZH. V., Halilova M. N. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya agroturizma v Belogorskom rajone Respubliki Krym // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2017. № 4 (ch.2). S. 340-346. (in Russian)
7. Egorov YU. N. Sel'skij turizm: opyt, problemy, perspektivy razvitiya v Rossii. M. : OOO «Stolichnaya tipografiya», 2008. 72 s. (in Russian)
8. CHernyavaya A. L. Analiz sovremennogo sostoyaniya sel'skogo zelenogo turizma v AR Krym // Ekonomichnij visnik Donbasu. 2012. № 1 (27). S. 63-66. (in Russian)

9. Gurov S. A. Territorial'naya rekreacionnaya sistema «sel'skogo zelenogo turizma» // Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov. 2018. №7. S. 207-217. (in Russian)
10. Kuper K., Fletcher D, Gil'bert D., Vanhill S., Bogdanov E. Ekonomika turizma: teoriya i praktika: uchebnoe posobie. SPb.: Omega, 1998. 380 s. (in Russian)
11. Konceptsiya razvitiya sel'skogo turizma v Rossii URL: <http://mniap.rf/rural-tourism>. (in Russian)
12. Nacional'naya asociaciya organizacij po razvitiyu sel'skogo i ekoturizma URL: <https://selturacademia.ru/>. (in Russian)
13. Sel'skij turizm kak prioritetnoe napravlenie gosudarstvennoj politiki URL: <https://odinweek.ru/2022/01/20/selskij-turizm-kak-prioritetnoe-napravlenie-gosudarstvennoj-politiki/>. (in Russian)
14. Turistsko-rekreacionnyj resursnyj potencial Respubliki Krym i G. Sevastopol' / S. A. Gurov, L. A. Bagrova, G. N. Amelichev [i dr.]. Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2015. 408 s. (in Russian)
15. Atlas sociokul'turnyh processov v Krymu: Karty / N. I. Borisova, S. A. Gurov, E. A. Dudnik [i dr.]. Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2021. 196 s. (in Russian)
16. Specializirovannye vidy turizma v Krymu: sostoyanie, problemy, perspektivy / pod red. I.M. YAKovenko. Simferopol': IT «ARIAL», 2021. 288 s. (in Russian)
17. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Krym do 2030 goda URL: https://rk.gov.ru/file/strategiya_sotsialjno_ekonomicheskogo_razvitiya_respubliki_krim_do_2030.pdf?ysclid=15fqwm8uqg905849095. (in Russian)
18. Informaciya o krest'yanskikh (fermerskikh) hozyajstvah / lichnyh podsobnyh hozyajstvah i inyh ob"ektah agropromyshlennogo kompleksa, gotovyh predlozhit' uslugi turistam URL: [https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/ attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/](https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/). (in Russian)
19. YAKovenko I. M., Dugarenko I. A. Gornyj Krym: evolyuciya i geografiya rekreacionnyh funkcij: monografiya. Simferopol': IT «ARIAL», 2014. 240 s. (in Russian)
20. Gurov S. A. Razvitiye sel'skogo zelenogo turizma v Bahchisarajskom rajone Respubliki Krym // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. 2019. T. 5. № 3. S. 19-37. (in Russian)
21. Gostevoj dom «Bel'bek» — otdyh v gorah Kryma URL: <http://mnogoreche.ru>. (in Russian)
22. Sajt usad'by zelenogo turizma v krymskikh gorah. Lesotel' Pal'mira URL: <http://lesotel.rf>. (in Russian)
23. Usad'ba «Rybackij hutor». Selo Sokolinoe URL: <https://hytor-sokolinoe.ru/>. (in Russian)
24. Usad'ba «Mezhgor'e» URL: <https://mejgorie.com/>. (in Russian)
25. Usad'ba «Eni-Sala» URL: <http://eni-sala.com/>. (in Russian)
26. Gartental' – chastnaya usad'ba v Krymu URL: <https://gartental.ru/>. (in Russian)
27. Gurov S. A. Socionika kak instrument podbora kadrov v turistskoj otrasli // Prioritetnye napravleniya i problemy razvitiya vnutrennego i mezhdunarodnogo turizma v Rossii. Materialy I Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii. 2018. S. 119-122. (in Russian)

28. Приказ Министерства строительства и архитектуры Республики Крым «Об утверждении документации по планировке территории с целью размещения объекта регионального значения» №35 от 31.01.2022 года URL: https://belogorsk.rk.gov.ru/uploads/txteditor/belogorsk/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpwZMI9O_3.pdf (in Russian)

Поступила в редакцию 15.07.2022 г.

УДК 502/504; 614.7

С. А. Епринцев¹
О. В. Клепиков^{1,2}
С. А. Куролап¹

Социально-экономические условия и антропогенное загрязнение воздушного бассейна как взаимосвязанные факторы трансформации урбанизированных территорий ЦЧР

¹ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
г. Воронеж, Российская Федерация

e-mail: esa81@mail.ru

²ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
университет», г. Воронеж, Российская Федерация

e-mail: klepa1967@rambler.ru

Аннотация. Комплексное воздействие социально-экономических условий и антропогенного загрязнения воздушного бассейна урбанизированных территорий является существенным фактором, определяющим интегральные показатели устойчивого развития. В ходе исследований проведена оценка комплексного вклада социально-экономических условий и антропогенного загрязнения воздушного бассейна в трансформацию урбанизированных территорий на примере городов Центрально-Черноземного региона России – Воронежа, Липецка, Белгорода. Разработаны геоинформационные ресурсы, обеспечивающие пространственно-временную оценку социально-экономических условий и факторов экологической безопасности исследуемых урбанизированных территорий. Проведён комплекс эколого-геохимических исследований городов Центрально-Черноземного региона России. Изучен комплекс социально-экономических условий, определяющих устойчивое развитие территории.

Ключевые слова: урбанизированные территории, антропогенные поллютанты, социально-экологические условия, социально-гигиенический мониторинг, экологическая безопасность.

Введение

Обеспечение высокого качества жизни населения в современных городах требует учёт многокомпонентности структуры урбанизированных территорий и взаимосвязи различных компонентов [1, 2]. Существенный рост экономического благосостояния населения, прослеживаемый на территории развитых стран мира со второй половины XX века сопровождается ростом антропогенного загрязнения городской среды, ростом экологически-обусловленных заболеваний и снижением экологической безопасности территорий [3, 4].

Вопросы экологической безопасности и её удельного вклада в интегральный показатель устойчивого развития территории детально изучены во многих трудах отечественных и зарубежных исследователей. Так, Н.С. Касимовым [5], А.А.Келлером [6], Б.Б. Прохоровым [7] и другими описаны причинно-следственные связи формирования очагов экологически-обусловленных заболеваний и появление зон экологического риска. В частности, концепция экологического риска, обоснованная в трудах ведущих отечественных

гигиенистов Г.Г. Онищенко, А.Ю. Поповой, Б.А. Ревича, С.Л. Авалиани, Ю.А. Рахманина и других, исходит из того, что сочетание в окружающей среде потенциально-опасных химических веществ и других вредных экологических факторов создает угрозу здоровью человека [3, 4].

Данная концепция, принятая в качестве основной природоохранными ведомствами РФ, позволяет, помимо идентификации, количественно оценивать различные факторы экологического риска, что является основой при планировании мер по оптимизации негативных условий в экологически-неблагополучных районах [3, 4].

Следует отметить, что при детальном исследовании факторов, определяющих экологическую безопасность, в настоящее время не достаточно внимания уделяется пространственно-временной оценке причинно-следственных связей геохимического загрязнения компонентов окружающей среды антропогенными поллютантами и риска возникновения экологически-обусловленных заболеваний населения с учётом комплекса биотехносферных факторов – городской застройки, микроклиматических условий региона, социально-экономических условий, а также разработки мероприятий по повышению экологической безопасности урбанизированной территории, что определяет актуальность проведённых нами исследований.

Цель исследования: оценка комплексного вклада социально-экономических условий и антропогенного загрязнения воздушного бассейна в трансформацию урбанизированных территорий на примере городов Центрально-Черноземного региона России – Воронежа, Липецка, Белгорода.

Для достижения поставленной цели решены задачи: 1) разработаны геоинформационные ресурсы, обеспечивающие пространственно-временную оценку социально-экономических условий и факторов экологической безопасности исследуемых урбанизированных территорий; 2) проведён комплекс эколого-геохимических исследований городов Центрально-Черноземного региона России; 3) изучен комплекс социально-экономических условий, определяющих устойчивое развитие территории.

Материалы и методы

Оценка комплексных взаимосвязей социально-экономических условий и антропогенного загрязнения городских ландшафтов предполагает анализ крупных массивов геоданных, что делает необходимым разработку системы постоянного геоинформационного мониторинга [8, 9]. Разработанные геоинформационные ресурсы представляют собой ряд взаимосвязанных баз данных, полученных в ходе эколого-геохимических исследований и сбора статистической информации.

В ходе лабораторных эколого-геохимических исследований, проведённых на базе ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Воронежской области» создана база данных содержания антропогенных поллютантов (факторов канцерогенного риска для населения) в атмосфере городов Воронежа, Липецка и Белгорода за период с 2017 по 2022 годы.

Для расчета индивидуального канцерогенного риска населения, проживающего в исследуемых городах, использовалась методология Центра гигиены им. Эрисмана, описанная в нормативном документе «Руководство по оценке риска для здоровья

населения при воздействии химических веществ, загрязняющих окружающую среду» (Р. 2.1.10.1920-04).

Схема исследования включала следующие этапы – идентификация опасности; оценка зависимости «доза-ответ»; оценка экспозиции (расчет средних концентраций канцерогенов, определение вероятных среднесуточных доз поступления канцерогенов в организм ингаляционным путем); количественная оценка индивидуального канцерогенного риска для двух возрастных групп населения (дети 6 лет, взрослые) [3].

Для расширения баз пространственных геоданных лабораторные эколого-геохимические исследования были дополнены статистическими данными природоохранных ведомств РФ. Кроме того, для более детального пространственно-временного анализа факторов экологической безопасности в ГИС «Экологическая безопасность городов Центральной России» включены данные, косвенно влияющие на экологическую безопасность – социально-экономические и микроклиматические условия территорий.

В качестве основного источника статистической информации выступила электронная система социально-гигиенического мониторинга (СГМ), функционирование которой обеспечивает Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Сбор и анализ информации выполняется Управлениями Роспотребнадзора и Центрами гигиены и эпидемиологии в субъектах Российской Федерации. При этом функционирование системы носит межведомственный характер [10].

Результаты и обсуждение

Эколого-геохимические исследования атмосферы городского округа города Воронежа позволили установить содержание в воздухе города ряда антропогенных поллютантов, являющихся факторами канцерогенного риска – формальдегида, свинца, сажи, соединений хрома, бутадиена, стирола, бензола и бенз(а)пирена. На основании полученных данных рассчитан индивидуальный канцерогенный риск для детского и взрослого населения города Воронежа (таблица 1).

Таблица 1

Максимальные значения индивидуального канцерогенного риска детского и взрослого населения на территории города Воронежа при воздействии антропогенных поллютантов в воздухе урбанизированной территории

№	Антропогенный поллютант – фактор риска	Риск для детского населения	Риск для взрослого населения
1	Формальдегид	$5,01 \times 10^{-6}$	$5,60 \times 10^{-5}$
2	Свинец	$5,50 \times 10^{-8}$	$6,15 \times 10^{-7}$
3	Сажа (углерод)	$8,93 \times 10^{-6}$	$9,98 \times 10^{-5}$
4	Соединения хрома ⁶⁺	$1,18 \times 10^{-4}$	$1,32 \times 10^{-3}$
5	1,3-бутадиен	$3,06 \times 10^{-4}$	$3,42 \times 10^{-3}$
6	Стирол (этилбензол)	$1,20 \times 10^{-8}$	$1,34 \times 10^{-7}$
7	Бензол	$1,18 \times 10^{-5}$	$1,27 \times 10^{-5}$
8	3,4-бенз-а-пирен	$2,37 \times 10^{-7}$	$2,54 \times 10^{-7}$

Составлено авторами

Уровни индивидуального канцерогенного риска, превышающие допустимые значения (1×10^{-4}) зафиксированы для 1,3-бутадиена, источником которого в атмосфере города Воронежа являются предприятия по производству синтетического каучука, а также соединения хрома, основным источником которых может выступать авиационный завод (таблица 1).

Оценка содержания антропогенных поллютантов в атмосфере города Липецка позволила определить индивидуальный канцерогенный риск детского и взрослого населения при воздействии формальдегида, свинца, сажи, бензола и бенз(а)пирена (таблица 2). Анализ содержания в атмосфере города Липецка соединений хрома, бутадиена, стирола показал, что данные поллютанты не были обнаружены на уровне чувствительности методов лабораторного контроля.

Превышение индивидуальных уровней канцерогенного риска на территории города Липецка наблюдается при воздействии формальдегида, основным источником которого можно назвать металлургическое производство, а также выбросы автотранспорта (таблица 2).

Оценка индивидуального канцерогенного риска при воздействии загрязнителей атмосферы города Белгорода показал, что загрязнение формальдегидом для детского населения даёт уровень $5,31 \times 10^{-5}$, для взрослого населения – $5,69 \times 10^{-5}$. Загрязнение атмосферы города Белгорода бенз(а)пиреном даёт уровень риска для детского населения – $2,85 \times 10^{-7}$, для взрослого – $3,05 \times 10^{-7}$.

Для оценки социально-экономических условий исследуемых урбанизированных территорий, косвенно влияющих на интегральный показатель экологической безопасности территории на базе электронной системы социально-гигиенического мониторинга (СГМ) получены данные об уровне бедности населения, обеспеченности населения жилой площадью, количестве жилых помещений, не обеспеченных централизованным водопроводом и централизованной канализацией (таблица 3).

Таблица 2

Максимальные значения индивидуального канцерогенного риска детского и взрослого населения города Липецка при воздействии антропогенных поллютантов в воздухе урбанизированной территории

№	Антропогенный поллютант – фактор риска	Риск для детского населения	Риск для взрослого населения
1	Формальдегид	$1,14 \times 10^{-4}$	$1,22 \times 10^{-4}$
2	Свинец	$2,04 \times 10^{-6}$	$2,19 \times 10^{-6}$
3	Сажа (углерод)	$6,43 \times 10^{-5}$	$7,94 \times 10^{-5}$
4	Бензол	$1,51 \times 10^{-5}$	$1,62 \times 10^{-6}$
5	3,4-бенз-а-пирен	$1,47 \times 10^{-5}$	$1,58 \times 10^{-5}$

Составлено авторами

Полученные данные свидетельствуют о том, что исследуемые урбанизированные территории Воронежа, Липецка и Белгорода имеют относительно-схожие показатели (таблица 3). По социальным условиям – отсутствию централизованного водоснабжения и канализации наименее благополучно выглядит территория городского округа города Воронежа (таблица 3).

Таблица 3

Социально-экономические условия городов Центрально-Черноземного региона России

№	Город	Население, имеющее доходы ниже прожиточного минимума, %	Обеспеченность населения жилой площадью, м ² /чел.	Жилые помещения, не обеспеченные централизованным водоснабжением, %	Жилые помещения, не обеспеченные централизованной канализацией, %
1	Воронеж	8,9	30,1	20,2	22,9
2	Липецк	8,7	31,1	11,6	14,7
3	Белгород	7,9	30,6	14,3	19,0

Составлено авторами

Пространственно-временной анализ социально-экономических условий показал, что во всех исследуемых городах наблюдается снижение количества населения с доходами ниже прожиточного минимума и рост обеспеченности населения жилой площадью.

Проведённые эколого-геохимические исследования показали, что по ряду антропогенных поллютантов в городах Центральной России наблюдаются превышения индивидуального канцерогенного риска для населения, что вызывает опасения в связи с сильной зависимостью онкологических заболеваний населения крупных городов от качества окружающей среды. Анализ региональных особенностей объектов экологического риска на территории городского округа города Воронежа – основных источников антропогенных загрязнителей показывает необходимость в разработке комплекса инженерно-проектировочных решений по снижению в приземном слое 1,3-бутадиена и соединений хрома. Для этого целесообразно усилить экологический контроль в отношении промышленных предприятий химической промышленности (АО «Воронежсинтезкаучук», ЗАО «Воронежский шинный завод»), самолетостроения (ПАО «Воронежское акционерное самолетостроительное общество»). Кроме того, существенный канцерогенный риск на территории городского округа города Воронежа наблюдается при воздействии формальдегида, основными источниками которого выступает автотранспорт и мебельные предприятия. В качестве рекомендации следует отметить необходимость усиления контроля на территории города Воронежа за такими канцерогенами как сажа, 3,4-бенз-а-пирен.

На территории города Липецка в качестве основного канцерогена выступает формальдегид. Помимо автотранспорта, основными источниками канцерогенов в атмосфере города являются металлургические предприятия – ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» - крупнейший отечественный производитель стали и ОАО «Липецкий металлургический завод «Свободный сокол».

Основными источниками антропогенного загрязнения атмосферы города Белгорода являются выбросы автотранспорта. На территории данного города предстоит расширить исследования содержания канцерогенов в атмосфере.

Оценивая интегральные пространственно-временные характеристики экологической безопасности городов Центральной России, помимо факторов, оказывающих прямое воздействие на данные показатели (антропогенное загрязнение городской среды) важно уделить внимание факторам, оказывающим косвенное

воздействие. К данным факторам представляется возможным отнести социально-экономические условия.

Так, доход населения в том или ином регионе, определяет общее качество жизни населения, а также оказывает влияние на уровень адаптации населения к неблагоприятным факторам окружающей среды. Чем выше доход, тем более качественное питание, медицинское обслуживание, отдых и т.д. может себе позволить горожанин, что повышает его уровень адаптации. Наиболее уязвимыми группами для возникновения экологически-обусловленных заболеваний являются граждане, проживающие ниже прожиточного минимума.

Оценивая уровень бедности населения в Российских городах по данным электронной системы социально-гигиенического мониторинга (СГМ) мы видим существенную дифференциацию данного показателя в пределах Российской Федерации (от 7 до 33 процентов в различных городах РФ). На территории исследуемых городов Центральной России данный показатель колеблется от 7,9 процентов в Белгороде до 8,9 процентов в Воронеже, что показывает относительное экономическое благополучие данных городов.

К социальным условиям, оказывающим существенное влияние на качество жизни населения и наибольшее косвенное влияние на уровень экологической безопасности можно отнести обеспеченность населения жилой площадью, централизованным водоснабжением и централизованной канализацией.

Площадь жилых помещений, приходящаяся на 1 человека, является фактором, снижающим распространение различных заболеваний. Чем выше данный показатель, тем выше индивидуальная адаптационная устойчивость населения. Исследуя обеспеченность населения России жилой площадью следует отметить, что по средним значениям данного показателя практически все регионы России обеспечены жилой площадью выше минимального значения 7 м² на человека. В исследуемых городах Центральной России данный показатель изменяется от 30,1 м² на человека в городе Воронеже до 31,1 м² на человека в городе Липецке.

Наличие централизованного водоснабжения в жилых помещениях даёт возможность органам Роспотребнадзора осуществлять контроль за качеством питьевой воды, снижая риски ухудшения здоровья населения из-за потребления воды ненадлежащего качества. При создании в жилых помещениях (преимущественно в частном секторе и зонах коттеджной застройки) водопровода из децентрализованных источников (частных скважин, колодцев и т.д.) возможности по такому контролю практически отсутствуют. При этом у населения часто бытует ошибочное мнение о безупречности колодезной воды и воды из частных скважин. Анализ наличия централизованного водоснабжения в регионах России показал существенную дифференциацию городов по данному показателю – от 0,4 до 67 процентов. На территории исследуемых городов наиболее низкий показатель обеспеченности населения централизованным водоснабжением фиксируется на территории городского округа города Воронежа – 30,1 процентов жилых помещений не имеют централизованного водоснабжения. Наилучшие показатели фиксируются в городе Липецке – 11,6 процентов жилых помещений не имеют централизованного водоснабжения. Полученные данные свидетельствуют о необходимости повышения обеспеченности населения в данных городах централизованным водоснабжением для обеспечения социально-гигиенической безопасности. Для успешной реализации данной задачи существует необходимость в проведении просветительской работы

среди населения частных домовладений и коттеджной застройки для развенчивания мифов о «полезности» воды децентрализованного водоснабжения.

При отсутствии централизованной канализации, создавая автономные системы канализации, домовладельцами очень часто допускаются инженерно-технические ошибки в результате чего частный септик становится источником распространения насекомых-переносчиков инфекционных заболеваний, что является существенным фактором снижения санитарно-гигиенической и экологической безопасности. Мониторинг данного факта природоохранными органами не представляется возможным.

Количество жилых помещений в которых отсутствует централизованная канализация сильно различается в разных регионах Российской Федерации – от 0,5 до 62 процентов. На территории исследуемых нами городов наибольшее количество жилых помещений с отсутствующей централизованной канализацией зарегистрировано на территории городского округа города Воронежа – 22,9 процентов. Наименьшее – в городе Липецке – 14,7 процентов. Такие значения являются весомым вкладом в интегральные значения санитарно-гигиенической и экологической безопасности на что следует обратить внимание.

Выводы

Таким образом, в ходе оценки комплексного вклада социально-экономических условий и антропогенного загрязнения воздушного бассейна в трансформацию урбанизированных территорий на примере городов Центрально-Черноземного региона России – Воронежа, Липецка, Белгорода, рассмотрены в комплексе условия, определяющие устойчивое развитие исследуемых территорий. Проведённые эколого-геохимические исследования позволили оценить содержание в атмосфере исследуемых городов загрязнителей, являющихся канцерогенами на основе чего, был рассчитан индивидуальный канцерогенный риск для населения. Установлено, что для Воронежа канцерогенами, уровень риска которых превышает допустимый являются бутадиен и соединения хрома. Для Липецка – формальдегид. На территории города Белгород превышений допустимого уровня риска не зафиксировано. Анализ социально-экономических условий, являющихся косвенными факторами экологической безопасности показал хорошие условия исследуемых городов по экономическим показателям – уровень бедности населения и обеспеченность населения жилыми помещениями, но выявил неблагоприятные факторы по социальным условиям – наличие централизованного водоснабжения и канализации в жилых помещениях. Исследования, проведённые с использованием различных методов – эколого-геохимических исследований, обработки статистической информации позволили оценить различные показатели, определяющие интегральный уровень экологической безопасности с высокой степенью достоверности.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 20-17-00172

Литература

1. Зеленцова С. Ю., Крупко А. Э., Преображенский Ю. Г. Проблемы и особенности обеспечения экологической безопасности Центрально-Черноземного района // Социальная политика и социология. 2010. № 4 (58). С. 74-87.
2. Крупко А. Э., Шульгина Л. В. Экологические аспекты сбалансированного развития Центрально-Черноземного экономического района // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2019. №10. С. 31-41.
3. Куролап С. А., Епринцев С. А., Мамчик Н. П., Клепиков О. В. Оценка риска для здоровья населения, связанного с техногенным загрязнением города Воронежа // Теоретическая и прикладная экология. 2008. № 3. С. 42-49.
4. Епринцев С. А., Клепиков О. В., Шекоян С. В., Жигулина Е. В. Формирование очагов экологически обусловленной заболеваемости как критерий «отклика» на качество окружающей среды // Наука Юга России. 2019. Т. 15. № 3. С. 70-80.
5. Касимов Н. С., Битюкова В. Р., Малхазова С. М. и др. Регионы и города России: интегральная оценка экологического состояния. М., 2016. 560 с.
6. Келлер А. А., Кувакин В. И. Медицинская экология. СПб, 1998. 255 с.
7. Прохоров Б. Б., Горшкова И. В., Шмаков Д. И, Тарасова Е. В. Общественное здоровье и экономика. М., 2007. 292 с.
8. Архипова О. Е., Епринцев С. А. Оценка динамики природного каркаса урбанизированных территорий Воронежской области по материалам дистанционного зондирования Земли // Информация и космос. 2017. № 3. С. 119-125.
9. Yeprintsev S. A. Shekoyan S. V., Lepeshkina L. A., Voronin A. A., Klevtsova M. A. Technologies for creating geographic information resources for monitoring the socio-ecological conditions of cities // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. X International Scientific and Practical Conference - Innovative Technologies in Engineering. 2019. P. 012012. doi: 10.1088/1757-899X/582/1/012012.
10. Федеральный информационный фонд СГМ. 2019. ФБУЗ ФЦГиЭ Роспотребнадзора. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.fcgie.ru/fif_sgm.html.

S. A. Yeprintsev¹,
O. V. Klepikov²,
S. A. Kurolap¹

Socio-economic conditions and anthropogenic pollution of the air basin as interrelated factors of transformation of urbanized Territories of the Central Chernozem region.

¹ Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
¹ e-mail: esa81@mail.ru

² Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
e-mail: klepa1967@rambler.ru

Abstract. *The complex impact of socio-economic conditions and anthropogenic pollution of the air basin of urbanized territories is an essential factor determining the*

integral indicators of sustainable development. In the course of the research, the assessment of the complex contribution of socio-economic conditions and anthropogenic pollution of the air basin to the transformation of urbanized territories was carried out on the example of the cities of the Central Chernozem region of Russia - Voronezh, Lipetsk, Belgorod. Geoinformation resources have been developed to provide a spatio-temporal assessment of socio-economic conditions and environmental safety factors of the urbanized territories under study. A complex of ecological and geochemical studies of the cities of the Central Chernozem region of Russia was carried out. The complex of socio-economic conditions determining the sustainable development of the territory has been studied.

Keywords: *urbanized territories, anthropogenic pollutants, socio-ecological conditions, socio-hygienic monitoring, environmental safety.*

References

1. Zelencova S. YU., Krupko A. E., Preobrazhenskij YU. G. Problemy i osobennosti obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti Central'no-CHernozemnogo rajona // Social'naya politika i sociologiya. 2010. № 4 (58). S. 74-87. (in Russian)
2. Krupko A. E., SHul'gina L. V. Ekologicheskie aspekty sbalansirovannogo razvitiya Central'no-CHernozemnogo ekonomicheskogo rajona // FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya. 2019. №10. S. 31-41. (in Russian)
3. Kurolap S. A. , Eprincev S. A., Mamchik N. P., Klepikov O. V. Ocenka riska dlya zdorov'ya naseleniya, svyazannogo s tekhnogennym zagryazneniem goroda Voronezha // Teoreticheskaya i prikladnaya ekologiya. 2008. № 3. S. 42-49. (in Russian)
4. Eprincev S. A., Klepikov O. V., SHEkoyan S. V., ZHigulina E. V. Formirovanie ochagov ekologicheski obuslovlennoj zabolevaemosti kak kriterij «otklika» na kachestvo okruzhayushchej sredy // Nauka YUga Rossii. 2019. T. 15. № 3. S. 70-80. (in Russian)
5. Kasimov N. S., Bitjukova V. R., Malhazova S. M. i dr. Regiony i goroda Rossii: integral'naya ocenka ekologicheskogo sostoyaniya. M., 2016. 560 s. (in Russian)
6. Keller A. A., Kuvakin V. I. Medicinskaya ekologiya. SPb, 1998. 255 s. (in Russian)
7. Prohorov B. B., Gorshkova I. V., SHmakov D. I, Tarasova E. V. Obshchestvennoe zdorov'e i ekonomika. M., 2007. 292 s. (in Russian)
8. Arhipova O. E., Eprincev S. A. Ocenka dinamiki prirodnogo karkasa urbanizirovannyh territorij Voronezhskoj oblasti po materialam distancionnogo zondirovaniya Zemli // Informaciya i kosmos. 2017. № 3. S. 119-125. (in Russian)
9. Yeprintsev S. A. Shekoyan S. V., Lepeshkina L. A., Voronin A. A., Klevtsova M. A. Technologies for creating geographic information resources for monitoring the socio-ecological conditions of cities // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. X International Scientific and Practical Conference - Innovative Technologies in Engineering. 2019. P. 012012. doi: 10.1088/1757-899X/582/1/012012.
10. Federal'nyj informacionnyj fond SGM. 2019. FBUZ FCGiE Rospotrebnadzora. URL: https://www.fcgie.ru/fif_sgm.html. (in Russian)

Поступила в редакцию 10.07.2022 г.

УДК 911.3

Н. А. Ипполитова^{1,2}
Д. С. Архипова¹

Динамика численности населения малых городов Сибири в постсоветский период

¹ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
г. Иркутск, Российская Федерация;

²ФБГУН «Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН»,
г. Иркутск, Российская Федерация
e-mail: nina-ip@list.ru

¹ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
г.Иркутск, Российская Федерация
e-mail: malienko2@gmail.com

Аннотация. *Малые города это одна из самых многочисленных групп городских поселений, как в России, так и в мире. Именно малые города играют роль центров общественной, культурной и экономической жизни районов, выступают связующим звеном между территориями разного уровня (село-город). В работе представлены результаты трансформации динамики численности с 1989-2021 гг., проведена типология городов с позиции динамики численности населения в трех Сибирских регионах - Забайкальский край, Республики Саха (Якутия) и Бурятия. Выделены региональные особенности в динамике численности населения малых городов.*

Ключевые слова: *динамика численности населения, промышленная специализация, типология малых городов.*

Введение

Для любой страны особое значение имеет экономическое развитие любого типа поселения, особенно города. Ведь города образуют «каркас» системы расселения населения, и города от малого до города-мультимиллионера играют важнейшую роль в урбанизации и экономике страны. Особое место в системе городов страны отводится малым городам, которых в современной России свыше двух трети от общей численности всех городов (более 1100 городов). Малый город это важнейшая составляющая нашей страны, так как он играет огромную роль в формировании и развитии пространства и общества.

Малые города как определенный тип городских поселений представляют собой исторически сложившиеся, устойчивые территориальные образования, составляющие каркас структуры страны и основу жизнеспособности и целостности государства [1]. Именно малым городам принадлежит ключевая роль в интеграции окружающего пространства.

В географической науке интерес к малым городам существовал на протяжении длительного времени как среди зарубежных, так и отечественных исследователей. В советский период времени данной проблемой занимались С.А. Ковалев, О.А. Константинов, Г.М. Лаппо, Е.Г. Анимича [2-5]. Ходжаевым Д.Г. была предложена концепция единой системы расселения [6]. Теоретические подходы классификации малых и средних городов рассмотрено И.А. Секушеной [7]. В регионально разрезе изучением занимались В.В. Воробьев, В.В. Рыков и др. [8-10].

Материалы и методы

При проведении исследования использовались различные методы поиска и отбора информации, а также традиционные для социально-экономической географии - статистический, описательно-аналитический, сравнительно-географический, картографический. Объектами изучения являются малые города трех Сибирских регионов - Забайкальский край, Республики Саха (Якутия) и Бурятия. Используются данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) за период с 1989-2021 гг. Одной из важнейших составляющих изучения в социально-экономической географии является тенденция изменения заселенности территории, выявления общих тенденций изменений численности населения в рассматриваемых регионах. Малые города являются местом сосредоточения промышленности, объектов торговли, образовательными и культурными центрами, транспортными узлами, т.е. опорными точками пространств Сибирских регионов.

Результаты и обсуждение

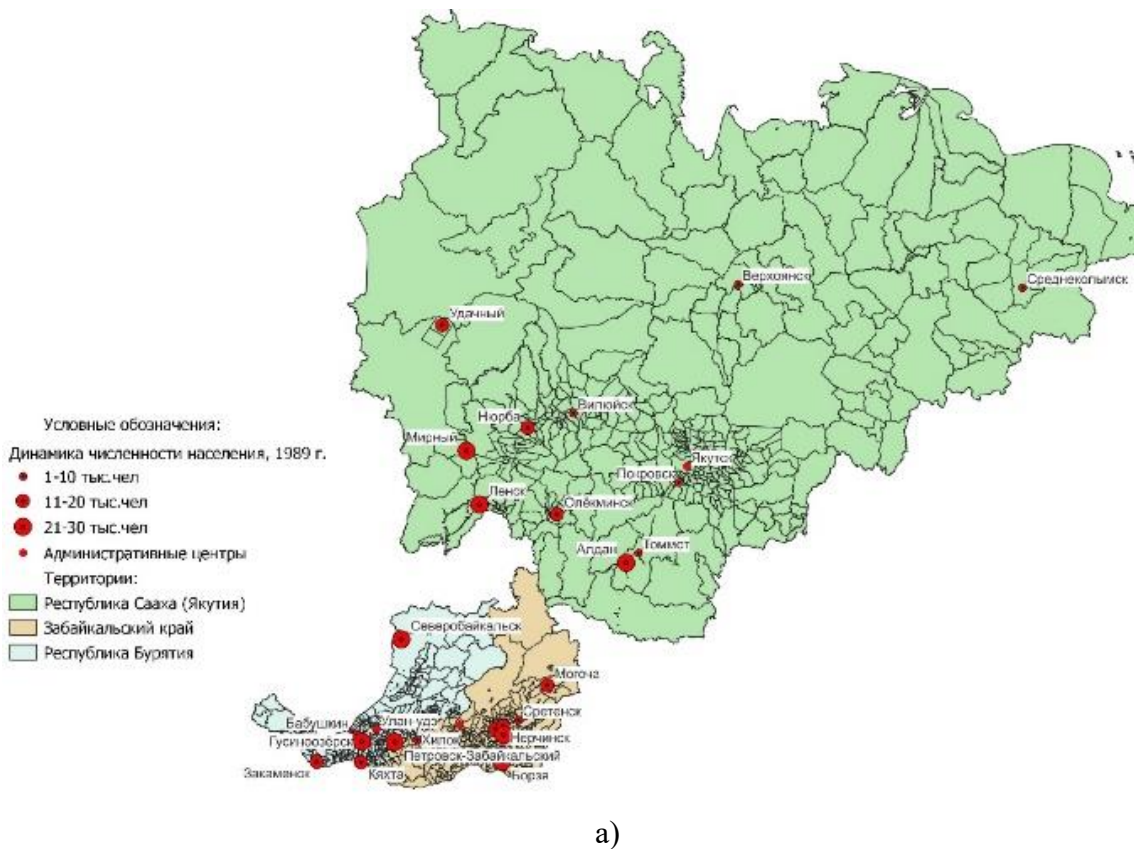
В Советский период экономическое развитие Сибири напрямую было связано с индустриальной модернизацией, еще в начале XX века с прокладкой Транссиба отмечается значительный рост экономики, а также интенсивное заселение восточных регионов русскоязычным населением [11]. Строительство железной дороги способствовало активному экономическому подъему, прежде всего южных территорий Сибири, прилегающих к Транссибу. Развитие северных территорий, богатых природными и минерально-сырьевыми ресурсами активно стало происходить в период активной индустриализации, что привело к появлению и росту больших и малых городов. Так, общее число городов в Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия и в Забайкальском крае в период с 1930 по 1989 гг. увеличилось в 2,6 раза (с 11 до 29), а малых городов в 3 раза (с 8 до 24).

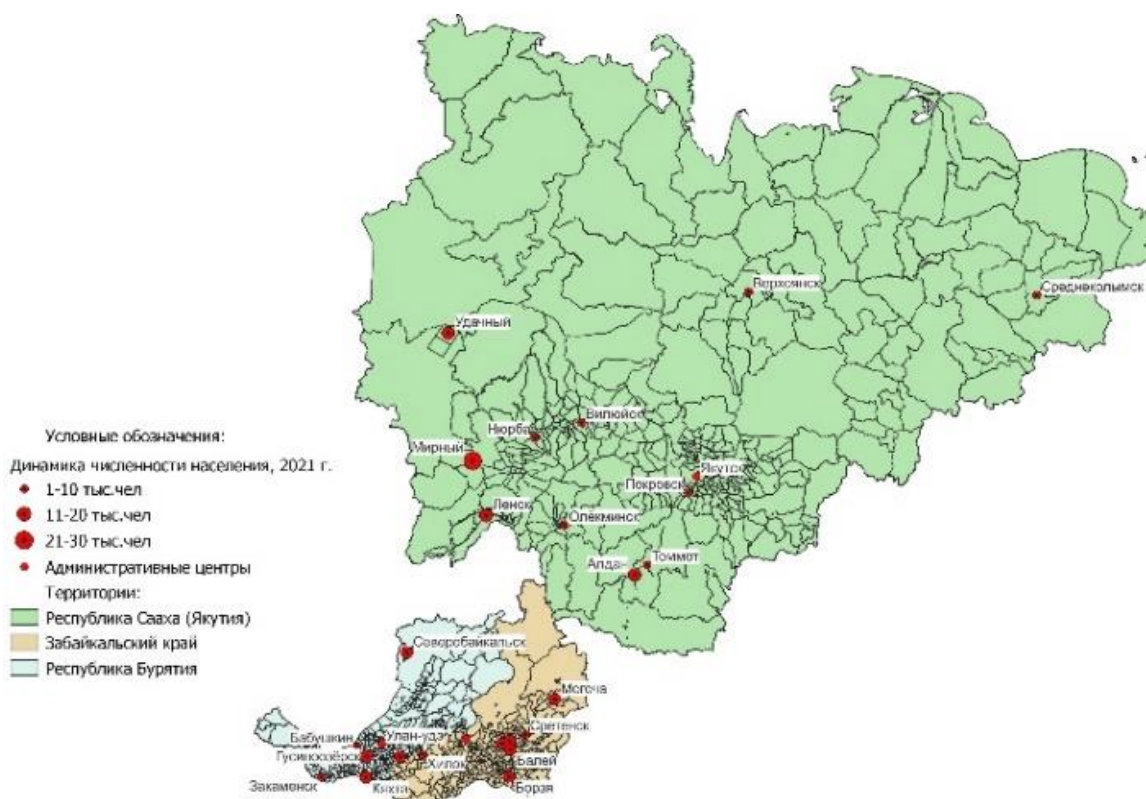
Так, в Республике Саха (Якутия) в 1959 г. численность городского населения составляла 49,1 %, а в 1989 – 66,9 %; в республике Бурятия 1959 – 41 %, а в 1989 -61,7%; а в Забайкальском крае 1959 -55,6 %, 1989 – 65,3%, за 30 летний период отмечается значительный рост городского населения. В советский период времени появилось только 8 городов (3 в Бурятии, 5 в Якутии), но населенные пункты, которые образовались еще до революции, получили статус городов. Выгодное географическое положение населенных пунктов на пересечении транспортных путей, позволило им, перерасти в центры административного управления.

Строительство крупных промышленных объектов, миграция и урбанизация привели к изменению прежней этнической, социально - профессиональной структуры населения, изменились и особенности демографического поведения. В Республике Бурятия бурный рост городского населения был прямым следствием социально-экономического преобразования, также существенные сдвиги происходили в естественном движении населения. В Забайкальском крае к концу 1980-х гг. уже была сформирована достаточно обширная и дисперсная сеть городских поселений, основа которых была заложена еще в дореволюционный период. Эти поселения в основном рассредоточились по линии Транссиба и

южнее его – до границы с КНР. Ведущее значение при образовании большинства городов и рабочих посёлков имели Забайкальская железная дорога и горнодобывающая промышленность [12].

Как уже было отмечено ранее, период активной индустриализации положительно повлиял на развитие городов в регионах Сибири, однако к концу XX века кризисные процессы в стране отразились на социально-экономической ситуации и оказали значительное влияние на демографические процессы вследствие ограниченности мест приложения труда. Большая часть городов напрямую зависела от местных добывающих и перерабатывающих производств. Многие из них к концу 90-х гг. потеряли свой промышленный потенциал, заводы и фабрики приостанавливали свою деятельность в результате разрушения прежних производственных связей, а вскоре многие совсем прекратили работу. Сокращение мест приложения труда приводит к оттоку населения, как правило, это экономически молодая, активная часть населения, имеющая высшее или среднее специальное образование. Уменьшение количества трудоспособного населения в большинстве городов регионов было связано с сокращением или полным прекращением работы основных промышленных комплексов. Некоторые города сохранили свой промышленный потенциал, так как производимая продукция имела экспортное значение и была востребована на мировом рынке. Согласно расчётам, таких городов стало в 3 раза меньше в сравнении с началом XX века (рис. 1).

б)

Рис. 1. Размещение малых городов на территории Республик Саха (Якутия) и Бурятия, Забайкальского края в 1989 и 2021 гг. (а) – 1989 г.; б) 2021 г.)

Составлено авторами

В последние годы во многих регионах Сибири и Дальнего Востока отмечается отток населения, миграционные процессы, протекающие внутри регионов, имеют схожую картину. Основными центрами притяжения являются крупные города и административные центры, где отмечается прирост населения. Малые города и сельская местность выступают в роли «отдающих» свое население. Основной отток населения из регионов происходит в европейскую часть России, как правило, в города Москву и Санкт-Петербург. Забайкальский край и Республика Бурятия тяготеют к Иркутской области и Красноярскому краю, в Республике Саха (Якутия) население с северных районов тяготеет к югу Сибири и соседним западным регионам. Выстраивается своего рода миграционная «цепочка»: село – рабочие поселки - малые города - крупные города – административные центры региона – крупнейшие города.

К категории малых городов относятся населённые пункты с численностью населения до 50 тыс. человек [4], однако эта группа значительно, дифференцирована внутри. Можно выделить следующие группы городов по людности в которых отмечается снижение численности населения (табл. 1).

Таким образом, максимальное сокращение численности населения в городах Республики Саха (Якутия) отмечается среди городов с численностью населения менее 20 тыс. чел., это те города, которые своим возникновением обязаны промышленному освоению, в середине 90-х гг. XX века процесс затухания промышленности затронул (Алдан, Томмот), города перешли из

развивающегося с постоянным миграционным притоком в депрессивные города с миграционным оттоком [13].

Таблица 1

Дифференциация городов Забайкальского края, республики Бурятия и республики Саха (Якутия) по людности (2021 г.)

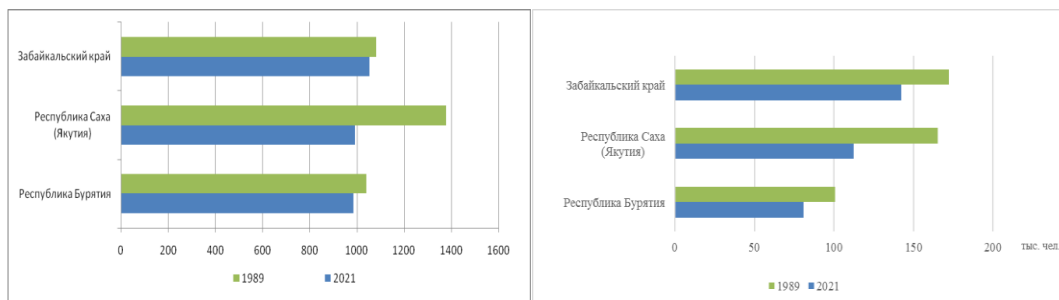
Группы людности городов, (тыс. чел)	Забайкальский край	Кол-во городов	Республика Саха (Якутия)	Кол-во городов	Республика Бурятия	Кол-во городов
Малые города (20,1–50)	Борзя	1	Мирный	1	Северобайкальск Гусиноозерск Кяхта	3
Полумалые города (10–20)	Петровск-Забайкальский Нерчинск Шилка Могоча	4	Ленск Алдан Удачный Вилуйск	4	Закаменск	1
Микроргорода (до 10)	Сретенск Хилок Балей	3	Нюрба Олёкминск Покровск Томмот Среденколымск Верхоянск	6	Бабушкин	1

Составлено авторами

За период с 1989 по 2021 гг. в городах Забайкальского края можно выделить две группы городов, в которых отмечается высокий показатель снижения людности населения: это города, отдаленные от важных транспортных путей (Могоча, Балей) и города когда-то причастные к строительству Транссибирской магистрали, после завершения строительства магистрали утратили свою значимость и развитие в этих городах прекратилось (Борзя, Шилка, Петровск-Забайкальский).

В Республике Бурятия снижение численности населения отмечается в городах, которые удалены от важных транспортных путей (Бабушкин, Северобайкальск), а также в моногородах которым присущи риски ухудшения социально-экономического положения (Закаменск - предприятие «Закаменск» — добыча и переработка отходов Джидинского ВМК; предприятие «Литейщик» — единственное в Бурятии производство, выпускающее запасные части для обогатительного и горно-шахтного оборудования, Гусиноозерск - Градообразующее предприятие «Гусиноозёрская ГРЭС»; функционируют небольшие угольные разрезы «Загустайский» и «Баин-Зурхэ»; литейное предприятие «Гусиноозёрское литьё»).

В настоящее время в малых городах отмечается значительное снижение численности населения (рис. 2), прослеживается тенденция перехода городов из более многочисленной в менее людные группы (полумалые города, микроргорода).

а) регионы

б) малые города

Рис. 2. Динамика численности населения в регионах малых городах 1989-2021 гг.
(а) – в регионах; б) в малых городах)

Составлено авторами

Так, группу полумалых городов (20-50 тыс. чел) покинули 2 города в Забайкальском крае (Балей) и в Республике Саха (Якутия). Из группы малые города (10-20 тыс. чел) в группу микрогорода (до 10 тыс. чел) перешли в Забайкальском края (Хилок) и республики Саха (Якутия) (Нюрба, Олёкминск). Это те города, в которых отмечается значительное сокращение населения. Незначительный прирост населения отмечается только в трех городах: Вилюйск, Мирный и Кяхта (рис. 3). Вилюйск – это административный центр одноименного района, имеющий относительно развитую транспортную инфраструктуру (наличие аэропорта, пристани, проходит федеральная трасса). Мирный, также является административным центром, но его развитие связано с алмаздобывающей отраслью, которая обеспечивает его социально-экономическое развитие. Кяхта имеет уникальное приграничное местоположение, что позволяет ей посредством автомобильного и железнодорожного транспорта сотрудничать с Монголией, Китаем и др. странами Восточной Азии. В настоящее время эта функция будут развиваться, и усиливаться по мере расширения рынков Евразийского экономического союза в восточном направлении и рынка экономического коридора Великого шелкового пути на западном.

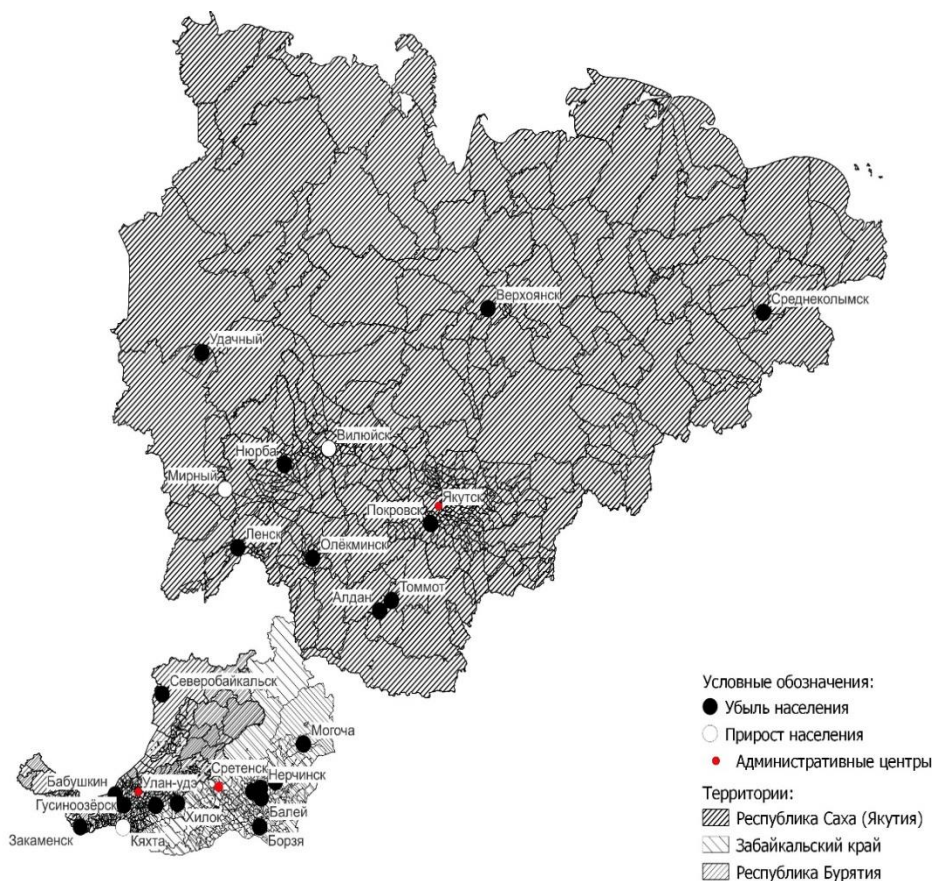

Рис. 3. Изменение численности населения на территории Забайкальского края, Республик Саха (Якутия) и Бурятия за 1989 -2021 гг.

В большинстве рассматриваемых малых городов отмечается снижение численности населения, однако этот процесс протекает с разной степенью интенсивности. В ходе проведенного исследования было выделено четыре группы городов по изменению численности населения в диапазоне с 1989 по 2021 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Группировка малых городов Республики Бурятии, Республики Саха Якутии и Забайкальского края по изменению численности населения

Республика Бурятия	Республика Саха Якутия	Забайкальский край
1. Группа городов, где отмечается увеличение численности населения		
Кяхта	Вилуйск, Покровск	-
2. Группа городов, имеющих стабильную или незначительно уменьшающуюся численность населения (0 % до 10 %)		
-	Мирный	-

3. 4Группа городов, где отмечается значительное сокращение численности населения (от 10,1 % до 25 %)		
Северобайкальск, Гусиноозерск	Нюрба, Оклёминск, Среднеколымск, Алдан,	Борзя, Нерчинск,
4. Группа городов, в которых отмечается катастрофически быстрое снижение численности населения (от 25,1% и более)		
Закаменск, Бабушкин	Томмот, Ленск, Удачный, Верхоянск,	Хилок, Могоча, Шилка, Сретенск, Петровск- Забайкальский, Балей

Составлено авторами

В группу городов, где отмечается положительная динамика численности населения, вошли три города. Город Кяхта в советское время превратился в один из типичных «военных городков», где размещался военный гарнизон, обеспечивающих стратегические интересы СССР на восточных границах. В целом снижение доходов населения, начавшееся в 90-х гг. XX в. в период рыночных трансформаций, сократило рыночную емкость Кяхты, сузила возможности сбыта продукции на местном рынке, тем не менее в последние 5 лет отмечается стабильный рост численности населения, что связано с активизацией экономических связей со странами Восточной Азии. Развитие города Вилуйска связано с освоением Средневилуйского газоконденсатного месторождения, развитие Покровска связано с близостью к административному центру Якутску (76 км).

В группу городов, где отмечается характерно стабильная или незначительно уменьшающаяся численность населения, входит один город – Мирный (Якутия). Стабильная численность населения в городе связана с освоением крупнейшего алмазного месторождения, его траектория развития определяется задачами разведки, добычи и переработки алмазной руды. Среди прибывающих растет число работающих в предприятиях ОАО «АЛРОСА» вахтовым методом, а также абитуриентов, продолжающих обучение в г. Мирный.

В группу городов, где отмечается значительное сокращение численности населения от 11 до 25% входит 8 населенных пунктов. Город Алдан в свое время получил развитие благодаря добычи золота. В настоящее время развитие этих городов обуславливается маятниковой вахтовой миграцией на добывающие и перерабатывающие производства. Практически все малые города Якутии относятся к группе населенных пунктов с дискомфортными условиями климата, что также оказывает значительное влияние не только на динамику численности населения, но и на все демографические процессы. Город Северобайкальск, несмотря на наличие железнодорожного пути и выполнение функции центра отделения РЖД, наоборот, в повседневном дискурсе характеризуется «островным» положением, периферией по отношению как к Республике Бурятия, так и стране в целом, и демонстрирует высокий миграционный отток населения. Освоение угольных месторождений способствовало появлению г. Гусиноозерска, в функциональном отношении город создавался как монопрофильное поселение, жизнь в котором зависела и зависит от градообразующих предприятий.

Группа городов с катастрофическим снижением численности населения (более 25%) включает города, расположенные в неблагоприятных климатических условиях, а также удаленные от важнейших транспортных узлов. Для городов,

входящих в эту группу характерна моноспециализация промышленности. Город Удачный «вырос» вокруг кимберлитовой трубки, Закаменск – связан с работой Джуринского вольфрамowo-молибденового комбината, после его закрытия с переработкой его отходов, Верхоянск - заготовка, переработка сельскохозяйственной продукции.

Самой многочисленной являются 3 и 4 группы, на них приходится 80 % всех малых городов рассматриваемых субъектов, что свидетельствует о сжатии их пространства.

Выводы

Большинство малых городов Сибирских регионов (Республика Саха Якутия, Республика Бурятия, Забайкальский край) как населенные пункты возникли в дореволюционный период, в советское время, преимущественно в 1930-50 гг., в эпоху индустриализации сформировались как города. Природно-климатические условия и характер освоения огромной российской территории обусловили незначительную плотность населения при крайне неравномерном его распределении. Экономические реформы конца 1990-х г. усугубили проблемы малых городов, которые имеют четко выраженный пространственно-территориальный аспект.

Проведенное исследование позволило выявить пространственные особенности постсоветской динамики численности населения малых городов отдельных сибирских регионов. В современных условиях происходит убыль населения в малых городах за счет многих факторов: отток населения, самая значительная убыль отмечается среди граждан в возрасте 25-35 лет; суженное воспроизводство и старение населения. Отрицательная динамика численности населения, связана с реорганизацией или закрытием производств, сокращением расходов на развитие социальной базы малых городов, сужением рынка труда, низкой заработной платой и платежеспособностью населения, и как следствие низким уровнем жизни. В совокупности всё это свидетельствует об изменении их социально-экономического положения.

Статистико-географический обзор динамики численности населения малых городов показывает их пространственное сжатие. Составленная группировка малых городов по изменению численности населения подтверждает это процесс, только в 3 из 24 рассмотренных городов отмечается незначительное увеличение численности населения.

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы: АААА-А21-121012190019-9) при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 20-55- 44023 Монг_а.

Литература

1. Кузьмина Л. Р. Сущность и роль малых и средних городов в системе территориально-отраслевой организации страны // Научные ведомости. 2016. №16. 23 с.
2. Ковалев С.А. Типы поселений — районных центров СССР // Вопр. геогр.: Сб. 56. М., 1962. С. 54-72.

3. Константинов О. А. О классификации городов в экономической географии // Вопр. геогр.: Сб. 41. М., 1957. С. 65-92. 7. Лаппо Г.М. География городов. М.: ВЛАДОС, 1997. 480 с.
4. Лаппо Г. М. Города России: Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с. 9. Малый город: Социально-демографическое исследование небольшого города / Под ред. Б.С. Хорева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 248 с
5. Анимациа Е. Г. Малые и средние города: научно-теоретические аспекты исследования. Екатеринбург, 2011. 123 с.
6. Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР [Текст] / Госплан СССР. Совет по изучению производит. сил ; [Отв. ред. Д. Г. Ходжаев]. Москва : Наука, 1967. 207 с.
7. Секушина И. А. Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. №2. С. 84-93
8. Воробьев В. В. Города южной части Восточной Сибири [Текст] : (Ист.-геогр. очерки). - Иркутск : Кн. изд-во, 1959. 147 с.
9. Рыков П. В. Социально-демографическая трансформация городов Приангарья в условиях переходного периода. Иркутск : Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, 2010. 113 с.
10. Оценка современных факторов развития городов и урбанизационных изменений в Сибири / Е. Ю. Александров, Л. А. Безруков, А. Н. Воробьев [и др.]; Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. Новосибирск: Академическое издательство "Гео", 2011. 213 с.
11. Тимошенко А. И. Экономическое развитие Сибири как результат государственной стратегии, направленной на индустриальную модернизацию СССР //Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. №. 1. С. 91-118.
12. Бреславский А. С. Динамика урбанизационных процессов в Забайкальском крае (1989-2019) //Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. №. 6. С. 44-53.
13. Присяжный М. Ю. Территориальный анализ промышленного освоения Якутии //Экономика региона. 2011. №. 3. С. 241.
14. Федеральная служба государственной статистики - Центральная база статистических данных. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

N. A. Ippolitova^{1,2}
D. S. Arkhipova¹

***Dynamics of the population of small towns in
Siberia in the post-soviet period***

¹Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation;

²Institute of Geography. V.B., Sochavy SB RAS, Irkutsk, Russian Federation

e-mail:nina-ip@list.ru

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

e-mail:malienko2@gmail.com

Abstract. *Small towns are one of the most numerous groups of urban settlements both in Russia and in the world. It is small towns that play the role of centers of social, cultural and economic life of the regions, act as a link between territories of different*

levels (village-city). The paper presents the results of the transformation of population dynamics from 1989-2021, carried out a typology of cities from the standpoint of population dynamics in three Siberian regions - the Trans-Baikal Territory, the Republic of Sakha (Yakutia) and Buryatia. Regional features in the dynamics of the population of small towns are highlighted.

Key words: *population dynamics, industrial specialization, typology of small towns.*

References

1. Kuz'mina L. R. Sushchnost' i rol' malyh i srednih gorodov v sisteme territorial'no-otraslevoj organizacii strany // Nauchnye vedomosti. 2016. №16. 23 s. (in Russian)
2. Kovalev S.A. Tipy poselenij — rajonnyh centrov SSSR // Vopr. geogr.: Sb. 56. M., 1962. S. 54-72. (in Russian)
3. Konstantinov O. A. O klassifikacii gorodov v ekonomicheskoy geografii // Vopr. geogr.: Sb. 41. M., 1957. S. 65-92. 7. Lappo G.M. Geografiya gorodov. M.: VLADOS, 1997. 480 s. (in Russian)
4. Lappo G. M. Goroda Rossii: Vzglyad geografa. M.: Novyj hronograf, 2012. 504 s. 9. Malyj gorod: Social'no-demograficheskoe issledovanie nebol'shogo goroda / Pod red. B.S. Horeva. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972. 248 s. (in Russian)
5. Animica E. G. Malye i srednie goroda: nauchno-teoreticheskie aspekty issledovaniya. Ekaterinburg, 2011. 123 s. (in Russian)
6. Puti razvitiya malyh i srednih gorodov central'nyh ekonomicheskikh rajonov SSSR [Tekst] / Gosplan SSSR. Sovet po izucheniyu proizvodit. sil ; [Otv. red. D. G. Hodzhaev]. Moskva : Nauka, 1967. 207 s. (in Russian)
7. Sekushina I. A. Teoreticheskie podhody k klassifikacii malyh i srednih gorodov Rossii // Nauchnyj vestnik YUzhnogo instituta menedzhmenta. 2019. №2. S. 84-93. (in Russian)
8. Vorob'ev V. V. Goroda yuzhnoj chasti Vostochnoj Sibiri [Tekst] : (Ist.-geogr. ocherki). - Irkutsk : Kn. izd-vo, 1959. 147 s. (in Russian)
9. Rykov P. V. Social'no-demograficheskaya transformaciya gorodov Priangar'ya v usloviyah perekhodnogo perioda. Irkutsk : Institut geografii im. V.B. Sochavy Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2010. 113 s. (in Russian)
10. Ocenka sovremennyh faktorov razvitiya gorodov i urbanizacionnyh izmenenij v Sibiri / E. YU. Aleksandrov, L. A. Bezrukov, A. N. Vorob'ev [i dr.]; Institut geografii im. V.B. Sochavy SO RAN. Novosibirsk: Akademicheskoe izdatel'stvo "Geo", 2011. 213 s. (in Russian)
11. Timoshenko A. I. Ekonomicheskoe razvitie Sibiri kak rezul'tat gosudarstvennoj strategii, napravlennoj na industrial'nyu modernizaciyu SSSR //Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2018. T. 19. №. 1. S. 91-118. (in Russian)
12. Breslavskij A. S. Dinamika urbanizacionnyh processov v Zabajkal'skom krae (1989-2019) //Gumanitarnyj vektor. 2020. T. 15. №. 6. S. 44-53. (in Russian)
13. Prisyazhnyj M. YU. Territorial'nyj analiz promyshlennogo osvoeniya YAkutii //Ekonomika regiona. 2011. №. 3. S. 241. (in Russian)
14. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki - Central'naya baza statisticheskikh dannyh. URL: <http://www.gks.ru>.

Поступила в редакцию 03.07.2022г.

УДК 911.3+379.81

А. Э. Крупко

**Динамика и проблемы развития системы
культурно-бытового обслуживания
населения Центрально-Черноземного
района в постсоветское время**

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
г. Воронеж, Российская Федерация
e-mail: Glomer-a@mail.ru

Аннотация. Цель работы заключается в анализе динамики и проблем развития социально-культурно-обслуживания Центрально-Черноземного района за постсоветское время. При росте экономически выгодных предприятий и учреждений социальной инфраструктуры происходит сокращение социально-культурной инфраструктуры на фоне снижения общего культурного уровня населения. Для достижения поставленной цели использовались исторический, сравнительный, конкурентный, системно-структурный, статистический методы исследования. Были использованы статистические данные из «Регионов России», базы данных муниципальных образований РФ. Статистическая информация по этим источникам была систематизирована, структурирована и проанализирована. Для регионов ЦЧР (за исключением Белгородской области) характерны общие тенденции развития культурной сферы. Деграция социальной инфраструктуры (старение и суженное воспроизводство) обуславливает «социальное» и на этом фоне «демографическое» опустынивание сельских территорий. Заметно изменилась ситуация в образе жизни и культурных предпочтениях населения, так как выросло поколение с ориентацией на западные жизненные ценности. На основе нашей работы можно делать вывод о том, что уменьшение числа элементов экономически неэффективных отраслей социально-культурной инфраструктуры будет происходить и в перспективе, что определяет необходимость оптимизации ее территориальной организации за счет улучшения доступности и развития центров культурного обслуживания. Также нужна перезагрузка всей системы культурного обслуживания на традиционные ценности.

Ключевые слова: Центрально-Черноземный район, обслуживание, регион, музей, театр, библиотека, культура, система.

Введение

В наше сложное время возрастают угрозы существованию России и ее регионам. При этом наиболее опасные угрозы проявляются в духовной сфере. Разрушение морального облика русского человека, формирование западного образа жизни является страшной угрозой для страны. Особенно негативные аспекты имеет социокультурная трансформация молодого населения, переход значительной части молодежи к западному образу жизни.

Надо отметить, за рыночное время в целом произошло серьезное улучшение благоустройства жизненного пространства населения ЦЧР, особенно в городской местности. Благоустройство территорий является ярким показателем материального уровня жизни населения. Предприятия бытового обслуживания,

учреждения культуры, места отдыха, внешнее состояние территорий служат важными индикаторами благосостояния людей. Но в духовной сфере, несмотря на развитие православия, произошла, по нашему мнению, значительная духовная деградация. Например, институт семьи, основной ячейки жизни общества, почти не существует у молодежи до 25 лет, да и в целом уровень брачности населения является самым низким за все годы существования страны. Во многом это обусловлено изменением систем школьного и профессионального образования, воспитания детей и подготовки кадров.

Социально-экономическое развитие может происходить на основе изменения, как количественный рост и как качественное улучшение [2]. В настоящее время развитие социально-культурной инфраструктуры Центрально-Черноземного района отражает территориальную организацию советского времени, когда она была практически полностью создана. В рыночное время не только муниципальные социально-культурные объекты, но и новые учреждения образования и здравоохранения появляются редко. По крайней мере в ЦЧР за 90-е гг. число построенных школ было на порядок меньше по сравнению с 80-ми годами [3]. При этом даже в советское время в государственной социальной политике преобладал остаточный принцип финансирования сферы социальных услуг, от которого в решающей степени зависело качество жизни. Поэтому наблюдались по сравнению с наиболее развитыми странами недостаточно высокие показатели уровня и качества жизни населения. Это было характерно для всего периода государственного социализма, несмотря на значительное улучшение социально-культурного обслуживания в 60-70-е годы. В стране и районе сформировалась отличная (по нашему мнению) и сбалансированная система образования и подготовки кадров. Наблюдалась самоизоляция (без всяких санкций) советской экономики и культуры по идеологическим мотивам от западных стран, что позволило сохранить русскую культуру и создать на ее основе советскую культуру. Самоизоляция, с одной стороны, не давала возможность использовать мировые производительные силы, достижения научно-технического прогресса для более эффективного экономического и социального развития страны, однако позволяла сформировать общество, приоритетом которого было духовное (точнее культурное) развитие. Пропагандировалось коммунистическое воспитание, патриотизм и одновременно интернационализм и т.д. Население очень много читало. Было достигнуто относительное материальное благополучие при большой однородности доходов. В соответствии с прожиточным минимумом были размеры пенсий и минимальной заработной платы. Значительным подспорьем для населения являлись общественные фонды потребления, из которых дотировались стоимость жилья, бесплатное медицинское обслуживание, образование; только частично населением оплачивалось содержание детей в дошкольных учреждениях, пионерских лагерях, отдых трудящихся и пенсионеров. Минимальными были расходы населения на транспорт. Уровень развития социальной сферы в советское время при низких ценах на культурные и другие услуги позволил занимать 30-е место в мире по уровню жизни [1]. Было бесплатное образование и здравоохранение. Большим преимуществом советского периода была исключительно высокая доступность практически всех слоев населения к культурным благам и ценностям.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели использовались исторический, сравнительный, конкурентный, системно-структурный, статистический методы исследования. Были использованы статистические данные из «Регионов России». Статистическая информация по этим источникам была систематизирована, структурирована и проанализирована. Рыночная реформа уже в начале 90-х гг. трансформировала социально-культурную сферу, заметно изменив территориально-отраслевые пропорции между отраслями и территориями. Изменение социальной сферы за рыночное время одновременно сопровождается изменением социальных ценностей, образа жизни населения, что делает исследование, по нашему мнению, достаточно актуальным и интересным.

Результаты и обсуждение

Рыночный механизм саморегулирования экономики не приспособлен полностью для решения социальных проблем, в том числе культурного обслуживания. Лишь ограниченный круг семей с высокими доходами может позволить обеспечить своим детям все блага цивилизации, в том числе и доступ к культурным ценностям. Недоступность их для большинства населения объясняется не только высокой стоимостью таких услуг из-за больших издержек на их производство, но и низкой покупательной способностью населения. Постепенный рост уровня жизни, повышает доступность населения ко всем социальным ценностям и услугам, в том числе культурным (театры, библиотеки, музеи и т. д.).

За годы прошедшие после распада СССР изменилось само население района. В советское время главным направлением развития населения была урбанизация. Из общей численности населения ЦЧР в 1970 г. 8028 тыс. чел. на городское приходилось только 3193 тыс. чел. или 39,8%. В 1990 г. уже было соответственно 7732 тыс. чел. и 4633 тыс. чел. или 60%. Динамика населения заметно изменила состояние системы культурного обслуживания за счет большего роста городской инфраструктуры. В целом в советское время происходил процесс роста культуры и образования населения. В рыночное время процесс урбанизации практически прекратился, так как произошло падение промышленного производства (основной фактор урбанизации в СССР), особенно численности занятых в нем. Население городов практически осталось на одном уровне в 2002 г. (4672 тыс. чел.), а доля горожан чуть выросла - 62,1% за счет сокращения сельских жителей. На начало 2022 г. ЦЧР численность жителей в ЦЧР составила 6990,5 тыс. чел. из них 4660,5 тыс. чел. или 66,7%, на сельчан приходилось 2330 тыс. чел. или 33,3%. Численность населения за 1990-2021 гг. сократилась на 741,5 тыс. чел. или 9,6%. При стабильной численности городского населения сельское сократилось на 24,8%. Это отражается в развитии системы культурного обслуживания населения, которое в 2000-е гг. именно в сельской местности значительно снизила свой потенциал. Еще большие изменения произошли в структуре населения ЦЧР, см. рис.1.

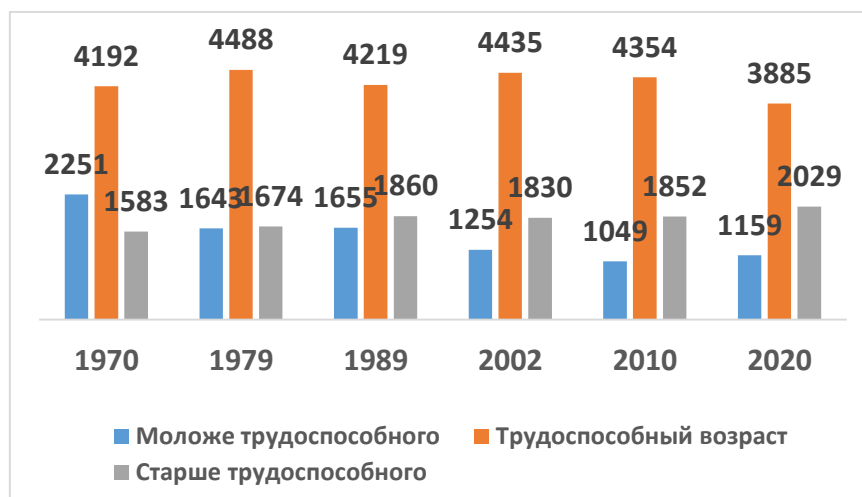

Рис. 1. Возрастная структура населения ЦФР, тыс. чел.
Составлено по [5,6]

Старение населения обусловило заметное сжатие системы культурного обслуживания населения, так как пожилое население намного меньше пользуется культурными услугами. Этот процесс, особенно активный в 90-е гг., продолжается как «шагреновая кожа» и сейчас. За 90 гг. в Воронежской области, включая как городскую, так и сельскую местность, сократилось число библиотек с 1223 единиц в 1990 г. до 1016 единиц в 2000 г., а число книг и журналов за этот период уменьшилось с 21,8 млн. до 18,1 млн. экземпляров. Произошло и сокращение читателей: с 1,3 млн. человек до 1 млн. человек [1,2]. Была свернута часть таких учреждений культуры, как клубные. Их число уменьшилось с 1283 в 1990 г. до 993 в 2000 г., причем преимущественно в сельской местности, что лишило значительное количество сел культурного обслуживания [4]. Аналогичные процессы происходили с разной интенсивностью и в других областях ЦФР. Например, в Липецкой области число общедоступных библиотек (всех ведомств) сократилось с 641 единиц в 1990 г. до 549 единиц в 2000 г., а библиотечный фонд с 10520 тыс. экз. до 8940 тыс. экз. Безусловно этот процесс определяется и факторами научно-технического развития. Например, еще в 80-е годы произошло сокращение посещений кино и театров за счет развития телевидения. В рыночное время рост использования Интернета спровоцировал значительное уменьшение числа киноустановок и кинозалов. Например, в Липецкой области количество киноустановок сократилось с 736 единиц в 1990 г. (в том числе в сельской местности 632 единицы) до 118 единиц в 2019 г. (96 единиц в селе). В последние годы (в период пандемии и из-за отказа поставок западных фильмов – более 60% нашего проката американские и европейские фильмы) происходит обвальное сокращение кинопроката. Число посещений киносеансов в 1990 г. в Липецкой области составило 12,12 млн. чел., в том числе в сельской местности 5,02 млн. чел. В 2019 г. соответственно - 659,1 и 107,9 тыс. посещений. Число посещений киносеансов в среднем на одного жителя уменьшилось с 10 до 0,6 посещений, в том числе в сельской местности с 11 посещений в 1990 г. до 0,3 посещений в 2019 г. или в 36,7 раза. Аналогичная ситуация и в других регионах.

Для всего периода рыночной экономики характерно территориальное сужение социально-культурной сферы, но темпы ее сокращения в 90-е и 2000-е

гг. отличаются. В начале 90-е гг. было закрыто значительное число учреждений культуры в основном в городской местности и в небольших селах. При этом в сельской местности в начальный период рыночных преобразований сокращение происходило даже меньшими темпами по сравнению с городом. Например, в Тамбовской области число библиотек в 2000 г. (707 единиц) по сравнению с 1990 г. (783 единиц) сократилось на 9,7%, в сельской местности соответственно с 627 до 593 единиц или 5,4%, в городской с 156 до 114 единиц или 36,8%. Учреждения культуры в городской местности представляли большой интерес для использования их в сфере игорного бизнеса или в сфере развлечений, особенно под ночные клубы. Кроме того, закрытие промышленных предприятий обусловило соответствующее закрытие ведомственных учреждений. К тому же в 90-е годы в сельской местности возвратилась часть сельчан из городов в свои села и наблюдался значительный внешний миграционный приток населения. Это в некоторой степени стабилизировало демографическую и социальную ситуации на селе. В 2000-е годы набрал силу процесс сокращения сельского населения и снижение людности сельских поселений, что в условиях недофинансирования вызвало сокращение социально-культурной инфраструктуры. За 2000-2010 гг. в Тамбовской области (наиболее проблемной в культурной сфере) уменьшение числа библиотек в сельской местности составило 105 единиц (с 593 до 488 единиц) или 17,7%, в городской местности соответственно 19 библиотек (с 114 до 95 единиц) или 16,7%. В целом по ЦЧР и его регионам динамика развития учреждений культуры отражена в табл. 2.

Таблица 2

Число учреждений культуры в ЦЧР, единиц

	Учреждений культуры (клубы)					Библиотеки				
	1995	2000	2010	2020	2020/ 1995	1995	2000	2010	2020	2020/ 1995
Белгородская	880	808	766	704	0,8	718	694	662	613	0,85
Воронежская	1060	993	865	761	0,72	1061	1016	885	784	0,74
Курская	1111	1006	804	681	0,61	920	849	803	657	0,71
Липецкая	512	514	492	467	0,91	604	549	544	484	0,80
Тамбовская	777	724	549	486	0,63	737	707	583	509	0,69
ЦЧР	4340	4045	3476	3099	0,71	4040	3815	3477	3047	0,75

Составлено по [5,6]

Динамика социально-культурной инфраструктуры отражает с одной стороны процессы социально-экономического развития, которые происходят в стране в этой сфере, с другой стороны - уровень развития и управления регионов ЦЧР. Поэтому даже в одном из лучших регионов страны (в Белгородской области) наблюдается сокращение числа учреждений культуры. В более слабых субъектах федерации, особенно в Тамбовской области, этот процесс угрожает нормальному функционированию сельской местности. При этом территориальная организация системы культурного обслуживания отражает особенности расселения регионов ЦЧР, поэтому наиболее высокая территориальная обеспеченность учреждениями культуры существует в самой мелкоселенной Курской области, а самая низкая в Воронежской области, где наблюдается наибольшая людность сельских населенных пунктов. При общем уменьшении числа учреждений культуры

(свыше трех тысяч с 1990 г.) в ЦЧР необходимо отметить стабильность их в Липецкой области, что связано с небольшим их числом еще в дорыночное время. В советское время в Курской и Липецкой областях они функционировали преимущественно в центрах сельсоветов, в райцентрах и городах. В остальных регионах сеть муниципальных образований была шире, но в настоящее время наблюдается общая тенденция тяготения к административным центрам. При этом на уровне поселений большинство учреждений функционируют как кинотеатр и (или) дискотека. Активная деятельность (кружки, хоры, ансамбли) сосредоточены в районных и некоторых крупнейших межселенных сельских центрах [3].

При этом в ЦЧР с 1990 по 2020 гг. в два с лишним раза возросло число музеев, см. таблицу 3 и значительно увеличилось (с 14 до 23 единиц) число профессиональных театров.

Таблица 3

Число музеев и театров, ед.

	Музеи				Театры			
	1995	2000	2010	2020	1990	2000	2010	2020
Белгородская	20	21	40	45	2	3	3	4
Воронежская	9	15	18	21	5	6	6	8
Курская	16	18	36	37	2	2	2	2
Липецкая	11	14	26	24	2	4	4	4
Тамбовская	12	12	26	26	3	4	4	5
ЦЧР	68	80	146	153	14	19	19	23

Составлено по [5,6]

Использование культурной инфраструктуры во многом связано с уровнем жизни населения. Падение его в 90-е годы резко снизило число посещений театров. Например в Тамбовской области численность зрителей театров на 1000 чел. жителей с 188 в 1990 г. до 60 в 2000 г. или более чем в 3 раза. Рыночная экономика поставила профессиональное театральное искусство на грань уничтожения. Цены на билеты были в 90-е гг. значительно ниже, чем затраты на проведение спектаклей и представлений [4]. В остальных регионах число посещений театров (кроме Белгородской области, где было лишь небольшое уменьшение) снизилось примерно в 2 раза. В настоящее время, после постепенного некоторого роста, уровень посещений театров так и не достиг советских показателей, кроме Тамбовской области. В ней появление нового театра Державинский с дешевыми билетами позволило стать лидером ЦЧР по этому показателю. см. рис. 1.

Более высокий уровень посещений театров за счет детей и молодежи в Тамбовской области обуславливается и меньшими возможностями посещений других учреждений для развлечения детей. В ЦЧР только в этом регионе нет зоопарка и цирка. К примеру, в Воронеже действует один из крупнейших за пределами Москвы и приморских городов океанариум.

Уровень посещений театров всех регионов ЦЧР намного ниже РФ и ЦФО. Бывший лидер Воронежская область с наиболее разветвленной сетью театров осталось в 2019 г. практически на уровне падения 2000 г. (148 посещений при 349 посещений в 1990 году). Для анализа был взят последний год до пандемии. В 2020 и 2021 гг. наблюдается уменьшение примерно в 2.5 раза посещений всех

учреждений культурной сферы. Надо отметить, что кинотеатры и театры все шире используют платные онлайн-трансляции фильмов и представлений.

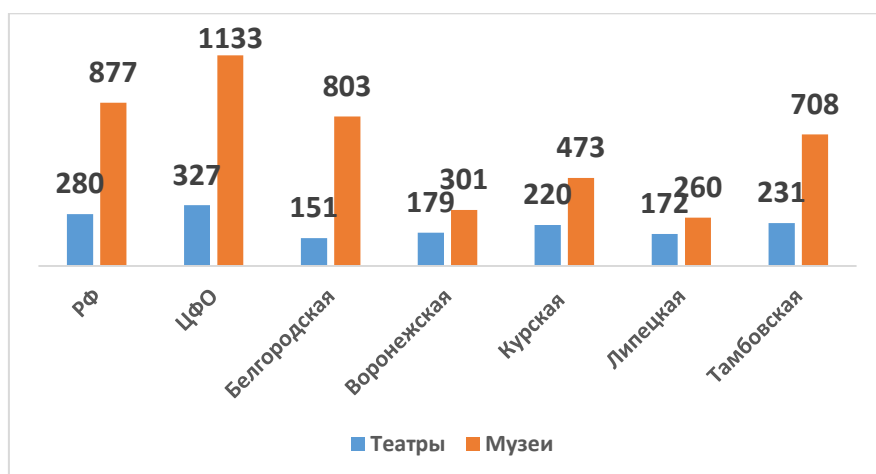

Рис. 1. Численность посещений театров и музеев на 1000 чел. в 2019 г., единиц
Составлен автором по 5,6

Во многом ситуация с театрами показывает особенности культурного развития населения. Большой проблемой является крен населения в так называемую потребительскую культуру [4]. Не случайно наблюдался большой рост цен на посещение кинотеатров: за пять лет средняя цена в начале 2000-х гг. на посещение кинотеатра в Воронежской области выросла более четырех раз (при росте соответственно в театрах на 12,5% и превысила стоимость театральных билетов) [3,4]. Сеть профессиональных театров в ЦЧР очень узкая: в основном областные города. В городах Елец, Борисоглебск и Мичуринск имеются драматические театры, в Старом Осколе функционирует театр для детей и молодежи.

Сеть музеев в ЦЧР по сравнению с 1990 г. расширилась до 153 музея в 2020 г., что является благоприятным фактором патриотического воспитания. Соответственно выросла численность посетителей музеев во всех регионах кроме Воронежской области. При этом за 1995-2020-е годы в ЦЧР произошло сокращение числа библиотек (с 4040 единиц в 1995 г. до 3137 в 2018 году и 3047 единиц в 2020 г. или на 25%), при соответствующем сокращении числа книг и читателей.. При этом все больше книг можно прочитать через Интернет – платно и бесплатно.

Одним из аспектов культурного развития является развитие физического воспитания и спорта. В системе физической культуры материально-техническая ситуация значительно улучшилась, см. табл. 4.

Рост числа учреждений физической культуры во многом является результатом реализации двух федеральных целевых программ «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации». Произошло увеличение числа практически всех основных элементов спортивной инфраструктуры, особенно в учебных заведениях. При этом были закрыты многие заводские стадионы в Воронежской и Курской областях.

Таблица 4

Учреждения физической культуры

	Стадионы			Площадки и поля			Спортивные залы			Бассейны		
	1995	2005	2020	1995	2005	2020	1995	2005	2020	1995	2005	2020
Белгородская	34	47	24	1983	2786	3283	637	754	875	98	123	159
Воронежская	33	24	10	2930	3127	4569	834	961	1308	31	19	66
Курская	16	16	11	1178	1156	1081	513	597	673	29	28	47
Липецкая	16	16	22	1782	1687	2074	507	557	626	21	22	52
Тамбовская	15	17	21	1617	1120	2874	459	471	653	12	10	41
ЦЧР	114	120	88	9490	9876	13881	2950	3340	4135	191	202	365

Составлен автором по 5,6

Наиболее слабо развита в ЦЧР сеть бассейнов, несмотря на наиболее высокие темпы роста. Наилучшая обеспеченность спортивными объектами наблюдается в Белгородской области. При этом уровень обеспеченности спортивными объектами пока далеко уступает развитым странам. Во многом эта ситуация обусловлена соотношением спроса и предложения. Высокие цены на некоторые виды культурных услуг, в том числе и в физической культуре, ограничивает рост учреждений. В целом общий уровень физической подготовки молодежи значительно ухудшился, несмотря на рост объектов инфраструктуры. Образ жизни детей и подростков стал намного более пассивным. Отсутствие детских и молодежных организаций (пионеры и комсомольцы) негативно влияют на воспитательный процесс, а «гаджетизация», по нашему мнению, исключительно плохо сказалась на умственном, физическом, культурном и духовном состояниях населения ЦЧР, особенно молодежи. Молодежь проводит за телефоном или компьютером 5-12 часов в сутки или даже больше. Изменился профессиональный состав населения в соответствии с новой системой образования. Соотношение между выпусками вузов и остальными уровнями профессионального образования выросло по сравнению с 1990 годом почти в 9 раз [7]. Сейчас практически каждый выпускник школы может поступить в тот или иной вуз. В 2010 г. общий выпуск в системе среднего образования составлял 92% от числа мест в вузах [7]. Поэтому значительная часть молодежи имеет номинальное высшее образование, при этом выпускники малоспособны работать не только по специальности, но и во многих видах другой профессиональной деятельности - токари, повары, слесари, штукатуры, электрики и т.д. Они работают мелкими клерками-администраторами (так называемые менеджеры), продавцами, охранниками, курьерами. Эти профессии не требуют расширения кругозора, повышения культурного уровня.

Выводы

1. Под влиянием рынка и научно-технического прогресса произошла заметная трансформация в системе культурного обслуживания населения Центрально-Черноземного района, которая выражается в замене традиционных учреждений на информационные ресурсы, прежде всего Интернета. Особенно эта

наглядно видно в издательском деле, когда рост газет и журналов в три раза по сравнению с советским временем в начале рыночных времен в последние годы сменился падением выпуска в традиционном виде и заменой на цифровые форматы

2. На развитие социально-культурной инфраструктуры отражается ухудшение состояние сельской местности в целом периферийной зоны регионов ЦЧР. На территориальной организации социального обслуживания сказывается сокращение в два с лишним раза образовательных и медицинских учреждений в районе за рыночное время. Как правило, именно учителя являются главными организаторами культурной жизни сел.

3. Происходит деградация во многих селах, особенно в Тамбовской области, культурной инфраструктуры. Большой проблемой является исключительно высокий износ объектов культурного обслуживания. Срок амортизации большинства зданий культурного обслуживания полностью исчерпан, так как построены они в основном более 50 лет назад

4. Наблюдается концентрация культурной жизни в отдельных центрах культурного и социального обслуживания. Только небольшая часть МП ЦЧР имеет более или менее полный набор предприятий и учреждений обслуживания. В зону их обслуживания входят обычно от 2 до 10 и более СНП. Сейчас возникла необходимость иметь для устойчивого жизнеобеспечения населения широкую (в некотором смысле резервную) сеть предприятий и учреждений.

5. Изменение социального обслуживания происходит за счет преимущественного развития доходных отраслей обслуживания и сокращения даже необходимых учреждений и предприятий, которые находятся на бюджете. На этой основе формируется диспропорциональность рыночных и нерыночных отраслей инфраструктуры. В тоже время эти процессы достаточно закономерны. Они обусловлены уменьшением численности населения, изменением образа жизни.

5. Уровень культурного развития современной молодежи заметно упал. Для них характерно плохое знание русской грамматики и литературы, нецензурная лексика стала нормой даже для девушек. Они не обладают абстрактным мышлением, имеют узкий кругозор, что формирует на основе «желтой» прессы и средств информации прозападный образ жизни, где нормальным культурным ценностям не находится места.

6. В рыночные годы произошли заметная деградация и люмпенизация населения, рост наркомании и алкоголизма, наблюдается в молодежной среде разрушение института семьи. Если в 2000 г. был достигнут худший показатель в демографическом развитии ЦЧР (на 1000 чел. населения приходилось 6,0 браков и 4,2 разводов), то в настоящее время ситуация еще хуже. Например, в относительно благополучной Липецкой области на 1000 жителей в 2020 г. приходилось 5,0 браков и 4,3 разводов. Низкая рождаемость русского населения обуславливает постепенную дерусификация ЦЧР.

7. Необходим рост уровня жизни населения. Улучшению ситуации с культурным обслуживанием может способствовать повышение численности самодостаточных семей. Население должно оплачивать часть социальных благ, но есть комплекс таких из них, развитие которых в ближайшем и более отдаленном будущем невозможно без поддержки государства. К ним относятся не только услуги здравоохранения, образования, но и культуры (театры, библиотеки, музеи

и т. д.). Главной задачей социальной политики государства должна стать борьба с бедностью, снижение социального неравенства, что напрямую связано с коренными изменениями финансирования социальной сферы, в росте денежных доходов населения, связанных с повышением оплаты труда работников бюджетной сферы, социальных выплат (пенсий и пособий).

8. Территориально-отраслевая трансформация культурной сферы в рыночное время постоянно меняет пропорции между эффективными и нерентабельными отраслями и территориями. При этом ухудшение состояния и уменьшение числа элементов экономически неэффективных отраслей социально-культурной инфраструктуры будет происходить и в перспективе, что обуславливает необходимость оптимизации ее территориальной организации за счет улучшения доступности и развития центров культурного обслуживания. Также нужна перезагрузка всей системы культурного обслуживания на традиционные ценности: семьи, дружбы, любви, коллективизма.

Литература

1. Бондин В. А., Зарытовская А.И. Воронежская область: место и роль в социально-экономическом развитии России. Воронеж: ВФ МГЭИ, 2004. 165 с.
2. Крупко А. Э., Зеленцова С. Ю., Поросенков Ю. В. Устойчивое развитие систем населения и безопасность Воронежской области. Воронеж: ВГПУ, 2010. 224 с.
3. Крупко А.Э. Моделирование и прогнозирование устойчивого развития муниципальных образований ЦЧР. Воронеж, ВГПУ, 2014. 176 с.
4. Крупко А.Э. Основные черты, тенденции и проблемы развития системы культурного обслуживания ЦЧР // Научный мультитематический рецензируемый журнал «НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ XXI ВЕКА», №2, 2019. С.237-242.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. 895 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.
7. Шульгин А. В., Крупко А. Э., Шульгина Л. В. Экономические аспекты высшего образования в ЦЧР и возможности применения позиций духовно-нравственной культуры // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2020. №2. С. 49-55.

А. Е. Крупко

Dynamics and Problems of Development of the Cultural and Domestic Service System of the Population of the Central Black Earth Region in the Post-Soviet Period

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
e-mail: *Glomer-a@mail.ru*

Abstract: *The aim of the paper is to analyze the dynamics and problems of socio-cultural service development in the Central Black Earth region in the post-Soviet time.*

With the growth of economically profitable enterprises and institutions of social infrastructure there is a reduction of socio-cultural infrastructure on the background of the decline in the overall cultural level of the population. To achieve the goal we used historical, comparative, competitive, system-structural, statistical research methods. Statistical data from the "Regions of Russia", the database of municipalities of the Russian Federation were used. Statistical information on these sources was systematized, structured and analyzed. General trends in the development of the cultural sphere are typical for the regions of the Central Chernobyl Region (except for the Belgorod region). Degradation of the social infrastructure (aging and narrowed reproduction) causes "social" and against this background "demographic" desertification of rural areas. The situation in the way of life and cultural preferences of the population has changed noticeably, as the generation with an orientation towards Western life values has grown up. Based on our work, we can conclude that the decrease in the number of elements of economically inefficient branches of socio-cultural infrastructure will continue in the future, which determines the need to optimize its territorial organization by improving the accessibility and development of cultural service centers. It is also necessary to reboot the whole system of cultural services on the traditional values.

Keywords: *Central Black Earth region, service, region, museum, theater, library, culture, system.*

References

1. Bondin V. A., Zarytovskaya A.I. Voronezhskaya oblast': mesto i rol' v social'no-ekonomicheskom razvitii Rossii. Voronezh: VF MGEI, 2004. 165 s. (in Russian)
2. Krupko A. E., Zelencova S. YU., Porosenkov YU. V. Ustojchivoe razvitie sistem naseleniya i bezopasnost' Voronezhskoj oblasti. Voronezh: VGPU, 2010. 224 s. (in Russian)
3. Krupko A.E. Modelirovanie i prognozirovanie ustojchivogo razvitiya municipal'nyh obrazovaniy CCHR. Voronezh, VGPU, 2014. 176 s. (in Russian)
4. Krupko A.E. Osnovnye cherty, tendencii i problemy razvitiya sistemy kul'turnogo obsluzhivaniya CCHR // Nauchnyj mul'timedijskij recenziruemyj zhurnal «NAUCHNYE ISSLEDOVANIYA XXI VEKA», №2, 2019. S.237-242. (in Russian)
5. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2003: Stat. sb. / Goskomstat Rossii. M., 2003. 895 s. (in Russian)
6. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2021: Stat. sb. / Rosstat. M., 2021. 1112 s. (in Russian)
7. SHul'gin A. V., Krupko A. E., SHul'gina L. V. Ekonomicheskie aspekty vysshego obrazovaniya v CCHR i vozmozhnosti primeneniya pozicij duhovno-nravstvennoj kul'tury // FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya. 2020. №2. S. 49-55. (in Russian)

Поступила в редакцию 08.07.2022 г.

УДК 914/919
Д. А. Лисин¹
И. А. Семина²

Территориальный анализ развития третичного сектора национальных экономик стран Зарубежной Европы

¹ ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
e-mail: lisindanil@yandex.ru

² ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
e-mail: isemina@mail.ru

Аннотация. Третичный сектор в национальных экономиках в настоящее время является одним из наиболее быстрорастущих и ликвидных, поэтому особое внимание уделяется изучению происходящих в нем процессов. Типология стран Зарубежной Европы по уровню развития третичного сектора экономики позволила выявить пространственно-временную дифференциацию и факторы влияющие на формирование отраслей услуг. Типология стран Зарубежной Европы представлена авторами на основании индекса деловой активности в сфере услуг, доле сферы услуг в ВВП и вовлеченности стран в торговлю товарами и услугами. Авторами выделены четыре типа стран по уровню развития третичного сектора экономики: лидирующие по уровню развития, «догоняющие» с высокой экспортной вовлеченностью, «слабо диверсифицированные» по экспорту услуг, «отстающие». Образование по-прежнему играет значительную роль в странах с крупными экономиками – ФРГ и Великобритании, в бывших социалистических странах, туризм больше смещен к странам с наибольшим числом историко-культурных достопримечательностей и к морскому побережью, дислоцирован в карликовых странах, транспортные услуги играют важную роль в периферийных странах Европы. В ряде стран Зарубежной Европы не сложилась четкая отраслевая специализация в сфере услуг, в них доминирует туризм в сопряжении с оптовой розничной торговлей – Албания, Румыния, Сербия.

Ключевые слова: третичный сектор, типология, Зарубежная Европа, сфера услуг, международная торговля.

Введение

Исследование третичного сектора экономики (сферы услуг) является актуальным в современных географических исследованиях. Анализ теоретико-методологической базы показал [1-7], что в российской и зарубежной научной литературе не прослеживается четкой методологии изучения сферы услуг, оценки уровня ее развития, отсутствуют единые подходы к изучению. Сфера услуг чаще рассматривается в сопряжении с другими отраслями экономики, либо без учета динамичных и комплексных показателей. Данный сектор в структуре ВВП и макроэкономики сегодня является одним из наиболее быстрорастущих и ликвидных, поэтому особое внимание уделяется изучению происходящих в нем

процессов. Типология государств по развитию третичного сектора экономики позволяет проследить пространственно-временные закономерности такого развития, определить факторы специализации стран на оказании услуг определенной направленности.

Целью данного исследования является выявление пространственной дифференциации стран Зарубежной Европы по значимым критериям: индексу деловой активности в сфере услуг, доле сферы услуг в ВВП и вовлеченности стран в торговлю товарами и услугами.

Материалы и методы

Авторский подход основан на анализе композитного индекса деловой активности [8], индекса вовлеченности в мировую торговлю услугами и показателей, отражающих уровень развития третичного сектора экономики стран Зарубежной Европы с применением структурно-функционального и системного подходов. Проведена типология стран Зарубежной Европы по уровню развития третичного сектора, выявлены характерные черты страны пространственные особенности развития услуг на страновом уровне. Исследование основано на применении методов статистического, сравнительно-географического, картографического, ГИС-технологий.

Индекс деловой активности складывается из следующих компонентов: структура поставок, интенсивность производственных объемов, количество новых заказов для экспорта/импорта, рыночная стоимость услуг, занятость, объем импорта, клиентская активность и спрос, объем оказанных услуг населению, платежный баланс, цены на импорт и экспорт услуг, состояние портфеля неисполненных заказов. Расчет деловой активности в сфере услуг проводится по многим отраслям – среди которых банковские услуги и услуги по операции с ценными бумагами и недвижимостью, IT-услуги и связь, логистические и транспортные, услуги туризма и услуги оптово-розничной торговли.

Менеджеры при помощи анализа этих компонентов делают три вероятных прогноза на следующий месяц: «будет лучше», «останется так же/стабильно» или «будет хуже». Затем данные обрабатываются по специальному математическому алгоритму, дающему величину индекса от 0 до 100 процентных пунктов (п. п.), однако чаще всего этот индекс колеблется в районе между 40 и 60 п. п., редко выходя за его пределы (хотя бывают и исключения). Индекс является «зеркалом» экономики страны, так как именно потребительская активность оказывает на него главное воздействие, а он в целом влияет на курс и волатильность (изменчивость) национальной валюты.

Индексы деловой активности в сфере услуг, упавшие ниже 50 п. п. являются индикатором стагнации темпов развития, как третичного сектора, так и всей экономики (это так называемый «медвежий» индекс). Если показатель падает ниже отметки в 46-45 п. п., то это говорит о полной депрессии в третичном секторе экономики, особенно тяжелым оно будет, если этот индекс продержится на протяжении трех месяцев и более. Индекс деловой активности, который превышает 50-51 п. п. говорит о хорошем состоянии дел в третичном секторе экономики (т. е. преобладает рост доходов, потребительского спроса и активности, профицит финансовых средств и т.п.).

Индекс вовлеченности в мировую торговлю услугами измеряет и анализирует политику государств и эффективность работы их учреждений в сфере ведения международной торговли капиталами, товарами и услугами и развития межгосударственного сотрудничества. Этот параметр показывает, насколько государственные институты, политика и инфраструктура способствуют свободному передвижению товаров и услуг через границы к местам назначения. Структурная сущность данного индекса состоит из доступа к внутреннему и внешнему рынкам; административного управления и эффективности управления на границах; институциональной среды; делового климата; транспортной и коммунальной инфраструктуры; доступности и эффективности использования ИКТ.

В целом, предложенные индексы отражают структурно-территориальный фактор в географическом исследовании и место страны в мировом территориальном разделении труда.

Результаты и обсуждение

Анализ индекса деловой активности позволил провести типологию стран Зарубежной Европы и на основании его сравнительных характеристик [8] выделить типы стран с высокой растущей деловой активностью, с высокой стагнирующей деловой активностью, со средней растущей, со средней стагнирующей, с низкой деловой активностью в сфере услуг (рис.1).

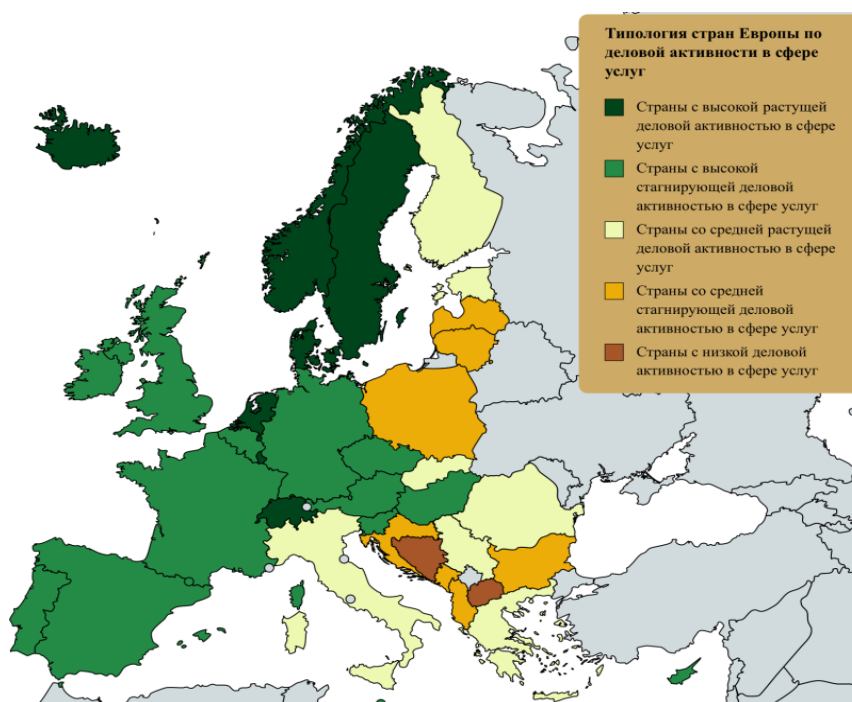

Рис. 1. Дифференциация стран Зарубежной Европы по деловой активности в третичном секторе экономики
Составлено авторами

Согласно данным Всемирного банка [9], наибольшая доля сферы услуг, характерна для некоторых стран – карликов Европы, где фактически произошел предел роста сферы услуг – это Сан-Марино, Монако и Люксембург – более 85%

в структуре ВВП стран. Довольно высокие показатели имеют страны, которые одними из первых (в 1970-1980-ые гг.) перешли в постиндустриальную фазу экономики - Франция, Мальта, Исландия, Дания, Бельгия, Греция, Португалия и Кипр, где доля услуг превышает 75%. Большинство стран Европы имеют долю сферы услуг от 65 до 69%, а наименьшая доля сервисного сектора характерна для Польши, Албании и Северной Македонии и самая низкая среди стран Европы – для Сербии (51%) (рис.2).

Соответственно, по данному критерию были выделены следующие типы стран: 1) с крайне высокой долей сферы услуг в ВВП (11 стран – более 75%); 2) с очень высокой долей (8 стран, 70-74%); 3) с достаточно высокой долей (7 стран, 65-69%); 4) с долей, равной среднемировой (9 стран, 60-64%), и достаточно низкой долей (4 страны, 55-59% и менее).

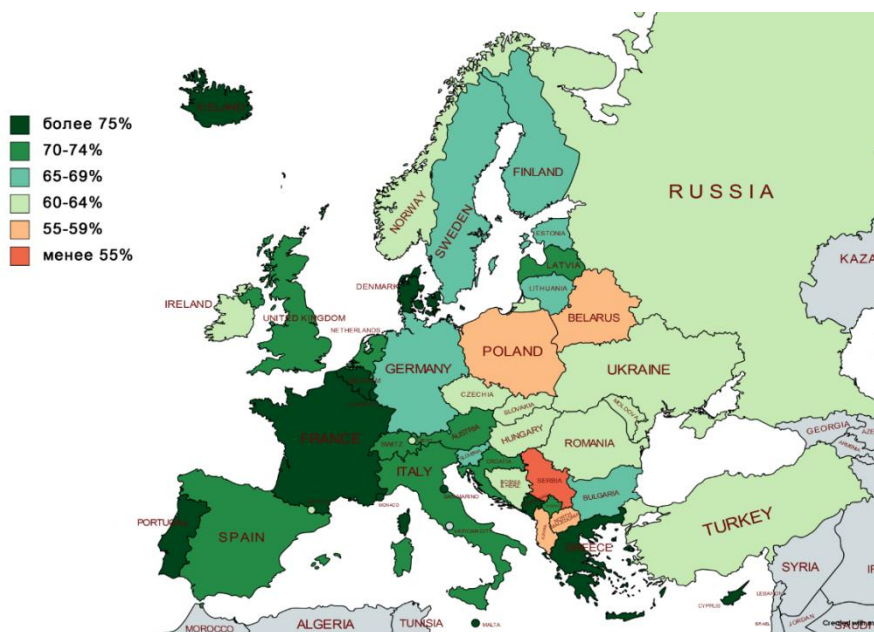

Рис. 2. Страны Европы по доле третичного сектора экономики в структуре ВВП
Составлено авторами

Среднеевропейская доля занятых работников в третичном секторе экономики составляет 68%, что опять же выше, чем в среднем по миру (62%). Однако лишь, небольшая часть стран Европы превысила данный показатель. Как правило, более половины занятых в сфере услуг в Европе – это женщины.

На основании такого критерия как доля занятых работников в сфере услуг от общего числа экономически активного населения были выделены следующие типы стран: 1) страны с крайне высокой долей занятых (более 75%) – 9 стран; 2) страны с очень высокой долей занятых (70–74%)– 11 стран; 3) страны с умеренной долей занятых (60–69%) – 14 стран; 4) страны с относительно низкой долей занятых (менее 60%) – 4 страны (рис.3).

Всемирный экономический форум [10] регулярно публикует доклад о вовлеченности стран мира в международную торговлю (The Global Enabling Trade Report), где важное место занимает торговля услугами. Данный индекс от 0 до 6 измеряет эффективность функционирования различных учреждений и внешнюю и внутреннюю политику государства в сфере ведения международной торговли и

развития экономического сотрудничества. Среди рассматриваемых стран Европы наибольшую вовлеченность в международную торговлю услугами (рис.4) будут иметь англо-саксонские страны: Германия, Австрия, Швейцария, Швеция, Дания, Великобритания и страны Бенилюкса, которые отличаются своим разнообразным высокоразвитым и экспортно-ориентированным сегментом в третичном секторе экономики и очень открытой либеральной экономикой.

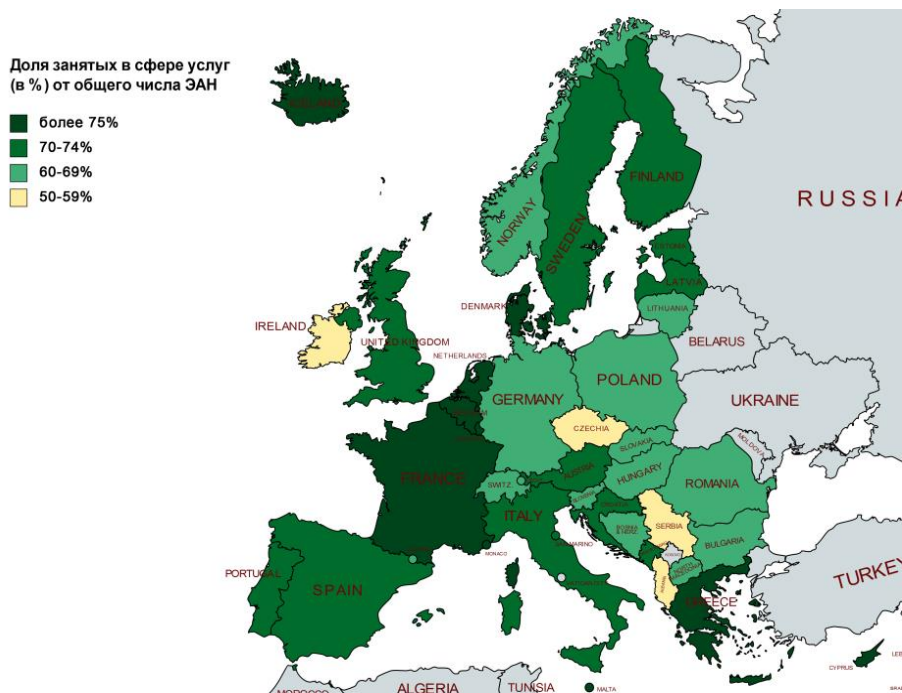

Рис. 3. Страны Зарубежной Европы по доле занятых работников в сфере услуг от общего числа экономически активного населения
Составлено авторами

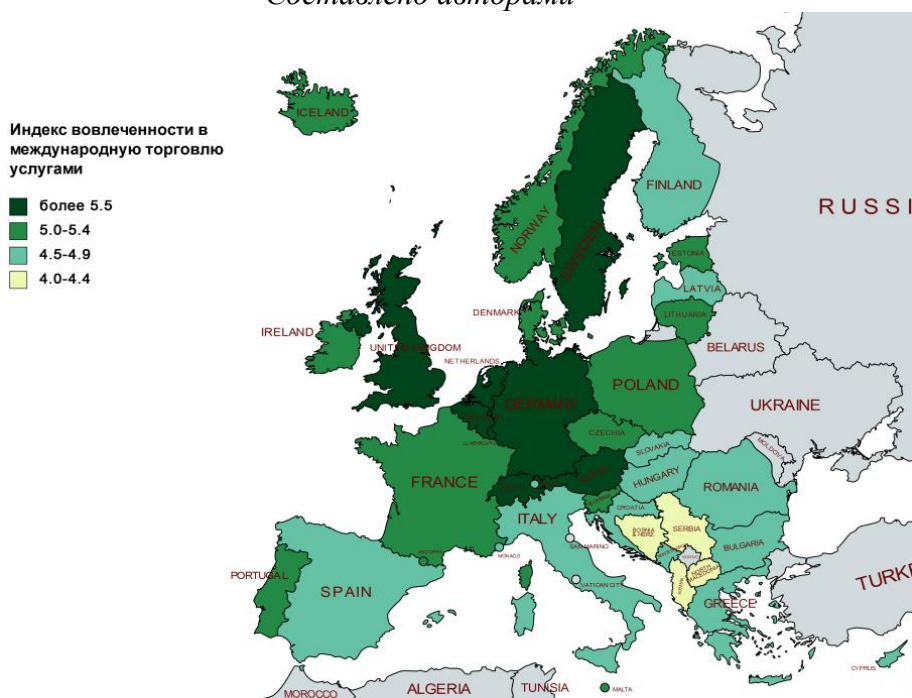

Рис. 4. Индекс вовлеченности стран Зарубежной Европы в международную торговлю услугами
Составлено авторами

Крайне низкой вовлеченностью в мировую торговлю отличаются страны Западных Балкан – Сербия, Албания, Босния и Герцеговина и Северная Македония, чьи показатели ниже, чем у некоторых других стран мира (Грузии, Барбадоса, Маврикия, Омана, Перу, Иордании, Марокко, Таиланда и т.д.). Следует подчеркнуть, что данные страны отличаются относительно невысоким уровнем своего экономического развития, качественно низким сервисом и пока еще формирующимся рынком услуг, который наталкивается на множество проблем (учитывая исторически непростое прошлое региона).

На основании вышеназванных показателей, характеризующих третичный сектор экономики, в Зарубежной Европе авторами были выделены четыре типа стран по уровню развития третичного сектора экономики (рис.5).

В первый тип лидирующих по уровню развития третичного сектора экономики вошли 14 стран Европы, среди которых ФРГ, Франция, Италия, Испания, Бельгия, Швеция, Нидерланды и Великобритания, а из бывших социалистических стран – только Чехия. Третичный сектор в этих наиболее передовых капиталистических странах очень высокоразвит, деловая активность в нем наблюдается в целом высокая, услуги крайне качественны и имеют международную экспортную направленность. По суммарному объему предоставляемых услуг данный тип стран уступает в мире только США, превосходит и Японию.

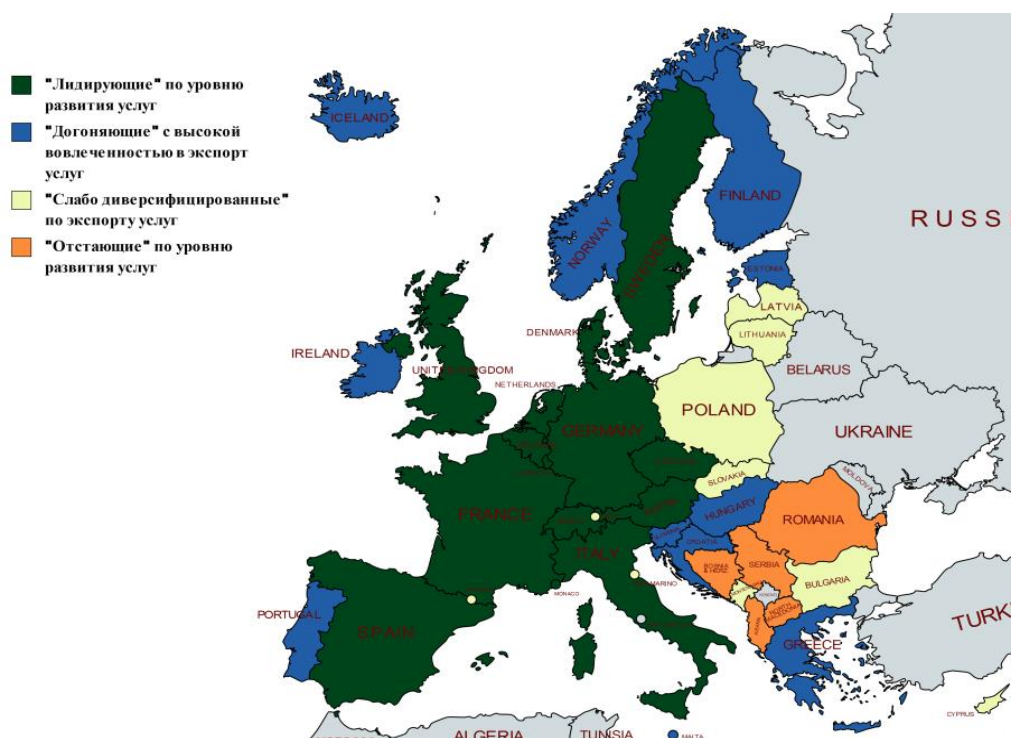

Рис. 5. Типология стран Зарубежной Европы по уровню развития сферы услуг
Составлено авторами

Во второй тип «догоняющих» стран с высокой экспортной вовлеченностью в торговлю вошли 11 стран Зарубежной Европы, которые обладают меньшим весом в экономике. Третичный сектор экономики в этих странах чуть менее развит, нежели в первом типе стран, но данные государства сильно вовлечены в торговые и экспортные процессы, хотя в таких странах, как Мальта, Португалия и Хорватия сфера услуг остается ключевым сектором ВВП. Деловая активность в сфере услуг этого типа остается высокой, но часто подвергается колебаниям и сильно зависит от ситуации на рынке и в экономике стран первого типа. На экспорт в этих странах работают несколько отраслей сферы услуг (как правило, 1–2 отрасли). Например, в Португалии это туризм и оптово-розничная торговля, на Мальте, в Норвегии и Греции – транспорт и туризм, в Эстонии и Ирландии – ИКТ и логистические услуги, в Венгрии – туризм и финансовые услуги, а в Хорватии и Исландии наибольшее развитие получил только туризм. Словения выделяется наименьшей долей сферы услуг в экономике в данном типе и не имеет четкой отраслевой специализации, хотя в секторе услуг преобладают финансовые, туристические и ИКТ-услуги.

В третий тип «слабо диверсифицированных» по экспорту услуг вошли 8 стран, из них 6 – из бывшего социалистического лагеря. Это типичные «среднячки» по степени развития сферы услуг, где в большинстве из них услуги (за исключение Кипра) стали преобладать в 1990-2000-ые годы. Несмотря на повышение роли услуг в экономике этих стран, в них он еще не достаточно развит и многие из этих стран не сформировали четкой отраслевой структуры, но стоит отметить, что Кипр, Андорра, Черногория и Болгария акцентировали свое развитие на услугах по туризму и операциях с недвижимым имуществом. В Латвии, учитывая ее удобное транзитное географическое положение в Балтийском регионе между Россией и Европой, наибольшее развитие получил транспортно-логистический комплекс услуг и туризм в сопряжении с банковскими и страховыми услугами. Литва, Словакия и Польша не сформировали пока какой-то одной ключевой отрасли в третичном секторе экономики и там еще велика по европейским меркам доля обрабатывающей промышленности (особенно в Польше и Словакии). Деловая активность в сфере услуг в странах данного типа ниже и очень сильно зависит от того, что происходит в странах первых двух типов. Странам этого типа необходимо проделать большую работу, чтобы вырваться на рынок предоставления услуг, заняв там достойное конкурентное место.

В четвертый тип «отстающих» стран вошли 5 бывших социалистических стран Балканского полуострова – Босния и Герцеговина, Румыния, Сербия, Албания и Северная Македония. Третичный сектор экономики в этих странах стал преобладать в ВВП буквально 10-20 лет назад, он не так качественно развит как в западноевропейских странах; кроме того, только одна отрасль сферы услуг (туризм в комплексе с оптово-розничной торговлей) в этих странах относительно динамично развивается. На экспорт рынок услуг в этих странах пока еще нес ориентирован.

Выводы

Проведенный анализ показал, что высокая доля сферы услуг в ВВП не всегда говорит о ее высоком качественном развитии и как следствие – деловой

активности населения в данном секторе экономики (Черногория, Болгария, Греция).

Было установлено, что в стране с высокой долей сферы услуг может трудиться и не так много экономически активного населения в ее секторе (например в Словении, Чехии и Ирландии). Есть и обратные ситуации – низкая доля сферы услуг в стране, но трудится в ней много занятых (Босния и Герцеговина, Норвегия). Не все государства с высокой долей сферы услуг имеют и высокую вовлеченность в международную торговлю услугами. Несмотря на высокое развитие третичного сектора экономики в этих странах сфера услуг не определяет «хозяйственное лицо» и точное (полноценное) место страны в международном географическом разделении труда (Чехия, Польша, Норвегия, Германия, Словения, где пока еще значительную роль играет реальный индустриальный сектор экономики).

Не все государства, имеющие высокую деловую активность и высокий индекс вовлеченности, предоставляют различный спектр услуг на мировом рынке. Многие страны акцентированы на 1-2 видах услуг, другие отрасли развиты «дисперсно» или работают чисто на внутренний рынок. Лишь немногие страны экспортируют более 4-5 видов услуг на мировой рынок, являясь лидерами (ФРГ, Испания, Италия, Великобритания, Швейцария, Бельгия, Нидерланды и Швейцария).

Ряд государств имеют четко выраженную структуру экономики с превалированием сферы услуг, но она пока там не достаточно высоко развита или находится пока еще в стадии формирования (страны Западных Балкан – Албания, Македония, Босния и Герцеговина, Словакия).

Вовлеченность государства в международную торговлю услугами оценивается как степень экспорта и предложения значительного «ассортимента» услуг на мировом рынке. Но, не все страны с высокой деловой активностью имеют высокую степень вовлеченности в мировую торговлю (Чехия, Словения, Литва, Лихтенштейн, Польша) и наоборот, страны предлагающие 1-2 отрасли услуг на экспорт значительно вовлечены в международную торговлю услугами (Греция, Кипр, Мальта, Монако, Сан-Марино).

Несмотря на «медийный стереотип», вступление в ЕС или подписание соглашения об Ассоциации с ЕС уничтожило или может уничтожить промышленность в бывших социалистических странах, таких как Сербия, Румыния, Польша и Словакия, сфера услуг по-прежнему находится на стадии формирования (пока еще больше развит индустриальный сектор), а в случае с Сербией промышленность даже превосходит услуги в доле ВВП. Обработывающая или добывающая промышленность в этих странах по-прежнему больше направлена на международный рынок, нежели отрасли услуг.

Таким образом, территориальный анализ развития третичного сектора национальных экономик стран Зарубежной Европы показал, что существует дифференциация и можно выделить как минимум четыре типа стран, которые отличаются по уровню развития услуг и степени вовлеченности в международную торговлю услугами. Данная типология является динамичной, так как здесь вероятен переход одних стран из одного типа в другой тип и образование их подтипов.

Литература

1. Балаева О. Н., Предводителя М. Д. Сфера услуг в мировой экономике: тенденции развития // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 3. С. 23-28.
2. Боташев А. Ю. Теоретические аспекты оценки влияния сферы услуг на развитие экономики страны // Управление экономическими системами. 2011. №32. С. 15-21.
3. Волкова А. А. Сфера услуг: теоретический анализ // Известия Санкт-Петербургского экономического университета. 2014. №4(88). С. 11-15
4. Киселёва И. А., Исканджан С. О. Сфера услуг как основа развития современной экономики // Финансовая аналитика: проблемы и перспективы. 2013. № 46. С. 16-20.
5. Разомасова Е. А. Сфера услуг: теория, состояние и развитие (монография) / Е.А. Разомасова; НОУ ВПО Центросоюза РФ «Сибирский университет потребительской кооперации». Новосибирск, 2011. 136 с.
6. Савлов М. Е. Макрогеографические особенности третичного сектора стран Центральной и Восточной Европы // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова Сер. 5. География. 2015. №2. С. 19-24.
7. Ткаченко А. А., Фомкина А. А. География сферы обслуживания и география сектора услуг: пройденный путь, состояние, перспективы // Региональные исследования. 2016. № 3(53). С. 5-13.
8. Лисин Д. А., Семина И. А., Фоломейкина Л. Н. Страны Зарубежной Европы: развитие сферы услуг по композитному индексу деловой активности // Регионология. 2020. Т.28, №2. С.214–238.
9. Доля сферы услуг в ВВП [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Share_of_services/
10. Отчет о вовлеченности стран в мировую торговлю по версии World Economic Forum (Всемирного экономического форума, WEF) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://reports.weforum.org/global-enabling-trade-report-2016/enabling-trade-rankings/>.

D. A. Lisin¹
I. A. Semina²

Territorial analysis of the development of the tertiary sector of the national economies of the countries of Foreign Europe

¹ National Research Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation
e-mail: lisindanil@yandex.ru

² National Research Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation
e-mail: isemina@mail.ru

Abstract. *The tertiary sector in national economies is currently one of the fastest growing and liquid, so special attention is paid to the study of the processes taking place in it. However, neither Russian nor foreign literature has developed uniform principles and approaches to the study of the service sector, identifying the typology of*

countries by the level of development of the service sector or its individual industries. This indicates, on the one hand, the relevance of this study, on the other hand, the insufficient information base. In this regard, the service sector is considered and studied in conjunction with other areas of scientific knowledge.

The typology of the countries of Foreign Europe in terms of the level of development of the tertiary sector of the economy allowed us to identify spatio-temporal differentiation and factors influencing the formation of service industries. The typology of the countries of Foreign Europe is presented by the authors on the basis of the index of business activity in the service sector, the share of the service sector in GDP and the involvement of countries in trade in goods and services. The typology was identified using statistical, comparative, cartographic methods and the GIS technology method.

As a result, the authors identified four types of countries by the level of development of the tertiary sector of the economy: leading in terms of development (the countries of Scandinavia and Benelux, Germany, Austria, Italy, Spain, France, etc.), "catching up" with high export involvement (Greece, Hungary, Finland, Croatia, Slovenia, etc.), "poorly diversified" in the export of services (Poland, Lithuania, Latvia, Slovakia, etc.) and "lagging behind" (Romania, Serbia, Albania, North Macedonia)). Each type has its own characteristics, in addition, they can be traced and gradation in the socio-economic development of European countries.

The study showed that education still plays a significant role in countries with large economies – Germany and Great Britain, in former socialist countries (Romania, Czech Republic, Poland, etc.), tourism is more shifted to the countries with the largest number of historical and cultural attractions and to the seashore (Italy, Spain, Greece, Bulgaria, Portugal), financial services are deployed in dwarf countries (Monaco, Luxembourg, San Marino), transport services play an important role in the peripheral countries of Europe (Greece, Norway, Slovakia, the Baltic States), and healthcare as an export branch of the service sector was developed only in Switzerland and then in conjunction with tourism. Some European countries (Hungary, Croatia, Lithuania, Malta) are focused on exporting only 2-3 types of various services. The largest countries of the region – France, Italy, Spain, Germany, Great Britain, the Netherlands, Belgium, Switzerland – are world leaders in the import and export of services, providing a variety of services to the world market. In a number of countries of Foreign Europe, there is no clear industry specialization in the service sector, but they are dominated by tourism in conjunction with wholesale and retail trade - Albania, North Macedonia, Slovakia, Romania, Serbia. As a rule, these are countries that were previously part of the socialist camp, market transformations in the 1990s were difficult there, and somewhere they are still not completely finished and run into political and socio-economic barriers. The service sector in the GDP structure of these countries began to dominate quite recently, in the early 2000s and mid-2010s.

Thus, a spatial analysis of the development of the tertiary sector of the economies of Foreign Europe has shown that there is differentiation and at least four types of countries can be distinguished, which differ in the level of development of services and the degree of involvement in international trade in services. This typology is very changeable, because it is possible for new types and subtypes to appear and a country to move from one type or subtype to another over time.

Key words: *tertiary sector, typology, foreign Europe, service sector, international trade.*

References

1. Balaeva O. N., Predvoditeleva M. D. Sfera uslug v mirovoj ekonomike: tendencii razvitiya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2007. № 3. S. 23-28. (in Russian)
2. Botashev A. YU. Teoreticheskie aspekty ocenki vliyaniya sfery uslug na razvitie ekonomiki strany // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami. 2011. №32. S. 15-21.
3. Volkova A. A. Sfera uslug: teoreticheskij analiz // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo ekonomicheskogo universiteta. 2014. №4(88). S. 11-15. (in Russian)
4. Kiselyova I. A., Iskadzhyan S. O. Sfera uslug kak osnova razvitiya sovremennoj ekonomiki // Finansovaya analitika: problemy i perspektivy. 2013. № 46. S. 16-20. (in Russian)
5. Razomasova E. A. Sfera uslug: teoriya, sostoyanie i razvitie (monografiya) / E.A. Razomasova; NOU VPO Centrosoyuza RF «Sibirskij universitet potrebitel'skoj kooperacii». Novosibirsk, 2011. 136 s. (in Russian)
6. Savlov M. E. Makrogeograficheskie osobennosti tretichnogo sektora stran Central'noj i Vostochnoj Evropy // Vestnik MGU im. M. V. Lomonosova Ser. 5. Geografiya. 2015. №2. S. 19-24. (in Russian)
7. Tkachenko A. A., Fomkina A. A. Geografiya sfery obsluzhivaniya i geografiya sektora uslug: projdennyj put', sostoyanie, perspektivy // Regional'nye issledovaniya. 2016. № 3(53). S. 5-13. (in Russian)
8. Lisin D. A., Semina I. A., Folomejkina L. N. Strany Zarubezhnoj Evropy: razvitiesferyuslugpokompozitnomuindeksu delovoj aktivnosti // Regionologiya. 2020. T.28, №2. S. 214–238. (in Russian)
9. Dolya sfery uslug v VVP. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Share_of_services/. (in Russian)
10. Otchet o вовлеченности стран v mirovuyu trgovlyu po versii World Economic Forum (Vsemirnogo ekonomicheskogo foruma, WEF). URL: <https://reports.weforum.org/global-enabling-trade-report-2016/enabling-trade-rankings/>.(in Russian)

Поступила в редакцию 25.06.2022 г.

УДК 911.3

А. С. Лучников¹
Н. Ю. Заляза²

К вопросу о территориальной дифференциации черной металлургии в пределах Уральской базы

^{1,2}ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Пермский край, Российская Федерация
e-mail: ¹aluchnikov@yandex.ru, ²zalyaza2001@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы территориальных различий в размещении и развитии современных предприятий чёрной металлургии Урала. На основе метода энергопроизводственных циклов и учета количественных показателей выполнена иерархия населённых мест по уровню развития чёрной металлургии, выделены сформированные и формируемые ими промышленные микрорайоны (ареалы), определено их место в центр-периферийной системе Уральской металлургической базы.

Ключевые слова: уральская металлургическая база, чёрная металлургия, пирометаллургический цикл чёрных металлов, иерархия предприятий, отраслевое промышленно-географическое районирование.

Введение

Чёрная металлургия занимает одну из главных позиций в отечественной экономике, что обусловлено наличием её тесных технологического-производственных связей с иными видами экономической деятельности; местом в территориальном разделении труда, экспортно-импортных поставках и др. Кроме того, предприятия отрасли имеют важнейшее градообразующее значение, особенно в старопромышленных регионах России.

В региональном разрезе доминирующее положение в чёрной металлургии России занимают отраслевые объекты, находящиеся в пределах Уральской базы. Они обеспечивают выпуск почти 40% чугуна, 34% легированной стали, 32% готового проката и 31% труб [1], что связано с накопленным технологическим производственным потенциалом, относительно выгодным географическим положением, сохраняющейся связью с сопутствующими видами деятельности и природно-ресурсным потенциалом.

В то же время различия в территориальной структуре чёрной металлургии Урала весьма заметны. Так, в структуре стоимости объёмов обрабатывающих производств металлургия по итогам 2020 г. занимала лидирующее положение в Свердловской и Челябинской областях (67,0 и 66,3% соответственно) [2]. Близкая ситуация складывается в Оренбургской области (почти 40%). В других регионах Урала металлургия (особенно чёрная) имеет вспомогательное значение. Ещё более заметны различия на микроуровне: они связаны с объёмами деятельности конкретных предприятий, реализацией в отдельных промышленных ареалах различных стадий и звеньев пирометаллургического цикла чёрных металлов (далее – ЭПЦ).

Объектом исследования в данной работе выступает чёрная металлургия Уральского региона, предметом – особенности её территориальной

дифференциации, складывающейся под влиянием исторических факторов, современных условий функционирования и развития предприятий.

Целью работы является систематизация центров чёрной металлургии Урала, выявление сформированных или формируемых ими промышленных микрорайонов (ареалов), а также определение их места в центр-периферийной системе Уральской базы.

Материалы и методы

Теоретические основы изучения вопросов размещения и развития чёрной металлургии активно рассматривались в трудах советских классиков географии промышленности: Н. Н. Колосовского, П. Н. Степанова, А. Т. Хрущёва и др. В настоящее время наблюдается дефицит подобных исследований, что можно объяснить перестройкой науки от экономической к общественной географии. В то же время отдельные труды в области территориальной организации чёрной металлургии в 2010–2020 гг. публиковали Н. В. Мазеин, Э. Н. Абдурахимов [3–4]. Исследования в области инновационного развития отрасли ведут специалисты из Института экономики УрО РАН во главе с профессором О. А. Романовой.

В качестве источниковедческой базы о современных предприятиях чёрной металлургии Урала послужили их официальные сайты или странички на официальных сайтах холдинговых структур, в составе которых они находятся, а также база данных сайта Rusprofile.ru. Информация об источниках сырья для отдельных заводов была взята из Государственного доклада о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов РФ в 2020 году [5]. Всё это позволило уточнить список функционирующих производственных объектов, их специализацию, сбыто-сырьевые связи.

В работе применены такие методы исследований, как описательный, систематизации, территориальной дифференциации, картографического анализа. Отдельного внимания заслуживает метод энергопроизводственных циклов. В своих предыдущих исследованиях мы обращали внимание на необходимость актуализации структуры пирометаллургического цикла чёрных металлов, а также предложили его обновлённую схему [6], которая учитывает разнообразие современных способов металлургического передела.

Результаты и обсуждение

Территориальная структура предприятий чёрной металлургии Уральской базы носит отпечаток исторического развития отрасли и характеризуется традиционными закономерностями размещения. В то же время в связи с сокращением сырьевой базы, постепенным внедрением новых технологий выплавки металлов и кризисными явлениями влияние факторов размещения изменяется. Большую роль начали играть факторы транспортно-географического положения, кооперационных связей, исторический, потребительский. Эти трансформации на Урале способствовали исчезновению части старых центров (Алапаевск, Верхняя Синячиха, Староуткинск), появлению новых (в Екатеринбурге, Тюмени, проект «НЛМК-Урал»), изменению статуса третьих (Чусовой, Белорецк, Лысьва, Сатка и пр.).

Всё многообразие производственных центров мы можем представить в виде иерархии, разработанной на основе сопоставления следующих признаков: объём производственной деятельности размещённых в них предприятий, их отраслевая специализация и место в структуре соответствующего ЭПЦ (табл. 1).

Таблица 1

Иерархия центров чёрной металлургии Урала

Уровень иерархии	Типы предприятий	Основные центры размещения
Уровень сложной отраслевой специализации	КПЦ	Магнитогорск, Нижний Тагил, Новотроицк, Серов, Челябинск
Уровень переходной специализации	Передельные заводы	Аша, Златоуст, Ижевск, Ревда, Тюмень
Уровень узкой специализации	А. Передельные прокатные заводы	Белорецк, Берёзовский, Лысьва, Екатеринбург, Магнитогорск, Нижняя Салда, Нижние Серги, Нытва, Чебаркуль, Чусовой
	Б. Трубопрокатные предприятия	Каменск-Уральский, Первоуральск, Полевской, Челябинск
	В. Ферросплавные предприятия	Вишневогорск, Двуреченск, Сатка, Серов, Челябинск, Чусовой, Новотроицк
	Г. Добывающие мощности и ГОКи	Бакал, Качканар, Краснотурьинск, Кушва, пос. Сараны
Уровень кооперационной специализации	Предприятия «малой металлургии» и литейные заводы	Центры машиностроения и производства металлопродукции

Составлено авторами

Верхний уровень иерархии занимают комбинаты полного цикла (КПЦ). На Урале функционируют 5 из 8 КПЦ России. Они выпускают наибольший объём продукции, реализуют полномасштабный технологический процесс, имеют широкую географию поставок продукции. Являясь головными предприятиями крупнейших металлургических холдингов России, объединяют несколько производственных площадок, способствуют накоплению капитала, реализации крупных инвест-проектов, решению социально-экономических проблем на территориях размещения. Некоторые из КПЦ стимулируют размещение иных металлургических производств в тех же городах, соединяя несколько звеньев ЭПЦ.

Следующий уровень иерархии занимают города, в которых расположены передельные заводы со специализацией на сталелитейном и прокатном производствах. Как правило, это средние по объёму деятельности предприятия, самостоятельные субъекты или включённые в состав крупных металлургических холдингов и ориентирующиеся на близко расположенные крупные центры развития тяжёлого машиностроения. Все предприятия Урала этой группы работают в рамках реализации электрометаллургического процесса выплавки стали. В отличие от КПЦ, предприятия этого уровня имеют более длительную историю развития (основаны в досоветское время), прошли этапы модернизации в период индустриализации и в новейшее время. Также они выполняют важную

инновационную роль, так как становятся экспериментальными площадками для производства новых видов стали и проката, а также реализации новых технологических и организационных решений.

Наиболее дифференцированным является уровень узкой специализации. В нём представлены 4 группы предприятий, занимающихся выпуском конкретных металлургических продуктов: площадки по выпуску готового проката; трубопрокатные предприятия; ферросплавные заводы, без которых немислимо развитие качественной металлургии.

География этих центров наиболее обширна, но в то же время часть из них группируется около промышленных ареалов во главе с КПЦ (Нижняя Салда, Чусовой, Лысьва), другие заполняют пространство между этими ареалами, ориентируясь на выгодное транспортно-географическое положение, а третьи размещены на периферии. Как правило, объёмы деятельности здесь меньше, чем в первых двух категориях, кроме отдельных трубопрокатных заводов. При этом увеличивается их значение на отдельных рыночных нишах. Так, АО «Чусовской металлургический завод» выпускает до 40% феррованадия в стране [5] и более 60% автомобильных рессор России.

Отдельную группу предприятий на уровне узкой специализации относят небольшие города и посёлки городского типа, градообразующие предприятия которых занимаются добычей и обогащением руд чёрных металлов. Наиболее известные из них – Качканар, Кушва, которые находятся в зоне влияния «Евраз Груп», а также г. Бакал Челябинской обл. – поставщик руд на Челябинский металлургический комбинат. Уникальной является Сарановская группа месторождений хромитовых руд (Пермский край), обеспечивающая потребности страны в этом сырье на 31,3% [5]. Его основным потребителем является ферросплавное предприятие в г. Серове.

Нижний уровень иерархии металлургических центров Урала представляют поселения, предприятия которых имеют тесные технолого-кооперационные связи с машиностроительными видами деятельности. Такие предприятия ориентированы на производство конкретных видов стали, проката или отливок. На Урале площадки «малой металлургии» распространены как в крупных (Пермь, Екатеринбург, др.), так и в средних центрах машиностроения (Лысьва). Также в этой группе – многочисленные литейные предприятия, занимающиеся производством изделий из чугуна. Как правило, они располагаются в небольших городах и посёлках (пос. Старый Бисер, Пашия, г. Касли, др.).

Представленная иерархия позволяет оценить значение отдельных промышленных центров чёрной металлургии Урала, обосновать их место в территориальной организации отрасли в пределах Уральской базы, а также перейти к более сложным уровням систематизации и обобщения. Например, предложить авторский вариант отраслевого промышленно-географического микрорайонирования.

Промышленно-географическое микрорайонирование – это способ территориальной дифференциации промышленно развитых регионов на основе учёта разнообразных признаков (характеристик и свойств) и связей, возникающих внутри и между территориально-промышленными сочетаниями. Целью такого исследования может быть установление различий отдельных таксонов в территориальной организации отрасли для совершенствования направлений

регионально-промышленной политики и связанных с ней задач регулирования жизнедеятельности населения.

На основе приведённой нами иерархии и учёта выгоды географического положения, кооперирования металлургических производств нами были выделены в пределах Уральской базы несколько промышленных районов (ареалов). Центральным местом-городом в них выступают центры широкой металлургической специализации, включающие КППЦ. Они выступают в качестве головных предприятий ведущих металлургических холдингов. В этой связи они агломерируют в себя сырьевые потоки, а также формируют разнообразные связи по поставке готовой продукции на иные производственные площадки, находящиеся с ними в кооперации.

Примером такого промышленного микрорайона (ареала) является территория, которая формируется «силовым полем» ОАО «Нижнетагильский металлургический комбинат» в составе «Евраз Груп». Помимо притяжения поставщиков основного сырья, этот КППЦ сам является поставщиком необходимого сырья для АО «Чусовской металлургический завод», а также заготовок для трубопрокатного производства на площадки в Первоуральске (совместно с ООО «Златоустовский металлургический завод»), Нижней Салде, Полевском и Каменске-Уральском (рис. 1). Таким образом, продукция комбината реализуется и на предприятиях других холдинговых структур.

Другой промышленный микрорайон формируется на основе технолого-производственного взаимодействия ПАО «Мечел», головным предприятием которого является Челябинский металлургический комбинат. Выпускаемая им трубная заготовка используется ПАО «Челябинский трубопрокатный завод», который, в свою очередь, ориентирован и на поставки с ООО «Златоустовский металлургический завод» и АО «Уральская сталь». Различная стальная заготовка Челябинского КППЦ используется при изготовлении метизов на ПАО «Уральская кузница» и АО «Белорецкий металлургический комбинат» в производстве штампованной продукции.

Этот промышленный район отличается высокой концентрацией ферросплавного производства. Среди таких предприятий представлены АО «Челябинский электрометаллургический комбинат» и ООО «Вишневогорский металлургический завод “Северный ниобий”». Производственная площадка в Челябинске снабжает своей продукцией не только металлургический комбинат в Челябинске, но и ПАО «ММК», ОАО «НТМК». В качестве потребителей ферросплавной продукции рассматриваемого промышленного района выступают не только местные КППЦ. Например, завод в пос. Вишневогорск реализует свою продукцию на ПАО «Мечел» и площадке передельной металлургии в Ижевске. Здесь же расположен АО «Саткинский чугуноплавильный завод», основными потребителями продукции которого являются комбинаты в Магнитогорске, Челябинске и Нижнем Тагиле [7].

Новый промышленно-географический микрорайон на Урале формируется на юго-западе Свердловской области под влиянием ПАО «НЛМК». Этот вертикально-интегрированный холдинг модернизировал производственные мощности в Ревде, Нижних Сергах и Берёзовском (проект «НМЛК Урал»), а также имеет площадку по производству трансформаторной стали в Екатеринбурге (ООО «ВИЗ-сталь»). Взаимодействие предприятий осуществляется через поставки необходимых заготовок для дальнейшего производства на ООО «ВИЗ-сталь», ООО «НЛМК-

Урал» в г. Ревда, который также использует в качестве сырья металлолом и, в свою очередь, снабжает необходимыми материалами площадки в Нижних Сергах и Берёзовском.

Типы предприятий

- ◇ Литейные
- △ Ферросплавные
- Передельные
- КПЦ
- ⬡ Трубопрокатные
- Технолого-производственные связи
- -> Сырьевые связи
- ⊕ Предприятия, функционирующие вне холдинговых структур
- ⊕ Месторождения

Холдинговые структуры

- ⊕ ПАО "НЛМК"
- ⊕ Евраз Груп
- ⊕ ПАО "ММК"
- ⊕ АО "Металлоинвест"
- ⊕ Группа "Эстар"
- ⊕ ОАО "УГМК"
- ⊕ ООО "УСМК"
- ⊕ МидУрал Груп
- ⊕ АО "ОМК"
- ⊕ ПАО "Мечел"

Цифрами на карте обозначены:

1. Екатеринбург	5. Вишневогорск	9. Сараны
2. Ревда	6. Сатка	10. Желтинский
3. Первоуральск	7. Старый Бисер	11. Пашия
4. Полевской	8. Чусовой	

Рис. 1. Технолого-производственные связи предприятий чёрной металлургии Урала
Составлено авторами

Выделенные нами промышленные микрорайоны (ареалы) чёрной металлургии, на наш взгляд, составляют центральную зону развития отрасли на Урале (рис. 2). Здесь максимально высока отраслевая концентрация, наиболее сильно представлены ресурсные и сбытовые связи между предприятиями.

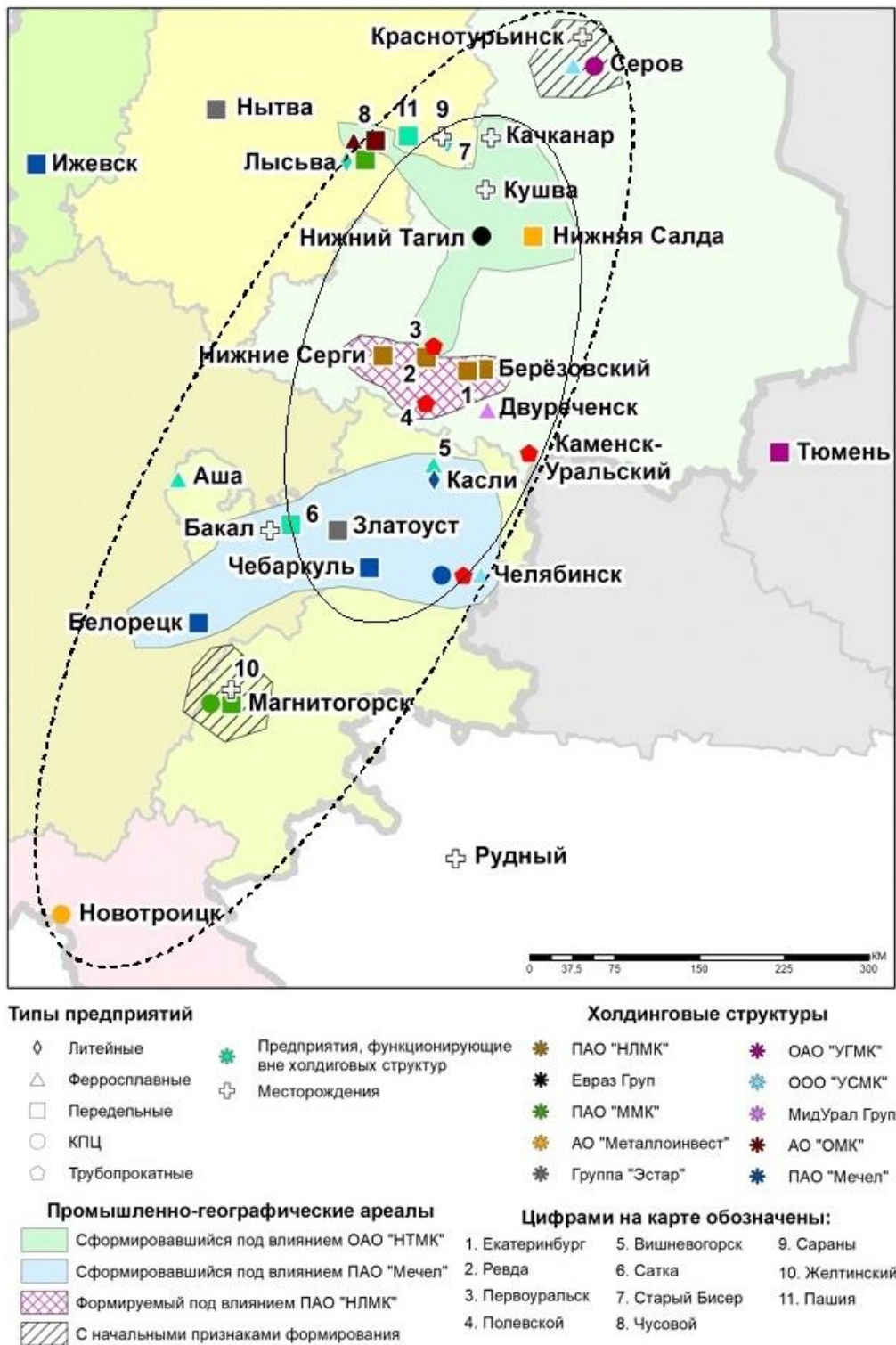

Рис. 2. Центр-периферийная система черной металлургии Уральской базы
Составлено авторами

Представленные ареалы в общих чертах сложились в советское время, но значительно изменились в современный период. Большую роль в этом сыграли металлургические холдинги, которые, приобретая головные предприятия, позаботились о сырьевой базе для них, а также о диверсификации поставок выплавляемых металлов. В то же время территориальная структура холдингов не ограничивается указанными промышленными ареалами, а следовательно «силовые поля» их влияния распространяются даже за пределы Уральской базы, нарушая обоснованный нами порядок

Начальные признаки промышленно-географического районообразования имеются и около иных уральских КПЦ. Так, ПАО «ММК» имеет в своём составе ООО «ММК-метиз», а также владеет единственным местным рудником по добыче сырья – Малый Куйбас. ПАО «Надеждинский металлургический завод» (г. Серов) осуществляет производственный процесс на сырье ОАО «Богословское рудоуправление». ОАО «Уральская сталь» в прошлом базировалось на местной Халиловской группе рудных месторождений. Однако после её закрытия сырьевые связи ориентируют предприятие на месторождения в КМА (благодаря нахождению в холдинге АО «Металлоинвест»). Пространство, объединяющее указанные ареалы с начальными стадиями районообразования, нами отнесено к буферной зоне Уральской металлургической базы.

На остальной территории Урала мы обнаруживаем только отдельно стоящие центры, которые агломерационным эффектом не обладают и территориально-отраслевые сочетания в чёрной металлургии не образуют. Они участвуют в кооперации с машиностроительными предприятиями, объектами энергетики, строительной индустрии. Это пространство отнесено нами к периферийной зоне чёрной металлургии Урала.

Выводы

1. Роль отдельных центров чёрной металлургии Урала сильно дифференцирована в связи с разностью объёмов производимой продукции, отношением к стадиям и звеньям пирометаллургического цикла чёрных металлов, уникальностью используемых технологий и пр. Это служит основой для выполненной нами иерархии центров, включающей уровни: сложной отраслевой, переходной, узкой и кооперационной специализации.

2. Центры, относящиеся к верхнему уровню иерархии, участвуют в организации промышленно-географических микрорайонов (ареалов), в рамках которых реализуются не только связи по снабжению основным сырьём, но и по передачи части продуктов на переработку от одного предприятия к другому. Такие промышленно-географические районы сформировались вокруг КПЦ в Нижнем Тагиле и Челябинске, проекта «НЛМК-Урал». Они представляют собой ядра центральной зоны Уральской металлургической базы. Центры, относящиеся к ниже лежащим уровням, подобные микрорайоны создать не могут вследствие недостаточности агломерационной силы.

3. Ареалы с отдельными признаками промышленно-географического микрорайонирования возникли вокруг Магнитогорска, Серова и Новотроицка. Эта часть пространства Уральской базы относится к её буферной зоне. Остальные отдельно стоящие центры включены нами в периферийную зону Уральской металлургической базы.

4. Металлургические холдинги, которым принадлежат отдельные предприятия Урала, в значительной степени влияют на территориальную дифференциацию чёрной металлургии региона. Они способны как формировать промышленно-географические микрорайоны (ареалы), так и перенаправлять сырьевые и сбытовые связи предприятий в пределах Урала и за его пределы, меняя их пространственную ориентацию.

5. Для центров чёрной металлургии, расположенных в разных зонах Уральской базы, характерны различные направления стратегического развития, в т.ч. модернизации производственных фондов, уточнения специализации, расширения производственно-технологического комбинирования и кооперации.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm
2. Регионы России. Основные характеристики субъектов РФ: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14s/Main.htm
3. Абдурахимов Э. Н. Сдвиги в территориально-производственной структуре черной металлургии России (конец XX – начало XXI вв.). Автореферат на соискание учёной степени к. г. н. М., 2012. 22 с.
4. Мазеин Н. В. Принятие решений о размещении новых предприятий черной металлургии мира: методология и методика анализа // Известия РАН. Сер. геогр. 2009. №1. С. 36–47.
5. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов РФ в 2020 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vims-geo.ru/documents/536/Государственный_доклад_-_2020.pdf
6. Залыза Н. Ю. К вопросу модернизации схемы пирометаллургического цикла чёрных металлов // Сборник материалов участников XVIII Большого географического фестиваля. СПб., 2022. С. 829–833.
7. Романова О. А., Позднякова Е. А. Развитие сырьевой базы ферросплавного производства: новые тенденции и экономические возможности // Экономика региона. 2013. №1 (33). С. 167–177.

A. S. Luchnikov¹
N. U. Zalyaza²

On the issue of territorial differentiation of ferrous metallurgy within the Ural base

Perm State National Research University, Perm, Perm region,
Russian Federation
e-mail: ¹aluchnikov@yandex.ru, ²zalyaza2001@mail.ru

Abstract. *The article studies the electoral and geographical differentiation of the Ural-Volga macroregion through the prism of taking into account objective and subjective socio-economic factors in the last electoral cycle. The types of voting in the regions were identified; variability in the distribution of votes of individual parties; correlations between the results of parties and socio-economic factors.*

Keywords: territorial-electoral systems, electoral-geographical space, electoral split, Ural-Volga region

References

1. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli: stat. sb. / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. M., 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm. (in Russian)
2. Regiony Rossii. Osnovnyye kharakteristiki sub'yektov RF: stat. sb. / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. M., 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14s/Main.htm. (in Russian)
3. Abdurakhimov E. N. Sdvigi v territorial'no-proizvodstvennoy strukture chernoy metallurgii Rossii (konets XX – nachalo XXI vv.). Avtoreferat na soiskaniye uchënoy stepeni k. g. n. M., 2012. 22 s. (in Russian)
4. Mazein N. V. Prinyatiye resheniy o razmeshchenii novykh predpriyatiy chernoy metallurgii mira: metodologiya i metodika analiza / Izvestiya RAN. Ser. geogr. 2009. №1. S. 36–47. (in Russian)
5. Gosudarstvennyy doklad o sostoyanii i ispol'zovanii mineral'no-syr'yevykh resursov RF v 2020 godu. URL: https://vims-geo.ru/documents/536/Gosudarstvennyy_doklad_-_2020.pdf. (in Russian)
6. Zalyza N. YU. K voprosu modernizatsii skhemy pirometallurgicheskogo tsikla chërnykh metallov / Sbornik materialov uchastnikov XVIII Bol'shogo geograficheskogo festivalya. SPb., 2022. S. 829–833. (in Russian)
7. Romanova O. A., Pozdnyakova Ye. A. Razvitiye syr'yevoy bazy ferrosplavnogo proizvodstva: novyye tendentsii i ekonomicheskiye vozmozhnosti / Ekonomika regiona. 2013. №1 (33). S. 167–177. (in Russian)

Поступила в редакцию 20.06.2022 г.

УДК 911.3

А. В. Лялина¹
А. А. Новикова²
К. Ю. Волошенко³
Ю. Ю. Фарафонова⁴

**Миграционные процессы и
внешнеэкономическая деятельность
эксклавной Калининградской области**

¹ БФУ им. Канта, г. Калининград
e-mail: anuta-mazova@mail.ru

² КГТУ, г. Калининград
e-mail: anna.novikova@klgtu.ru

³ БФУ им. Канта, г. Калининград
e-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

⁴ БФУ им. Канта, г. Калининград
e-mail: ifarafonova@kantiana.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимообусловленности миграционных процессов и внешнеторгового взаимодействия Калининградской области с зарубежными странами в эпоху геополитической турбулентности. Исследование показало, что пространственная связанность Калининградской области с зарубежными странами через торговые и миграционные потоки в этот период возрастала, особенно по направлению экспорта. Интенсивные миграционные процессы способствуют наращиванию экспорта в развивающиеся страны в то время, как для взаимодействия с развитыми странами (Германией, Литвой) характерно сокращение торговли потребительскими товарами.

Ключевые слова: иммиграция, эмиграция, экспорт, импорт, Калининградская область, эксклав, COVID-19.

Введение

Миграционные потоки между двумя странами традиционно оказывают заметное влияние на внешнеторговые связи. Принимающие мигрантов страны втягиваются в общемировые процессы развития, формируется развитая транспортная, финансовая и информационно-телекоммуникационная инфраструктура, повышается уровень международной торговли, возникают культурные и научные связи [2]. В свою очередь, миграционные процессы тесно связаны с процессами формирования транснациональных сообществ, изучение которых, как правило, сводится к концепции пяти «Т»: трансферты (денежные переводы), торговля, транспорт, телекоммуникации, туризм [3]. Настоящая работа посвящена вопросам оценки миграционного и внешнеторгового взаимодействий. Влияние миграции на развитие внешнеторговых связей между принимающей и отправляющей мигрантов странами обусловлено, в первую очередь, снижением транзакционных издержек за счет формирования транснациональных сообществ и лояльностью мигрантов товарам, произведенным в стране отправления. При этом потоки товаров могут иметь двусторонний характер, поскольку вернувшимся мигрантам становятся необходимыми товары страны, в которой они работали. Снижение транзакционных издержек, в первую очередь, объясняется тем, что мигранты обладают информацией о рынках родной страны, основных предпочтениях населения, имеют налаженные деловые связи, а также знают язык. В рамках

данного направления с 1990-х гг. было проведено множество исследований, подтверждающих положительное влияние миграции на международные торговые потоки между странами. Доказано, что в большинстве стран миграция оказывает большее воздействие на экспорт, чем на импорт [1,5,6,7,8,9,10,11,12,13]. Так, в недавнем эконометрическом исследовании российские специалисты пришли к выводу, что 10%-е увеличение миграции в США ведет к росту экспорта однородных и дифференцированных товаров на 2,16% и 0,25%, соответственно, а также к расширению на 0,24% импорта дифференцируемых товаров [1].

Калининградская область, являясь эксклавым регионом России, окруженным по суше иностранными государствами, традиционно характеризовалась высоким уровнем вовлеченности во взаимодействие с зарубежными странами, которое касалось как внешней торговли, так и миграции населения. На сегодняшний день область сильнее всех других субъектов РФ вовлечена во внешнеэкономические товарные связи (по показателю вклада стоимости импорта и экспорта в объем ВРП¹) и занимает 12 место по коэффициенту сальдо международной миграции среди регионов РФ². Это позволяет предположить, что миграционные процессы оказывают существенное воздействие на развитие внешнеторговых связей, и наоборот, внешнеэкономическое взаимодействие стимулирует миграционный обмен. Кроме того, на примере Калининградской области, ожидается, можно более четко проследить изменения, происходящие в сфере внешней торговли и миграции в эпоху геополитической турбулентности. В статье нами рассмотрен период существенных изменений во внешних условиях функционирования региона, которые произошли за последние 6 лет (с 2015 г.) и стали следствием санкционной и контрсанкционной политики в отношении со странами Запада, падения курса национальной валюты относительно мировых валют, ограничений на распространение пандемии COVID-19.

Целью исследования стало выявление сопряженности и взаимообусловленности миграционного и внешнеторгового взаимодействия Калининградской области с другими странами в период геополитической турбулентности.

Для достижения указанной цели *на первом этапе* была проведена оценка разнообразия миграционных и внешнеторговых связей региона с зарубежными странами в рассматриваемом периоде. *На втором этапе* проведен анализ географии миграционного и внешнеторгового взаимодействия Калининградской области с другими государствами, выявлена степень их сопряженности. Осуществлена оценка концентрации внешнеторговых и миграционных потоков на основе стран, входящих в топ-10. Определены направления (страны), по которым миграционные процессы сопровождаются насыщенными внешнеторговыми связями, а также группа стран потенциального наращивания миграционного или внешнеторгового взаимодействия. *На третьем этапе* исследована направленность миграционных и внешнеторговых процессов, в результате чего определена специфика воздействия миграции населения на импорт и экспорт товаров из-за рубежа.

¹ Экспорт субъектов Российской Федерации// ЕМИСС.URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38568>; Импорт субъектов Российской Федерации// ЕМИСС.URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41026>; Валовой региональный продукт субъектов Российской Федерации// ЕМИСС.URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59448>;

² Статистический бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 г.» // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>

Материалы и методы

Методической основой исследования стали общие научные методы обобщения, сравнения и группировки данных. Концентрация стран-партнеров области для миграционного взаимодействия рассчитана с помощью показателя удельного веса топ-10 стран миграции в суммарном числе прибытий и убытий. Концентрация стран-партнеров области для внешнеторгового взаимодействия рассчитана с помощью показателя удельного веса топ-10 стран внешней торговли в суммарном экспорте и импорте. Анализ внешнеторгового взаимодействия области с другими странами проводился по группе потребительских товаров, то есть предназначенных для конечного потребления населением. Для этого торговые потоки предварительно были распределены на группы: потребительские (с), промежуточные (m) и инвестиционные (к) с помощью ключей перехода³. Группа потребительских товаров наиболее подвержена влиянию миграции населения. Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные Калининградстат о миграции населения и данные Федеральной таможенной службы по Калининградской области о результатах внешнеэкономической деятельности эксклавной Калининградской области в период с 2015 г. по 2021 г.

Результаты и обсуждение

Разнообразие миграционных и внешнеторговых связей

Разнообразие стран, включенных во внешнеэкономические и миграционные связи с областью, отличалось в 2015 г. в 2,6 раза, в пользу торговых связей. К 2021 г. разница достигла 2,2 раза. Внешнеэкономические связи по импорту Калининградская область поддерживает с средним с 138 странами, по экспорту с 103 странами. Число стран иммиграции населения в Калининградскую область в среднем за рассматриваемый период составляло 61, эмиграции – 53 (рис. 1).

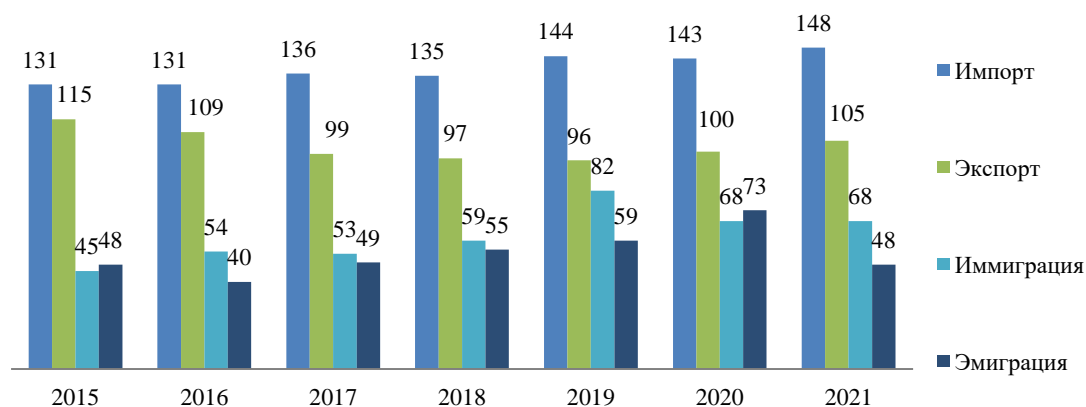

Рис. 1. Число стран-партнеров Калининградской области по миграционному взаимодействию и внешнеэкономической деятельности в 2015-2021 гг., единиц
Составлено авторами

³ Переходные ключи между ТН ВЭД ЕАЭС – МСТК – ШЭК – КДЕС, используемые при формировании официальной статистической информации Евразийского экономического союза по внешней и взаимной торговле товарами //ЕАЭС. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>;

На всем протяжении рассматриваемого периода число стран в импорте области превышало число стран в экспорте, в среднем на 35 стран (что составляет около 34%).

При этом разрыв до 2019 г. нарастал, а потом рост зафиксировался на уровне 43 стран вследствие увеличения числа стран экспорта. Аналогично, но, гораздо большим разнообразием, отличаются и сами внешнеэкономические связи региона по импорту, по сравнению с результатом экспорта Калининградской области. В 2015 г. число различных наименований в импорте (на уровне 10 знаков по ТНВЭД⁴) составило 5247 ед., в экспорте области 1314 ед., что обеспечило разницу в 4 раза. В 2021 г. число различных наименований в импорте 4997 ед., в экспорте области уже 1983 ед., что обеспечило разницу в 2,5 раза. Причем увеличение экспортного разнообразия не связано с ростом числа стран в экспорте региона.

География миграционного взаимодействия Калининградской области с другими странами в исследуемый период характеризовалась несколькими особенностями.

Во-первых, как правило, иммиграционные потоки были более разнообразны по числу стран взаимодействия, чем эмиграционные (за исключением 2015 г. и 2020 г.).

Во-вторых, на фоне стабилизации экономической ситуации в стране в посткризисный период (2016-2019 гг.) география миграционного взаимодействия значительно расширилась к 2020 г. по сравнению с 2015 г. – число стран иммиграции и эмиграции возросло в 1,5 р.

В-третьих, пандемия COVID-19, приведшая к значительным ограничениям на передвижение населения, в 2020 г. «ударила» по числу стран иммиграции населения в регион – снижение почти на 20% относительно 2019 г. В 2021 г. отмечается также сокращение числа стран эмиграции – на 34% к 2019 г.

Таким образом, география внешнеторгового взаимодействия Калининградской области более дифференцирована, чем география миграционного взаимодействия. Очевидно, что миграция населения является более сложным процессом, чем перемещение товаров, и затрагивает гораздо меньшее число стран. Выход из кризиса 2014-2015 гг. сопровождался насыщением связей по обоим направлениям международного обмена, за исключением экспорта товаров из региона, вплоть до 2019 г. Интересным представляется тот факт, что введённые ограничения на распространение пандемии COVID-19, сопровождавшиеся значительными рестрикциями на пересечение государственных границ и нарушением логистических цепочек в торговле, оказали различное влияние на миграционные и внешнеторговые связи. В то время как число партнеров региона во внешней торговле незначительно выросло, в миграционном обмене отмечалось обеднение числа связей.

Концентрация миграционных и внешнеторговых потоков

Миграционные потоки, связывающие Калининградскую область с другими странами, являются более концентрированными, чем внешнеторговые потоки. На десять основных партнерских стран (топ-10) в миграционном взаимодействии приходится более 90% всех прибытий и убытий (табл. 1). Удельный вес топ-10 стран в миграционных потоках в течение рассматриваемого периода незначительно сократился. Во внешней торговле потребительскими товарами наиболее концентрирован экспорт, чем импорт. Если в импорте на долю топ-10 стран

⁴ ТНВЭД – Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности ЕАЭС

приходится в среднем около 67%, то в экспорте их удельный вес длительное время держался на уровне около 75%, вплоть до 2021 г.

Таблица 1

Доля топ-10 стран-партнеров Калининградской области по миграционному и внешнеэкономическому взаимодействию с 2015-2021г.

Доля топ-10 стран, в %	2015г.	2016г.	2017г.	2018г.	2019г.	2020г.	2021г.
Миграция населения							
прибытия	96%	95%	95%	94%	92%	93%	93%
выбытия	91%	94%	93%	93%	93%	90%	90%
Внешняя торговля							
импорт	67%	69%	67%	63%	65%	67%	68%
экспорт	66%	66%	73%	84%	83%	79%	71%

Составлено авторами по данным ЕМИСС и ФТС.

Основу миграционного и внешнеторгового взаимодействия формируют схожие группы иностранных государств по экспорту и сильно различающие по импорту региона. Так в топ-10 стран иммиграции и эмиграции населения в и из Калининградской области вошли преимущественно страны Ближнего зарубежья (включая Литву) и Германия (рис. 2). Отмечаются встречные потоки между Калининградской областью и странами миграционного взаимодействия. Традиционно возглавляет рейтинг Казахстан, затем следует Узбекистан, Украина, Киргизия и Армения.

Интенсивность прибытий из топ-10 стран миграционного взаимодействия возросла вплоть до первого года борьбы с пандемией COVID-19 (за исключением Украины). Наиболее значительный рост присущ для входящих потоков из Азербайджана, Белоруссии, Литвы и Таджикистана, граждане которых переезжают в Калининградскую область преимущественно в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Важнейшими факторами притяжения здесь выступают возможности обучения и работы на русском языке, а также сформированные миграционные сети из числа ранее прибывших мигрантов. Сокращение интенсивности прибытий в 2020-2021 гг. коснулось не всех стран топ-10, а прежде всего Узбекистана и Украины. Определяется это исчерпанием миграционного потенциала в Украине и его переориентацией на запад и в другие регионы РФ, возвращением на родину, а также падением экономической привлекательности области для трудовых мигрантов из Узбекистана, попадающих в статистический учет постоянных мигрантов (зарегистрированных на срок более 9 месяцев). При этом интенсивность выбытий в страны топ-10 в 2015-2019 гг. росла еще быстрее. Однако в последующем произошло стремительное падение интенсивности выбытий – в среднем по странам топ-10 падение показателя в 2021 г. составило 40% от значений 2019 г.

Внешнеторговые связи региона по импорту потребительских товаров опираются в значительной степени на взаимодействие со странами Южной Америки (Бразилия, Аргентина, Эквадор, Колумбия, Парагвай, Чили) и странами Азии (Китай, Вьетнам, Турция, Индия) (табл. 2). Значительно реже в топ-10 представлены страны ЕС, в числе которых Польша, Франция, Италия. Для экспорта, напротив, характерна высокая доля стран Европы (Литва, Германия, Польша, Нидерланды, Андорра,

Испания, Дания) и ближнего зарубежья (Беларусь, Украина, Азербайджан, Казахстан, Молдова). За рассматриваемый период значительно выросла интенсивность взаимной торговли с республикой Беларусь. При этом заметный рост интенсивности прибытий в Калининградскую область из Беларуси в 2015-2021 гг. сопровождался многократным ростом импорта и экспорта, что отчасти связано с экспортом товаров из стран, попавших под санкции.

Примечательно, что миграционное взаимодействие Калининградской области с основными партнерами сопровождается в большинстве случаев экспортными потоками (табл.2.). Из 10-топ стран партнеров экспорта готовой продукции за рубеж, шесть являлись важнейшими партнерами, одновременно, и миграционного взаимодействия. Это, прежде всего, государства в контактной зоне (сопредельные) – Литва, в зоне ближайшего охвата (расстояние до Калининградской области менее 1000 км) – Беларусь, Украина и Германия, удаленные государства на едином континенте (более 2500 км) - Азербайджан, Казахстан.

Анализ динамики внешнеторговых и миграционных связей по основным странам (табл. 3) позволяет сделать вывод о сопряженности миграционных и торговых потоков с развивающимися странами ближнего зарубежья – Беларусью, Казахстаном, Азербайджаном. Рост интенсивности миграционных потоков здесь всегда сопровождается активизацией внешней торговли потребительскими товарами между странами. Наиболее «чувствительны» к изменению миграционной обстановки в рассматриваемый период оказались импортные и экспортные потоки между регионом и Беларусью, а также импорт в область из Азербайджана (рис. 3). Здесь обнаруживается тесная прямая зависимость между динамикой миграционного и внешнеторгового взаимодействия, объясняющая более 70% изменений. Примечательна также высокая обусловленность импорта из Казахстана от выбытий из региона в эту страну в период до пандемии – корреляция составила более 95%.

Таблица 2

Изменение темпов миграционного и внешнеэкономического взаимодействия области с основными странами

Страна	Место по ВВП в 2021г (ППС) ⁵	Изменение в 2021 к 2015 г.				Изменение в 2019 к 2015 г.			
		Внешняя торговля потребительскими товарами		Международная миграция		Внешняя торговля потребительскими товарами		Международная миграция	
		Импорт	Экспорт	Прибытия	Выбытия	Импорт	Экспорт	Прибытия	Выбытия
Азербайджан	95	в 29 р.	в 2,1 р.	в 3,3 р.	150%	в 19,6 р.	102%	в 3,3 р.	в 2,7 р.
Беларусь	75	в 2,2 р.	в 7,7 р.	в 2,6 р.	150%	130%	в 3 р.	в 2,4 р.	в 2,2
Германия	21	85%	50%	120%	130%	90%	91%	110%	190%
Казахстан	62	в 12 р.	в 3 р.	120%	100%	в 11 р	180%	140%	в 2 р.
Литва	40	110%	64%	в 2,3 р.	130%	90%	44%	в 2,3 р.	в 2,1 р.
Украина	103	72%	в 7 р.	60%	190%	в 2,7	в 11,2 р.	100%	в 3,1 р.

Составлено авторами по данным ЕМИСС и ФТС.

⁵ GDP based on PPP valuation of country GDP (англ.). The World Bank (30 июня 2022).

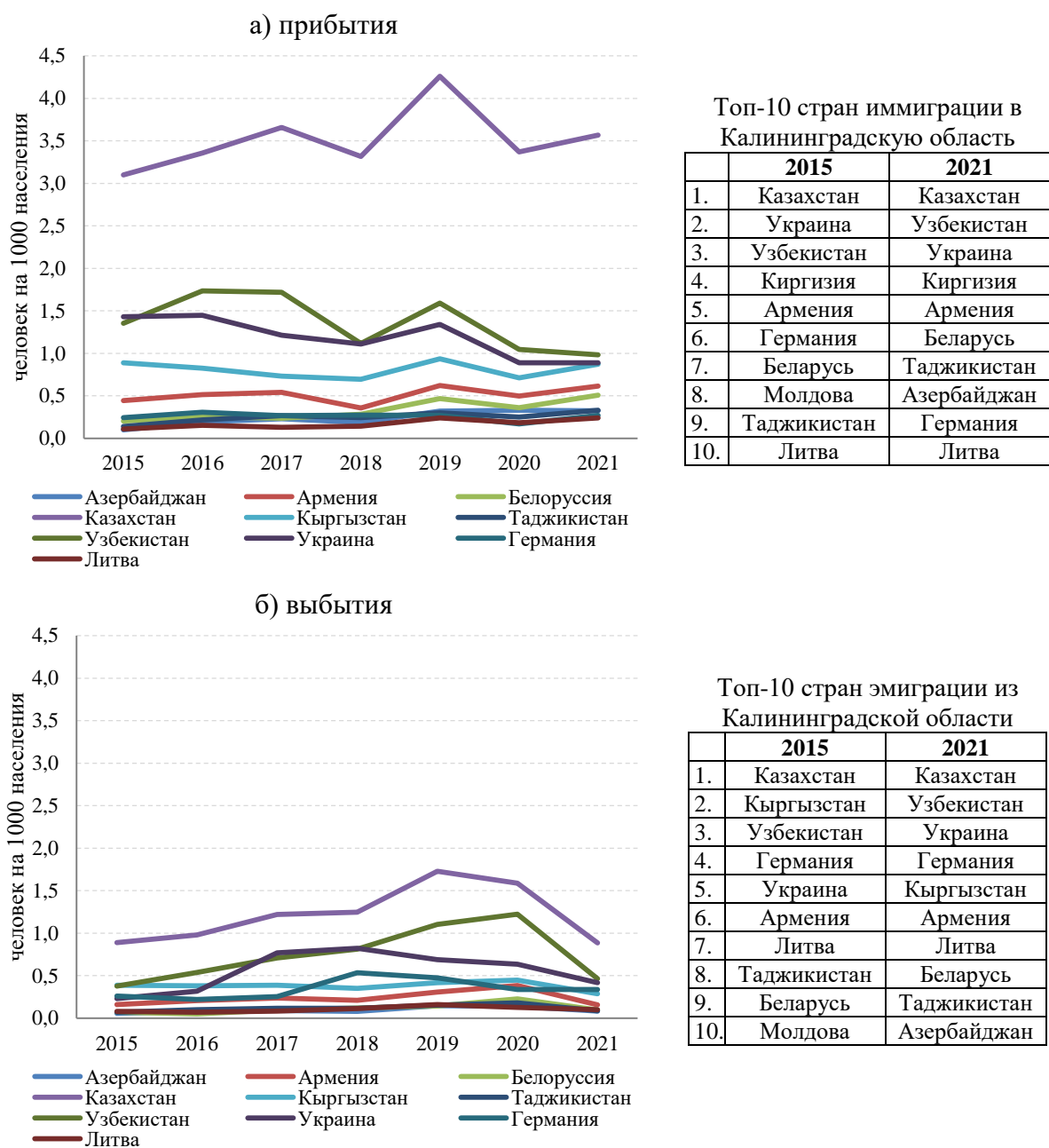

Рис. 2. Коэффициент интенсивности прибытий и выбытий со странами топ-10 в 2015-2021 гг.

Составлено авторами

Таблица 2

Топ-10 стран по внешнеэкономическому взаимодействию с Калининградской областью в 2015-2021 гг.

№	Импорт на 1000 населения, тыс. долл. США													
	Топ-10 стран	2015г.	Топ-10 стран	2016г.	Топ-10 стран	2017г.	Топ-10 стран	2018г.	Топ-10 стран	2019г.	Топ-10 стран	2020г.	Топ-10 стран	2021г.
1	Бразилия	234	Бразилия	195	Бразилия	216	Китай	174	Китай	128	Китай	126	Бразилия	148
2	Китай	184	Китай	126	Китай	167	Польша	130	Бразилия	120	Бразилия	124	Китай	131
3	Польша	155	Польша	125	Польша	146	Бразилия	91	Польша	100	Польша	81	Эквадор	93
4	Турция	74	Германия	43	Германия	49	Вьетнам	70	Вьетнам	66	Эквадор	63	Парагвай	92
5	Германия	58	Индия	38	Вьетнам	49	Германия	54	Германия	52	Вьетнам	49	Польша	84
6	Вьетнам	49	Эквадор	35	Индия	45	Аргентина	45	Турция	51	Германия	47	Вьетнам	67
7	Чили	42	Франция	29	Италия	42	Индия	42	Эквадор	51	Турция	45	Турция	56
8	Индия	36	Вьетнам	28	Эквадор	38	Турция	38	Иран	42	Парагвай	44	Германия	50
9	Италия	34	Италия	27	Аргентина	33	Эквадор	37	Парагвай	40	Чили	29	Беларусь	39
10	Парагвай	31	Литва	21	Парагвай	29	Парагвай	35	Аргентина	37	Беларусь	26	Колумбия	36
№	Экспорт на 1000 населения, тыс. долл. США													
	Топ-10 стран	2015г.	Топ-10 стран	2016г.	Топ-10 стран	2017г.	Топ-10 стран	2018г.	Топ-10 стран	2019г.	Топ-10 стран	2020г.	Топ-10 стран	2021г.
1	Германия	19	Германия	18	Германия	19	Куба	41	Украина	38	Украина	34	Беларусь	25
2	Польша	11	Гонконг	10	Куба	15	Германия	22	Куба	38	Беларусь	18	Украина	24
3	Литва	10	Китай	9	Литва	13	Беларусь	18	Германия	18	Германия	11	Андорра	13
4	Дания	8	Куба	9	Польша	11	Украина	18	Нидерланды	10	Казахстан	10	Казахстан	10
5	Израиль	5	Дания	9	Нидерланды	10	Испания	11	Беларусь	10	Китай	8	Германия	10
6	Нидерланды	5	Литва	8	Соединенные Штаты	9	Литва	11	Польша	7	Андорра	7	Китай	9
7	Иордания	4	Нидерланды	7	Азербайджан	8	Казахстан	10	Казахстан	6	Азербайджан	7	Азербайджан	9
8	Азербайджан	4	Польша	6	Беларусь	8	Нидерланды	7	Литва	5	Литва	6	Нидерланды	8
9	Андорра	4	Азербайджан	6	Казахстан	7	Азербайджан	7	Азербайджан	5	Нидерланды	5	США	8
10	Южная Осетия	4	Казахстан	5	Турция	6	Польша	6	Молдова	4	США	5	Литва	7

Составлено авторами по данным ЕМИСС и ФТС. Страны расположены в порядке убывания вклада. Маркером выделены страны совпадающие с топ-10 стран миграционного взаимодействия

Миграционное взаимодействие с развитыми странами - Литвой и Германией – напротив, в 2015-2021 гг. сопровождалось сокращением объемов внешней торговли. Так, иммиграция из Германии сопровождалась сокращением импорта в регион из этой страны, миграционные потоки между областью и Литвой происходили на фоне сокращения экспорта потребительских товаров. Очевидно, что миграция населения в данном случае не играет ключевую роль в развитии взаимной торговли, несмотря на территориальную близость. Она скорее определяет потенциал для выстраивания взаимовыгодного сотрудничества при нормализации иных (прежде всего геополитических и геоэкономических) внешних условий.

Вынужденный характер миграции населения из Украины в Калининградскую область после известных событий 2014 г. и последующее возвращение мигрантов на родину или выезд в другие регионы РФ определил отсутствие значимого влияния миграции на взаимную торговлю.

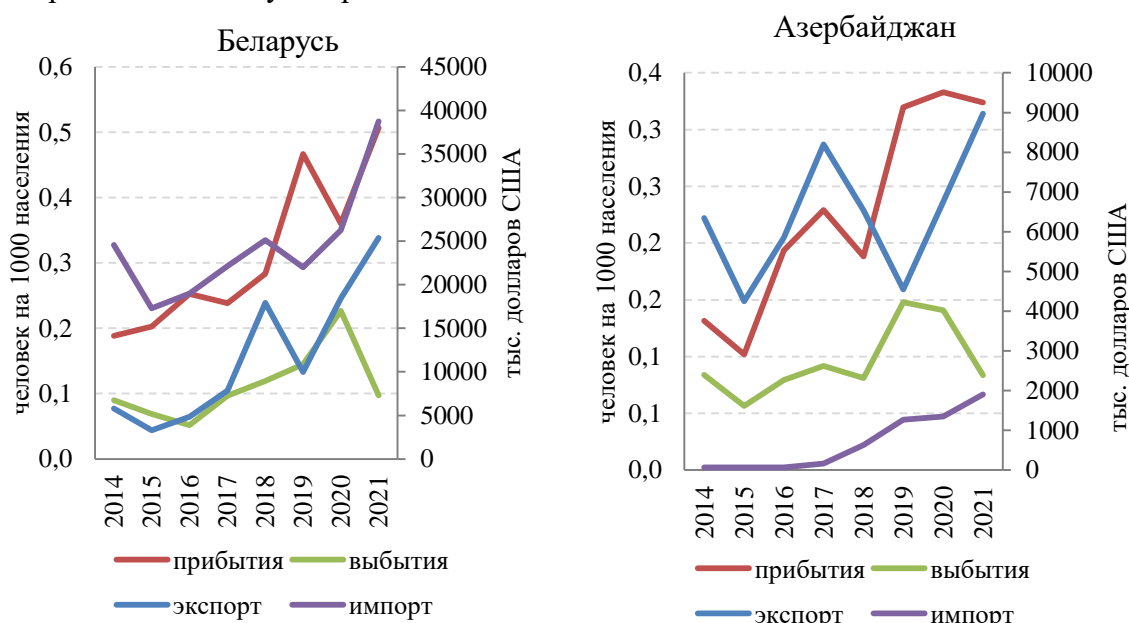

Рис. 3. Динамика коэффициентов прибытий и убытий, импорта и экспорта готовой продукции между Калининградской областью и Беларусью, Калининградской областью и Азербайджаном в 2014-2021 гг.

Составлено авторами

Выводы

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что география внешнеторговых связей Калининградской области с другими странами более дифференцирована, чем география миграционных связей. Миграционное взаимодействие является гораздо более концентрированным, чем внешнеторговое.

Экономико-географическое положение региона у западных рубежей России обуславливает тесное сотрудничество в области миграции и торговли потребительскими товарами со странами ближайшего окружения – Литвой, Германией, Беларусью, Украиной. Взаимная торговля с территориально удаленными государствами – Казахстаном, Азербайджаном, в высокой степени объясняется налаженными миграционными связями и представительством национальных и культурных объединений в регионе.

Большинство из указанных стран оказались в числе основных направлений экспорта калининградской продукции для конечного потребления. При этом их вклад в импорт потребительской продукции в регион остается ничтожно малым. Поэтому в ряде случаев насыщение миграционного взаимодействия между регионом и партнерскими странами стимулировало импорт, а не экспорт. Примером такой зависимости выступают Казахстан и Азербайджан.

Во взаимодействии с Беларусью миграция оказывает воздействие как на импорт, так и на экспорт, поскольку страна является ключевым игроком во внешнеторговом взаимодействии с регионом по обоим направлениям (импорту и экспорту).

Внешняя торговля с развитыми странами – Германией и Литвой – сегодня в большей степени подвержена влиянию не миграции населения, а иным геополитическим и геоэкономическим факторам глобального (национального) масштаба. Поэтому здесь отмечается сокращение взаимной торговли, несмотря на активизацию миграционных процессов.

Литература

1. Бикмухаметова Д. Ф. Исследование влияния миграционных процессов на торговые потоки. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: icef.hse.ru/data/2011/04/19/1210849154/Bikmukhambetova_final.doc
2. Глущенко Г. И. Влияние международной трудовой миграции на развитие мирового и национального хозяйств: дис. ...д-р. эконом. наук: 08.00.14. Пенза, 2009
3. Глущенко Г. И. Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // Мировая экономика и международные отношения, №12, 2005, с. 50-57. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit01.php>
4. Bryant J., Genç M., Law D. Trade and Migration to New Zealand, New Zealand Treasury, Working paper 04. 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www-sre.wu-wien.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa05/papers/192.pdf>
5. Catherine Y., Euzent P. and Martin T. The export effect of immigration into the USA, Applied Economics, p.573-583. 2004
6. Dunlevy J., Hutchinson W. The Impact of Immigration on American Import Trade in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // The Journal of Economic History, 59, 4, p. 1043-1062. 1999.
7. Genç M., Gheasi M., Nijkamp P., Poot J.. The impact of immigration on international trade: a meta-analysis. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.norface-migration.org/publ_uploads/NDP_20_11.pdf
8. Ghatak S., Pop-Silaghi M.I., Daly V. Trade and migration flows between some CEE countries and the UK. Journal of International Trade & Economic Development 18: 61-78. 2009.
9. Girma S., Yu Z. The link between immigration and trade: Evidence from the UK // Research Paper 2000/23 of Centre for Research on Globalisation and Labour Markets, School of Economics, University of Nottingham. 2000. [Электронный

- ресурс]. Режим доступа:
<https://www.nottingham.ac.uk/gep/documents/papers/2000/00-23.pdf>.
10. Gould D. Immigrant Links to the Home Country: Empirical Implications for U.S. Bilateral Trade Flows // *The Review of Economics and Statistics*, 76. 2, p. 302-316. 1994
 11. Head K., Ries J. Immigration and Trade Creation: Econometric Evidence from Canada // *The Canadian Journal of Economics*, 31, 1, p. 47-62. 1998
 12. Helliwell J. F. National borders, trade and migration. *Pacific Economic Review* 3: 165-185. 1997.
 13. Helpman E. Imperfect competition and international trade: evidence from fourteen industrial countries, *Journal of the Japanese and International Economics*, 1, p. 62-81. 1986. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.econ.ku.dk/Nguyen/teaching/helpman%201987.pdf>

A. V. Lyalina¹
A. A. Novikova²
K. Yu. Voloshenko³
Yu. Yu. Farafonova⁴

Migration and foreign trade of the exclave Kaliningrad region

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
Russian Federation

e-mail: anuta-mazova@mail.ru

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
Russian Federation

e-mail: Anna.novikova@klgtu.ru

³ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
Russian Federation

e-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

⁴ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
Russian Federation

e-mail: ifarafonova@kantiana.ru

Abstract. *The paper presents the analysis of the interdependence of migration and foreign trade of the Kaliningrad region in the period of geopolitical turbulence. The study shows the increase in the region's spatial connectivity with foreign countries through trade and migration flows, especially in terms of export. Intensive migration boosted exports to developing countries, while trade in consumer goods with developed countries (Germany, Lithuania) declined.*

Keywords: *immigration, emigration, export, import, Kaliningrad region, exclave, COVID-19.*

References

1. Bikmuhametova D. F. Issledovanie vliyaniya migracionnyh processov na torgovye potoki. 2011. URL: icef.hse.ru/data/2011/04/19/1210849154/Bikmukhambetova_final.doc. (In Russian)

2. Glushchenko G. I. Vliyanie mezhdunarodnoj trudovoj migracii na razvitie mirovogo i nacional'nogo hozyajstv: dis. ...d-r. ekonom. nauk: 08.00.14. Penza, 2009. (In Russian)
3. Glushchenko G. I. Transnacionalizm migrantov i perspektivy global'nogo razvitiya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, №12, 2005, s. 50-57. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/analit01.php> Bryant J., Genç M., Law D. Trade and Migration to New Zealand, New Zealand Treasury, Working paper 04. 2004. URL: <http://www-sre.wu-wien.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa05/papers/192.pdf>. (In Russian)
4. Bryant J., Genç M., Law D. Trade and Migration to New Zealand, New Zealand Treasury, Working paper 04. 2004. URL: <http://www-sre.wu-wien.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa05/papers/192.pdf>
5. Catherine Y., Euzent P. and Martin T. The export effect of immigration into the USA, Applied Economics, p.573-583. 2004.
6. Dunlevy J., Hutchinson W. The Impact of Immigration on American Import Trade in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // The Journal of Economic History, 59, 4, p. 1043-1062. 1999.
7. Genç M., Gheasi M., Nijkamp P., Poot J. The impact of immigration on international trade: a meta-analysis. URL: http://www.norface-migration.org/publ_uploads/NDP_20_11.pdf.
8. Ghatak S., Pop-Silaghi M.I., Daly V. Trade and migration flows between some CEE countries and the UK. Journal of International Trade & Economic Development 18: 61-78. 2009.
9. Girma S., Yu Z. The link between immigration and trade: Evidence from the UK // Research Paper 2000/23 of Centre for Research on Globalisation and Labour Markets, School of Economics, University of Nottingham. 2000. URL: <https://www.nottingham.ac.uk/gep/documents/papers/2000/00-23.pdf>.
10. Gould D. Immigrant Links to the Home Country: Empirical Implications for U.S. Bilateral Trade Flows // The Review of Economics and Statistics, 76., 2, p. 302-316. 1994.
11. Head K., Ries J. Immigration and Trade Creation: Econometric Evidence from Canada // The Canadian Journal of Economics, 31, 1, p. 47-62. 1998.
12. Helliwell J. F. National borders, trade and migration. Pacific Economic Review 3: 165-185. 1997.
13. Helpman, E. Imperfect competition and international trade: evidence from fourteen industrial countries, Journal of the Japanese and International Economics, 1, p. 62-81. 1986. URL: <http://web.econ.ku.dk/Nguyen/teaching/helpman%201987.pdf>.

Поступила в редакцию 10.06.2022 г.

УДК911.3

С. К. Нагиев

Размещение населения и трудовых ресурсов в Азербайджане

Бакинский государственный университет, г. Баку,
Азербайджанская Республика
e-mail: naqiyevsaleh@mail.ru

Аннотация: *Статья посвящена анализу динамики населения Азербайджанской Республики и его регионов, размещения трудоспособного населения страны. Особое внимание уделяется распределению трудовых ресурсов по регионам страны. Подробно проанализировано картина занятости населения. Рассмотрены методы решения неотложных задач социально-экономического развития сел Азербайджана, требующие от исследователей и проектировщиков последовательного отхода от устаревших схем, отказа от эффективных, но нежизнеспособных проектных моделей, проведения сложной и кропотливой работы по комплексному изучению и трансформации территории с целью создания наиболее благоприятной среды для обитания человека XXI века. В статье также рассмотрены динамика изменения количества трудоспособного населения страны по городам и сёлам, проанализированы ее законодательные основы. Выявлено влияние процесса индустриализации промышленных узлов, районов, концентраций производства на Абшере, способствует росту городского населения, главным образом, за счет механической миграции из сельских районов.*

Ключевые слова: *население, трудоспособное население, экономически активное население, регионы, естественный прирост, городское и сельское население.*

Введение

Современное размещение производительных сил, развитие общепромышленного производства, непосредственно связано с размещением населения и использованием трудовых ресурсов. При нынешнем уровне развития отраслей хозяйства, автоматизации и компьютеризации производственных процессов вовлечение в хозяйственный оборот минерально-сырьевых ресурсов и других подземных и наземных богатств в отдельных районах страны во многом зависит от рационального использования трудовых ресурсов.

На территории Азербайджанской Республики, пл. 86,6 тыс. км², по данным на 1 января 2022 г. проживает 10201 тыс. чел. [2]

Средняя плотность населения в Азербайджанской Республике составляет более 118 чел. В силу чрезвычайной разнообразности природных условий, развития промышленности, сельского хозяйства, исторически сложившегося навыка специализации хозяйства, отдельные зоны республики по размещению и плотности населения резко отличается друг от друга. Наибольшая часть населения в республике, в основном, размещена в низменной-орошаемой зоне, в связи с развитием интенсивных отраслей сельского хозяйства, концентрацией промышленности и городов.

В настоящее время большинство исследователей поддерживают подход, согласно которому основой экономического развития является человеческий капитал и, как следствие, инновационное развитие и прогресс.

Согласно этому подходу, демографические изменения приводят к изменениям институционального, политического и технического характера. Демографический рост может способствовать экономическому развитию, несмотря на субъективные факторы политического и природного характера. Таким образом, в соответствие с современными взглядами, демографические процессы представляют собой определяющий фактор экономического развития. При этом следует отметить, что базовыми демографическими факторами развития экономики являются: динамика рождаемости, смертности, численности населения, изменения его половозрастной структуры.

Материалы и методы

В работе использованы материалы теоретических и практических исследований как отечественных, так и зарубежных ученых, ведущих изыскания в широком круге наук о человеке, в частности демографии и социологии, социальной географии. При рассмотрении подходов к изучению и оценке демографического развития и географии населения применяются методы ретроспективного анализа литературных источников. На базе индуктивных, дедуктивных и статистических умозаключений применяются метод теоретического синтеза и обобщения. Кроме того, при установке метазадач в демографии применяется метод моделирования.

Результаты и обсуждения

Сложившаяся демографическая ситуация в Азербайджане обеспечивает более высокие темпы роста населения и трудовых ресурсов, по сравнению со странами СНГ в целом и с европейскими в частности. Так, если за период 1999–2019 гг. численность населения стран СНГ увеличилась на 0.4%, в Азербайджане — на 20.4%, а республиканский показатель среднегодового темпа прироста населения в 2 раза превышает аналогичный показатель по странам СНГ. Высокий прирост населения особенно присущ сельской местности республики, что объясняется рядом социальных, экономических и психологических факторов, условиями жизни и труда проживающего здесь населения, более устойчивым сохранением у последних традиций многодетности и соответствующих репродуктивных установок о числе детей в семье.

По численности населения и плотности его размещения от остальных зон республики резко выделяется Бакинский и Абшерон-Хызынский экономический районы с его крупными городами Сумгаит и Хырдалан. На Абшероне, занимающем всего 3,8% территории республики, по данным на начало 2021 года сосредоточено 578,8 тыс. чел. что составляет 5,7% всей численности населения Азербайджанской Республики.

На одном квадратном километре зоны проживает 155 человек, что превышает плотность размещения населения республики. Более половины (53%) городского населения республики сосредоточено в городах Баку и Сумгайыт. В отличии от других зон республики, почти все население Абшерона проживает в городах, и занято в различных отраслях промышленности, транспорта, торговли, предприятиях сферы услуг, культуры, здравоохранения и др. Незначительная часть (всего 1.6%) сельского

населения Абшерона занято в сельскохозяйственных объектах. На обширной территории Кура-Аразской низменности (Центрально-Аранский, Миль-Муганский и Ширван-Сальянский экономические районы), занимающий 18,4 тыс. км² территории республики, проживает 1763,9 тыс. чел. (или 17,2%) всего населения Азербайджана. Население этой низменности, в основном занято в отраслях сельского хозяйства. Поэтому по удельному весу городского населения (38,1%) она значительно уступает среднереспубликанским показателям. Необходимо отметить, что с постепенной индустриализацией отдельных районов Кура-Аразской низменности (Ширвано-Сальянского, Мингечевр-Евлахского промышленных узлов) удельный вес сельского населения постепенно сокращается. [1]

По размещению всего населения, в том числе городского, видное место занимают Гянджа-Дашкесенский экономический район. Этот район занимает обширную территорию западного Азербайджана с его Гянджинским и Дашкесанским промышленными узлами плодородную прикуруинскую депрессию с повсеместным развитием виноградарства, садоводства, овощеводства. На данной территории, занимающего 5,27 тыс. км² территории республики, сосредоточено 611,3 тыс. чел., что составляет 6,0% населения республики. Удельный вес городского населения здесь выше, чем в остальных районах (за исключением Абшерона) республики.

Известно, что сложившаяся демографическая ситуация в стране характеризуется существенными различиями в характере естественного воспроизводства населения по отдельным регионам. Азербайджан относится к числу республик, где в демографическом развитии, наряду с такими благоприятными условиями в воспроизводстве населения, как относительно высокий уровень рождаемости (14,3% в 2019 г.), низкий коэффициент смертности (5,6% в 2019 г.), высокие темпы прироста населения и трудовых ресурсов, существует и ряд негативных тенденций. Среди них следует выделить процесс неуклонного снижения рождаемости, стабилизация смертности и рост ее по отдельным причинам в некоторых возрастных группах, сокращение средней продолжительности жизни в сельской местности республики, слабая территориальная и профессиональная подвижность населения [2].

Таблица 1

Показатели численности населения по регионам Азербайджанской Республики

Наименование экономических районов		Общее количество населения (тыс. чел)	Трудоспособное население	Из них	
				Городское	Сельское
1	Бакинский	2300,5	1289,1	2300,5	-
2	Апшеронский	578,8	303,9	531,7	47,1
3	Губа-Хачмазский	558,7	275,3	184,3	374,4
4	Шеки-Загатальский	630,4	334,4	175,2	455,2
5	Нагорный Ширван	324,8	162,0	111,2	213,6
6	Центрально-Аранский	740	374,6	304,3	435,7
7	Ширван-Сальянский	501,3	251,1	235,3	266

Нагиев С. К.

8	Миль- Муганский	522,6	255,3	133,6	389
9	Гянджа- Дашкесенский	611,3	336,6	431,0	180,3
10	Газах-Товузский	687,6	358,2	161,6	526
11	Гарабахский	904,5	422,0	300,6	603,9
12	Восточно- Зангезурский	343,5	172,8	71,4	272,1
13	Ленкоран- Астаринский	953,6	465,6	254,4	699,2
14	Нахчыванский	461,5	251,6	163,4	298,1

Составлено по данным АзГосСтатКом, 2021

Нужно отметить, что внутри Гянджа-Дашкесанского района (за исключением Дашкесанского горнорудного района) население размещено неравномерно, в отличие от низменной и предгорной зон. На это обстоятельство повлияло развитие поливного земледелия и развития отраслей обрабатывающей промышленности, в среднегорной и высокогорной зонах.

Следовательно, удельный вес трудоспособного населения в городах выше, чем в сельских районах. Это результат большого наличия детей среди населения сельских районов республики.

При анализе занятости населения общественно-полезным трудом выявляется следующая картина: из всего трудоспособного населения республики по данным на начало 2021 года -3104 тыс. (или 63,7%) заняты в различных отраслях промышленности, строительстве, транспорта, на предприятиях сферы услуг, культуры, здравоохранения, просвещения, в научных, научно-исследовательских и проектных институтах в аппаратах органов государственного и хозяйственного управления и др.

Численность сельских работников во всех сферах республики на начало года 2021 составляет 1771,9 тыс. чел. Большие колебания наблюдаются в изменении численности как членов, фермерского хозяйства так и трудоспособных.

За последние 5 лет при увеличении числа наличных членов сельских работников по сравнению с 2015 г. на 73,5 тыс. чел., наличие трудоспособных увеличилось на 205 тыс. чел. (или на 4,3%). Сильно сократилось наличие сельских работников и трудоспособного сельского населения в 2015 г. по сравнению с 2021 г. Такой процесс прежде всего связан как выше было сказано, с оттоком населения из сельских районов в города. [9]

Сокращению удельного веса трудоспособного населения в сельском хозяйстве республики способствует растущая механизация сельхозпроизводства с одной стороны, и сравнительно низкая материальная заинтересованность фермеров в отдельных районах- с другой. При интенсивном росте отраслей сельского хозяйства, на что обращено повседневное внимание правительства республики, отток трудовых ресурсов из сельских районов в промышленные, является крайне нецелесообразным. Такой процесс может отрицательно повлиять на производство сельхозпродуктов, на что за последние годы предьявляется большой спрос также и населением растущих городов и промышленных центров.

Из общей численности трудоспособного населения республики во всех сферах материального и нематериального производства занято 4876,6 тыс., (включая всех

сельхоз работников) человек, что составляет 93% ко всему населению трудоспособного возраста. Следовательно, из числа трудоспособного населения 5252,5 тыс. чел. (или 7%), по различным причинам не обеспечена общественно-полезным трудом.

Из свободных трудовых ресурсов, не вовлеченных в общественно-полезный труд (по данным на 2021 г.) мужчин насчитывается 159,9 тыс. чел., а женщин – 216,0 тыс. чел. [2]

Исходя из специфики отраслей сельского хозяйства, во многом зависящего от природных условий и сезонности сельскохозяйственного производства, имеющиеся трудовые ресурсы в сельском хозяйстве используются далеко не полностью и не равномерно. Достаточно сказать, что количество рабочих дней на одного работающего в месяц в целом по республике составляет 17–18 дней. В тех районах, в хозяйстве которых животноводство является важной отраслью, а также в районах Кура-Аразской низменности, отличающейся трудоемкими отраслями и сравнительно меньшим количеством атмосферных осадков, использованных рабочих дней значительно больше, чем в среднем по республике. Поэтому в отличие от других районов резкое сезонное колебание в этих хозяйствах не наблюдается.

В обширной Кура-Аразской низменности, где повсеместно преобладает орошаемое земледелие, в основном с развитием хлопководства, овощеводства и зерноводства сосредоточено 30% всех работников и 34% трудоспособных работников в республике. При среднегодовом участии сельского работника на сельхозпроизводстве в среднем на 62–65% в наиболее интенсивный период обработки, сбора урожая, июль) не превышает 70%, а в декабре месяце этот процент падает до 42%.

Из приведенных данных видно, что в течение всего года, особенно с ноября по март месяцы, сельские районы располагают большим количеством (300–320 тыс. чел.) свободных рабочих рук.

Расположенная на юге страны в теплой, умеренной зоне, Азербайджан располагает всеми необходимыми природными условиями и экономическими возможностями для рационального использования трудовых ресурсов во всех своих зонах. Этого можно добиться путем смягчения сезонности отраслей сельского хозяйства, расширения предприятий по обработке сельхозсырья и по строительству.

Необходимо учесть и то обстоятельство, что Азербайджан относится к числу районов с высоким уровнем роста населения и трудовых ресурсов. Опережающийся рост при этом городского населения в удельном весе всего населения, может в дальнейшем еще более усилить сложившиеся диспропорции.

Одной из главных задач на современном этапе, является учет и рациональное использование трудовых ресурсов во всех сферах материального производства. Особенно важным мероприятием является учет рационального использования рабочих сил в сельском хозяйстве, отрасли которого в силу природной среды, влияния различных факторов, носят сезонный характер.

В соответствии с этим, занятость трудовых ресурсов в сельском хозяйстве определяется сезонностью сельскохозяйственного производства. Амплитуда сезонности использования труда связано с характером и специализацией сельскохозяйственного производства в отдельных природно-экономических районах республики.

Обширные площади садов, овощебахчевых культур, дикорастущих плодов как в горных, так и в низменных тугайных лесах большой объем строительных работ и другие являются главным условием для повсеместного создания промышленных предприятий по обработке сельхозсырья.

Расчеты показывают, что темпы роста населения и трудовых ресурсов намного опережают темпы роста производства. Таким образом, и в дальнейшем проблема занятости трудовых ресурсов будет такой же острой, как и в настоящее время. Поэтому при учете роста трудовых ресурсов в дальнейшем их вовлечения в полезный труд, необходимо учитывать специфические условия Азербайджанской Республики.

Наряду со слабой мобильностью, приток населения в Азербайджане больше, чем отток, что является причиной дополнительного роста трудовых ресурсов. Такой процесс в свою очередь, ставит задачу поиска и организации дополнительных источников применения труда.

Одним из сложных районов по организации трудоустройства населения и использования трудовых ресурсов является Абшеронский экономический район. Проблема трудоустройства населения особенно остро стоит в этом районе, где кроме естественного прироста наблюдается постоянный приток трудоспособного населения из сельских районов и других стран мира. Такое обстоятельство, при наличии на Абшероне значительного количества свободных трудовых ресурсов, создает трудности в поисках работы, особенно населения с недостаточной технической и специальной квалификацией при современном уровне развития техники.

Необходимо отметить, что с ростом концентрации в отраслях промышленности и других отраслях хозяйства, а также в связи с ростом населения на Абшероне, обострится и проблема обеспечения свободных трудовых ресурсов общественно-полезным трудом.

Кроме этого, возникают трудности обеспечения населения жильем, продуктами питания, организацией перевозок груза и пассажиров и др. Все это ставит серьезную задачу рациональной организации использования трудовых ресурсов в республике.

Вовлечение трудовых ресурсов в хозяйство во многом зависит от темпов развития и роста промышленности, сельского хозяйства, транспорта и улучшением их структуры. Однако, нужно отметить, что при высоком удельном весе естественного прироста населения, следовательно трудовых ресурсов по сравнению со странами СНГ темп развития промышленности в Азербайджане выше чем в этих странах. По нашему мнению, рост Азербайджана по вышеуказанным показателям надо считать нормальным, ибо республика располагает всеми необходимыми предпосылками для значительного развития всех отраслей производства. Прекрасные почвенно-климатические условия, способствующие развитию сельхозкультур, особенно трудоемких технических культур, дающие ценное сырье для легкой, пищевой промышленности, богатые месторождения минерально-сырьевых ресурсов – нефть, газ, Дашкесанское железно-рудное месторождение, Филизчайское полиметаллическое месторождение, залежи соли в Нахичыване, Гюмюшлинское, Мехманинское свинцово-цинковое месторождения, многочисленные источники ценных минеральных вод и др., разнообразные залежи стройматериалов, рыбные богатства Куры, Мингечевирского водохранилища и Каспийского морей, наконец, многочисленные свободные трудовые ресурсы в сочетании с обширными неиспользованными земельными фондами (до 2 млн га.) и при достигнутом уровне науки и техники, составляют основу для значительного поднятия темпа производства.

Отличаясь высоким темпом как естественного, так и механического прироста населения, республика принадлежит к тем районам, которые располагают излишком

рабочей силы. Необходимо отметить так же и то обстоятельство, что население Азербайджана последние годы не склонно к перемещению в другие районы страны, что также способствует созданию излишка трудовых ресурсов.

Исходя из всего этого, необходим серьезный подход и пропорциональному и рациональному размещению трудовых ресурсов, особенно промышленных предприятий в сельских местностях республики направлением значительных капитальных вложений для этой цели.

Из всего сказанного можно констатировать, что рациональное использование трудовых ресурсов в Азербайджане ставит задачи претворения в жизнь ряда мер, к числу которых относится, главным образом, рациональное и пропорциональное размещение трудовых ресурсов во всех экономических районах республики.

Учитывая большое количество свободного трудоспособного населения, сложившийся специализации отраслей промышленности и дальнейшей его перспективы на Абшероне, основное внимание нужно обратить на трудоемкие отрасли промышленности (приборостроение, радиотехника, энергетическое и электротехническое машиностроение). В связи с этим целесообразным является широкая организация производства качественного металла – стального, чугуна, цветного (из-за его недостаточности в республике) для покрытия потребностей машиностроительной и приборостроительной промышленности.

Следует идти по пути развития полевого кормодобывания, интенсификации производства кормовых культур, поднятия плодородия земель, использование отходов предприятий сферы услуг др. Необходимо размещение пригородного хозяйства по линии увеличения производства овощебахчевых культур, столового винограда, мяса и молока. Этого требует растущий спрос и удовлетворение городского населения, в первую очередь таких крупных промышленных центров как Баку, Сумгаит, Гянджа.

Одним из важных мероприятий должно являться значительное расширение предприятий сферы услуг в крупных и средних городах.

При дальнейшем развитии производства и промышленных центров особое внимание нужно обратить привлечению женского труда путем создания специфических отраслей, (легкой, пищевой промышленности, приборостроения, созданием предприятий по обслуживанию населения и др.), в средних и малых городах, где это возможно (например, в Шеки, Загаталах, Губе и др.), расширить строительство домов отдыха, санаториев, туристических баз и др.

При строительстве предприятий по обработке минерально-сырьевых ресурсов, должна учитываться важность приближения их к местности и свободным трудовым ресурсам.

В целях ликвидации сезонности в использовании труда, в сельских районах, целесообразно расширить сеть предприятий по обработке сельхозсырья, особенно в районах сырьевой базы.

В горных и предгорных районах, в городах и поселках, целесообразным является восстановление и расширение народных промыслов (декоративной металлообработки, производства гончарных изделий, восточных сладостей, ковроткачество, шелковых платков и др.) привлекавших в прошлом не мало трудовых ресурсов.

Выполнение этих мероприятий станет возможным путем расширения приема в высшие учебные заведения, колледжи, городские и сельские профессиональные училища, организацией краткосрочных курсов по подготовке и повышению квалификации. Также целесообразным является расширение приема молодежи и несовершеннолетних на работу в промышленные предприятия.

Выполнение этих мероприятий важно и потому, что на 2021 г. рост трудовых ресурсов в Азербайджане за счет роста численности, вступающей в трудоспособный возраст по сравнению с 2015 годом, увеличился более чем на 250 тыс. чел.

Предложенные мероприятия в связи с размещением и использованием трудовых ресурсов является ориентировочными, их окончательное решение требуют всестороннего анализа и исследования.

Обширная Джейранчельская степь, занимающая около 30% всей территории района, лишена постоянных жителей. Только в осенне-зимнее время, в период нахождения скота на зимовке, здесь появляются временные жители - в основном животноводы.

Из таблицы 2 видно, что при средней плотности населения по республике более 118 чел. на 1 кв. км., наибольшей плотностью отличаются Бакинский (1075 чел.), Лянкяранский (157чел), Центрально-Аранский (111 чел.), Абшеронский (155 чел.), а наименьшей Нагорно-Ширванский (53 чел.). [1]

Таблица 2

Размещение населения по экономическим районам Республики (по соотношению на 1 января 2021 г.

Экономический район	Площадь в тыс. км ²	Удельный вес территории республики в %	Численность населения на 2021 год	Удельный вес населения республики, %	Приходится на 1 км ²	Из общего количества			
						В абсолютных цифрах		в %	
						городское	сельское	городское	Сельское
Абшеронский	3,73	4,3	578,8	5,7	155	531,7	47,1	91,8	8,2
Бакинский	2,14	2,4	2300,5	22,7	1075	2300,5	0	100	0
Губа - Хачмазский	6,96	8,04	558,7	5,5	80	184,3	374,4	33,0	67,0
Шеки - Загатальский	8,86	10,2	630,4	6,2	71	175,2	455,2	27,7	72,2
Нагорный Ширван	6,13	7,0	324,8	3,2	53	111,2	213,6	34,4	65,6
Центрально-Аранский	6,69	7,7	740,0	7,3	111	304,3	435,7	41,1	58,9
Ширван-Сальянский	6,08	7,0	501,3	5,0	83	235,3	266	46,9	53,1
Миль-Муганский	5,67	6,5	522,6	5,2	92	133,6	389	25,6	74,4
Гянджа - Дашкесенский	5,27	6,1	611,3	6,0	116	431,0	180,3	70,5	29,5
Газах-Товузский	7,03	8,1	687,6	6,8	98	161,6	526,0	23,5	76,5
Лянкяран-Астаринский	6,07	7,01	953,6	9,4	157	254,4	699,2	26,7	73,3

Карабахский	8,99	10,3	904,5	8,9	101	300,6	603,9	33,2	66,8
Восточно-Зангезурский	7,47	8,6	343,5	3,4	46	71,4	272,1	20,8	79,2
Нахчыванский	5,5	6,4	461,5	4,6	84	163,4	298,1	35,4	64,6

Составлено по данным АЗГосСтатКом, 2021

Анализируя размещения населения по отдельным экономическим районам республики (приведенным в таблице 2) можно констатировать, что преобладающая часть населения – до 80% сосредоточена в низменной и предгорной зонах республики, т.е. в районах интенсивного ведения сельскохозяйственного производства, в сочетании разнообразных отраслей промышленности, а также с хорошо развитой транспортной сетью.

Наряду со многими индустриальными районами стран СНГ, по удельному весу городского населения Азербайджана занимает среднее положение. В настоящее время численность городского населения в Азербайджане превосходит сельское. За последние несколько лет наблюдается тенденция роста городского населения, как за счет естественного, так и за счет механического прироста, при постепенном уменьшении доли сельского населения.

За годы независимости в республике намного расширилась сеть городов и поселков.

С развитием рыночного способа ведения хозяйства, с индустриализацией районов, постепенно вырос удельный вес городов и естественного городского населения, что видно из прилагаемой таблицы 3.

Таблица 3

Показатели городского и сельского населения

Годы	Все население тыс. чел	В том числе процент				
		Городское	Сельское	Городское	Сельское	Число городов
1926	2313,7	649,5	1664,2	28	72	19
1939	3205,1	1156,8	2048,3	36	64	25
1959	3698	1767,3	1930,4	48	52	40
1970	5117,1	2564,6	2552,5	50,1	49,9	45
1989	7021,2	3805,9	3215,3	54,2	45,8	46
1999	7953,4	4064,3	3889,1	51,1	48,9	70
2009	8922,4	4739,1	4183,3	53,1	46,9	77
2015	9593,0	5098,3	4494,7	53,1	46,9	78
2021	10119,1	5358,5	4760,3	53,0	47,0	79

Составлено по данным АЗГосСтатКом, 2021

Из таблицы видно, что по сравнению с 1926 годом, количество городского населения выросло с 649,5 тыс. чел. до 5358,5 тыс. чел., т. е. увеличилось в 9 раза. За это время удельный вес городского населения возрос с 28% до 53,0%.

За период с 1920 г. по 1926 г. при росте общей численности населения республики в 2,3 раза, городское население увеличилось в 5,6 раза, а сельское всего лишь на 46,9%. [2]

В настоящее время в республике насчитывается 79 городов, против 19 городов в 1926 году.

Рост городов и городского населения за годы независимости сопровождался с развитием промышленности, с ростом старых и образованием новых городов, а самое главное с концентрацией производства и населения на Абшеронском полуострове.

Росту городов и городского населения в Азербайджане способствуют многие факторы, главным из которых является развитие промышленности и в этой связи индустриализации районов. Если городское население в 1926 году составляло 28% к общему количеству населения, то в 1999 году оно составляло 51,1%, а в 2021 г. 53%. По сей день в республике продолжается рост городского населения. Это происходит за счет естественного и механического прироста, преобразования бывших сельских населений в города, а также за счет оттока в индустриальные города сельского населения. В настоящее время отток сельского населения связан, главным образом, с поиском работы. В связи с перевооруженностью сельского хозяйства, его механизацией рост производительности труда высвобождает из сферы сельского хозяйства не мало трудоспособных людей.

При размещении городского населения республики обращает на себя внимание высокий удельный вес Абшеронского полуострова.

Сосредоточение свыше половины городского населения республики в Баку и Сумгайте создают условия формирования столицы республики, как одного из крупнейших промышленных центров.

Рост городского населения Баку приводится в нижеследующей таблице.

Таблица 4

Размещение городского населения по территории Азербайджана

Годы переписи	Все городское население тыс. чел	Население Баку.		Прочие города АР	
		Тыс. чел	В % по всему городскому населению	Тыс. чел	В % по всему городскому населению
1926	649,5	527,2	81,1	122,3	18,9
1939	1156,8	808,7	69,9	348,1	30,1
1959	1767,3	967,6	54,8	799,7	45,2
1970	2564,6	1265,5	49,3	1299,1	50,7
1989	3805,9	1794,9	47,0	2011,0	53,0

1999	4064,3	1788,9	44,0	2275,4	56,0
2009	4739,1	2045,8	43,0	2693,3	57,0
2015	5098,3	2225,8	43,7	2872,5	56,3
2021	5358,5	2300,5	43,0	3058,0	57,0

Составлено по данным АЗГосСтатКом, 2021

Из таблицы видно, что при постоянном росте городского населения республики, удельный вес населения Баку постоянно падает за счет роста других городов и поселков.

Население Азербайджана отличается относительно высоким темпом естественного прироста. Достаточно сказать, что при снижении рождаемости и резком уменьшении смертности на 1000 чел. естественный прирост населения по сравнению с 1926 г. в 2020 г. уменьшилось в 3 раза, а по сравнению с 1959 г. почти в 7 раза.

Естественный прирост населения Азербайджана приводится в нижеследующей таблице.

Таблица 5

Показатели Естественного прироста населения Азербайджанской Республики

Годы	На 1000 человек населения		
	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост
1939	31,4	12,3	19,1
1959	41,5	6,9	34,6
1970	29,2	6,7	22,5
1989	26,4	6,4	20,0
1999	14,9	5,9	9,0
2009	17,2	5,9	11,3
2015	17,4	5,7	11,7
2020	12,7	7,6	5,1

Составлено по данным АЗГосСтатКом, 2021

Несмотря на незначительное замедление темпа прироста населения, начиная с 1960 года, все же он считается очень высоким и в этом отношении Азербайджан занимает одно из первых мест среди стран СНГ.

Если за 20 лет (1939–1959 гг.) численность населения республики возросла на 493 тыс. чел., то за десять лет (2009–2020 гг.) на 1196,7 тыс. чел. или 13,4%.

Наряду с этим и возрос среднегодовой прирост населения, составив за 1939–1959 гг. в среднем 24,6 тыс. чел., а за последние года на 81,0 тыс. чел.

Высокий естественный прирост, при слабой мобильности населения в условиях постоянного роста технической вооруженности отраслей хозяйства, автоматизации и компьютеризации производственных процессов и в этой связи при постоянном росте

производительности труда высвобождает из сферы производства (главным образом от промышленности) тысяча трудоспособных людей, что из года в год пополняют баланс свободных трудовых ресурсов республики. Это в свою очередь ставит задачу в условиях рыночной экономики занять свободное население полезным трудом, а также необходимым жильем, продуктами питания и др. потребности людей. [2]

Выводы

Рост современного сельскохозяйственного производства диктует новые требования к качеству совокупного работника. В свою очередь возрастание возможных сроков трудовой активности населения обуславливают новые формы потребления рабочей силы, создают объективные условия для наиболее полного раскрытия духовных и физических способностей работающих, роста эффективности производства и дальнейшего стирания различий между умственным и физическим трудом, уровнем жизни городского и сельского населения.

Решение неотложных задач социально-экономического развития сел Азербайджана требует от исследователей и проектировщиков последовательного отхода от устаревших схем, отказа от эффективных, но нежизнеспособных проектных моделей, проведения сложной и кропотливой работы по комплексному изучению и трансформации территории с целью создания наиболее благоприятной среды для обитания человека XXI века. Важную в решении этой крупнейшей междисциплинарной задачи имеет применение социально-экономических подходов, нацеленных на всесторонний учет реальных процессов и особенностей развития территории и это должно отразиться в новом генплане сел Азербайджана.

Наряду с общим темпом роста населения, большие изменения происходят также в росте трудовых ресурсов, как целом по республике, так и внутри отдельных природно-экономических районов.

Большие изменения при этом наблюдаются между сельскими районами и городами, следовательно, между сельским хозяйством и промышленностью. Такой процесс в настоящее время, интенсивно происходит в Сальян-Ширванском промузле, где усиленным темпом развивается нефтяная и химическая промышленность (нефтедобыча, производство йода и брома). Аналогичный процесс наблюдается в Гянджа-Дашкесанской зоне, где на базе Дашкесанского месторождения алунита совместно с зарубежными компаниями, в городе Гянджа реконструирована алюминиевый завод и другие промышленные предприятия (приборостроение, производство стройматериалов, промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья).

Процесс индустриализации промышленных узлов, районов, концентраций производства на Абшероне, способствует росту городского населения, главным образом, за счет механической миграции из сельских районов. Это служит причиной излишних рабочих в одном районе и недостатка в другом. Это привело к тому, что удельный вес трудоспособного населения в городах значительно больше, чем в сельских районах. Из общего количества населения республики-51,5% является трудоспособным. Из всех трудоспособных -62% размещено в городах и поселках, 38% в сельских местностях. Нужно отметить, что за последние 3—4 года наблюдается постепенный рост трудоспособного населения в городах за счет уменьшения их в сельских районах, ибо процесс воспроизводства рабочих в сельских районах выше, чем в городах.

Литература

1. Регионы Азербайджана. Демографический показатель за 2021 г. АЗГосСтатКом, 813 с.
2. Население Азербайджана 2021 г. АЗГосСтатКом, 223 с.
3. Рейтинг устойчивого развития городов Азербайджанской Республики за 2013 г. АЗГосСтатКом.
4. Эфендиев В. А., Нагиев С. К. Геоурбанистика. Баку. 2017. 271 с.
5. Нагиев С. К. Демографическая обстановка в Азербайджане // РГО «Известия». Санкт-Петербург, 2005 г. С. 71–77.
6. Нагиев С. К. Малые и средние города в системе расселения Азербайджана // РГО «Известия». Санкт-Петербург. 2009 г. С. 76–79.
7. Afandiyev V. A., Nagiyev S. K. Economic and geographical development problems of Baku agglomeration Analele asociatiei profesionale a Geografilor din Romania. Anul 2012, p.59.
8. Нагиев С. К. Региональные особенности территориальной подвижности населения Азербайджана // Статьи Азербайджанского географического общества. Том 14. 2009. С. 230–234.
9. Нагиев С. К. Новейшие тенденции развития расселения в Большом Баку // Материалы научной конференции, посвященные 90-летию со дня рождения Ризвана Пириева. Баку, 2014. С. 197–202.
10. Нагиев С. К., В. А. Эфендиев Демографическая ситуация и демографическая политика в Азербайджане // Известия БГУ. Серия природных наук. Баку. 2016. №4. С. 81–90.
11. Нагиев С. К. Расселение населения Большого Баку на современном этапе // Сборник материалов Международной научно-практической конференции Актуальные вопросы экономических наук. Новосибирск, 2011. С. 202–208.
12. Эфендиев В. А., Нагиев С. К. Бакинская система расселения и транспорт // Общероссийская научно-практическая конференция «Современные социальные проблемы». Красноярск. Научно-инновационный центр, 2011 С. 369–372.
13. Эфендиев В. А., Нагиев С. К. Влияния демографических процессов на развитие Бакинской агломерации // Известия БГУ. Баку, 2012. №3. С.101-130.

S. K. Nagiyev

***Placement of population and labor resources
in Azerbaijan***

Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan
e-mail: naqiyevsaleh@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the dynamics of the population of the Republic of Azerbaijan and its regions, the placement of the able-bodied population of the country. Special attention is paid to the distribution of labor resources by regions of the country. The employment picture of the population is analyzed in detail. The methods of solving urgent problems of socio-economic development of Azerbaijani villages, requiring researchers and designers to consistently move away from outdated schemes, abandon effective but non-viable design models, carry out complex and painstaking work on complex study and transformation of the territory to create the most favorable environment for human habitation in the XXI century, are considered. The article also examines the*

dynamics of changes in the number of able-bodied populations of the country by cities and villages, analyzes its legislative foundations. The influence of the process of industrialization of industrial nodes, districts, production concentrations on Absheron is revealed, contributes to the growth of the urban population, mainly due to mechanical migration from rural areas.

Along with the general rate of population growth, major changes are also taking place in the growth of labor resources, both in the republic as a whole and within individual natural and economic areas.

At the same time, large changes are observed between rural areas and cities, therefore, between agriculture and industry. Such a process is currently taking place intensively in the Salyan-Shirvan industrial complex, where the oil and chemical industry (oil production, iodine and bromine production) is developing at an accelerated pace. A similar process is observed in the Ganja-Dashkesan zone, where, based on the Dashkesan alunite deposit, together with foreign companies, an aluminum plant and other industrial enterprises (instrumentation, construction materials production, agricultural raw materials processing industry) have been reconstructed in the city of Ganja.

The process of industrialization of industrial hubs, districts, and production concentrations on Absheron contributes to the growth of the urban population, mainly due to mechanical migration from rural areas. This causes an excess of workers in one area and a shortage in another.

Keywords: *Demographic situation, population reproduction, employment structure, population dynamics. distribution of the population, population migration.*

References

1. Regiony Azerbajdzhana. Demograficheskij pokazatel' za 2021 g. AZGosStatKom, 813 s. (in Azerbaijani)
2. Naselenie Azerbajdzhana 2021 g. AZGosStatKom, 223 s. (in Azerbaijani)
3. Rejting ustojchivogo razvitiya gorodov Azerbajdzhanskoj Respubliki za 2013 g. AZGosStatKom. (in Azerbaijani)
4. Efendiev V. A., Nagiev S. K. Geourbanistika. Baku. 2017. 271 s. (in Russian)
5. Nagiev S. K. Demograficheskaya obstanovka v Azerbajdzhane // RGO «Izvestiya». Sankt-Peterburg, 2005 g. S. 71–77. (in Russian)
6. Nagiev S. K. Malye i srednie goroda v sisteme rasseleniya Azerbajdzhana // RGO «Izvestiya». Sankt-Peterburg. 2009 g. S. 76–79. (in Russian)
7. Afandiyev V. A., Nagiyev S. K. Economic and geographical development problems of Baku agglomeration Analele asociatiei profesionale a Geografilor din Romania. Anul 2012, p.59.
8. Nagiev S. K. Regional'nye osobennosti territorial'noj podvizhnosti naseleniya Azerbajdzhana // Stat'i Azerbajdzhanskogo geograficheskogo obshchestva. Tom 14. 2009. S. 230–234. (in Russian)
9. Nagiev S. K. Novejshie tendencii razvitiya rasseleniya v Bol'shom Baku // Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennye 90-letiyu so dnya rozhdeniya Rizvana Pirieva. Baku, 2014. S. 197–202. (in Russian)
10. Nagiev S. K., V. A. Efendiev Demograficheskaya situaciya i demograficheskaya politika v Azerbajdzhane // Izvestiya BGU. Seriya prirodnyh nauk. Baku. 2016. №4. S. 81–90. (in Russian)
11. Nagiev S. K. Rasselenie naseleniya Bol'shogo Baku na sovremennom etape // Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk. Novosibirsk, 2011. S. 202–208. (in Russian)

12. Efendiev V. A., Nagiev S. K. Bakinskaya sistema rasseleniya i transport // Obshcherossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Sovremennye social'nye problemy». Krasnoyarsk. Nauchno-innovacionnyj centr, 2011 S. 369–372. (in Russian)
13. Efendiev V. A., Nagiev S. K. Vliyaniya demograficheskikh processov na razvitie Bakinskoj aglomeracii // Izvestiya BGU. Baku, 2012. №3. S.101-130. (in Russian)

Поступила в редакцию 10.06.2022 г.

УДК 911.3

А. М. Носонов¹
С. В. Сарайкина²

***Территориальные инновационные
кластеры как перспективный компонент
инновационной инфраструктуры России***

¹ ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева», г. Саранск, Российская Федерация
e-mail: artno@mail.ru

² ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева», г. Саранск, Российская Федерация
e-mail: ssarajkina@rambler.ru

Аннотация. *Статья посвящена изучению территориальных инновационных кластеров как перспективного компонента развития инновационной инфраструктуры России. Были проанализированы территориальная дифференциация инновационных кластеров, уровень их развития и роль в формировании инновационной экономики страны. Сделаны выводы о перспективах развития территориальных инновационных кластеров, которые связаны с разработкой эффективных маркетинговых инструментов коммерциализации инноваций, инновационной направленности образования, расширением прикладной ориентированности НИОКР.*

Ключевые слова: *территориальный инновационный кластер, инфраструктура, кластер, инновационное развитие, технологии.*

Введение

Развитие национальной инновационной системы и повышение качества инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации – главный приоритет государственной и региональной научно-технологической политики. Формирование экономики знаний, основанной на тесном взаимодействии науки, образования и бизнеса во многом определяет социально-экономическое и технологическое развитие страны [1; 2]. Создание общественно необходимых знаний в результате научно-исследовательской деятельности наряду с выполнением чисто социальной функции становится элементом рыночной экономики, который обуславливает конкурентоспособность страны в области высоких технологий. Однако инновационное развитие еще не стало приоритетом экономики страны. Функционирование национальной инновационной системы обусловлено уровнем инновационного развития в регионах страны, прежде всего, их способностью к генерации и коммерциализации инноваций. Усиление роли регионов в развитии национальных экономик, вклад отдельных территорий в осуществление мировых научных и технологических прорывов уже не первый год определяют логику глобального инновационного процесса. Прогресс и процветание целых государств обеспечиваются за счет высокой локальной концентрации человеческого и финансового капитала, развития центров знаний и передовой инфраструктуры [3; 4; 5].

Современные представления об инновационной активности базируются на многообразии экономического использования нового знания, что создает возможности для каждого региона найти собственную нишу новаторства в приоритетных видах деятельности, не ограниченных фундаментальной наукой или высокими технологиями.

Материалы и методы

Развитие национальной и региональных инновационных систем обусловлено следующими факторами [6; 7]:

- количеством функционирующих инновационных объектов и диверсификацией технико-технологической инфраструктуры;
- степенью развития науки и образования, техники и технологий;
- основными показателями, отражающие эффективность инновационной деятельности: объемы производимой инновационной продукции, инновационная активность предприятий, патентная деятельность, объем затрат на создание и реализацию инноваций, созданные передовые производственные технологии.

Во многом уровень инновационного развития регионов России определяется их насыщенностью объектами инновационной инфраструктуры и уровнем ее диверсификации. Инновационная инфраструктура России включает следующие компоненты:

- технико-технологическая инновационная инфраструктура: инновационный центр «Сколково», технологические платформы; инновационные территориальные кластеры; бизнес-инкубаторы; инжиниринговые центры; НИИ и ВУЗы, осуществляющие инновации; технопарки, промышленные и научные парки, технополисы, бизнес-инкубаторы; центры трансфера технологий и др.;
- финансовые механизмы поддержки инноваций, в том числе целевые федеральные и региональные программы, венчурные фонды и фонды поддержки малого и среднего инновационного бизнеса [8];
- государственные и частные предприятия, осуществляющие инновации;
- информационно-коммуникационные технологии: DATA-центры, центры коллективного пользования [9; 10].

Перспективным направлением инновационного развития России и диверсификации инновационной инфраструктуры является происходящий в настоящее время процесс формирования территориальных инновационных кластеров [11; 12].

Под инновационным кластером понимается система разноотраслевых субъектов инновационной деятельности, расположенных на определенной территории и взаимодействующих с целью производства конкурентоспособной инновационной продукции. Как правило кластеры располагаются на территории одного субъекта Российской Федерации, реже на смежных территориях. По сути формирующиеся российские инновационные кластеры ближе к понятию территориально-производственного комплекса (ТПК). Это обусловлено тем, что в отличие от традиционного кластера, который формируется на основе конкуренции между отдельными отраслями и предприятиями, российские кластеры развиваются на основе взаимодействия входящих в их состав предприятий даже, принадлежащих разным собственникам, где каждое предприятие занимает соответствующую нишу. Это связано с тем, что

подавляющая часть инновационных кластеров находятся на начальной стадии своего формирования и по мере их развития очевидно проявится и конкуренция между различными предприятиями.

По уровню кластеризации инновационного развития Россия в соответствии с глобальным инновационным индексом (Global Innovation Index) занимала в 2020 г. 47 место из 131 государств.

Результаты исследования

В настоящее время в России формируется 118 кластеров в 46 регионах страны, в том числе 6 межрегиональных кластера (рис. 1). Наибольшее количество кластеров размещено в регионах, которые отличаются высоким уровнем инновационного развития: Санкт-Петербург и Ростовская область (по 9 кластеров), Москва и Татарстан (по 6 кластеров), Алтайский край и Воронежская область (по 5 кластеров). В Волгоградской, Томской, Омской, Брянской, Смоленской, Московской, Пензенской, Липецкой, Новгородской, Рязанской областях и Пермском крае формируется от 3 до 4 территориальных инновационных кластеров. В большинстве регионов, где размещены кластеры, присутствует 1 реже 2 кластера – 29 субъектов Российской Федерации. В 39 регионах территориальные инновационные кластеры отсутствуют. Общее количество участников кластеров составляет 3838 субъектов инновационной деятельности, а общая численность работников в них – около 1,5 млн чел. Значительная часть кластеров (86 %) находятся на начальной стадии формирования, 22 % кластера имеют средний уровень развития и лишь 10 % – высокий. Это свидетельствует, что в большинстве территориальных инновационных кластеров отсутствуют устойчивые производственные, технико-технологические, научные связи между субъектами кластеров, либо они носят эпизодический, случайный характер.

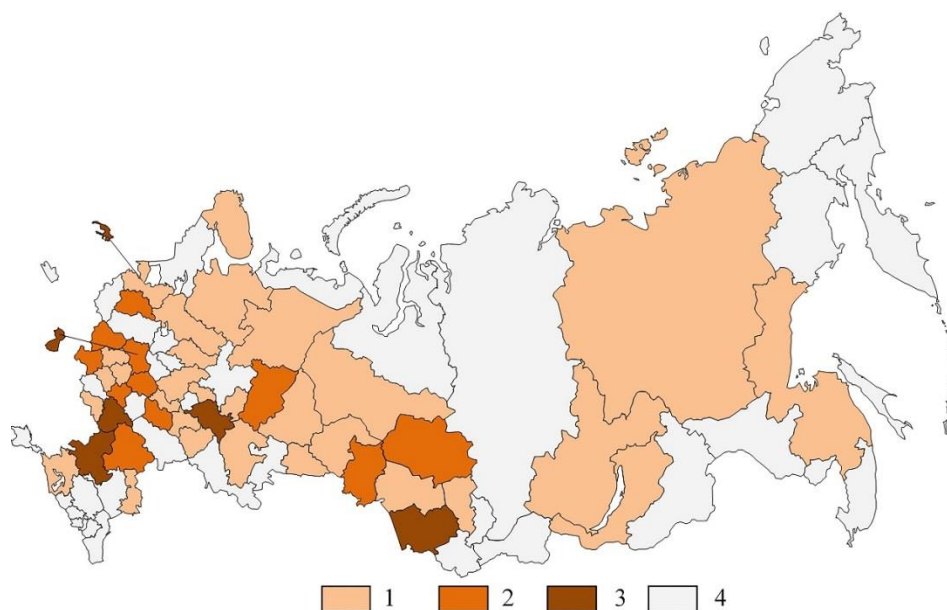

Рис. 1. Количество территориальных кластеров в регионах России, единиц:
1 – 1-2; 2 – 3-4; 3 – более 4; 4 – кластеры отсутствуют
Составлено авторами

Общее количество участников кластеров составляет 3838 субъектов инновационной деятельности. Наибольшее количество предприятий и организаций, которые участвуют в кластерах варьирует от нескольких десятков (Астраханская, Белгородская, Курганская, Ленинградская области, республики Коми, Бурятия, Марий Эл, Мордовия и др.) до нескольких сотен – Республика Татарстан (505), г. Санкт-Петербург (302), г. Москва (244), Новосибирская область (227), Республика Башкортостан (221) (рис. 2).

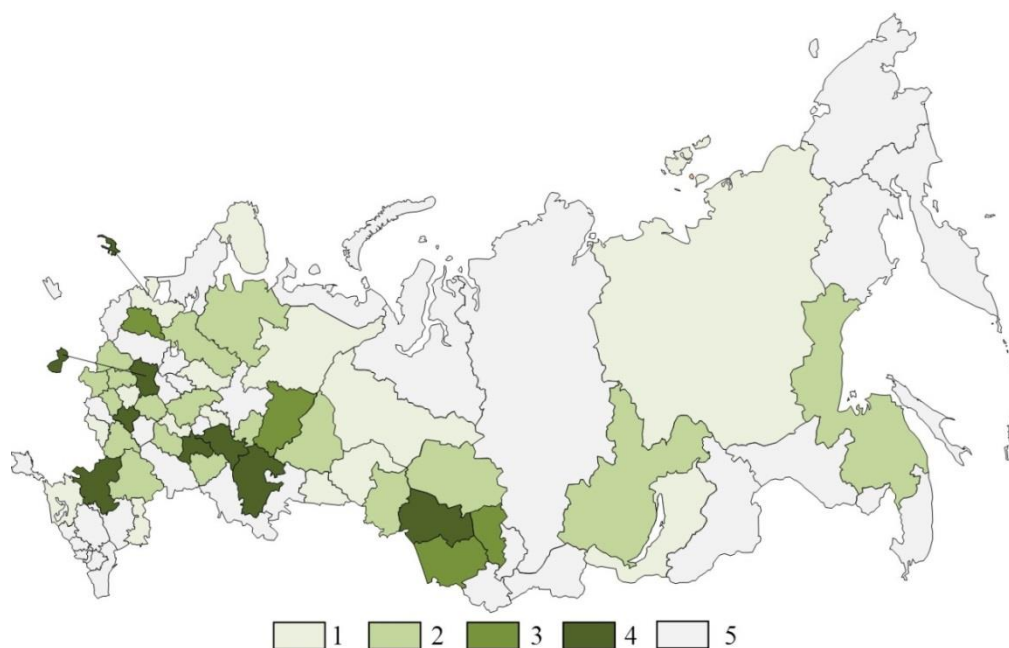

Рис. 2. Количество участников территориальных кластеров в регионах России, единиц: 1 – менее 30; 2 – 30-80; 3 – 81-130; 4 – более 130; 5 – кластеры отсутствуют
Составлено авторами

Общая численность работников кластеров – около 1,5 млн чел. Распределение их по регионам России крайне неравномерно. Наибольшее их количество сосредоточено в Татарстане (более 200 тыс. чел.), Москве, Санкт-Петербурге (более 100 тыс. чел.) (рис. 3). С другой стороны, в большом количестве кластеров занято менее 1000 человек (Астраханская, Ленинградская, Брянская области, Якутия). Больше всего работников занято в оборонной и космической промышленности (Самарский аэрокосмический кластер, Удмуртский машиностроительный кластер, Инновационный территориальный кластер «Технополис «Новый Звездный») – более 155 тыс. чел., автомобилестроении (Камский инновационный кластер, Татарстан) – более 150 тыс. чел., фармацевтика (Инновационный территориальный кластер «ФИЗТЕХ XXI», Волгоградский фармацевтический кластер, Томский фармацевтический кластер и др.) – более 146 тыс. чел., судостроении (Архангельский инновационный кластер, Композитный кластер Санкт-Петербурга) – более 51 тыс. чел.

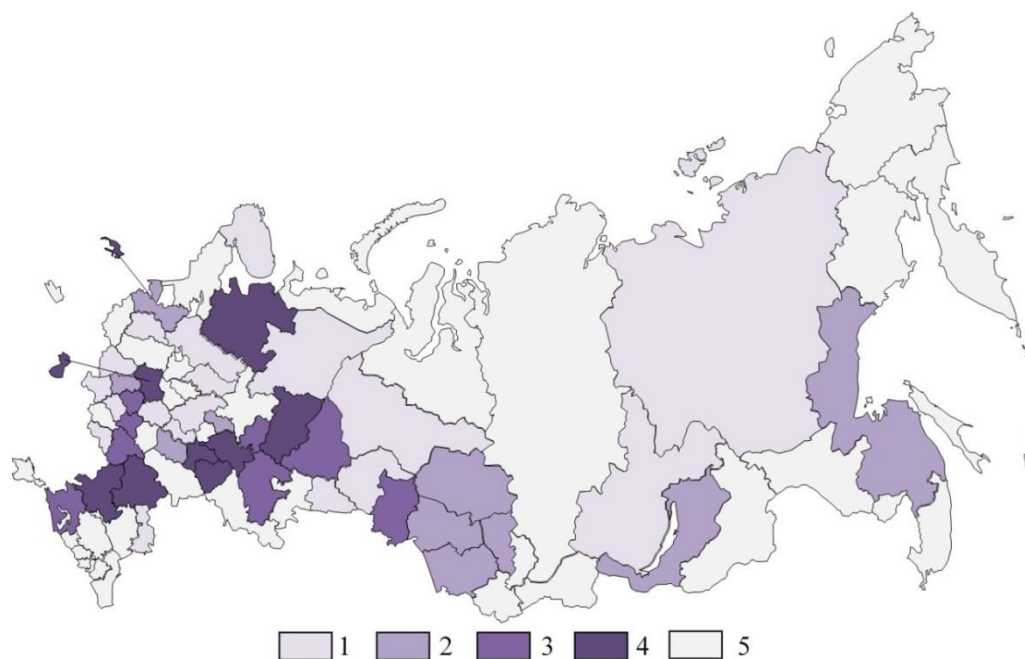

Рис. 3. Численность работников территориальных кластеров в регионах России, человек: 1 – менее 10000; 2 – 10000-30000; 3 – 30001-50000; 4 – более 50000; 5 – кластеры отсутствуют
Составлено авторами

Территориальные инновационные кластеры отличаются широким спектром отраслей специализации (рис. 4). Значительная часть территориальных инновационных кластеров специализируется на отраслях машиностроения (микроэлектроника, аэрокосмическая промышленность, отрасли оборонно-промышленного комплекса, приборостроение, производство специализированных машин и др.) и информационно-коммуникационных технологиях. Причем особое внимание уделяется тем отраслям экономики, в которых Россия отстает от мировых лидеров: микроэлектроника и приборостроение (14 %), фармацевтика и биотехнологии (10 %), производство нано- и композитных материалов (8 %), производство специализированных машин (14 %). Важное место имеют туристские инновации (8 %), направленные на более активное освоение огромного отечественного рекреационного рынка. Значительное направление – модернизация отраслей АПК на инновационной основе (7 %). Благодаря этому следует ожидать поддержание достигнутого уровня обеспечения продовольственной безопасности страны.

В Республике Мордовия с 2013 г. формируется территориальный инновационный кластер «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением». Кластер имеет средний уровень развития, включает 24 участника и 9866 работников организаций кластера. Включен в перечень пилотных инновационных территориальных кластеров. Главная специализация кластера – микроэлектроника и точное приборостроение. На предприятиях кластера выпускается современная светотехническая продукция – различные виды энергоэффективных разрядных и светодиодных ламп, промышленные, бытовые, уличные светильники, а также световые приборы для оборонно-промышленного комплекса, транспорта, сельского хозяйства и

интеллектуальные системы освещения. В кластере создается собственная электронная компонентная база на основе новых композитных полупроводниковых материалов – арсенида галлия, нейронно-легированного кремния. Предприятия кластера поставляют на российский рынок 30 % всей производимой светотехнической продукции. Основные перспективные направления инновационного развития кластера – фотоника, микроэлектроника и точное приборостроение (создание отечественной электронной компонентной базы, электронные пускорегулирующие приборы, интеллектуальные датчики освещения, сети связи и др.).

Рис. 4. Специализация территориальных инновационных кластеров
Составлено авторами

Следует отметить некоторые пространственные закономерности формирования и развития территориальных инновационных кластеров России. Благоприятными условиями создания и формирования региональных инновационных кластеров, являются высокий уровень социально-экономического развития, насыщенность и диверсификация объектов технико-технологической инфраструктуры, степень инновационной активности промышленных предприятий, научный и образовательный потенциал региона, высокая квалификация трудовых ресурсов. Характерна большая неравномерность размещения территориальных инновационных кластеров. Большинство их сосредоточено в Европейской территории России, где наилучшая обеспеченность всеми компонентами инновационной инфраструктуры (научных и промышленных парков, технологических платформ, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий, венчурных и других финансовых фондов, высокотехнологичных

предприятий и организаций) и высокий уровень развития информационных технологий).

Выводы

1. Одним из главных факторов эффективности инновационного развития регионов России является диверсификация и степень сформированности производственно-технологической инфраструктуры. Важнейшими составными частями этого компонента инфраструктуры являются территориальные инновационные кластеры, технопарки в сфере высоких технологий, центры коллективного пользования, технологические платформы, которые обеспечивают технологическую трансформацию промышленных предприятий и учреждений сферы услуг, появление значительного числа конкурентоспособных средних и малых инновационных предприятий.

2. Территориальные инновационные кластеры формируются при высоком уровне государственного финансирования и управляются федеральными организационными структурами. Имеет место существенная недооценка механизмов государственно-частного партнерства и отсутствии эффективных методов привлечения частных инвестиций для реализации перспективных инновационных проектов в результате неблагоприятной инвестиционной привлекательности значительного числа регионов России.

3. При относительно высоком уровне развития большинства территориальных инновационных кластеров в результате низкой степени взаимодействия их отдельных компонентов снижается качество и эффективность их функционирования, что обусловлено низкой результативностью коммерциализации изобретений и новых технологий.

4. Основными факторами, сдерживающих развитие территориальных инновационных кластеров является незначительное количество разрабатываемых новых передовых технологий и их не востребованность промышленными предприятиями и организациями третичного сектора экономики в результате длительного периода внедрения в производство. Имеет место также технологическое и техническое противоречие между высоким уровнем решаемых задач и имеющейся материально-технической базой реализации инновационных проектов.

5. Дальнейшее развитие территориальных инновационных кластеров требует разработку эффективной маркетинговой стратегии процесса коммерциализации инноваций, вызывает необходимость повышением качества всех видов образования с учетом его ориентированности на инновационную деятельность. Расширение прикладной ориентации НИОКР возможно только на основе диверсификации национального и региональных инновационных систем в соответствии с приоритетными направлениями технологического развития регионов и страны.

Литература

1. Бабурин В. Л., Земцов С. П. Инновационный потенциал регионов России. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017. 358 с.
2. Носонов А. М. Инновационное развитие регионов России: факторы и

- пространственно-временные закономерности // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2016. № 2. С. 27-34.
3. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания / Отв. ред. А. Н. Пилясов. Смоленск: Ойкумена, 2012. 760 с.
 4. Fischer M. M. Innovation, knowledge creation and systems of innovation // The Annals of Regional Science. Volume 35, Issue 2. 2001. P. 199–216.
 5. Romer P. M. Mathiness in the Theory of Economic Growth // American Economic Review. 2015. Volume 105. № 5. P. 89-93.
 6. Еремченко О. А. Корпоративное венчурное финансирование: глобальные тренды и оценка перспектив России // Экономика науки. 2019. № 2. С. 114-128.
 7. Земцов С. П., Бабурин В. Л. Предпринимательские экосистемы в регионах России // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 4-14.
 8. Земцов С., Баринова В., Панкратов А., Куценко Е. Потенциальные высокотехнологичные кластеры в российских регионах: от текущей политики к новым точкам роста // Форсайт. 2016. № 3. С. 34-52.
 9. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6 / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин и др.; под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с.
 10. Рейтинг инновационных регионов России. Версия 2018 // Ассоциация инновационных регионов России. М.: АИРР, 2019. 53 с.
 11. Кластеры России: III ежегодный обзор. М.: Ассоциация кластеров и технопарков, 2017. 26 с.
 12. Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России». Вып. 3. М.: РАНХиГС; АИРР, 2020. 117 с.

A. M. Nosonov¹
S. V. Saraikina²

Territorial innovation clusters as a promising component of Russia's innovation infrastructure

¹N.P. Ogarev National Research Mordovian State University, Saransk, Russian Federation
e-mail: artno@mail.ru

²N.P. Ogarev National Research Mordovian State University, Saransk, Russian Federation
e-mail: ssarajkina@rambler.ru

Abstract. *The article is devoted to the study of territorial innovation clusters as a promising component of the development of innovative infrastructure in Russia. The territorial differentiation of innovative clusters, the level of their development and the role in the formation of the country's innovative economy were analyzed. Conclusions were made about the prospects for the development of territorial innovation clusters, which are associated with the development of effective marketing tools for commercializing innovations, innovative education, and expanding the applied focus of R&D.*

Keywords: *territorial innovation cluster, infrastructure, cluster, innovative development, technologies.*

References

1. Baburin V. L., Zemcov S. P. Innovacionnyj potencial regionov Rossii. M.: «KDU», «Universitetskaya kniga», 2017. 358 s. (in Russian).
2. Nosenov A. M. Innovatsionnoye razvitiye regionov Rossii: faktory i prostranstvenno-vremennyye zakonomernosti. Yevropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk. 2016, № 2. S. 27-34. (in Russian).
3. Sinergiya prostranstva: regional'nye innovatsionnye sistemy, klasteri i peretoki znaniya / Otv. red. A. N. Pilyasov. Smolensk: Ojkumena, 2012. 760 s. (in Russian).
4. Fischer M. M. Innovation, knowledge creation and systems of innovation // The Annals of Regional Science. Volume 35, Issue 2. 2001. P. 199–216. (in English).
5. Romer P. M. Mathiness in the Theory of Economic Growth // American Economic Review. 2015. Volume 105. № 5. P. 89-93. (in English).
6. Yeremchenko O. A. Korporativnoye venchurnoye finansirovaniye: global'nyye trendy i otsenka perspektiv Rossii // Ekonomika nauki. 2019. № 2. S. 114-128. (in Russian).
7. Zemtsov S. P., Baburin V. L. Predprinimatel'skiye ekosistemy v regionakh Rossii // Regional'nyye issledovaniya. 2019. № 2. S. 4-14. (in Russian).
8. Zemtsov S., Barinova V., Pankratov A., Kutsenko Ye. Potentsial'nyye vysokotekhnologichnyye klasteri v rossiyskikh regionakh: ot tekushchey politiki k novym tochkam rosta // Forsayt. 2016. № 3. S. 34-52. (in Russian).
2. Reyting innovatsionnogo razvitiya sub"yektov Rossiyskoy Federatsii. Vypusk 6 / G. I. Abdrakhmanova, S. V. Artemov, P. D. Bakhtin i dr.; pod red. L. M. Gokhberga; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VSHE, 2020. 264 s. (in Russian).
3. Reyting innovatsionnykh regionov Rossii. Versiya 2018 / Assotsiatsiya innovatsionnykh regionov Rossii. M.: AIRR, 2019. 53 s. (in Russian).
4. Klasteri Rossii: III yezhegodnyy obzor. M.: Assotsiatsiya klasterov i tekhnoparkov, 2017. 26 s. (in Russian).
5. Natsional'nyy doklad «Vysokotekhnologichnyy biznes v regionakh Rossii». Vyp. 3. M.: RANKhiGS; AIRR, 2020. 117 s. (in Russian).

Поступила в редакцию 01.07.2022 г.

УДК 911.3

Л. А. Ожегова¹
Г. В. Сазонова²
К. Ю. Сикач³

Миграционные процессы в Республике Крым: пространственно-временная специфика и современное состояние

¹ ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация e-mail: luda-
ojegova@yandex.ru

² ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: galisaz@mail.ru

³ ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: sikach89@gmail.com

Аннотация. В статье даётся краткая характеристика особенностей формирования населения Крыма на разных исторических этапах его развития, анализируется развитие миграционных процессов в Республике Крым до 2020 года. Характеризуются современные количественные характеристики и география современной внутренней и внешней для региона миграции населения.

Ключевые слова: миграция, факторы формирования миграционных процессов, показатели миграции населения, мигрант, Республика Крым.

Введение

Благодаря уникальному географическому положению на протяжении длительного исторического периода в Крыму сформировалось специфическое по своей структуре и менталитету население. И едва ли не решающую роль в этом сыграли процессы миграции, определявшие не только особенности заселения и расселения населения по территории полуострова, но и менявшие иногда коренным образом его численность, этническую и конфессиональную структуру, трудовые навыки, направления миграционных потоков. Миграции населения прямо или косвенно оказывают существенное влияние на социально-экономическую, этническую, политическую и демографическую ситуацию в регионе и стране в целом.

Геополитические изменения 2014 года, приведшие к возвращению Крыма в состав Российской Федерации и появлению новых субъектов на карте России, существенно изменили характер и направления миграционных процессов на полуострове. Активизация миграций способствовала росту населения Крыма. На 1 января 2022 года численность постоянно проживающего населения в Республике Крым составляла 1896,4 тыс. человек [1]. В сравнении с переписью 2014 года, численность населения региона к началу 2022 года увеличилось на 5 тыс. человек [2]. По численности населения Республика Крым занимала 26-е место среди других субъектов Российской Федерации и за период 2019-2021 гг.

находилась на 28 месте по показателю прироста (убыли) населения (убыль составила 0,81 тыс. чел.). Естественная убыль населения в регионе составила 36,89 тыс. чел. при положительном миграционном приросте 30,74 тыс. чел., уступив только восьми субъектам РФ – Московской области (274,43), Краснодарскому краю (112,24), Ленинградской области (107,84), г. Севастополь (85,81), г. Москва (71,98), г. Санкт-Петербург (43,59), Ростовской (41,58) и Тюменской (33,48) областям.

Основным источником прироста населения в Республике Крым на современном этапе является его механическое движение или миграции при сохранении тенденции естественной убыли населения. Но каким же образом складывался этот тренд? Насколько он устойчив? Как менялся на протяжении длительного исторического периода формирования населения полуострова? Каковы его современные пространственные особенности? В связи с этим *целью работы* является выявление историко-географической специфики миграционных процессов в Республике Крым, определившей их современные особенности.

Материалы и методы

Всё, что связано с современными особенностями миграционной ситуации в Республике Крым, влияет и на целый ряд важных социально-демографических показателей региона (общая численность населения, национальный состав, качество и количество трудовых ресурсов и экономически активного населения, половозрастная структура населения и др.). Эта информация зачастую используются медийным пространством Украины для искажения демографической ситуации на полуострове, политических спекуляций, созданием демографических и миграционных фейков. Поэтому изучение формирования и развития миграционных процессов в Республике Крым является не только актуальным, но и традиционно носит междисциплинарный характер исследования, так как рассматривается учёными и специалистами с самых разных позиций: демографических, социально-экономических, геополитических, исторических, социальных и культурологических. Так, например, развитие современных миграционных процессов в Республике Крым и их отдельных аспектов только за последние годы рассматривались в работах экономико-географов [3], экономистов [4], политологов [5], историков [6], социологов [7,8] и др. специалистов. Информационной основой для написания статьи послужили статистические и аналитические ресурсы Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (<https://crimea.gks.ru/>). Применение системно-структурного, аналитического, статистического, сравнительно-географического, картографического и других методов исследования с позиций общественно-географической науки позволили выявить основные факторы, влияющие на масштабы и географию миграционных потоков Республики Крым, оценить современное влияние миграционных процессов на формирование населения региона.

Результаты и обсуждение

Сложившийся в Крыму в целом, и Республике Крым в частности, тип населения принято называть открытым, т.е. подверженным миграциям [3]. Его

становлению способствовал целый ряд факторов, среди которых доминирующее положение занимает уникальность географического, в частности, геополитического, положения полуострова на пересечении интересов различных народов и государств.

На протяжении длительного исторического периода наблюдались всплески и замедления миграционных потоков. В разные исторические периоды миграции населения, в том числе межрегиональные миграции, оставалась важным фактором социально-экономического и демографического развития полуострова. Справедливо утверждать, что современный облик Республики Крым сформировался под влиянием миграций населения. Нельзя не согласиться с мнением, что полиэтничная структура современного населения Республики Крым – результат естественных и искусственных миграций [3].

Изначально, главным фактором миграционной привлекательности полуострова являлись благоприятные для жизни природно-климатические условия. На протяжении длительного периода исторического развития множество народов сменяли друг друга на территории полуострова, формируя своеобразный этнический ландшафт Крыма. На начальном этапе освоения в античный период это были киммерийцы, скифы, тавры. В VIII в. до н.э. прибрежные территории Черного моря колонизируются греками, затем римлянами, появляются сарматы, усиливается натиск боранов, остготов и др. племен, основавших готский союз и потеснивших скифов. В раннем средневековье, в эпоху Великого переселения народов, на полуострове расселяются пришлые варварские племена, мигрирует часть аланских племен с Северного Кавказа, происходят набеги хазар. Далее наступает эпоха формирования христианско-византийской культуры горно-монастырских анклавов. А с начала XIII в., с вторжением на полуостров татаро-монгол, Крым резко разворачивается к Востоку, происходит формирование крымскотатарского народа.

В средние века, в период борьбы между Византией и Киевской Русью за господство над Черным морем, на полуострове появляются славяне. И уже после присоединения Крыма к России в 1783 году начинается эпоха российского освоения полуострова, сопровождавшаяся активными миграционными перемещениями населения, существенно менявшими как его этническую структуру, так и численность. Если в 1805 г. численность населения полуострова составляла 159,4 тыс. чел., в основном крымских татар (около 90%) [6], то после Крымской войны 1853-1856 гг. наблюдался всплеск эмиграции крымских татар в Турцию (по разным оценкам эмигрировало от 130 до 180 тысяч крымских татар [9,10]). Таким образом, в этот период, существенное влияние на миграцию населения играл геополитический фактор.

В противовес этому на протяжении XIX века начинает быстро расти численность населения полуострова и уже в 1892 г. численность населения Крыма достигла 413,5 тыс. чел., в 1915 г. – 672,0 тыс. чел. [10]. Произошло это благодаря реализации программы миграции русского крестьянства, приглашению переселенцев из других стран (немцев, болгар, чехов и др.). Как результат – развивалось хозяйство, дорожная сеть, закладывались основы современной отраслевой и территориальной структуры хозяйственного комплекса полуострова. Начало - первая половина XX века характеризуется массовой эмиграцией в страны дальнего зарубежья после революции 1917 г. и гражданской войны, эвакуацией населения во время Великой Отечественной войны, депортацией

крымских татар, немцев, греков, болгар, армян и др. народов. В советский период миграции сохраняли положительную динамику, способствуя поступательному росту численности населения. В период после Великой Отечественной войны реализация программ массового переселенческого движения из регионов РСФСР, УССР, БССР (с 1944 по 1960 годы на полуостров мигрировали более 100 тыс. переселенцев, что способствовало формированию устойчивой тенденции роста численности населения Крымской области, которая к 1989 г. составила 2458, 65 тыс. чел. [11].

В 90-е годы XX в., вследствие развала Советского Союза, на постсоветском пространстве наблюдалась чрезвычайно высокая мобильность населения. С одной стороны, это было связано с резким ухудшением социально-экономической условий для жизни населения. В этот период усиливается отток трудовых ресурсов с полуострова, особенно мужчин. С другой стороны, начинается массовое возвращение в Крым ранее депортированных народов, прежде всего крымских татар. В период с 1989 по 2001 год число крымских татар возросло с 38 до 245 тыс. чел. [12]. Подробно процесс репатриации крымских татар описан крымскими экспертами [13,14,15]. Эта масштабная миграционная волна несколько компенсировала естественную убыль населения, которая в середине 1990-х составляла 5–6%. Однако, вследствие экономической и политической неопределенности, сложившейся в Крыму в период с 1994 по 2000 гг., механическое движение населения стало характеризоваться отрицательными показателями (события, определившие характер миграционных процессов в Крыму в этот период, а также этногеографическая компонента миграционных процессов проанализированы крымскими исследователями) [3,16].

Минимальный показатель отрицательного сальдо миграции населения был достигнут к 1997 г. (- 14 173 чел.). С 2000 г. с началом экономического роста резко снижается число выбывших из Автономной Республики Крым и миграционный прирост вновь приобрёл позитивную динамику. И, если в 2000 г. только 4 административно-территориальные единицы имели положительное общее сальдо миграции (Симферопольский и Красноперекоский районы, Армянский и Судакский горсоветы), то в 2002 г. их стало уже 11 (Симферополь и Симферопольский район, г. Евпатория, Судакский, Феодосийский, Алуштинский горсоветы, г. Красноперекоск и Красноперекоский район, Белогорский, Сакский и Кировский районы). Стабильное улучшение ситуации фиксировалось с 2004 года, когда коэффициент миграционного прироста приобрел стойкую, хоть и не значительную, но положительную динамику, составив 0,8 % (Рис 1).

В структуре миграционного потока наибольшая доля всех мигрантов приходилась на внутрирегиональные миграции – 57,9% от общего потока мигрантов; межрегиональные миграции (в пределах Украины) – 28,1% и межгосударственные – 14%. Интересно, что из общего потока мигрантов из стран СНГ и Балтии наибольший поток прибывающих в Крым приходился на Россию – более 60% и Узбекистан – более 2 %. Наибольший отток мигрантов из Крыма в направлении стран СНГ и Балтии шел в Россию (более 8 %), Беларусь (около 6%) и Узбекистан (около 2%) [18]. При этом сальдо миграции с Российской Федерацией было отрицательным, а с Республикой Узбекистан – положительным, что связано с возвращением в Крым крымскотатарского народа.

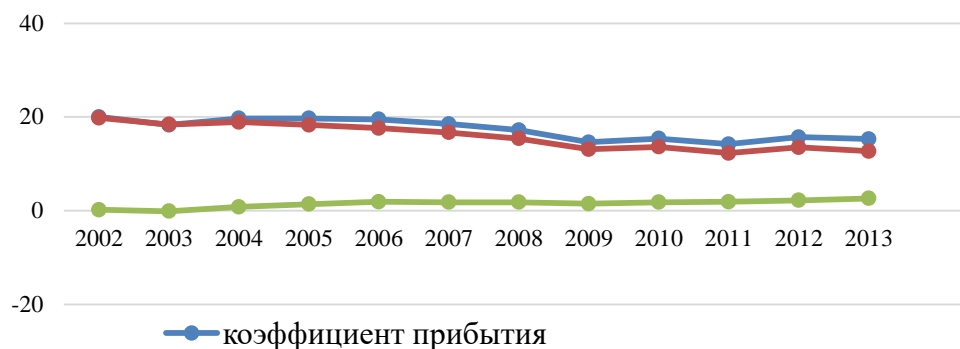

Рис. 1. Динамика основных показателей миграции населения Автономной Республики Крым, %, 2002-2013 г.г.

Составлено авторами по [18,19].

К 2000 г. основная масса депортированных народов уже успела вернуться в Автономную Республику Крым и начинается процесс внутрорегионального перераспределения населения. Это объясняется так называемым переделом ландшафтной среды жизнедеятельности крымских этносов, традиционно доминировавших в пределах определенных ландшафтных зон [3]. Так, если в 1989 г. в степных Красноперекопском, Первомайском, Красногвардейском, Раздольненском, Черноморском, Джанкойском, Советском, Нижнегорском и Кировском районах удельный вес русских в иных этносах составлял от 42% (Первомайский район) до 70% (Кировский район), то в 2001 г. это соотношение в тех же территориальных пределах выглядело как 41% - 56%. Уменьшение русских в степных районах Крыма было связано с их эмиграцией в Россию и страны дальнего зарубежья, а также переписыванием в момент переписи населения части русских Автономной Республики Крым в украинцев. Доля крымско-татарского населения в степном Крыму в 1989 г. составляла от 1 до 5%, в 2001 г. степные регионы уже имели от минимальных 12% в Красноперекопском районе до максимальных 29,8% – в Советском. Одновременно шел процесс концентрации крымских татар в предгорье (традиционная ландшафтная среда расселения): если в 1989 г. доля крымских татар в предгорных Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах составляла от 2 до 5%, то в 2001 г. эти регионы имели 24 - 35% жителей из числа крымских татар [3].

С 2002 по 2014 г. миграционный прирост населения в Автономной Республике Крым имел положительные значения – от 465 чел. в 2002 г. до 16,4 тыс. чел. в 2014 г. И, хотя к 2014 г. показатели межрегиональной (с регионами Украины) и межгосударственной миграции для Автономной Республики Крым в целом были положительными (0,4 и 2,2% соответственно), все же более половины административно-территориальных единиц региона имела отрицательные показатели миграционного прироста/убыли населения, преимущественно в межрегиональной миграции. Это, прежде всего, географически удаленные от административного центра Республики (г. Симферополь) территории с наименее привлекательными для жизни природно-географическими и социально-экономическими условиями: Джанкойский, Красногвардейский, Красноперекопский, Ленинский, Нижнегорский, Первомайский, Раздольненский, Сакский и Черноморский административные

районы, а также Джанкойский, Армянский, Керченский, Краснопереконский, Сакский и Судакский горсоветы. Факторами, сдерживающими миграционные потоки в этих регионах, являлись также дефицит воды, отсутствие современной инфраструктуры (прежде всего дорожной сети), сезонность функционирования рекреационной сферы деятельности (Судак и Саки), сокращение объёмов промышленного и сельскохозяйственного производств. Ведущими центрами притяжения мигрантов в этот период оставались, кроме административного центра г. Симферополь, приморские рекреационные регионы – Ялтинский, Алуштинский, Евпаторийский и Феодосийский горсоветы.

С вхождением Республики Крым и г. Севастополя в марте 2014 г. в состав Российской Федерации, начался новый этап в развитии миграционных процессов на полуострове. Во-первых, изменилась система учета перемещений. Фактически регистрация по новому месту жительства началась с июня 2014 г., а число выбывших мигрантов, без учёта выбывших в другие субъекты Российской Федерации – только с июля. Этот факт следует учитывать при проведении анализа показателей миграционной подвижности населения в 2014 г., так как при сохранении общей тенденции мы наблюдаем значительный провал в числе официально учтенных как выбывших (7772 человека в 2014 г., в то время как в соседних 2013 и 2015 гг. выбыло соответственно 25073 и 26586 человек), так и прибывших (30129 чел. в 2013 г. и 42883 чел. в 2015 г.).

При этом в 2014 г. и 2015 г. в Республике Крым миграционный прирост соответственно составил +16 389 чел. и +16 297 чел. (рис.2).

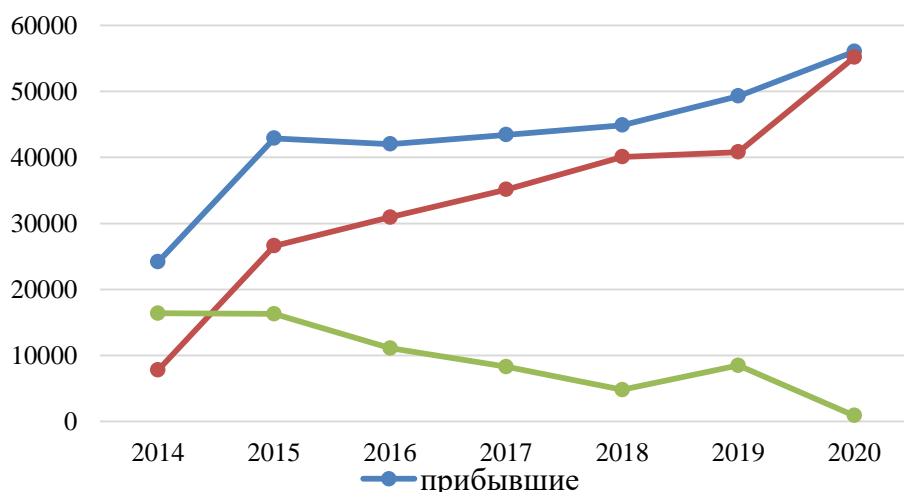

Рис. 2. Основные показатели миграции населения Республики Крым, в 2014 - 2020 г.г., чел.

Примечание: в апреле и мае 2014 г. регистрация и снятие с регистрации места проживания миграционной службой не проводились, июнь 2014 г. - начало регистрации граждан по новому месту жительства. С июля 2014 г. число выбывших мигрантов фиксировалось Крымстатом без учета выбывших в другие субъекты РФ.

Составлено авторами по [21,22].

Отметим, что это максимальные показатели за весь период исследования.

Во-вторых, с 2014 г. стали происходить изменения в географии миграций. Так, например, в 2014 г. практически впервые положительное сальдо миграции было зафиксировано во всех административно-территориальных единицах Республики Крым с максимальными значениями в городах Ялта (+1388 человек),

Керчь (+1286) и Симферополь (+1136) и минимальными – в г. Армянск (+140) и г. Красноперекоск (+82). В сельских территориях лидирующие позиции занял Симферопольский район (+2349). Привлекательны для мигрантов Кировский, Белогорский районы благодаря расположению в предгорье Крымских гор, а также Раздольненский и Сакский районы, имеющие рекреационный потенциал благодаря протяженному Черноморскому побережью. Минимальные показатели сальдо миграций зафиксированы в Советском (+59), Красноперекоском (+31) и Первомайском (+22) районах. Таким образом, среди традиционных для Крыма регионов рекреационной специализации привлекательными для мигрантов становятся территории, связывающие Крым с материковой частью России (к примеру, г. Керчь).

Следует отметить, что положительные показатели фиксировались по всем направлениям миграционного потока, как в пределах России, так и межгосударственной миграции, в том числе с государствами-участниками СНГ и со странами дальнего зарубежья. Лидирующие позиции в 2014 г. заняли миграционные межрегиональные потоки в пределах России (+5258 человек), а также в миграционный обмен включились страны СНГ (кроме Украины, чьи мигранты перешли в эту категорию, активизируется поток мигрантов из стран Средней Азии), которые дали поток в размере +4625 человек. Причем уже в 2015 г. этот источник миграционного обмена по данным статистики Крымстата увеличился в 2,8 раза, составив +13181 чел. И, если в 2015 году по количеству выбывших мигрантов Республика Крым сохраняла сложившийся в 2009-2013 гг. уровень в 25-26 тыс. человек, то уже с 2016 года абсолютные показатели выбытия и прибытия мигрантов начинают стабильно возрастать.

Связано это, в первую очередь, с началом реализации масштабных проектов развития территории Крыма в рамках Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года». Строительство трассы «Таврида» и Крымского моста, Международного аэропорта «Симферополь», Балаклавской и Таврической ТЭС, а также ряда других проектов социально-экономического развития Крыма создали дополнительный спрос на рабочую силу, что стимулировало её приток в рамках межрегиональной миграции (рис.3).

Так, например, только при строительстве Крымского моста на разных этапах его создания выполняли строительные работы около 20 строительных компаний из Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Краснодар, Нижнего Новгорода, Новороссийска, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Севастополя, Серпухова, Сургута, Чебоксар и др. городов страны, а общая численность рабочих и специалистов составляла не менее 3–5 тыс. чел. [24].

В тоже время открывшиеся возможности для населения Крыма получить образование в крупнейших вузах страны, найти высокооплачиваемую работу в столичных центрах России стимулировали встречный поток мигрантов на материковую часть РФ. Важным фактором роста миграции стала и реализация мер по обеспечению безопасности Крымского региона. Поэтому, с 2015 г. по 2020 г. увеличивающаяся положительная динамика была характерна не только для коэффициентов прибытия мигрантов в Республику Крым, но и для коэффициента убытия и, как следствие, постепенное уменьшение значений коэффициентов миграционного прироста (рис. 4).

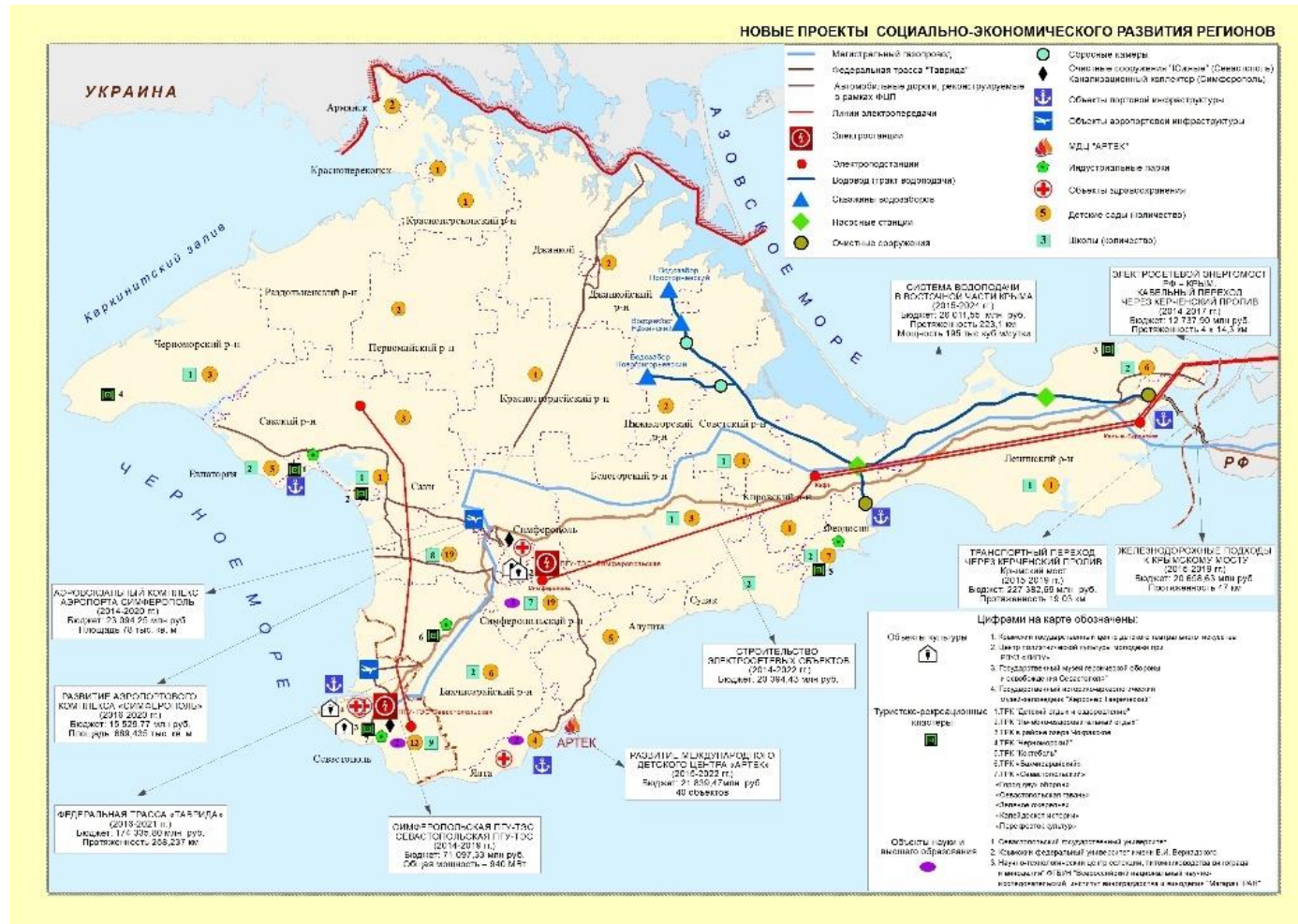

Рис. 3. Проекты социально-экономического развития Крыма, реализуемые в рамках Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года»

Источник: [23]

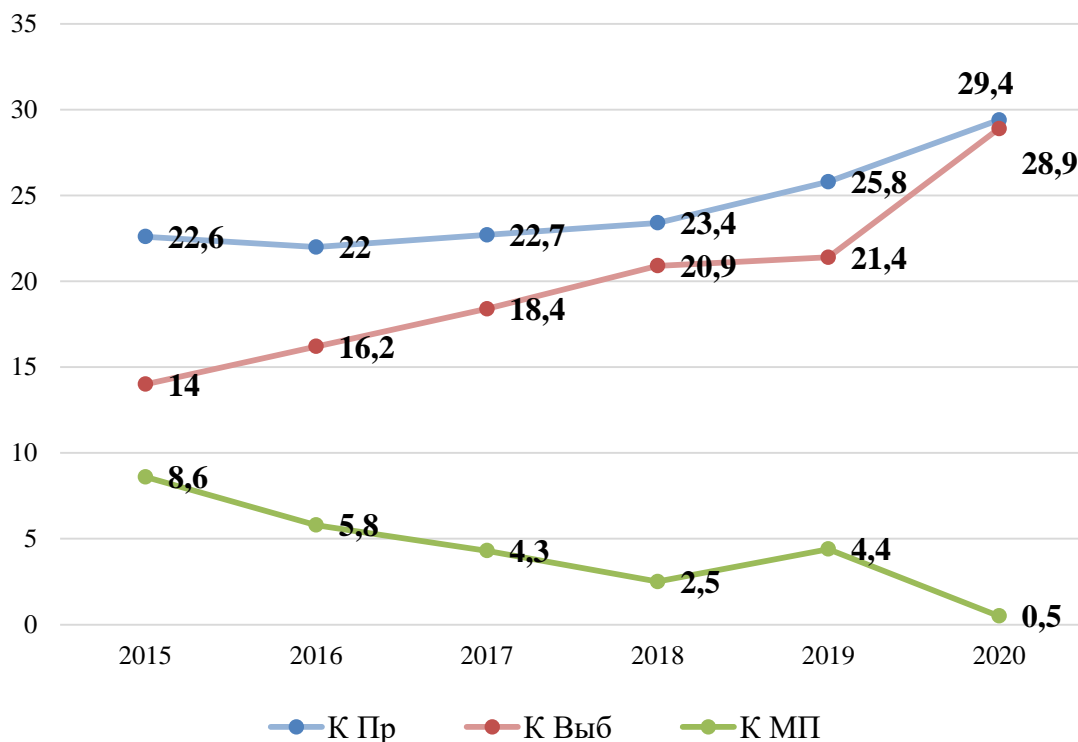

Рис. 4. Динамика коэффициентов прибытия (К Пр), выбытия (К Wyb) и миграционного прироста (К МП) населения Республики Крым в 2015-2020 гг., %

Составлено авторами по [21,22].

С завершением ввода в строй крупных инфраструктурных объектов, показатель коэффициента убытия достиг в Республике Крым максимального с 2014 года значения – 28,9% (2020 г.), в результате чего коэффициент миграционного прироста составил всего 0,5%. Это соответствует аналогичным показателям Республики на протяжении начала 2000-х годов.

Максимальные и довольно близкие показатели прибывших и выбывших мигрантов Республики Крым к 2020 г. привели и к постепенному сокращению и коэффициента миграционной активности населения. Так, например, с 2015 по 2020 гг. значение этого показателя сократилось в 29 раз (рис. 5).

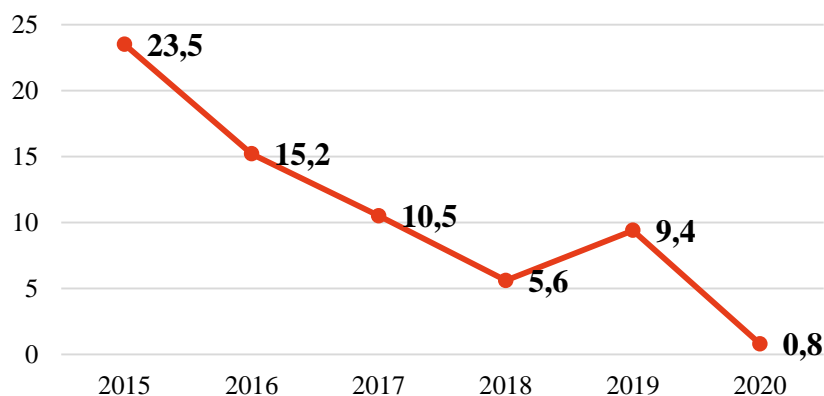

Рис. 5. Коэффициент эффективности миграций населения Республики Крым в 2015-2020 гг., %
Составлено авторами по [21,22]

Примечание: коэффициент эффективности миграции (*К ЭфМ*) рассчитан по формуле K
 $ЭфМ = \frac{\Pi - В}{\Pi + В} \cdot 100\%$, где Π – прибывшие в регион за год;
 $В$ – выбывшие из региона за год.

Основу прибывших мигрантов составляют лица трудоспособного возраста (рис. 6).

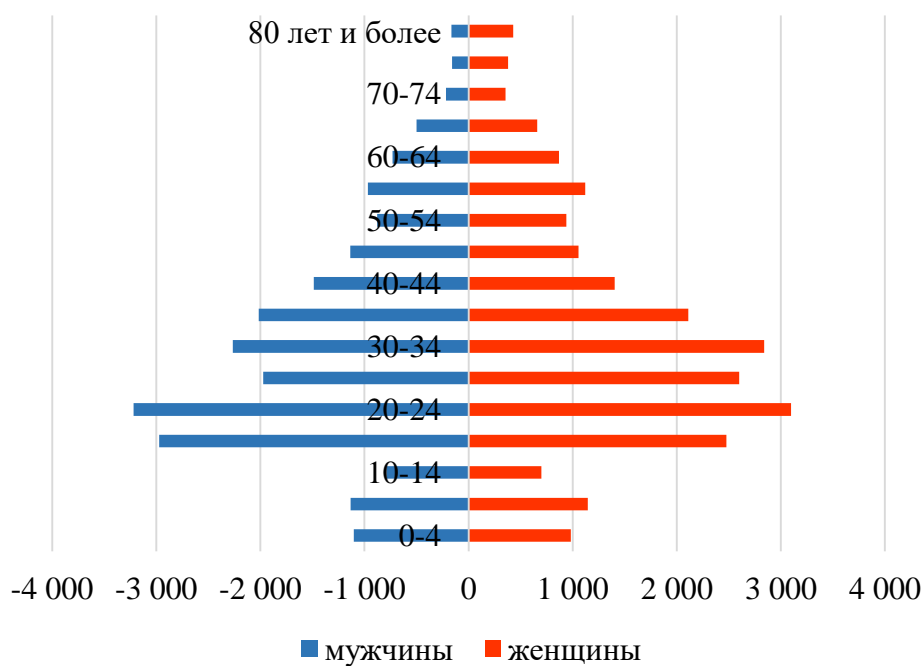

Рис. 6. Половозрастная структура прибывших в Республику Крым мигрантов, 2018 г.
Составлено авторами по [25]

При этом, мужчины незначительно преобладали в возрастных категориях от 15 до 24 лет (на наш взгляд, это могут быть лица, приезжающие с материка обучаться в Крымских вузах, возвращающиеся выпускники-крымчане материковых учебных заведений, лица, переезжающие на постоянное место жительства) и 45-50 лет (специалисты с опытом работы). Кроме этого, молодёжь, не связанная узами брака, является, как правило, довольно мобильной частью населения страны. Резкое преобладание женщин в структуре прибывших мигрантов относится лишь к возрастной категории старше трудоспособного возраста (особенно от 70 лет и старше). Это объясняется общим преобладанием женщин в этой возрастной категории в связи большей продолжительностью жизни.

Примерно такая же картина характерна и для половозрастной пирамиды выбывших мигрантов из Республики Крым в 2018 г. (рис.7).

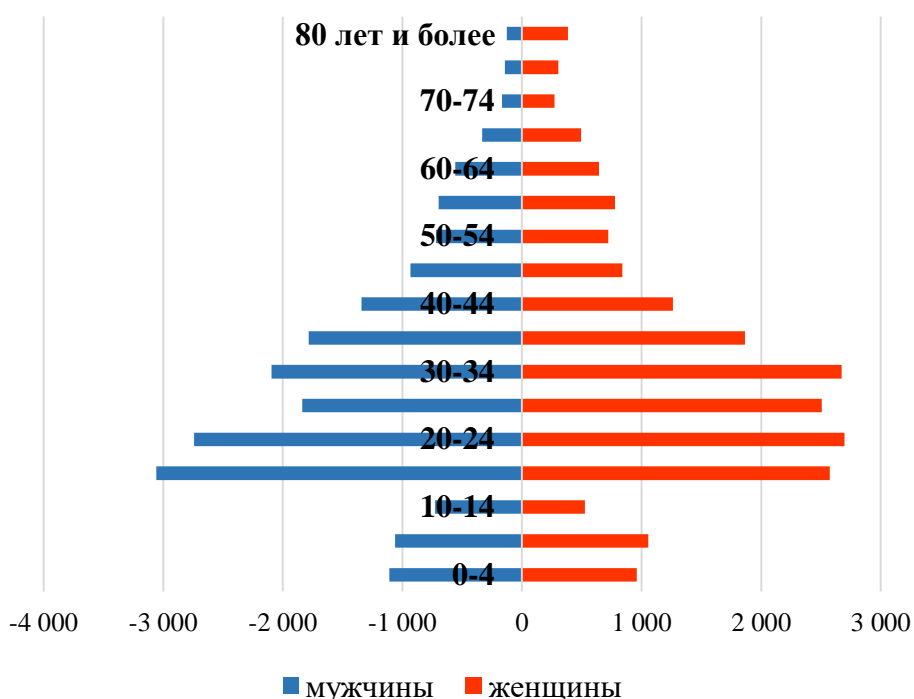

Рис. 7. Половозрастная структура выбывших в Республику Крым мигрантов, 2018 г.

Составлено авторами по [26]

В структуре мигрантов по регионам прибытия и выбытия традиционно преобладает внешняя (для Республики Крым) миграция. Но, если среди прибывших количество внешних мигрантов с 2015 по 2020 гг. превышало количество внутрирегиональных мигрантов от 1,5 до 2 –х раз, то среди выбывших мигрантов это соотношение не столь значительное (от 1,5 раз в 2015 г. до 1,1 раза в 2020 г.) (рис. 8).

Рис. 8. Распределение прибывших (А) и выбывших мигрантов (Б) Республики Крым в 2015 – 2020 гг. по регионам убытия и прибытия, чел.

Составлено авторами по [21,22]

Во внутрирегиональных перемещениях традиционно преобладали направление «село-город», а также перемещение жителей из северных, северо-западных и некоторых центральных регионов полуострова в приморские, что объясняется разным уровнем их социально-экономического развития, а также ухудшением геополитической ситуации в приграничных с Украиной районах полуострова (блокада железнодорожного и частичного автомобильного сообщения, перекрытие Северо-Крымского канала и др.).

В структуре прибывших внешних (для Республики Крым) мигрантов за последние годы также произошли изменения. Так, например, если на долю международных мигрантов в 2015 г. приходилось 55% от общего числа внешних мигрантов, то к 2020 г. их доля сократилась до 36% (рис. 9).

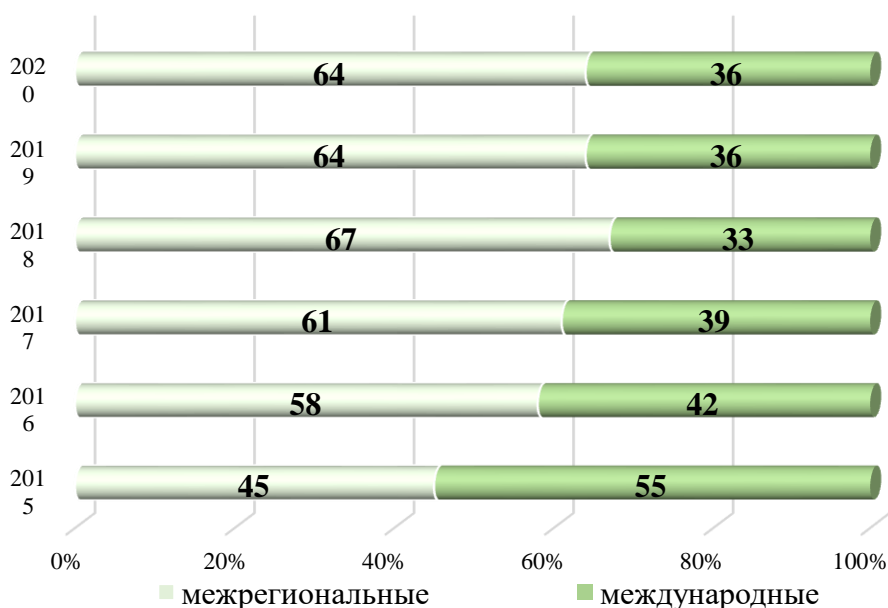

Рис. 9. Структура прибывших внешних мигрантов в Республику Крым по месту их выбытия в 2015-2020 гг., %

Составлено авторами по [22]

На наш взгляд, это можно объяснить тем, что именно на 2014-2015 гг. пришёлся основной отток жителей восточной Украины, где началась т.н. «антитеррористическая операция» (а фактически – гражданская война), развязанная Киевским режимом. Количество межрегиональных мигрантов, наоборот, увеличилось в 1,4 раза (с 45 до 65% от общего числа внешних мигрантов).

В структуре выбывших внешних (для Республики Крым) мигрантов существенно преобладали те, кто выезжал на материковую часть России. Их доля составляла от 99% в 2015 г. до 89% в 2020 г. (рис. 10).

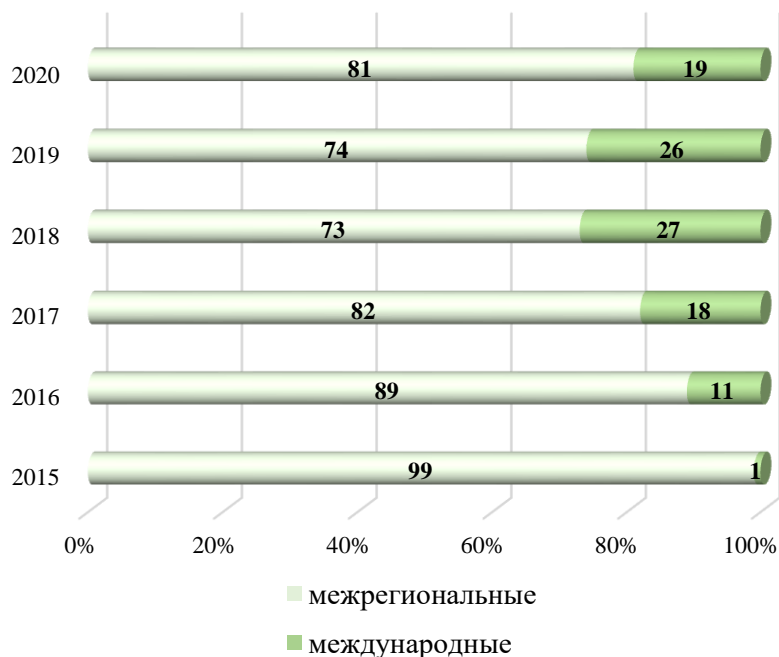

Рис. 10. Структура выбывших внешних мигрантов Республики Крым по месту их прибытия в 2015-2020 гг., %
Составлено авторами по [22].

Большая часть межрегиональных мигрантов из Республики Крым направлялась в регионы Южного (ЮФО) и Центрального (ЦФО) федеральных округов России (рис. 11).

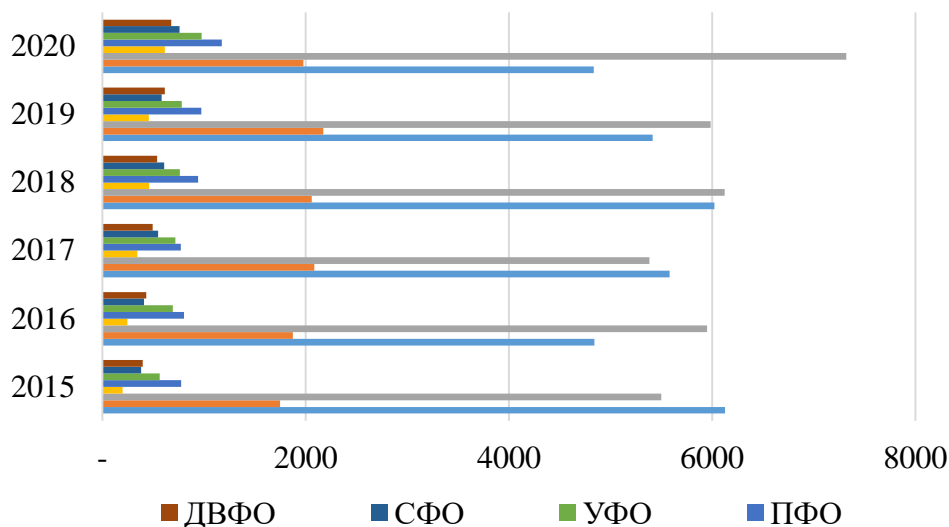

Рис. 11. Динамика мигрантов из Республики Крым по регионам прибытия (федеральным округам РФ), чел.
Составлено авторами по [27]

Среди регионов ЮФО наиболее привлекательными для мигрантов являлись город федерального значения Севастополь (63,5% от общего числа мигрантов по округу) и Краснодарский край (17,9%). Это объясняется, прежде всего, близостью и удобным транспортным сообщением для Республики Крым. Среди регионов ЦФО наиболее привлекательными для выбывших жителей Республики являлись г. Москва и Московская область, на долю которых приходилось 69,4% всех прибытий в ЦФО, которые отличаются более высоким уровнем социально-экономического развития.

Увеличение числа мигрантов, покинувших не только Республику Крым, но и Россию в целом, с 1880 чел. в 2015 г. до 6532 чел. в 2020 г. связано, на наш взгляд, с несколькими причинами. Во-первых, это лица, занятые в сферах деятельности, наиболее пострадавших от западных санкций (специалисты IT-компаний, банков и др.), но которые хотели бы продолжить работать в этих сферах. Во-вторых, лица, которые окончательно переехали на ПМЖ в Украину, и в-третьих – та часть иностранных граждан, которые приехали работать на полуостров ещё в украинский период. Это, прежде всего, касается граждан Турции, которые работали преподавателями в светских и религиозных учреждениях, строительных компаниях и др. Так, после военного инцидента в отношении России со стороны Турции в 2015 г. в Республике Крым была прекращена деятельность турецких компаний, а также приостановлено согласование более 20 совместных проектов с турецкими компаниями (приоритетными отраслями были связь и строительство), отменён безвизовый режим и др.

Выводы

Миграции, наряду с географическим положением, стали важнейшим фактором, определившим особенности заселения и сложившейся системы

расселения на территории полуострова Крым, динамики численности населения, формирования его уникальной этнической и конфессиональной структуры.

Меняющиеся направления и динамика миграционных потоков на протяжении длительного исторического периода сформировали современный геополитический, социально-экономический и демографический облик Крыма.

И в настоящее время миграционные процессы существенно влияют на геодемографическую ситуацию в Республике Крым, особенности национального состава и половозрастной структуры населения, количество и качество трудовых ресурсов, структуру занятости населения. После всплеска миграционной активности 2014 - 2015 гг., вызванного, в первую очередь, началом реализации Федеральной целевой программы социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополь и региональных программ развития, открывшимися новыми возможностями в сфере образования и трудоустройства, необходимостью укрепления безопасности региона, миграционные процессы стали постепенно стабилизироваться на уровне начала двухтысячных годов.

Наряду с благоприятными природно-климатическими условиями, приморским положением, наличием лечебных рекреационных ресурсов, ростом уровня благосостояния населения, есть целый ряд факторов, которые способствуют «выталкиванию» жителей с территории Республики Крым – санкционная политика стран Запада в отношении Российской Федерации, наложившаяся на действующие с 2014 года антикрымские санкции; «нерешительность» крупных российских компаний, банков, мобильных операторов, торговых сетей в осваивании экономического пространства полуострова; обострившаяся геополитическая ситуация, способствующая притоку беженцев и др.

Для повышения управляемости процессами миграции, расширения аналитической базы для проведения детального научного анализа миграционной ситуации в Республике Крым, поиска эффективных механизмов минимизации «выталкивающих» факторов и максимизации «удерживающих» факторов, на наш взгляд, необходимо, по примеру Министерства курортов и туризма Республики Крым, составляющих ежегодно на основе анкетирования «Портрет крымского туриста», составлять «Портрет крымского мигранта».

Литература

1. Численность город и село 2014-2022.pdf [Электронный ресурс]. Режим доступа:
<https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/Численность%20город%20и%20село%202014-2022.pdf>.
2. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KRUM_2015.pdf.
3. Швец А. Б., Сахнова Н. С., Сазонова Г. В. Пространство миграций в современном Крыму/ Современные миграционные процессы: состояние и основные формы. Материалы международной научной конференции, Тирасполь, 17 декабря 2015 года. Кишинёв, Международная Организация по Миграции, Миссия в Республике Молдова, 2016. С. 82-91.

4. Асеева О. Ю. Особенности миграционных процессов Республики Крым // Известия Юго-Западного государственного ун-та. Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 4. С. 160-163.
5. Гросфельд Е. В., Дихтемиров М. С. К проблеме государственного регулирования трудовой миграции в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т.1. №4. С. 24 - 30.
6. Гусаков Т. Ю. Этнические миграции на Крымском полуострове (1783-2014 гг.) // Географический вестник = Geographical bulletin. 2019. №4(51). С. 69-81.
7. Мамина Д. А., Месхи Б. Б. Миграционная привлекательность Республики Крым // Гуманитарий юга России. Том 9 (42) №2, 2020. с. 203 -215.
8. Мамина Д. А., Мищенко Д. Н. Этнополитические факторы внутренней миграции в Республике Крым // Гуманитарий Юга России. 2020. Том 9. № 4. С. 137-149. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.4.11>.
9. Багрова Л. А., Боков В. А., Багров Н. В. География Крыма. Киев: Лыбидь, 2001. 302 с.
10. Гусаков Т. Ю. Миграции населения как основной фактор трансформации системы расселения Крымского полуострова // Крестьяноведение. 2021. Том 6, №2. С. 99-120.
11. История статистики населения Крыма и Севастополя [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/info/1651414>.
12. Суцев С. Я. Демографический потенциал и национальная структура населения Крыма: конец XX – середина XXI века // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 4, С.139-149.
13. Габриелян О. А. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь: Издательский дом «Амена», 1998. 155 с.
14. Овод В. В. Миграционные процессы в Крыму: история, проблемы, перспективы. Симферополь: Управление миграции при Совете министров АРК, 1997.
15. Шевчук А. Г. Некоторые аспекты миграционной динамики крымскотатарского населения в XVIII-XXI вв. // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму. Симферополь, 2008, с.75-101.
16. Сахнова Н. С. Миграционная подвижность населения Крыма: динамика, современное состояние, проблемы /Н.С. Сахнова, Г.А. Галух // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. 2004. Т. 17. №4. С. 345-348.
17. Галух Г. А. Пространственно-временные аспекты демографической ситуации в Крыму. // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: География, 2004, т. 17 (56), №4, с. 299-306.
18. Населення Автономної Республіки Крим. Демографічний щорічник за 2002-2013.р. Симферополь: Крымстат, 2013.
19. Население Республики Крым. Демографический ежегодник за 2013-2014 г. - Симферополь: Крымстат, 2014.
20. Населення Автономної Республіки Крим. Демографічний щорічник за 2002-2013.р. Симферополь: Крымстат, 2014.
21. Регионы Республики Крым. 2015: Стат. сб. /Крымстат. Симферополь, 2016. с. 40.

22. Статистический ежегодник. Республика Крым. 2020: Стат. сб. / Крымстат. Симферополь, 2021. с. 32.
23. Новые проекты социально-экономического развития регионов [Карта]; М 1:1 250 000, в 1 см 12,5 км /Авт. Ожегова Л. А. /Атлас социокультурных процессов в Крыму / под ред. Воронина И.Н., Яковенко И.М., Швец А.Б., Вольхина Д. А. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://atlas-crimea.ru>, свободный. Загл. с экрана.карта.
24. Вольхин Д. А. Крымский мост как фактор интеграции региона в экономическое пространство России // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 5(15). Вып. 4. 2019 г. с. 49, 54.
25. Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022, ЕМИСС, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613>.
26. Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022, ЕМИСС, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614>.
27. Фондовые материалы Росстата. 2020.

L. A. Ozhegova¹
G. V. Sazonova²
K. Y. Sikach³

***Migration processes in the Republic of
Crimea: spatial and temporal specifics and
current state***

¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol,
Republic of Crimea, Russian Federation

e-mail: luda-ozhegova@yandex.ru

² V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol,
Republic of Crimea, Russian Federation

e-mail: galisaz@mal.ru

³ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol,
Republic of Crimea, Russian Federation

e-mail: sikach89@gmail.com

Abstract. *The article gives a brief description of the peculiarities of the formation of the Crimean population at different historical stages of its development, analyzes the development of migration processes in the Republic of Crimea until 2020. Modern quantitative characteristics and geography of modern internal and external migration of the population for the region are characterized.*

Keywords: *migration, factors of formation of migration processes, indicators of population migration, migrant, Republic of Crimea.*

References

1. CHislennost' gorod i selo 2014-2022.pdf URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/CHislennost'%20gorod%20i%20selo%202014-2022.pdf>. (in Russian)
2. Itogi perepisi naseleniya v Krymskom federal'nom okruge. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KRUM_2015.pdf. (in Russian)

3. SHvec A. B., Sahnova N. S., Sazonova G. V. Prostranstvo migracij v sovremennom Krymu/ Sovremennye migracionnye processy: sostoyanie i osnovnye formy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Tiraspol', 17 dekabrya 2015 goda. Kishinyov, Mezhdunarodnaya Organizaciya po Migracii, Missiya v Respublike Moldova, 2016. S. 82-91. (in Russian)
4. Aseeva O. YU. Osobennosti migracionnyh processov Respubliki Krym //Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo un-ta. Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment. 2014. № 4. S. 160-163. (in Russian)
5. Grosfel'd E. V., Dihtemirov M. S. K probleme gosudarstvennogo regulirovaniya trudovoj migracii v Krymu // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2015. T.1. №4. S. 24 - 30. (in Russian)
6. Gusakov T. YU. Etnicheskie migracii na Krymskom poluostrove (1783-2014 gg.) // Geograficheskij vestnik = Geographical bulletin. 2019. №4(51). S. 69-81. (in Russian)
7. Mamina D. A., Meskhi B. B. Migracionnaya privlekatel'nost' Respubliki Krym// Gumanitarij yuga Rossii. Tom 9 (42) №2, 2020. s. 203 -215. (in Russian)
8. Mamina D. A., Mishchenko D. N. Etnopoliticheskie faktory vnutrennej migracii v Respublike Krym //Gumanitarij YUga Rossii. 2020. Tom 9. № 4. S. 137-149. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.4.11>. (in Russian)
2. Bagrova L. A., Bokov V. A., Bagrov N. V. Geografiya Kryma. Kiev: Lybid', 2001. 302 s. (in Russian)
3. Gusakov T. YU. Migracii naseleniya kak osnovnoj faktor transformacii sistemy rasseleniya Krymskogo poluostrova// Krest'yanovedenie. 2021. Tom 6, №2. S. 99-120. (in Russian)
4. Istorija statistiki naseleniya Kryma i Sevastopolya URL: <https://tass.ru/info/1651414>. (in Russian)
5. Sushchev S. YA. Demograficheskij potencial i nacional'naya struktura naseleniya Kryma: konec HKH – seredina XXI veka// Regional'naya ekonomika. YUg Rossii. 2018. № 4, S.139-149. (in Russian)
6. Gabrielyan O. A. Krymskie repatrianty: deportaciya, vozvrashchenie i obustrojstvo. Simferopol': Izdatel'skij dom «Amena», 1998. 155 s. (in Russian)
7. Ovod V. V. Migracionnye processy v Krymu: istoriya, problemy, perspektivy. Simferopol': Upravlenie migracii pri Sovete ministrov ARK, 1997. (in Russian)
8. SHEvchuk A. G. Nekotorye aspekty migracionnoj dinamiki krymskotatarskogo naseleniya v HVIII-XXI vv. //Kul'turno-civilizacionnyj dialog i puti garmonizacii mezhetnichnyh i mezhkonfessional'nyh otnoshenij v Krymu. Simferopol', 2008, s.75-101. (in Russian)
9. Sahnova N. S. Migracionnaya podvizhnost' naseleniya Kryma: dinamika, sovremennoe sostoyanie, problemy /N. S. Sahnova, G. A. Galuh // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. 2004. T. 17. №4. S. 345-348. (in Russian)
10. Galuh G. A. Prostranstvenno-vremennye aspekty demograficheskoy situacii v Krymu // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V I. Vernadskogo. Seriya: Geografiya, 2004, t. 17 (56), №4, s. 299-306. (in Russian)
11. Naselennya Avtonomnoï Respubliki Krim. Demografichnij shchorichnik za 2002-2013.r. Simferopol': Krymstat, 2013. (in Russian)

12. Naselenie Respubliki Krym. Demograficheskij ezhegodnik za 2013-2014 g. Simferopol': Krymstat, 2014. (in Russian)
13. Naseleण्या Avtonomnoï Respubliki Krim. Demografichnij shchorichnik za 2002-2013.r. Simferopol': Krymstat, 2014. (in Russian)
14. Regiony Respubliki Krym. 2015: Stat. sb. /Krymstat. Simferopol', 2016. s. 40. (in Russian)
15. Statisticheskij ezhegodnik. Respublika Krym. 2020: Stat. sb. / Krymstat. Simferopol', 2021. s. 32. (in Russian)
16. Novye proekty social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov [Karta]; M 1:1 250 000, v 1 sm 12,5 km /Avt. Ozhegova L. A. /Atlas sociokul'turnyh processov v Krymu / pod red. Voronina I.N., YAkovenko I.M., SHvec A.B., Vol'hina D. A. Simferopol': KFU im. V. I. Vernadskogo, 2020. URL: <http://atlas-crimea.ru, svobodnyj. Zagl. s ekrana.karta>. (in Russian)
17. Vol'hin D. A. Krymskij most kak faktor integracii regiona v ekonomicheskoe prostranstvo Rossii // Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Tom 5(15). Vyp. 4. 2019 g. s. 49, 54. (in Russian)
18. CHislo pribyvshih po polu, vozrastu i potokam peredvizheniya, 2022, EMISS, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613>. (in Russian)
19. CHislo vybyvshih po polu, vozrastu i potokam peredvizheniya, 2022, EMISS, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614>. (in Russian)
20. Fondovye materialy Rosstata. 2020. (in Russian)

Поступила в редакцию 01.08.2022 г.

УДК 911.3:32 (571.53)

Ю. С. Размахнина

Проблемы национальных территорий Восточной Сибири разного статуса

ФГБУН «Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН», г.
Иркутск, Российская Федерация
e-mail: juliarazm@gmail.com

Аннотация. Для Восточной Сибири характерно существование сложной административно-территориальной иерархии, в которой главенствующую позицию занимают республики, а более низовыми элементами выступают территориальные единицы с особым статусом или бывшие автономные округа, места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера. Неравностатусность является причиной развития негативных тенденций в восточносибирских субъектах РФ и их этнических территорий.

Ключевые слова: республики, единицы с особым статусом, бывшие автономные округа, места традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера (КМНС), Восточная Сибирь.

Введение

В качестве восточносибирских субъектов РФ в данной статье рассматриваются: республики Бурятия, Тыва, Хакасия и Якутия, Забайкальский и Красноярский края, Иркутская область. Актуальность указанной темы заключается в этнической специфике упомянутых регионов, что выражается в степени благополучия межнациональной обстановки (включая такую возможную негативную тенденцию как сепаратизм), разных темпах социально-экономического развития и пр. Ареалы проживания коренных народов зачастую имеют собственную иерархию в соответствии с правовым статусом: 1) республики; 2) территории бывших автономных округов – Усть-Ордынский и Агинский Бурятские округа, Эвенкийский и Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальные районы, наделенные особым статусом; 3) места традиционного проживания коренных малочисленных народов (КМНС), что формально способствует широкому спектру привилегий для титульных национальностей (меры по поддержке сохранения родного языка, представительство в законодательных органах в укрупненных субъектах РФ и др.). Целью данной статьи выступает систематизация специфики современного национально-территориального устройства макрорегиона с характеристикой, вытекающих из нее проблем.

Внимание исследователей в русле указанной проблематики акцентированно на особенностях конституционно-правового положения национально-территориальных образований [1, 2, 3, 4]. Значительный пласт работ также посвящен освещению аспектов национально-государственного устройства восточносибирских республик [5, 6, 7]. Отдельно стоит отметить исследование И. Ю. Окунева [8], посвященное процессу и последствиям укрупнения субъектов РФ.

Материалы и методы

Основными материалами исследования послужили научная литература (монографии и статьи), в которых анализируются современное состояние и проблемы разностатусных национально-территориальных единиц. Главную роль в данном исследовании выполняют описательный и сравнительно-географический методы, которые позволили сравнить между собой национально-территориальные единицы в Восточной Сибири по степени их благополучия – привилегиям, которые представляются титульному этносу и отобразить имеющиеся в них проблемы. Вспомогательным средством в работе послужил картографический метод, с помощью которого удалось посредством картосхемы показать местонахождение этнических территорий в Восточной Сибири.

Результаты и обсуждение

В рамках Восточной Сибири выделяются обозначенные выше республики (73,9 %), муниципальные районы бывших автономных округов (Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский в Красноярском крае, Усть-Ордынский Бурятский в Иркутской области, Агинский Бурятский в Забайкальском крае) и места проживания КМНС (51 муниципальный район: республики Бурятия – 7; Тыва – 4; Хакасия – 2; Якутия – 21; Забайкальский и Красноярский края – 3 и 6 соответственно; Иркутская область – 8). В правовом поле с формальной точки зрения все субъекты РФ равны, но фактически они обладают разным статусом («статусная асимметрия») [1]. В ст. 5 Конституции РФ упоминается, что республики являются государствами в отличие от регионов другого статуса (края, области и пр.). Поэтому, как и государства, они обладают собственной конституцией (в остальных субъектах РФ – уставы) и законодательством, государственными символами (флаг, герб, гимн), собственным языком, используемым на официальном уровне, наряду с русским и т.д. [2, с. 195; 3, с. 14].

В большей степени этническая компонента выражена в восточносибирских республиках – Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва. На уровне государственного управления национальная специфика в макрорегионе, на наш взгляд, наиболее отражена в Якутии, где в первую очередь среди других субъектов РФ, была разработана региональная Концепция государственной национальной политики (1995 г., обновлена в 2013 г.). В рамках института Главы Республики вопросами национальных отношений занимаются Советы по вопросам государственной национальной политики, по языковой политике, по вопросам КМНС, Оргкомитет по проведению и Десятилетия коренных народов мира [5, с. 262].

Во всех республиках имеется национальные названия органов власти, например, парламента – Верховный Хурал, Народный Хурал в Тыве и Бурятии соответственно). Единицы муниципального устройства названы с учетом культурно-исторических традиций: сумоны (сельские поселения) и кожууны (районы) в Тыве, улусы (населенные пункты в Бурятии и районы в Якутии). Ранее, в Конституции Республики Тыва даже имелась статья «Гражданство в Республике Тыва», которая узаконивала принцип двойного гражданства – российского и тувинского одновременно (отменена в 2010 г.) [6, с. 121]. Также в официальных документах возможно отыскать упоминание о государствообразующей роли

титульного этноса, что прослеживается из Конституции Республики Бурятия, а также в устаревшей Концепции национальной политики 1997 г. Республики (обновлена в 2007 г.) упоминалось о необходимости адаптации русского населения в этнополитической и социокультурной среде Бурятии [7].

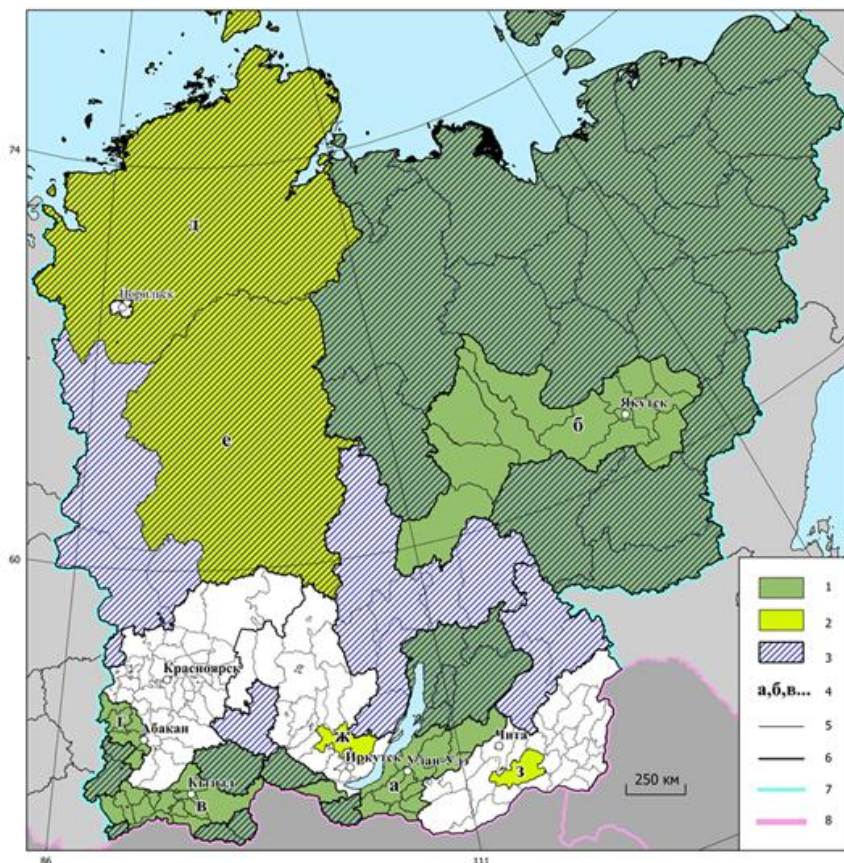

Рис. 1. Национальные территории
Восточной Сибири по состоянию на 2022 г.

Национальные территории Восточной Сибири: 1 – республики, 2 – административно-территориальные единицы с особым статусом (бывшие автономные округа), 3 – муниципальные районы с местами традиционного проживания КМНС. 4 – национальные административные единицы: а – Республика Бурятия, б – Республика Саха (Якутия), в – Республика Тыва, г – Республика Хакасия, д – Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, е – Эвенкийский муниципальный район, ж – Усть-Ордынский Бурятский округ, з – Агинский Бурятский округ. Границы: 5 – муниципальных районов, 6 – субъектов РФ, 7 – Восточной Сибири с другими макрорегионами РФ, 8 – государственные.

Составлено автором

Следующую ступень в иерархии национальных территорий в Восточной Сибири занимают упомянутые выше административно-территориальные единицы с особым статусом (АТЕОС), который они приобрели в 2007–2008-х гг. Статус АТЕОС в РФ не в полной мере определен на федеральном региональном уровне. В частности, законы, посвященные укрупнению регионов, пытаются разъяснить его так: 1) особый статус определяют федеральные правовые акты, уставы и законы объединенных субъектов РФ; 2) реформа по укрупнению регионов необходима для их ускоренного социально-экономического развития, что в целом повысит уровень жизни населения; 3) границы территорий АТЕОС не могут быть

изменены, кроме как с помощью внесения изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон; 4) для первого депутатского корпуса повышается представительство АТЕОС в парламенте укрупненного региона, далее вопрос решается региональным уставом объединенного субъекта РФ; 5) местное самоуправление выстраивается на особенностях единиц с особым статусом; 6) предоставляются гарантии для КМНС, проживающих на территориях объединенного региона. В местном самоуправлении АТЕОС имеют некоторые преимущества: низкая плотность населения дает возможность отходить от ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления»; бюджетные трансферты для МО в составе АТЕОС рассчитываются исходя из повышенных норм обеспеченности бюджета; позволяются особые национальные наименования Законодательного Собрания и главы муниципалитета; МО АТЕОС могут претендовать на некоторые государственные права для защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни местного населения [4, с. 100–104]. Следует заметить, что за все время, федеральными властями так и был создан закон о правовом положении единиц с «особым» статусом, разъяснения по их правовому статусу можно отыскать лишь в региональных уставах и законах.

На момент укрупнения субъектов РФ более выгодное положение занимал Агинский Бурятский округ (АБО), за объединение которого с Читинской областью проголосовали 90 % жителей Читинской области и 94 % автономного округа. Это выражается в том, что в сравнении с депрессивной Читинской областью, АБО динамично восстанавливался после распада СССР и в 2005 г. находился втором месте среди регионов по динамике реконструкции промышленности. Кроме того, на территории округа существовал так называемый «Агинский офшор», который включал в себя несколько десятков компаний, от деятельности которых в бюджет АБО поступали налоговые и неналоговые поступления. Это способствовало резкому снижению уровня дотационности бюджета с 1996 по 2006 гг. – с 80 % до 6,6 % [9]. После объединения регионов офшор прекратил свою деятельность.

В национальной структуре округа главенствующие позиции занимает бурятское население (61 %). После объединения регионов в структуре администрации Забайкальского края начало свою работу Собрание представителей АБО, главная задача которого защита интересов бурятов, их культуры и языка. Кроме того, компетенция администрации АБО не сводится только к решению этнокультурных проблем, но и распространяется на вопросы, связанные с бюджетным обеспечением. Бурятский язык закреплен как официальный и поэтому может использоваться во всех СМИ. Сейчас в Законодательном Собрании Забайкальского края АБО представляет 7 депутатов (14,3 %) из 49.

Усть-Ордынский Бурятский округ (УОБО) с долей титульной населения 40,2 %, напротив, являлся примером дотационного региона – 80 % дохода от его бюджета поступало из федерального центра [8, с. 13]. За объединение Усть-Ордынского Бурятского автономного округа с Иркутской областью проголосовали 89,7 % жителей области и 97,7 % округа. Особый статус, который получил УОБО, в отличие от Агинского, не дал возможности учредить специальный орган власти в администрации Иркутской области. Устав Иркутской области не содержит упоминаний об экономических правах УОБО. Политическое представительство округа в Законодательном Собрании крайне мало: с 2013 г.

округ представляет лишь один депутат, в то время как при первом созыве их было четыре.

К сфере компетенции администрации УОБО относится сохранение национальной культуры, но при этом власти округа подотчетны областному руководству. Местное население выражает недовольство сокращением изучения бурятского языка в школах и детских садах, что безусловно является одним из последствий объединения субъектов РФ.

Следует подытожить, что негативными последствиями укрупнения регионов для УОБО и АБО послужили сокращение рабочих мест, миграция населения, снижение качества государственных и муниципальных услуг. В то же время, для АБО при объединении с Читинской областью удалось закрепить за собой право регулирования этнокультурных вопросов на уровне округа.

Объединение Красноярского края с Эвенкийским и Таймырским Долгано-Ненецким автономными округами было поддержано 92,2 % голосами в крае, 69,9 % и 79 % Таймыре и Эвенкии. В составе Красноярского края данные территории были включены как муниципальные районы, наделенные особым статусом. Однако Устав Красноярского края не дает четкого определения данного понятия, что вызвало недовольство у жителей бывших автономных округов, требовавших разъяснить, что такое «особый» статус или вернуть муниципалитету прежние полномочия (Эвенкия, 2008 г.), также осуществлялась попытка провести референдум по возвращению статуса автономии для Таймыра в 2017 г. Территорию Эвенкии и Таймыра в Законодательном Собрании представляют всего лишь 4 депутата из 52 и семь человек входит в комитет по развитию северных и арктических территорий по делам КМНС.

Едиными последствиями для объединенных с Красноярским краем территорий выступают сокращение или ликвидация ряда важных государственных структур (Роспотребнадзор, инспекция труда, налоговая служба), стало сложнее получить простейшие услуги (уменьшилось количество ФАПов и койко-мест в больницах). Некоторые организации из Эвенкии (БТИ, казначейство, Сбербанк) перенесли за тысячу километров под Красноярск. Также, например, в Эвенкии, был сокращен штат важнейших для данной территории структур: в Госрыболовхохране до объединения было 10 работников, осталось 6; в Охотинспекции, соответственно – 52 и 4; в лесной службе – 190 и 60 и т.д. [10].

Самую низкую ступень в иерархии национальных административно-территориальных единиц занимают места традиционного проживания и традиционной деятельности КМНС, которые перечислены в перечне к ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (1999 г.), целью которого является обеспечение самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов и защита их исконной среды обитания (в рамках чего могут создаваться территории традиционного природопользования), традиционного образа жизни и т.д.[11]. Однако достаточное количество правовых аспектов сложно реализуемо на практике, в частности, право безвозмездного пользования КМНС природными богатствами, которое не может быть реализуемо должным образом без специального урегулирования в отраслевых законах (Земельный, Лесной, Водный кодексы РФ) и соответствующих федеральных законах; на уровне правительства РФ не отрегулирован механизм этнологических экспертиз, включающей в себя оценку хозяйственных проектов и риски их реализации, актуальные для мест проживания

КМНС (в рамках Восточной Сибири подобная практика осуществлялась только в Якутии) и т.д.

На уровне государственного управления в восточносибирских субъектах РФ можно отметить следующее: действует институт уполномоченного по правам КМНС (Республика Саха), учреждена соответствующая должность советника при губернаторе Иркутской области, создан Совет представителей коренных малочисленных народов при Правительстве Республики Хакасии. В Бурятии предоставляется право избираться кандидатам от эвенков в Народный Хурал на территориях Баунтовского, Курумканского и Северобайкальского районов. Среди подзаконных и законодательных актов, затрагивающих данную сферу, можно выделить Указ Президента Республики Тыва (1995) «О мерах по развитию оленеводства» и закон «О родовой общине коренного малочисленного народа тувинцев-тоджинцев» (2004), закон Республики Саха (Якутия) «О кочевой семье» (2016). В каждом из упомянутых субъектов РФ действуют общественные организации, продвигающие интересы коренных малочисленных народов, в качестве примера можно указать Ассоциацию КМНС Республики Якутия, которая присутствует в двадцати районах и включает в себя пять подразделений (долган, эвенков, эвен, чукчей и юкагиров и секцию русских старожилов). Каждая из пяти национальных Ассоциаций сотрудничают с министерствами, заключив с ними договоры, в частности, Ассоциацией эвенков заключен договор с Министерством сельского хозяйства и заготовок.

Выводы

Национально-территориальным единицам в Восточной Сибири присуща собственная специфика, для которой характерна четкая иерархия ее составляющих. Однако на федеральном уровне исчерпывающе определено лишь положение республик, которые обладают достаточным спектром национальных привилегий. Статус единиц с особым статусом в должной мере не разъяснен представителями власти, как жителей данных территориальных образований, так и для широких кругов общественности, включая исследовательское сообщество. Несмотря на то, что в восточносибирских субъектах имеется законодательная база по регулированию вопросов, затрагивающих КМНС, она не работает должным образом, поскольку вступает в противоречие с Земельным, Водным, Лесным кодексами и некоторыми федеральными законами, также проблемой для коренных малочисленных народов является получение льгот, т.к., чтобы получить их необходимо доказать свою национальную принадлежность, зачастую в судебном порядке. Таким образом, можно сделать вывод, что благополучие этнических территорий и решение национальных вопросов является прежде всего компетенцией региональных, а не федеральных властей, последние из которых являются создателями территорий разного статуса и современной административно-территориальной иерархии.

Статья подготовлена в рамках госзадания АААА-А21-121012190018-2 «Общественно-географические процессы и территориальное развитие Сибири через призму национально-государственных, региональных и местных интересов»

Литература

1. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Реформы и регионы: Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: ЛЕНАНД, 2012. 1024 с.
2. Морозова А. С. Проблема «равнозначности» в конституционно-правовой характеристике субъектов Российской Федерации // Вестник Московского Университета МВД России, 2009. № 3. С. 193–198.
3. Умнова И. А. Современная российская модель разделения власти между Федерацией и ее субъектами: Актуальные правовые проблемы. М.: ИНИОН, 1996. 59 с.
4. Кондрашев А. А. Административно-территориальные единицы с особым статусом: проблемы реализации статуса национальных автономий в Российской Федерации // Научный ежегодник Института философии и права УРО РАН. 2016. Т. 6, Вып. 3. С. 97–111.
5. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы, перспективы / И. Ф. Верещагин, К. С. Зайков; А. М. Тамицкий и др.; под общ. ред. Н. К. Харламповей. Архангельск: САФУ, 2017. 325 с.
6. Тарбастаева И. С. Тува превращается в моноэтнический регион: риски и перспективы // ЭКО. 2018. № 5. С. 65–79.
7. Байкальский регион: правовое поле этнополитической ситуации (1992-2001). М. Иркутск: Наталис, 2002. 311 с.
8. Окунев И. Ю., Шиловский Р. С. Реформы объединения Усть-Ордынского Бурятского автономного с Иркутской областью и Агинского Бурятского автономного округа с Читинской областью: мотивы и последствия // Псковский региональный журнал. 2018. № 1 (33). С. 10–23.
9. Добчинов А. К 80-летию Агинского Бурятского округа // Агинская правда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aginskpravda.ru/blog/k_80_letij_u_aginskogo_burjatskogo_okruga/2017-09-25-229
10. Комарицын С. Г. Об особом статусе Эвенкии // Эвенкия: оф. сайт органов МСУ Эвенкийского муниципального района. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.evenkya.ru/bezopasnost-territorii/fire-activity/status.html>.
11. Размахнина Ю. С. Этнический фактор политико-географических процессов в Восточной Сибири: автореф. дис. ...канд. геогр. наук. Иркутск, 2021. 24 с.

U. S. Razmakhnina

Features and different status' problems of national units and municipal structure and other ethnic territories in Eastern Siberia

V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation
e-mail: juliarazm@gmail.com

Abstract. Eastern Siberia is characterized by the existence of a complex administrative-territorial hierarchy, in which the republics occupy the dominant position, and the lower elements are territorial units with a special status or former

autonomous districts, places of traditional residence of the indigenous peoples of the North. The uneven status is the reason for the development of negative trends in the East Siberian subjects of the Russian Federation and their ethnic territories.

Keywords: *republics, units with a special status, former autonomous regions, places of traditional residence of indigenous peoples of the North (PTRIPN), Eastern Siberia.*

References

1. Leksin V. N., Shvecov A. N. Reformy i regiony: Sistemnyj analiz processov reformirovaniya regional'noj jekonomiki, stanovlenija federalizma i mestnogo samoupravlenija. M.: LENAND, 2012. 1024 s. (in Russian).
2. Morozova A. S. Problema «ravnostatusnosti» v konstitucionno-pravovoj karakteristike sub"ektov Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii, 2009. № 3. S. 193–198. (in Russian).
3. Umnova I. A. Sovremennaja rossijskaja model' razdelenija vlasti mezhdru Federaciej i ee sub"ektami: Aktual'nye pravovye problemy. M.: INION, 1996. 59 s. (in Russian).
4. Kondrashev A. A. Administrativno-territorial'nye edinicy s osobym statusom: problemy realizacii statusa nacional'nyh avtonomij v Rossijskoj Federacii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava URO RAN. 2016. T. 6, Vyp. 3. S. 97–111. (in Russian).
5. Jetnonacional'nye processy v Arktike: tendencii, problemy, perspektivy / I. F. Vereshhagin, K. S. Zajkov; A. M. Tamickij i dr.; pod obshh. red. N. K. Harlamp'evoj. Arhangel'sk: SAFU, 2017. 325 s. (in Russian).
6. Tarbastaeva I. S. Tuva prevrashhaetsja v monojetnichnyj region: riski i perspektivy // JeKO. 2018. № 5. S. 65–79. (in Russian).
7. Bajkal'skij region: pravovoe pole jetnopoliticheskoj situacii (1992– 2001). M. Irkutsk: Natalis, 2002. –311 s. (in Russian).
8. Okunev I. Ju., Shilovskij R. S. Reformy ob"edinenija Ust'-Ordynskogo Burjatskogo avtonomnogo s Irkutskoj oblast'ju i Aginskogo Burjatskogo avtonomnogo okruga s Chitinskoj oblast'ju: motivy i posledstvija // Pskovskij regional'nyj zhurnal. 2018. № 1 (33). S. 10–23. (in Russian).
2. Dobchinov A. K 80-letiju Aginskogo Burjatskogo okruga // Aginskaja pravda. URL: http://www.aginsk-pravda.ru/blog/k_80_letiju_aginskogo_burjatskogo_okruga/2017-09-25-229. (in Russian).
3. Komaricyn S. G. Ob osobom statuse Jevenkii // Jevenkija: of. sajt organov MSU Jevenkij'skogo municipal'nogo rajona. URL: <http://www.evenkya.ru/bezopasnost-territorii/fire-activity/status.html>. (in Russian).
4. Razmahnina Ju. S. Jetnicheskij faktor politiko-geograficheskikh processov v Vostochnoj Sibiri: avtoref. dis. ...kand. geogr. nauk. Irkutsk, 2021. 24 s. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.07.2022 г.

УДК 912.43:528.9:528.94:528.92:004:004.9:911: 911.3:61:913(4/9):913(47+57)

С. А. Тесленок¹
А. П. Муштайкин²
И. А. Семина³

**Картографирование избыточной
смертности в странах постсоветского
пространства
в 2020-2021 годах на фоне коронавирусной
инфекции**

^{1, 2, 3}ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
e-mail: teslserg@mail.ru¹, anton169@mail.ru²,
isemina@mail.ru³

Аннотация. Пандемия COVID-19 серьезно повлияла, в том числе и долгосрочно, на демографию, экономику и политические процессы во всем мире. Одним из самых заметных последствий распространения коронавирусной инфекции стала существенно возросшая смертность населения. В данной работе обоснован выбор показателя избыточной смертности как наиболее объективного для демонстрации этого явления, проведен его расчет для стран постсоветского пространства, показана необходимость и осуществлена его визуализация одним из наиболее наглядных способов – при помощи карт.

Ключевые слова: COVID-19, коронавирус, медицинская география, избыточная смертность, постсоветское пространство, геоинформационное картографирование, ГИС ArcGIS.

Введение

Впервые зафиксированная в декабре 2019 года, коронавирусная инфекция к середине 2022 года нанесла существенный урон (основная тяжесть которого пришлось на 2020-2021 годы), вызвав как самый большой экономический спад в мире со времен Великой Депрессии [1], так и значительные демографические потери: под данным ВОЗ на начало июня в мире было зафиксировано более 6 миллионов смертей [2].

Однако последний показатель стал предметом жарких споров. Одни авторы настаивали, что эта цифра явно завышена, а вводимые для противодействия вирусу ограничения нанесли куда больший экономический вред, чем сама пандемия [3]. Другие же наоборот, утверждали, что значения занижены из-за использования различных методик подсчета и манипуляций властей со статистикой [4]. Поэтому выбор точного способа подсчета влияния коронавирусной инфекции на смертность крайне важен для объективного понимания ситуации в различных государствах, особенно постсоветского пространства, с их зачастую сложной внутренней и внешнеполитической обстановкой.

В качестве такого показателя нами была выбрана избыточная смертность – временное увеличение смертности в популяции по сравнению с ожидаемой [5]. Такие расчеты используют после произошедших стихийных бедствий, военных действий, случаев голода, а также при возникновении эпидемий и пандемий, так

как он позволяет качественно продемонстрировать их влияние на численность населения. Ведь потери от коронавируса включают не только прямо погибших непосредственно от него, но и людей, не получивших плановую медицинскую помощь из-за повышенной загрузки больниц и персонала в этот период, а также косвенные потери из-за общего ухудшения социально-экономической обстановки. Результаты пространственного анализа полученных таким образом данных должны выявлять наиболее пострадавшие в этом плане территории [6], что позволяет властям оказывать им конкретную точечную помощь как внутренними силами стран, так и по линии международного сотрудничества в рамках СНГ, ШОС, ЕАЭС и других интеграционных объединений.

Сам показатель избыточной смертности в виде своей наиболее популярной формулы рассчитывается как сравнение данных за определенный временной период со средним показателем за несколько предыдущих периодов [7]. Полученная в ходе таких расчетов пространственная информация может легко отображаться при помощи карт – одного из главных инструментов медицинской географии [8]. По классическим представлениям эта отрасль науки занимается проблематикой выявления и изучения закономерностей географического распространения болезней человека, а также внешних факторов среды, обуславливающих сами эти болезни, оценивает санитарно-эпидемиологическое благополучие населения различных территорий [9]. С развитием информационных технологий, в частности геоинформационных систем (ГИС), набор методов медицинской географии существенно расширился. Теперь она также занимается комплексным решением медико-географических проблем, прогнозированием пространственного распространения и развития болезней в различных регионах, влиянием их последствий этих процессов на экономику и население стран, предлагает властям различных уровней наиболее подходящие стратегии действий по борьбе с ними и минимизации возникшего и потенциального ущерба [10]. Таким образом, медико-географические картографические материалы – это не только в максимальной степени наглядный способ отображения результатов проведенных исследований, но одно из основных средств познания взаимосвязей и отношений между состоянием здоровья населения и особенностями географической среды [11; 12]. Это наглядно проявилось в появлении картографических онлайн-порталов, как зарубежных [13; 14], так и отечественных [15], с первых дней пандемии демонстрирующих в реальном времени распространение коронавирусной инфекции и ее последствия.

Материалы и методы

Данные для расчета показателя избыточной смертности были получены из официальных статистических источников стран постсоветского пространства (табл. 1 [16-29]). Здесь стоит отметить, что для некоторых стран данные неполные: одна часть их не предоставляет информацию по смертности за длительный период времени (Туркменистан, Абхазия и Южная Осетия), а другая часть государств на момент подготовки и написания статьи не опубликовала данные за 2021 год (Беларусь и Таджикистан).

Таблица 1

Общая и избыточная смертность в постсоветских странах в 2020 и 2021 гг.

Страны	Смертность (чел.)			Избыточная смертность (в %) к средней за 2015-2019 гг.	
	среднее значение за 2015-2019 гг.	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.
Азербайджан	56 324	75 647	76 878	34,3	36,5
Армения	27 232	35 371	34 714	29,9	27,5
Беларусь	119 848	144 380	–	20,5	–
Грузия	48 179	50 537	59 906	4,9	24,3
Казахстан	131 655	162 613	183 357	23,5	39,3
Киргизия	33 547	39 977	38 875	19,2	15,9
Латвия	28 439	28 656	34 600	0,7	21,7
Литва	40 200	43 441	47 967	8,1	18,6
Молдова	37 769	40 618	45 437	7,5	20,3
Россия	1 850 580	2 124 479	2 441 599	14,8	32,1
Таджикистан	33 070	41 693	–	26,1	–
Узбекистан	155 484	175 600	174 541	12,9	12,3
Украина	584 266	616 835	714 263	5,6	22,2
Эстония	15 466	15 721	18 587	1,6	19,4

Составлено по [16-29]

Полученные данные были внесены в атрибутивную таблицу векторных слоев, полученных с сайта свободно распространяемых исходных географических данных Natural Earth Data [30] в созданном геоинформационном проекте [31] в ГИС ArcGIS, которая имеет широкий функционал как по обработке данных и их визуализации, так и по дальнейшей загрузке полученных геоинформационно-картографических материала на онлайн-сервисы [32].

Результаты и обсуждение

Таким образом, нами получены две карты (рис. 1, 2), показывающие ситуацию с избыточной смертностью в странах постсоветского пространства в 2020 и 2021 годах, представленные в масштабе 1:30 000 000.

Говоря о периоде 2020 года, необходимо отметить, что пандемия началась и проявилась в изучаемом регионе в конце марта-апреле, в виде более «мягкого» оригинального варианта коронавируса, и при наличии условия готовности населения более охотно выполнять карантинные предписания властей.

На карте за этот год (см. рис. 1) отчетливо видно, что наибольшие показатели избыточной смертности зафиксированы в Азербайджане (34,3 %) и Армении (29,9 %) (где, однако, данная статистика была искажена боевыми действиями между этими государствами), а также в Беларуси (20,5 %), Казахстане (23,5 %) и Таджикистане (26,1 %) (см. рис. 1, табл. 1). Латвия (0,7 %) и Эстония (1,6 %), а также Грузия (4,9 %) (см. рис. 1, табл. 1), напротив продемонстрировали благоприятную картину, с ростом избыточной смертности в пределах 5 %, что допустимо и обычными нормами.

Рис. 1. Избыточная смертность на постсоветском пространстве в 2020 г. по отношению к среднему значению за 2015-2019 гг., %
Составлено авторами

Другие страны, в частности Россия (14,8 %) (см. рис. 1, табл. 1), показатели заметный, но в рамках общемировой и общеевропейской картины, средний рост.

Говоря о второй карте – за 2021 год (см. рис. 2), следует упомянуть, что господствующим в это время стал гораздо более опасный вариант коронавируса – Дельта. А население «устало» соблюдать строгие ограничения, к тому же исчерпались экономические возможности по их введению со стороны властей. Азербайджан (36,5 %) и Армения (27,5 %) перестали быть лидерами по избыточной смертности, в последней стране этот показатель даже снизился по сравнению с 2020 годом (см. рис. 2, табл. 1). Однако он все еще остался для этих государств крайне высоким, учитывая, что в этот раз отсутствовал фактор военных действий. Наихудшая ситуация же сложилась в Казахстане с его значением в 39,3 % (см. рис. 2, табл. 1). Россия испытала существенный рост (32,1%) (см. рис. 2, табл. 1), для страны этот год стал рекордным по смертности за всю постсоветскую историю [23].

В этот раз достаточно терпимого значения не удалось добиться ни одной стране, бывшие в предыдущем году в этом плане лидерами страны Прибалтики также показали существенный рост. Но все же Литва (18,6 %) и Эстония (19,4 %) (см. рис. 2, табл. 1) за 2 года показали наименьший суммарный рост избыточной смертности, и европейским странам бывшего СССР стоит проанализировать их действия в анализируемый период пандемии, учитывая сходство в возрастной структуре населения.

А странам Центрально-Азиатского региона необходимо опираться на опыт Узбекистана, сумевшего и во второй год пандемии не только сохранить избыточную смертность на среднем уровне (12,3 %) (см. рис.2, табл. 1), но и даже

добиться положительной динамики по сравнению с 2020 годом (см. рис.1, табл.1).

Рис. 2. Избыточная смертность на постсоветском пространстве в 2021 г. по отношению к среднему значению за 2015-2019 гг., %

Составлено авторами

Выводы

Таким образом, нам удалось выбрать объективный показатель для отображения смертности, рассчитать его и наглядно визуализировать при помощи соответствующих карт (см. рис. 1, 2). Особенностью работы является создание такой структуры цифровых слоев в ГИС-проекте [30], которая при появлении новых данных позволяет дополнить имеющиеся данные информацией по избыточной смертности среди различных половозрастных групп, отдельных этносов, регионов и даже конкретных населенных пунктов. Возможность их загрузки на онлайн-портал и предоставления на этой основе доступа руководящим органам стран и различных интеграционных объединений позволит выделять финансовые средства адресно, в целях обеспечения наиболее грамотной борьбы с долгосрочными и краткосрочными последствиями пандемии, такими как бедность, ухудшения качества жизни, межнациональные конфликты, политическая нестабильность и терроризм.

Литература

1. Блог Международного валютного фонда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/04/14/blog-weo-the-great-lockdown-worst-economic-downturn-since-the-great-depression>.
2. Coronavirus disease (COVID-19) Weekly Epidemiological Update and Weekly Operational Update. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019>.

3. Wang H. et al. Estimating excess mortality due to the COVID-19 pandemic: a systematic analysis of COVID-19-related mortality, 2020–21. *The Lancet*, March 2022. No. 399.
4. Woolf H., Chapman D. A., Sabo R. T., Zimmerman E. B. Excess Deaths From COVID-19 and Other Causes in the US, March 1, 2020, to January 2, 2021. *JAMA*, April 2021. No. 17 (325).
5. Huunen M. M. The impact of heat waves and cold spells on mortality rates in the Dutch population / M. M. Huunen, P. Martens, D. Schram, M. P. Weijenberg, A. E. Kunst // *Environ Health Perspect.* 2001. No. 109.
6. Муштайкин А. П., Рычкова О. В., Маскайкин В. Н. Картографирование избыточной смертности в районах Мордовии в 2020 году на фоне пандемии коронавируса // *Научное обозрение. Международный научно-практический журнал.* 2022. № 3.
7. Баланова Ю. А., Концевая А. В., Лукьянов М. М., Кляшторный В. Г., Кузнецов А. С., Калинина А. М., Бойцов С. А. Избыточная смертность населения в Москве в зимний период и ее экономическое значение в 2007-2014 гг. // *Российский кардиологический журнал*, 2015. № 11. С. 46-51.
8. Глотов А. А. Медицинская ГИС – основа интегральной оценки благополучия региона. *Геоматика*, 2013. № 3. С. 45-49.
9. Куролап С. А. Медицинская география: современные аспекты. *Соросовский образовательный журнал*, 2000. Т. 6. № 6. С. 52-58.
10. Авдашкина И. Ф., Тупицына Н. Б. Медико-географическое картографирование на примере Могилевской области. ГИС-технологии в науках о Земле: материалы конкурса ГИС-проектов студентов и аспирантов ВУЗов Республики Беларусь, проведенного в рамках празднования Международ. Дня ГИС 2013. Минск, 20 ноября 2013 г. Минск: БГУ, 2013. С. 81-83.
11. Тесленок К. С., Левина Ю. С., Тесленок С. А. Геоинформационное картографирование территориального распространения острых кишечных инфекций в целях обеспечения безопасности жизнедеятельности // *Экологическая безопасность и охрана окружающей среды в регионах России: теория и практика: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 17-18 нояб. 2016 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. С. 245-251.*
12. Левина Ю. С., Тесленок С. А. Геоинформационное картографирование распространения инфекционных заболеваний на территории административного района // *Геоинформационное картографирование в регионах России: Материалы VIII Всерос. научно-практич. конф. (Воронеж, 20 дек. 2016 г.). Воронеж: Научная книга, 2016. С. 58-62.*
13. COVID-19 Data Repository by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6>
14. Коронавирусная инфекция COVID-19. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.google.com/covid19/map?hl=ru&mid=%2Fm%2F09c7w0&gl=RU&ceid=RU%3Aru>
15. Карта распространения коронавируса в России и мире. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/maps/covid19?ll=41.775580%2C54.894027&z=3>
16. Государственный комитет статистики Азербайджана. [Электронный ресурс].

- Режим доступа: <https://www.stat.gov.az>
17. Статистический комитет Республики Армения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.armstat.am/>
 18. Национальная статистическая служба Грузии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.geostat.ge/>
 19. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.stat.gov.kz>
 20. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.stat.kg>
 21. Центральное статистическое управление Латвии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.gov.lv/>
 22. Статистический портал Литвы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://osp.stat.gov.lt>
 23. Национальное бюро статистики Республики Молдова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statistica.md>
 24. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gks.ru>
 25. Агентство по статистике при президенте Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.stat.tj>
 26. Государственный комитет по статистике Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.stat.uz>
 27. ДержСтат Украины. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ukrstat.gov.ua>
 28. Департамент статистики Эстонии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://andmed.stat.ee/>
 29. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/>
 30. Natural Earth. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.naturalearthdata.com/downloads/50m-cultural-vectors/>
 31. Тесленок К.С. Создание геоинформационного проекта и его использование в целях развития хозяйственных систем. Геоинформационное картографирование в регионах России: материалы VII Всерос. науч.-практич. конф. Воронеж: Научная книга, 2015. С. 134-138.
 32. Изучение ArcGIS // ArcMap. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://learn.arcgis.com/ru/projects/get-started-with-arcmap>.

S. A. Teslenok¹
A. P. Mushtaikin²
I. A. Semina³

Mapping excess mortality in post-Soviet countries in 2020-2021 on the background of coronavirus infection

^{1,2,3} Ogarev Mordovia State University, Saransk,
Russian Federation
*e-mail: teslserg@mail.ru¹, anton169@mail.ru²,
isemina@mail.ru³*

Abstract. *The COVID-19 pandemic has had serious effects, including long-term effects on demography, economics, and political processes. One of the most notable*

consequences of the coronavirus has been a significantly increased mortality rate. This paper substantiates the choice of the excess mortality indicator as the most objective one to demonstrate this phenomenon, calculates it for the post-Soviet countries, demonstrates its necessity and visualizes it in a visual way - with the help of maps.

Keywords: COVID-19, coronavirus, medical geography, excess mortality, post-Soviet space, geographic information mapping, GIS ArcGIS.

References

1. Blog Mezhdunarodnogo valyutnogo fonda. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/04/14/blog-weo-the-great-lockdown-worst-economic-downturn-since-the-great-depression> (in English).
2. Coronavirus disease (COVID-19) Weekly Epidemiological Update and Weekly Operational Update. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/situation-reports/> (in English).
3. Wang H. et al. Estimating excess mortality due to the COVID-19 pandemic: a systematic analysis of COVID-19-related mortality, 2020–21. *The Lancet*, March 2022. No. 399. (in English).
4. Woolf H., Chapman D.A., Sabo R.T., Zimmerman E.B. Excess Deaths From COVID-19 and Other Causes in the US, March 1, 2020, to January 2, 2021. *JAMA*, April 2021. No. 17 (325). (in English).
5. Hyunen M. M. The impact of heat waves and cold spells on mortality rates in the Dutch population / M. M. Hyunen, P. Martens, D. Schram, M. P. Weijnenberg, A. E. Kunst // *Environ Health Perspect.* 2001. No. 109. (in English).
6. Mushtajkin A. P., Rychkova O. V., Maskajkin V. N. Kartografirovanie izbytochnoj smertnosti v rajonah Mordovii v 2020 godu na fone pandemii koronavirusa // *Nauchnoe obozrenie. Mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal.* 2022. № 3. (in Russian).
7. Balanova YU. A., Koncevaya A. V., Luk'yanov M. M., Klyashtornyj V. G., Kuznecov A. S., Kalinina A. M., Bojcov S. A. Izbytochnaya smertnost' naseleniya v Moskve v zimnij period i ee ekonomicheskoe znachenie v 2007-2014 gg. // *Rossijskij kardiologicheskij zhurnal*, 2015. № 11. S. 46-51. (in Russian).
8. Glotov A. A. Medicinskaya GIS – osnova integral'noj ocenki blagopoluchiya regiona. *Geomatika*, 2013. № 3. S. 45-49. (in Russian).
9. Kurolap S. A. Medicinskaya geografiya: sovremennye aspekty. *Sorosovskij obrazovatel'nyj zhurnal*, 2000. T. 6. № 6. S. 52-58. (in Russian).
10. Avdashkina I. F., Tupicyna N. B. Mediko-geograficheskoe kartografirovanie na primere Mogilevskoj oblasti. GIS-tehnologii v naukah o Zemle: materialy konkursa GIS-proektov studentov i aspirantov VUZov Respubliki Belarus', provedennogo v ramkah prazdnovaniya Mezhdunarod. Dnya GIS 2013. Minsk, 20 noyabrya 2013 g. Minsk: BGU, 2013. S. 81-83. (in Russian).
11. Teslenok K. S., Levina YU. S., Teslenok S. A. Geoinformacionnoe kartografirovanie territorial'nogo rasprostraneniya ostryh kishhechnyh infekcij v celyah obespecheniya bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti / K. S. Teslenok, // *Ekologicheskaya bezopasnost' i ohrana okruzhayushchej sredy v regionah Rossii: teoriya i praktika: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf., g. Volgograd, 17-18 noyab. 2016 g. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2016. Pp. 245-251.* (in Russian).
12. Levina Yu. S., Teslenok S. A. Geoinformacionnoe kartografirovanie

- rasprostraneniya infekcionnyh zabolevanij na territorii administrativnogo rajona. Geoinformacionnoe kartografirovanie v regionah Rossii: Materialy VIII Vseros. nauchno-praktich. konf. (Voronezh, 20 dek. 2016 g.). Voronezh: Nauchnaya kniga, 2016. Pp. 58-62. (in Russian).
13. COVID-19 Data Repository by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University. URL: <https://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6> (in English).
 14. Koronavirusnaya infekciya COVID-19. URL: <https://news.google.com/covid19/map?hl=ru&mid=%2Fm%2F09c7w0&gl=RU&ceid=RU%3Aru> (in Russian).
 15. Karta rasprostraneniya koronavirusa v Rossii i mire. URL: <https://yandex.ru/maps/covid19?ll=41.775580%2C54.894027&z=3> (in Russian).
 16. Gosudarstvennyj komitet statistiki Azerbajdzhana. URL: <https://www.stat.gov.az> (in Russian).
 17. Statisticheskij komitet Respubliki Armeniya. URL: <https://www.armstat.am/> (in Russian)
 18. Nacional'naya statisticheskaya sluzhba Gruzii. URL: <https://www.geostat.ge/> (in English).
 19. Komitet po statistike Ministerstva nacional'noj ekonomiki Respubliki Kazahstan. URL: <https://www.stat.gov.kz> (in Russian).
 20. Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. URL: <https://www.stat.kg> (in Russian).
 21. Central'noe statisticheskoe upravlenie Latvii. URL: <https://stat.gov.lv/> (in Russian)
 22. Statisticheskij portal Litvy. URL: <https://osp.stat.gov.lt> (in English).
 23. Nacional'noe byuro statistiki Respubliki Moldova. URL: <https://www.statistica.md> (in Russian).
 24. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat). URL: <https://www.gks.ru> (in Russian).
 25. Agentstvo po statistike pri prezidente Respubliki Tadzhikistan. URL: <https://www.stat.tj> (in Russian).
 26. Gosudarstvennyj komitet po statistike Respubliki Uzbekistan. URL: <https://www.stat.uz> (in Russian).
 27. DerzhStat Ukrainy. URL: <https://www.ukrstat.gov.ua> (in English).
 28. Departament statistiki Estonii. URL: <https://andmed.stat.ee/> (in English).
 29. Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus'. URL: <https://www.belstat.gov.by/> (in Russian).
 30. Natural Earth. URL: <https://www.naturalearthdata.com/downloads/50m-cultural-vectors/> (in English).
 31. Teslenok K. S. Creation of the geoinformation project and its use for the development of economic systems. Geoinformation mapping in the regions of Russia: materials of the VII All-Russian scientific-practical conference. (Voronezh, 10-12 December 2015). Voronezh: Scientificbook, 2015. Pp. 134–138. (in Russian).
 32. Izuchenie ArcGIS // ArcMap. URL: <https://learn.arcgis.com/ru/projects/get-started-with-arcmap/> (in Russian).

Поступила в редакцию 05.07.2022 г.

УДК 911.3+314.72

К. А. Чернышев¹
Н. В. Чернышева²
Е. Ю. Петров³

Межрегиональные связи населения Крыма: исследование на основе цифровых и статистических данных о местах рождения мигрантов

¹ ФГБУН «Институт демографических исследований
ФНИСЦ РАН», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: kochern81@gmail.com

² ФГБУН «Институт демографических исследований
ФНИСЦ РАН», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: natiche84@mail.ru

³ ФГБОУ ВО Томский государственный университет;
г. Томск, Российская Федерация
e-mail: petrov@data.tsu.ru

Аннотация. В статье анализируются миграционные связи Крыма с другими регионами России. Цифровые данные о «родных городах» и местах окончания школ, полученные из социальной сети «ВКонтакте» сопоставляются с данными о местах рождения по итогам Крымской переписи населения 2014 года и социально-демографического обследования (микрореперисы населения) 2015 года. На основе цифровых данных осуществлены расчёты коэффициентов интенсивности миграционных связей.

Ключевые слова: внутренняя миграция, перепись населения, пожизненные мигранты, социальные сети, Крым

Введение

В настоящее время и в течение длительных периодов прошлого Крым¹ являлся местом, привлекавшим заметные потоки переселенцев из других частей Российской империи, СССР и РФ. Возвращение регионов Крыма в состав России весной 2014 года усилило миграционную привлекательность полуострова, оказавшегося одним из наиболее комфортных мест для проживания на территории крупнейшей северной страны мира, что привело к быстрому увеличению численности населения региона: с 2285 до 2483 тыс. чел. за межпереписной период с октября 2014 г. по октябрь 2021 г. [1,2]. Очевидно, что при сохранении в этот период естественной убыли, увеличение численности жителей произошло за счёт международной и межрегиональной миграции. Зарегистрированный миграционный прирост в Крыму за 2015–2021 гг. составил 95,1 тыс. чел. за счёт обмена населением с другими странами и 61,5 тыс. чел. – с другими регионами России, но, на наш взгляд, объёмы переселений были больше. Миграция является двусторонним процессом: крымские регионы, имея значительный объём прибывающего населения, также характеризуются заметными потоками выбывших. Целью данной работы является изучение миграционных связей Крыма с регионами России на основе различных

¹ Республика Крым и город федерального значения Севастополь рассматриваются как единое миграционное пространство

источников: данных социальной сети «ВКонтакте» и информации переписей населения.

До недавнего времени исследования миграционных связей почти исключительно были построены на использовании данных текущего учета (миграционных потоков) или переписей населения (миграционных контингентов) [3]. Внутренняя межрегиональная миграция не предполагает пересечение государственных границ, а обязательность регистрации по месту жительства или пребывания (прописки) игнорируется переселенцами, поэтому и текущий учёт в таких условиях является неполным. В отличие от него данные переписей населения фиксируют число лиц, имеющих опыт миграции («пожизненные мигранты» или «lifetime migrants»). Сопоставление данных переписи о месте рождения с современным местом проживания даёт богатый материал для изучения межрегиональных перемещений населения.

Миграционные процессы в Крыму изучаются на основе различных источников информации, чаще всего в ретроспективном аспекте и во взаимосвязи с конкретными проблемами развития региона. На основе данных текущего учёта миграции советского, украинского или российского статистического ведомств исследовались вопросы организации плановых переселений в Советский период [4], репатриации депортированного населения [5], влияние миграционного фактора на изменение системы расселения [6], специфика протекания миграционных процессов в постсоветский период [7]. Архипова С.В., Хижак Н.П. указывают на угрозы складывающейся в настоящее время ситуации для региональной экономики: прирост нетрудоспособного населения увеличивает нагрузку на социальную сферу Крыма, а отток молодого, активного и образованного населения в федеральные центры снижает человеческий потенциал региона [8].

С использованием данных переписей Суций С.Я. исследовал влияние миграции на изменение национального состава полуострова, оценил перспективы дальнейшего миграционного прироста в регионе [9]. В работе Абылкаликова С.И. и Сушко П.Е. также на основе данных переписей населения в ретроспективном аспекте показано формирование населения полуострова [10].

Появление новых источников сведений о внутренних и международных миграциях связано с широким распространением информационно-коммуникационных технологий в повседневной жизни людей. Наиболее актуальные сведения о миграции населения позволяют получать из электронных социальных сетей [11]. Среди социальных сетей наибольшим охватом населения и позволяющим извлекать информацию о перемещениях пользователей внутри страны является «ВКонтакте» (vk.com), в котором на 2021 год было зарегистрировано более 72 млн пользователей из РФ [12]. Недостаток социальных сетей как источника изучения межрегиональной миграции связан с различиями в распространённости их среди представителей разных социально-демографических групп населения. В отличие от традиционных источников извлекаемый из социальной сети массив информации относится именно к совокупности «виртуального» населения страны, но может служить лишь ориентиром для поиска каких-то закономерностей, касающихся «реального» населения [13]. Данные социальных сетей в большей степени подходят к изучению миграции молодёжи, связанной с получением образования.

Использование данных социальной сети «ВКонтакте», сопоставление с имеющейся информацией переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 года (КПН-2014) и социально-демографического обследования (микрпереписи населения) 2015 года (МПН-2015) даёт возможность охарактеризовать миграционные связи Крыма с другими регионами России.

Материалы и методы

Изучение миграционных связей населения Крыма опирается на информацию из «открытых» профилей пользователей «ВКонтакте». Регистрируясь в социальной сети, пользователи указывают о себе сведения, достаточные для изучения миграции. Определение населённого пункта выбытия происходило через информацию поля «родной город» («home_city»), а в случае её отсутствия через поле «школа» («school_city»), которую окончил пользователь. Определение места получения высшего образования использовалась поле «город вуза» («universities_city»). Данные собирались при помощи Платформы по сбору и обработке данных социальных сетей Университетского консорциума исследователей больших данных, правообладателем которой является Томский государственный университет [14]. Из рассмотрения были исключены профили пользователей, у которых невозможно определить информацию о месте выбытия или месте получения высшего образования. Отметим, что миграция на основе предлагаемых к рассмотрению данных социальной сети охватывает только переселения, связанные с получением высшего образования. Не рассматривалась возвратная миграция населения, когда пользователь мог закончить учебное заведение в одном из городов основной территории России и вернуться на Крымский полуостров.

Для оценки выбывшего населения из Севастополя и Республики Крым использовались данные о 43607 профилях пользователей «ВКонтакте», указавших в качестве «родного города» или места окончания школы населенные пункты, расположенные на полуострове. Из них 35597 получали образование в крымских вузах, а 8010 в 206 городах-центрах высшего образования на остальной территории России.

Для оценки прибытий использованы данные о 37654 профилях пользователей, указавших в качестве места получения образования вузы и филиалы вузов Симферополя, на учебные заведения которого приходится 49% учтённых профилей в социальной сети, а также Севастополя, Керчи, Ялты, Феодосии, Евпатории. Однако подавляющее большинство таких пользователей «ВКонтакте» в качестве «родного города» или места получения общего образования указали населённые пункты Крыма. На выходцев из других частей России, указавших в поле «город вуза» крымские центры высшего образования, зарегистрировано 2057 профилей «ВКонтакте».

Наиболее репрезентативными данными о местах рождения жителей являются итоги переписей населения. Проведённые в постсоветский период Всеукраинская перепись населения 2001 года и Всероссийская перепись населения 2010 г. не позволяют оценить пожизненную миграцию между Крымом и конкретными регионами России, поскольку проводились в разных государствах. До обнародования окончательных итогов Всероссийской переписи населения 2020 года единственным официальным источником, охватывающим территорию всей России (включая Крым), где содержалась бы информация о распределении населения по месту

рождения являются результаты МПН-2015 г. Выборочная совокупность микропереписи населения охватывала 2,2 млн. человек во всех субъектах РФ, из которых 2529 чел. были уроженцами других частей России, проживавшими в Крыму, а 1932 чел. уроженцами Республики Крым и города Севастополя, проживавшими в других субъектах РФ.

Наиболее надёжной информацией о местах рождения населения Республики Крым и города Севастополь являются данные переписи населения в Крымском федеральном округе со 100-процентным охватом населения 2014 г. В соответствии с итогами КПН-2014 среди жителей Крыма 323,2 тыс. чел. указали местом рождения другие субъекты РФ, что позволяет характеризовать географию регионов выхода пожизненных мигрантов на полуострове.

Сравнение между собой абсолютной численности миграционных контингентов реального или «виртуального» населения в Крыму и остальной России, определение удельного веса переселившихся в Крым или уехавших с полуострова по отдельным частям России лишь в общих чертах характеризует реальную интенсивность существующих миграционных связей, поскольку численность пожизненных мигрантов во многом зависит от абсолютной численности населения территорий, с которыми осуществляется миграционное взаимодействие. В качестве дополнительных инструментов для анализа межтерриториальных миграционных связей Крыма предлагается рассчитать коэффициенты интенсивности межрегиональных связей (КИМС) и коэффициент результативности миграционных связей (КРМС). КИМС представляет собой изменённый вариант предложенного Рыбаковским Л.Л. около полувека назад коэффициента, используемого для расчётов на основе данных миграционных потоков [15]. Для межрегиональной миграции предлагаем рассчитывать КИМС на основе данных миграционных контингентов «виртуального» населения как отношение доли мигрантов, прибывших из определённого региона, в общей численности мигрантов (или доли выбывших в определённый регион в общей численности выбывших) к доле численности населения данного региона в общей численности населения страны (за вычетом изучаемого региона). Коэффициенты интенсивности миграционных связей рассчитываются как по прибытию (формула 1), так и по выбытию (формула 2). Коэффициент результативности миграционных связей, обычно рассчитываемый по данным миграционных потоков, предлагаем рассчитать на основе контингентов «виртуального» населения как отношение числа выбывших к числу прибывших на данную территорию (формула 3).

$$КИМС_{приб.} = \frac{I_{mn}}{\sum I_{mn}} : \frac{P_n}{\sum P_n}; \quad (1)$$

$$КИМС_{выб.} = \frac{O_{mn}}{\sum O_{mn}} : \frac{P_n}{\sum P_n}; \quad (2)$$

$$КРМС_{выб.} = \frac{O_{mn}}{I_{mn}} * 1000; \quad (3)$$

где КИМС приб. – коэффициент интенсивности миграционных связей (по прибытию); КИМС выб. – коэффициент интенсивности миграционных связей (по выбытию); КРМС mn – коэффициент результативности миграционных связей; I_{mn} – число переселившихся в регион m из региона n ; O_{mn} – число переселившихся из региона m в регион n ; P_n – численность населения региона n , с которым регион m осуществляет взаимодействие.

Результаты и обсуждение

Рассмотрение миграционных связей Крыма с другими частями России предлагаем осуществлять в разрезе крупных территориальных единиц (федеральных округов, групп регионов), а не отдельных субъектов РФ. Следует отметить, что большие размеры, спорность и неоднородность состава федеральных округов позволяют лишь в общем виде оценивать направления миграции. Отдельно допустимо рассмотреть миграционное взаимодействие Крыма с тремя парами субъектов РФ, являющихся главными миграционными реципиентами федерального уровня: Москвой и Московской областью, Ленинградской областью и Санкт-Петербургом, Краснодарским краем с находящейся внутри его территории Республикой Адыгея. Эти пары регионов, как и Крым, в миграционном плане представляют собой «единые миграционные пространства» с интенсивной межрегиональной маятниковой миграцией [16]. Жители близлежащих к Москве и Санкт-Петербургу населённых пунктов нередко указывают их в качестве родного города. Необходимость использования для изучения географии миграционных связей крупных территориальных образований (федеральных округов, многонаселённых субъектов РФ) объясняется стремлением минимизировать погрешность, обусловленную небольшой выборкой данных. Последнее относится как к информации социальной сети «ВКонтакте», так и к итогам микропереписи населения 2015 года, для которой данные по месту рождения репрезентативны только на уровне Российской Федерации в целом [17].

Большинство из указавших в качестве своей родины Крым пользователей «ВКонтакте» и респондентов МПН-2015, проживающих в других регионах России, сосредоточено в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Среди городов главными центрами притяжения мигрантов являются Москва и Санкт-Петербург, значительно меньшее значение имеют Краснодар, Ростов-на-Дону, Воронеж, Белгород, Калининград.

Распределение выходцев из Крыма по федеральным округам России в основном соответствует пропорциям, зафиксированным микропереписью 2015 года с заметным преобладанием «виртуальных» переселенцев – Московском и Санкт-Петербургском регионах. Диспропорция между источниками миграционных данных снижается при движении с запада на восток: начиная с Приволжского округа удельный вес выходцев из Крыма по итогам микропереписи превышает их долю, исходя из информации социальной сети. Наиболее сильное несоответствие между рассматриваемыми источниками характерно для Дальнего Востока: по результатам МПН-2015 данный округ занимает третье место по численности выходцев из Крыма, что можно объяснить приморским положением и традиционными связями. Напротив, пользователей социальной сети «ВКонтакте», выбравших Дальний Восток для получения образования, немного, меньшее количество выходцев из Крыма выявлено лишь на Северном Кавказе.

Для характеристики миграционных связей по прибытию в Крым использовались три источника информации: данные «ВКонтакте», МПН-2015 и КРН-2014 (Таблица 2). Отметим, что перепись населения в Крымском федеральном округе, проведённая в декабре 2014 года является наиболее достоверным источником о миграционной структуре населения полуострова и может использоваться для оценки погрешности других информационных ресурсов.

Таблица 1

Уроженцы Крыма в населении других регионов России

Территория	Профили vk.com		МПН-2015	
	чел.	%	чел.	%
Центральный	3481	43,5	687	35,5
<i>в том числе Москва и Московская область</i>	2684	33,5	267	13,8
Северо-Западный	2088	26,1	362	18,7
<i>в том числе Санкт-Петербург и Ленинградская область</i>	1800	22,5	134	6,9
Южный (без Крыма)	1056	13,2	166	8,6
<i>в том числе Краснодарский край и Адыгея</i>	581	7,3	90	4,7
Северо-Кавказский	78	1,0	36	1,9
Приволжский	655	8,2	193	10,0
Уральский	264	3,3	152	7,9
Сибирский ¹	240	3,0	128	6,6
Дальневосточный	148	1,8	208	10,8
РФ (без Крыма)	8010	100,0	1932	100,0

Составлено по [14;18]

Данные о структуре регионов выхода переселенцев в Крым по микропереписи 2015 года и Крымской переписи населения 2014 года расходятся незначительно. Наибольшее число пожизненных мигрантов отдали Крыму многонаселённые Центральный и Приволжский федеральные округа, тогда как контингент выходцев с Северного Кавказа и Урала невелик. Структура регионов выхода мигрантов согласно цифровым данным заметно отличается от статистики переписей населения. Наибольшее число межрегиональных мигрантов, указавших в профиле учебные заведения Крыма, приходится на Центральный федеральный округ. Однако, судя по данным социальной сети, в Центре (но не Московского региона), а также Приволжском и Сибирском округах доля выходцев из Крыма заметно ниже, чем по переписным данным. Для всех остальных федеральных округов, а также столичных центров и Кубани доля пожизненных мигрантов в «виртуальном» населении превышает этот показатель для реального населения.

Среди университетских центров полуострова наибольшее число межрегиональных мигрантов привлекают вузы Севастополя – 1173 из 2057, тогда как учебные заведения Симферополя указали в профилях 677 пользователей, малая родина которых находится в других частях России. Соотношение между двумя крупнейшими городами полуострова отличается от распределения между ними по общему числу профилей, где за счёт внутрирегиональной миграции доминирует Симферополь.

¹ данные по Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам пересчитаны в современных границах

Таблица 2

Интенсивность и результативность межрегиональных связей Крыма с регионами РФ по данным социальной сети «ВКонтакте»

Территория	Профили vk.com		МПН-2015		КПН-2014	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Центральный	468	22,8	743	29,4	91418	28,3
<i>в том числе</i> Москва и Московская область	255	12,4	127	5,0	13463	4,2
Северо-Западный	338	16,4	266	10,5	30063	9,3
<i>в том числе</i> Санкт-Петербург и Ленинградская область	116	5,6	70	2,8	7720	2,4
Южный (без Крыма)	367	17,8	304	12,0	38665	12,0
<i>в том числе</i> Краснодарский край и Адыгея	226	11,0	167	6,6	21863	6,8
Северо-Кавказский	105	5,1	79	3,1	10175	3,1
Приволжский	253	12,3	450	17,8	61779	19,1
Уральский	178	8,7	159	6,3	24484	7,6
Сибирский	151	7,3	301	11,9	38027	11,8
Дальневосточный	197	9,6	227	9,0	28547	8,8
Всего в Крыму	2057	100,0	2529	100,0	323158	100,0

Составлено по [2;14;18]

Сравнение между собой абсолютной численности контингентов «виртуального населения» или их доли в числе переехавших в Крым из других регионов России малополезно. В связи с чем нами были рассчитаны коэффициенты интенсивности и результативности миграционных связей на основе данных сети «ВКонтакте». Для расчётов КИМС использовались данные о численности населения по предварительным итогам Всероссийской переписи населения 2020 года (на дату переписи 01.10.2021 г.). Максимальные значения КИМС по выбытию из Крыма характерны для взаимодействия с Северо-Западом России, особенно выбытия в Санкт-Петербург с областью. Также высоким является КИМС по выбытию в московский регион. Низкая интенсивность выбытия крымчан характерна для миграции на Северный Кавказ и в восточные регионы России. Наиболее высокое значение КИМС по прибытию характерно для миграции в образовательные центры Крыма из соседнего Краснодарского края.

Применительно к «виртуальному» населению обращает на себя внимание следующий факт: число выехавших из Крыма в остальные регионы России почти в 4 раза превышает число прибывших в Крым, что формально позволяет рассматривать Крым в качестве региона-донора (таблица 3). Однако такое соотношение может объясняться как искажением данных социальных сетей относительно реального населения, так и высокой востребованностью вузов, расположенных на основной территории России. Тем не менее имеющиеся данные показывают наименее результативный для Крыма обмен со столичными Московским и Санкт-

Петербуржским регионами, являющимися, также главными центрами высшего образования в России. Низкие значения КРМС, свидетельствующие о наиболее выгодном для Крыма миграционном обмене, характерны для миграционного взаимодействия с Дальним Востоком и Северным Кавказом. Данные федеральные округа в течение последних десятилетий теряют население вследствие миграции.

Таблица 3

Интенсивность и результативность межрегиональных связей Крыма с регионами РФ по данным социальной сети «ВКонтакте»

Территория	Численность населения на 01.10.2021 г.		КИМС по выбытию	КИМС по прибытию	КРМС
	тыс. чел.	%			
Центральный	40342	27,9	1,56	0,82	7,44
<i>в том числе Москва и Московская область</i>	21542	14,9	2,25	0,83	10,53
Северо-Западный	13917	9,6	2,72	1,71	6,18
<i>в том числе Санкт-Петербург и Ленинградская область</i>	7603	5,3	4,25	1,06	15,52
Южный (без Крыма)	14263	9,9	1,33	1,80	2,88
<i>в том числе Краснодарский край и Адыгея</i>	6335	4,4	1,65	2,50	2,57
Северо-Кавказский	10171	7,0	0,14	0,73	0,74
Приволжский	28943	20,0	0,41	0,62	2,59
Уральский	12301	8,5	0,39	1,02	1,48
Сибирский	16793	11,6	0,26	0,63	1,59
Дальневосточный	7976	5,5	0,33	1,75	0,75
РФ (включая Крым)	147190	100	-	-	3,89

Примечание: Рассчитано по [1;14]

Выводы

Субъекты РФ, расположенные в Крыму, традиционно характеризуются интенсивным миграционным взаимодействием с другими регионами России. Изучение миграционных связей в условиях неполноты текущего учёта можно осуществлять на основе данных переписей населения и информации социальных сетей о местах рождения жителей. Для получения исходных данных о «виртуальном» населении России наиболее удобной является социальная сеть «ВКонтакте», а о реальном перепись населения в Крыму 2014 г. и микроперепись 2015 г.

Уроженцы Крыма, уехавшие в другие регионы в основном проживают в Центре, на Северо-Западе и в Южном федеральном округе РФ. В структуре контингента пожизненных мигрантов из других частей России, проживающих в

Крыму, наиболее велика доля переселенцев из наиболее многонаселённых, а также соседнего федерального округа. Для структуры прибывшего населения имеются расхождения между цифровыми данными и статистикой переписей населения.

Несоответствие между, с одной стороны, данными «ВКонтакте», а с другой, Крымской переписи и микропереписи населения, обусловлено, в первую очередь, общими различиями между «виртуальным» и реальным населением, разной степенью вовлеченности социально-демографических групп в пользование социальными сетями, а во-вторых, анализируемые данные социальной сети охватывают только лиц, указавших получение высшего образования, тогда как данные переписей с разной степенью полноты отражают миграционные характеристики всего населения. Для сопоставления интенсивности межрегиональных миграционных связей предлагается рассчитывать КИМС по прибытию и выбытию на основе данных социальной сети «ВКонтакте». Коэффициент выражает миграционные связи в относительных показателях, нивелируя существующие различия в численности пожизненных мигрантов, обусловленные демографическим и миграционным потенциалом взаимодействующих территорий. Расчёт для Крыма КИМС по прибытию и выбытию подтверждает, что интенсивность миграционного взаимодействия с конкретными территориями определяется уровнем их социально-экономического развития, наличием востребованных центров высшего образования, географической близостью, традиционно сложившимися миграционными связями.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00766, <https://rscf.ru/project/22-28-00766/>

Литература

1. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580>.
2. Таблицы с итогами Федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе». Население по месту рождения и месту проживания на территории Крымского федерального округа [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm.
3. Barcus H., Halfacree K. An introduction to population geographies: lives across space. London: Routledge, 2018. 413 p. DOI: 10.4324/9780203855843.
4. Сеитова Э.И. Организация трудового переселения в Крым (1944–1976 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 3-1. С. 173-183.
5. Хаяли Р. И. Репатриация крымскотатарского народа в Крым (вторая половина 1980-х – начало 2000-х годов) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР. Под редакцией Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. 2018. С. 470–474.

6. Гусаков Т. Ю. Миграции населения как основной фактор трансформации системы расселения Крымского полуострова // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. №2. С. 99–120. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-99-120.
7. Гусаков Т. Ю. Вклад миграции в динамику численности населения Крыма // Демография и глобальные вызовы. Материалы международного демографического форума. Воронеж: «Цифровая полиграфия», 2021. С. 481–485.
8. Архипова С. В., Хижак Н. П. Миграционные процессы в Республике Крым // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 1(33). С. 6–14. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-1-6-14>.
2. Суций С. Я. Демографический потенциал и национальная структура населения Крыма: конец XX – середина XXI века // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 4. С. 134–149.
3. Абылкаликов С. И., Сушко П. Е. Роль миграции в формировании населения Крыма // Региональные исследования. 2017. №2 (56). С. 55–62.
4. Гребенюк А. А., Субботин А. А. Исследование миграционных процессов в электронных социальных сетях // Цифровая социология. Т. 4, № 2. С. 23–31.
5. Аудитория ВКонтакте 2021: ежегодный рост продолжается [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vc.ru/vk/279614-auditoriya-vkontakte-2021-ezhegodnyy-rost-prodolzhaetsya>.
6. Замятина Н. Ю., Яшунский А. Д. Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 117–137. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07
7. Платформа по сбору и анализу данных социальных сетей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lk.opendata.university/>.
8. Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика. 1973. 147 с.
9. Рыбаковский О. Л. Результативность межрегиональной миграции населения России. В книге Миграционные процессы в России. / Под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ, 2014. С. 189–228.
10. Методологические пояснения микропереписи населения 2015 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/Method-MPN-2015.pdf.
11. Микроперепись населения 2015. Население, принявшее участие в микропереписи, по месту рождения и месту проживания на территории Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

К. А. Chernyshev¹,
N. V. Chernysheva²,
E. Y. Petrov³

Inter-regional connections of the Crimean population: a study based on digital and statistical data on the places of birth of migrants

¹ Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation

e-mail: kochern81@gmail.com

² Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation

e-mail: natiche84@mail.ru

³ Tomsk State University; Tomsk

e-mail: petrov@data.tsu.ru

Abstract. *The article analyzes the migration links of the Crimea with other regions of Russia. Digital data on “hometowns” and places of graduation from schools obtained from the social network “Vkontakte” are compared with data on places of birth according to the results of the Crimean population census and socio-demographic survey (population micro-census) of 2015. On the basis of digital data, calculations of the coefficients of intensity of migration links were carried out.*

Keywords: *internal migration, population census, lifelong migrants, social networks, Crimea.*

References

1. Predvaritelnye itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2020 goda URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580> (in Russian).
2. Tablicy s itogami Federalnogo statisticheskogo nabljudenija «Perepis naselenija v Krymskom federalnom okruge». Naselenie po mestu rozhdenija i mestu prozhivaniya na territorii Krymskogo federalnogo okruga URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (in Russian).
3. Barcus H., Halfacree K. An introduction to population geographies: lives across space. London: Routledge, 2018. 413 p. DOI: 10.4324/9780203855843.
4. Seitova Je.I. Organizacija trudovogo pereselenija v krym (1944–1976 gg.) // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2013. T. 155. № 3-1. S. 173-183 (in Russian).
5. Hajali R. I. Repatriacija krymskotatarskogo naroda v Krym (vtoraja polovina 1980-h – nachalo 2000-h godov) // Pozitivnyj opyt regulirovanija jetnosocialnyh i jetnokulturnyh processov v regionah Rossijskoj Federacii. Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii, posvjashhennoj 50-letiju pervogo jetnosociologicheskogo issledovanija v SSSR. Pod redakciej G. F. Gabdrahmanovoj, G. I. Makarovoj, L. V. Sagitovoj. 2018. S. 470–474 (in Russian).
6. Gusakov T. Ju. Migracii naselenija kak osnovnoj faktor transformacii sistemy rasselenija Krymskogo poluostrova // Krestjanovedenie. 2021. T. 6. №2. S. 99–120. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-99-120 (in Russian).

7. Gusakov T. Ju. Vklad migracii v dinamiku chislennosti naselenija Kryma // Demografija i globalnye vyzovy. Materialy mezhdunarodnogo demograficheskogo foruma. Voronezh: «Cifrovaja poligrafija», 2021. S. 481–485 (in Russian).
8. Arhipova S. V., Hizhak N. P. Migracionnye processy v Respublike Krym // Jekonomicheskie i socialno-gumanitarnye issledovanija. 2022. № 1(33). S. 6–14. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-1-6-14> (in Russian).
2. Sushhij S. Ja. Demograficheskij potencial i nacionalnaja struktura naselenija Kryma: konec HH – seredina XXI veka // Regionalnaja jekonomika. Jug Rossii. 2018. № 4. S. 134–149 (in Russian).
3. Abylkalikov S. I., Sushko P. E. Rol migracii v formirovanii naselenija Kryma // Regionalnye issledovanija. 2017. №2 (56). S. 55–62 (in Russian).
4. Grebenjuk A. A., Subbotin A. A. Issledovanie migracionnyh processov v jelektronnyh socialnyh setjah // Cifrovaja sociologija. T. 4, № 2. S. 23–31 (in Russian).
5. Auditorija VKontakte 2021: ezhegodnyj rost prodolzhaetsja URL: <https://vc.ru/vk/279614-auditoriya-vkontakte-2021-ezhegodnyy-rost-prodolzhaetsya> (in Russian).
6. Zamjatina N. Ju., Jashunskij A. D. Virtualnaja geografija virtualnogo naselenija // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i socialnye peremeny. 2018. № 1. S. 117—137. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07 (in Russian).
7. Platforma po sboru i analizu dannyh socialnyh setej URL: <https://lk.opendata.university/> (in Russian).
8. Rybakovskij L. L. Regionalnyj analiz migracij. M.: Statistika. 1973. 147 c. (in Russian).
9. Rybakovskij O. L. Rezultativnost mezhregionalnoj migracii naselenija Rossii. V knige Migracionnye processy v Rossii. / Pod.red. V.V. Lokosova i L.L. Rybakovskogo. M.: Jekon-inform, 2014. S. 189–228 (in Russian).
10. Metodologicheskie pojasnenija mikroperepisi naselenija 2015 goda. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/Method-MPN-2015.pdf (in Russian).
11. Mikroperepis naselenija 2015. Naselenie, prinjavshee uchastie v mikroperepisi, po mestu rozhdenija i mestu prozhivanija na territorii Rossijskoj Federacii. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (in Russian).

Поступила в редакцию 10.07.2022 г.

УДК 911.3

Н. В. Чугунова¹

Д. Н. Морковская²

Социо-экистико-экономическая ситуация в приграничных муниципальных образованиях Белгородской, Воронежской, Курской областей

ФГБОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород,

Российская Федерация

¹*e-mail: Chugunova@bsu.edu.ru*

²*e-mail: darya.morkovskaja@yandex.ru*

Аннотация. Результаты исследования демографических процессов приграничных с Украиной муниципальных образований выявили глубину падения численности жителей, рост депопуляции; установили, что экзогенные вызовы, приграничное положение, неравенство развития привели к низким показателям жизнедеятельности населения. Стимулирование развития приграничных территорий должно стать одним из направлений федеральной региональной политики.

Ключевые слова: приграничные с Украиной, изменения, население, показатели, средние, социально-экономические.

Введение

Российская Федерация вовлечена в процессы глобализации, геополитической и экономической нестабильности с позитивными и негативными последствиями, углубляемыми демографическим кризисом, что необходимо принимать во внимание управленческим структурам. Обширность территории России приводит к неоднородности развития пространства, уровня жизни населения. Контрасты социально-экономического, экистического развития нарастают и сохраняются в будущем, несмотря на региональную политику выравнивающего вектора: территории с конкурентными преимуществами притягательны для населения и бизнеса.

Социально-демографической дифференциации, опустыниванию пространств России посвящены статьи отечественных исследователей [1, 2]), вскрывающие поляризацию пространства, выявляющие абсолютные потери - депопуляции, депрессии, забрасывание поселений и земель. На пустеющих территориях уменьшаются социальные гарантии государства, особенно в сельской местности, интенсивно сокращаются учреждения сферы социальных услуг, растет объем платных услуг [3].

Отмеченные процессы наиболее ярко проявляются в «новом» российском приграничье с Украиной - муниципальных образованиях Центрально-Черноземного района, являющихся периферийными по отношению к областным центрам (за небольшим исключением), что накладывает отпечаток на социально-экономическое развитие («экономическая периферия» [4]). Различия, носящие качественный функциональный характер (неравенство развития), переходят в различия количественные - неравенство экономического роста [5]. Изменившиеся

с 2014 г. (и февраля 2022 г.) взаимоотношения с Украиной отражаются на социальных, демографических и экономических показателях приграничных областей и их муниципалитетов, что отмечалось в материалах шестой международной научно-практической конференции (Курск, 2021 [6]). С введением санкционных ограничений в приграничных районах резко выросла геоэкономическая турбулентность [7], разорваны звенья трансграничных цепочек добавленной стоимости, усложнена и выросла стоимость логистики поставок, сократились инвестиционные потоки [8].

Существующие в регионах механизмы управления территориальной дифференциацией социально-экономического развития не учитывают специфику их приграничного положения, тенденции, перспективы. Важнейшей задачей управления развитием регионов является преодоление неравенства в условиях жизни населения не зависимо от территории, знание факторов и тенденций реального развития муниципального образования, системы населения, определение модели муниципального расселения на перспективу [9].

Объектом данного исследования являются приграничные с Украиной муниципальные образования Центрально-Черноземного района.

Цель работы – анализ социо-эколого-экономической ситуации приграничных муниципальных образований Белгородской, Воронежской, Курской областей. *Основные задачи:* анализ трансформации расселения приграничных муниципальных образований с 2010 по 2020 гг.; определение прогнозной численности населения; установление уровня жизнедеятельности населения приграничных муниципальных образований Центрально-Черноземного района.

Материалы и методы

Для решения основных задач были использованы *методы* пространственно-временного анализа, статистические, ГИС-технологий. В статье использованы опубликованные работы российских ученых по изучению приграничья, авторов данной публикации, результаты экспедиционных обследований районов областей 2020-2022 гг., официальные статистические данные Росстата, его территориальных органов.

Результаты и обсуждение

Трансформация расселения приграничных муниципальных образований. Прогноз численности населения на 2034 г.

Стремительный рост городов и городского населения в XX веке, вызванный радикальными изменениями технологий в промышленности и сельском хозяйстве, освоением новых видов ресурсов, развитием непромышленной сферы, общим подъемом производительных сил привели к трансформации территориальной организации общества. Стойкие тенденции перемещения населения в крупные города и городские агломерации, приводят к изменениям размещения и качества человеческого капитала, проблемам внедрения инноваций в экономику на пустующих территориях.

Трудно развивать эффективное производство, внедрять достижения научно-технического прогресса, новации в условиях интенсивной депопуляции,

ухудшения человеческого капитала, измельчения населенных пунктов. «Чтение» построенной авторами картограммы изменений численности населения 2010-2020 гг. и рассчитанный прогноз на 2034 г. (по методике [10]) свидетельствуют о глубокой депопуляции в абсолютном большинстве МО исследуемых областей, вызывающей трансформацию расселения (рис.1.).

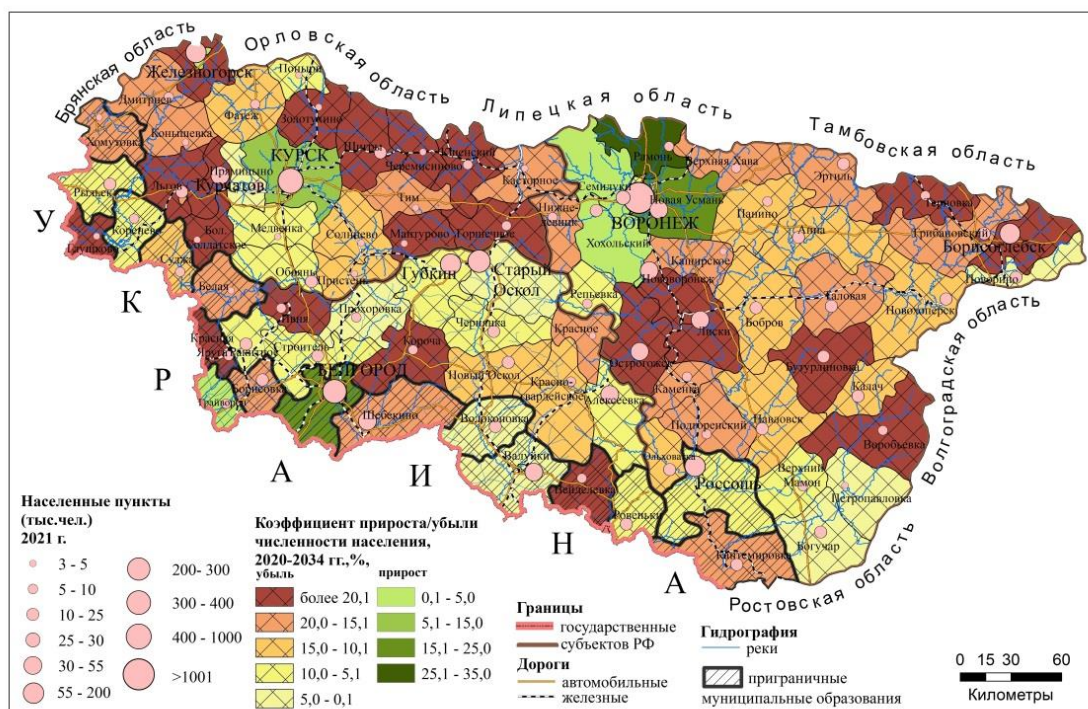

Рис. 1. Коэффициенты изменений численности населения Белгородской, Воронежской, Курской областей. 2020-2034 гг., % (прогноз)
Составлено авторами

Прирост населения характерен только для шести МО трех областей, который сохранится и в 2034 г. Анализ коэффициентов прироста/убыли численности населения МО показал, что он будет расти лишь в пригородных районах областных метрополисов-столиц, отражая закономерности развития урбанизации, процессы субурбанизации (расширение и рост пригородов). Столицы областей, при сохранении современных показателей сальдо миграции, ожидает сокращение численности населения. Миллионный город Воронеж, по нашим расчетам, не избежит этой участи. Демографический потенциал источников роста столиц практически исчерпан, появились новые тенденции расселения населения в пригородах столиц, крупных городов.

Составленная авторами таблица динамики численности населения (2010-2020 гг.) МО, непосредственно граничащих с Украиной и демографический прогноз на 2034 гг., позволили выявить реальную глубину падения численности жителей, дальнейшее увеличение депопуляции на прогнозный год. Исключением в сложившейся ситуации является Белгородский район Белгородской области - пригород областной столицы смягчающий глубину сокращения демографического потенциала приграничных МО (табл. 1).

Если не учитывать показатели Белгородского района, то потеряно 7,4% населения (к 2034 г. - еще 11,5%).

Таблица 1

Динамика, прогноз численности населения приграничных территорий
Центрально-Черноземного района. 2010-2034 гг.

Муниципальные образования (районы, городские округа)	Численность населения, тыс. чел.		Коэффициент прироста/убыли численности населения 2020 г. к 2010 г., %	Прогноз численности населения, тыс. чел. 2034 г.	Коэффициент прироста/убыли численности населения. 2034 г. к 2020 г., %
	2010 г.	2020 г.			
Белгородская область					
Белгородский	104.6	128.8	23.1	151.1	17.3
Борисовский	26.3	25.0	-4.9	20.1	-19.7
Валуйский	69.1	65.3	-5.5	63.1	-3.4
Вейделевский	22.1	18.6	-15.8	14.5	-21.9
Волоконовский	33.0	29.3	-11.2	28.7	-2.0
Грайворонский	29.6	29.7	-0.3	30.9	4.0
Краснояржуский	14.8	14.2	-4.0	11.0	-22.4
Ровеньский	23.4	23.5	--0.4	22.3	-5.1
Шебекинский	93.1	87.1	-6.4	71.2	-17.2
Всего в населении области	416.1	421.5	1,3	412.6	-2.1
Воронежская область					
Кантемировский	38,2	32,9	-13,9	26,8	-18,5
Россошанский	95,1	92,9	-2,4	85,3	-9,4
Всего в населении области	133,3	125,8	-2,6	112,1	-10,9
Курская область					
Беловский	17,9	14,8	-17,3	12,4	-16,2
Глушковский	22,7	18,3	-19,4	14,4	-21,2
Кореневский	18,3	15,7	-14,2	14,2	-9,4
Рыльский	33,2	30,6	-7,8	27,6	-9,7
Суджанский	26,9	26,2	--2,6	22,5	-14,2
Хомутовский.	11,4	8,5	-25,4	6,9	-18,1
Всего в населении области	130,4	114,1	-12,5	98,0	-14,1
Итого по приграничным территориям	679,8	661,4	-2,4	622,7	-6,0

Составлено и рассчитано по: [11, 12, 13, 14, 15, 16]

Улучшения демографической ситуации, роста численности населения приграничных территорий, видимо, ожидать не следует. Проведенный социологический опрос беженцев из Украины в Валуйском городском округе (ГО) Белгородской области в июне 2022 г. (в 2022 г. планируются экспедиции в другие районы и ГО Белгородской и Курской областей) показал, что 97% беженцев намерены вернуться домой или уехать в Европу.

Уровень жизнедеятельности населения приграничных муниципальных образований

Стратификация регионов по уровню социально-экономического развития и их муниципальных образований сложилась исторически и остается актуальной проблемой для институтов власти, населения. Нарастание дифференциации приводит к нарушению социального равновесия, делению субъектов на лидеров, куда устремляются потоки миграции и на проблемные территории, находящиеся в состоянии перманентного кризиса. Количественно-качественная дифференциация в пространственной организации территорий между регионами априори велика, но внутритерриториальное неравенство не менее значительно, и разница в развитии особенно характерна для приграничных МО. Экзогенные вызовы привели к росту поляризации между приграничными МО и центром, что хорошо видно при сравнении со средними по областям величинами социально-экономического развития.

Об уровне жизни населения, условиях его жизнедеятельности свидетельствуют показатели величины заработной платы, ввод в действие жилых домов (возможности его приобретения, строительство личного дома), оборот розничной торговли в пересчете на душу населения, обеспеченность стационарным лечением и ряд других (табл. 2).

Таблица 2

Социо-экономические показатели приграничных с Украиной муниципальных образований

Муниципальные образования	Оборот розничной торговли, тыс. руб./чел.*		Ввод в действие жилых домов, кв. м/чел.		Среднемесячная номинальная заработная плата, руб.		Число больничных коек на 10 тыс. населения	
	2016 г.	2020 г.*	2016 г.	2020 г.	2016 г.	2020 г.	2016 г.	2020 г.
Белгородская область								
Белгородский	150.6	123.1	4.78	2.82	26.9	35.6	17.8	14.6
Борисовский	116.3	52.7	0.53	0.46	27.0	34.2	38.7	61.0
Валуйский	130.0	66.7	0.74	0.95	23.3	30.8	64.2	61.5
Вейделевский	59.8	42.6	0.43	0.42	23.6	32.3	60.1	62.5
Волоконовский	52.0	46.5	0.42	0.48	24.7	32.4	42.7	37.3
Грайворонский	73.9	41.8	0.49	0.41	23.8	31.1	108.6	108.4
Краснояружский	57.8	39.7	0.66	0.61	26.6	33.5	44.0	30.1
Ровеньский	56.8	28.6	0.51	0.35	23.1	30.9	35.2	35.0
Шебекинский	102.4	43.1	0.67	0.64	25.5	34.9	67.2	61.3
В среднем по области	192.7	85.26	0.87	0.7	27.1	37.4	72.7	60.5
Воронежская область								
Кантемировский	29.5	32.5	0.16	0.09	21.9	29.1	44.7	44.1
Россошанский	36.8	54.7	0.54	0.37	27.1	33.5	52.6	50.2
В среднем по области	73.5	100.2	0.72	0.81	29.4	38.1	85.7	78.8
Курская область								
Беловский	20.5	35.7	0.038	0.40	21.9	29.5	58.7	57.6
Глушковский	60.6	72.9	0.41	0.41	21.6	28.5	64.6	74.5

Кореневский	16.0	20.3	0.39	0.40	22.3	31.6	64.3	55.8
Рыльский	21.9	26.1	0.39	0.50	19.4	29.7	53.8	60.6
Суджанский	21.1	20.2	0.35	0.43	22.6	32.2	48.6	50.2
Хомутовский	13.8	18.5	0.30	0.32	19.4	28.9	60.3	50.0
В среднем по области	60.6	72.2	0.52	0.54	25.3	35.8	103.4	105.0

* В Белгородской области: по крупным и средним организациям 47 класса ОКВЭД "Торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами".

* В Курской (2017 г., 2019 г.) и Воронежской областях: без субъектов малого предпринимательства.

Составлено и рассчитано по: [14, 16, 17, 18]

Анализ данных таблицы показал, что оборот розничной торговли во всех МО (за перманентным исключением пригородного Белгородского) в несколько раз ниже среднего по областям. В 2020 г. в Белгородской области по всем МО он существенно упал, что свидетельствует о снижениях покупательной способности и уровня жизни населения. Сравнивать показатели оборота торговли между областями считаем не корректным в связи с разными методиками расчетов территориальными органами Федеральной службы государственной статистики.

Объемы вводимого в действие жилья свидетельствуют о прекращении (бесперспективности) строительства домов во многих МО – вводится менее одного квадратного метра на человека. Приграничные районы, они же периферийные, по специализации преимущественно сельскохозяйственные (диверсификация экономики практически отсутствует) с господством производства продукции агрохолдингами, наемным трудом (тяжелым, несмотря на автоматизацию), не пользующимся спросом у населения молодого и среднего возрастов. С уходом из жизни старшего поколения многие села опустеют.

Столь же сложная ситуация в здравоохранении: число больничных коек на 10 тыс. населения радикально ниже среднеобластного (исключение - Грайворонский ГО Белгородской области по объективной причине). И лишь среднемесячная номинальная заработная плата немногим меньше среднеобластной. Отметим, что и средняя номинальная заработная плата по областям близка к черте бедности населения: по нормам ЮНЕСКО бедность начинается при уровне оплаты труда три доллара в час, что при 40-часовой рабочей неделе соответствует 480 долл. в месяц. «Дешевая рабочая сила – это не та рабочая сила, которая мало получает, а та, которая за небольшие деньги хорошо работает. В России за низкую зарплату трудятся традиционно плохо» (по [18. С. 104]). Сложившаяся ситуация разоряет страну: Россия - страна с высоким уровнем интеллекта, но с низкой стоимостью интеллектуальной собственности.

Выводы

Анализ динамики численности населения приграничных муниципальных образований с 2010 по 2020 гг., демографический прогноз на 2034 гг. свидетельствуют о значительной глубине падения численности жителей, росте депопуляции. Исключение составляет пригородно-приграничный Белгородский район Белгородской области.

Экономический рост и его социальная направленность должны быть тесно взаимосвязаны, экономическая концепция устойчивого развития - сопряженной с

социальной концепцией устойчивости, ориентированной на человека и направленной на сохранение стабильности социальной и культурной системы. Сохранение стабильной социально-экономической и экистической ситуации в условиях системного сокращения численности населения приграничных муниципальных образований ЦЧР маловероятно.

Экзогенные вызовы, приграничное положение привели к низким показателям уровня жизнедеятельности населения в муниципальных образованиях на фоне среднеобластных величин. Оборот розничной торговли в приграничных территориях в несколько раз ниже среднего по области; ввод в действие жилья свидетельствует о прекращении строительства с высокой вероятностью появления в недалеком будущем сел без населения; число больничных коек радикально ниже среднеобластных показателей; среднемесячная номинальная заработная плата меньше среднеобластной, оставаясь очень низкой по нормам ЮНЕСКО.

Стимулирование развития приграничных территорий должно стать одним из направлений федеральной региональной политики.

Благодарности: публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №20-05-00074.

Литература

1. Трейвиш А. И. О пустеющем пространстве России. Сжатие социального геопространства: между реальностью и утопией // Проблемы географической реальности. IX сократические чтения / Сб. докл. под ред. В.А. Шупера. М., 2012. С. 166-190.
2. Зайончковская Ж. А., Г. В. Иоффе. Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций / Вопросы географии. Сб 135: География населения и социальная география // Отв. ред. А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко. М.: Издательский дом «Кодекс». 2013. С. 188-223.
3. Чугунова Н. В., А. И. Комкова. Пространственное неравенство в регионе высокого уровня социально-экономического развития (Белгородская область) // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов-на-Дону. 2018. №7. С. 175-184. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35093049>.
4. Колосов В. А. Российское пограничье: сотрудничество и вызовы соседства / Российское пограничье. Социально-политические и инфраструктурные проблемы // Под редакцией В. А. Колосова, А. Б. Володина. М. 2016. С. 8-25.
5. Катровский А. П., Нижникова А. К. Российско-белорусское приграничье как межстоличный регион // Наука, инновации, технологии. Северо-Кавказский федеральный университет. №1. 2021 г. С. 65-88.
6. Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации. Тридцать лет постсоветских границ: сборник статей по материалам VI международной научно-практической конференции. Редакторы: Л. И. Попкова, С. Г. Казаков; Курск. гос. ун-т. Курск, 2021. 423 с.
7. Горочная В. В., Вольхин Д. А. Структура угроз инновационной безопасности и регулирование инновационного развития западных приграничных регионов

- России. Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. Том 7 (73). N 1. 2021 г. С. 3–25.
8. Гурбан И. А., Боярских А. И. Проблемы и перспективы инновационного развития России: региональный аспект // Региональная экономика: теория и практика. 2015. N 47 (422). С. 13–31.
 9. Chugunova N., Polyakova T., Ignatenko S., Buryak Zh. Polarization of the Regional Settlement System as a Reflection of Neoliberal Urbanization Processes. 19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM. Conference Proceedings. Vol. 19. Ecology, Economics, Education and Legislation. Issue 5.2. Ecology and Environmental Protection. 30 June – 6 July, 2019. Albena, Bulgaria. 2019. P. 603-610.
 10. Шубат О. М., Киселева О. И. Методы прогнозирования численности населения: опыт критического анализа / Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: мат. Второй всеросс. научно-практ. конф. с межд. участием, Владивосток, 7–8 декабря 2016 г., Владивосток: Дальн. федерал. ун-т. 2016. С. 328-331.
 11. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области. Стат. сб. Белгород: Белгородстат. 2011. 287 с.
 12. Показатели экономического и социального развития городских округов и муниципальных районов Воронежской области. Воронеж. 2014. 191 с.
 13. Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Курской области. Информационный бюллетень № 1. Курск. 2012. 86 с.
 14. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области. Стат. сб. Белгород: Белгородстат. 2021. 296 с.
 15. Показатели экономического и социального развития городских округов и муниципальных районов Воронежской области. Воронеж. 2020. 168 с.
 16. Статистический ежегодник Курской области. 2021: Стат. сб. / Курскстат. С25 Курск, 2021. 424 с.
 17. Социально-экономический атлас городов и районов Курской области. Курск. 2018. 34 с.
 18. Социально-экономический атлас городов и районов Курской области. Курск. 2019. 36 с.
 19. Чугунова Н. В. Социально-демографическое развитие Белгородской области изменяющейся России. М.: ГЕОС. 2011. 140 с.

N. V. Chugunova¹
D. N. Markovskaya²

***Socio-economic situation in the border
municipalities of Belgorod, Voronezh, Kursk
regions***

Belgorod State National Research University, Belgorod,
Russian Federation

¹*e-mail: Chugunova@bsu.edu.ru*

²*e-mail: darya.morkovskaja@yandex.ru*

Abstract. *The results of the study of demographic processes of municipalities bordering with Ukraine revealed the depth of the decline in the number of inhabitants, the growth of depopulation; it was found that exogenous challenges, the border situation, inequality of development led to low indicators of the population's vital activity. Stimulating the development of border territories should become one of the directions of federal regional policy.*

Keywords: *border with Ukraine, changes, population, indicators, average, socio-economic.*

References

1. Trejvish A. I. O pusteyushhem prostranstve Rossii. Szhatie social'nogo geoprostranstva: mezhdru real'nost'yu i utopiej // Problemy` geograficheskoy real'nosti. IX sokraticheskie chteniya / Sb. dokl. pod red. V. A. Shupera. M., 2012. S. 166-190. (in Russian)
2. Zajonchkovskaya Zh. A., G. V. Ioffe. Dinamika rasseleniya v Moskovskom regione kak otrazhenie postsovetskix transformacij / Voprosy` geografii. Sb 135: Geografiya naseleniya i social'naya geografiya // Otv. red. A.I. Alekseev, A.A. Tkachenko. M.: Izdatel'skij dom «Kodeks». 2013. S. 188-223. (in Russian)
3. Chugunova N. V., A. I. Komkova. Prostranstvennoe neravenstvo v regione vy`сокoго urovnya social'no-ekonomicheskogo razvitiya (Belgorodskaya oblast`) // Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskix geografov-obshhestvovedov. Rostov-na-Donu. 2018. №7. S. 175-184. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35093049>. (in Russian)
4. Kolosov V. A. Rossijskoe pogranch'e: sotrudnichestvo i vy`zovy` соседства / Rossijskoe pogranch'e. Social'no-politicheskie i infrastruktury`e problemy` // Pod redakciej V. A. Kolosova, A. B. Volodina. M. 2016. S. 8-25. (in Russian)
5. Katrovskij A. P., Nizhnikova A. K. Rossijsko-belorusskoe prigranich'e kak mezhscholichny`j region // Nauka, innovacii, texnologii. Severo-Kavkazskij federal'ny`j universitet. №1. 2021 g. S. 65-88. (in Russian)
6. Strategiya razvitiya prigranichny`x territorij: tradicii i innovacii. Tridczat` let postsovetskix granicz: sbornik statej po materialam VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Redaktory`: L. I. Popkova, S. G. Kazakov; Kursk. gos. un-t. Kursk, 2021. 423 s. (in Russian)
7. Gorochnaya V. V., Vol`xin D. A. Struktura ugroz innovacionnoj bezopasnosti i regulirovanie innovacionnogo razvitiya zapadny`x prigranichny`x regionov Rossii. Uchyony`e zapiski Kry`mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. Tom 7 (73). N 1. 2021 g. S. 3–25. (in Russian)
8. Gurban I. A., Boyarskix A. I. Problemy` i perspektivy` innovacionnogo razvitiya Rossii: regional'ny`j aspekt // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2015. N 47 (422). S. 13–31. (in Russian)
9. Chugunova N., Polyakova T., Ignatenko S., Buryak Zh. Polarization of the Regional Settlement System as a Reflection of Neoliberal Urbanization Processes. 19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM. Conference Proceedings. Vol. 19. Ecology, Economics, Education and Legislation. Issue 5.2. Ecology and Environmental Protection. 30 June – 6 July, 2019. Albena, Bulgaria. 2019. R. 603-610.

10. Shubat O. M., Kiseleva O.I. Metody` prognozirovaniya chislennosti naseleniya: opy`t kriticheskogo analiza / Problemy` modelirovaniya social`ny`x processov: Rossiya i strany` ATR: mat. Vtoroj vseross. nauchno-prakt. konf. s mezhd. uchastiem, Vladivostok, 7–8 dekabrya 2016 g., Vladivostok: Dal`n. federal. un-t. 2016. S. 328-331. (in Russian)
11. Osnovny`e pokazateli social`no-e`konomicheskogo polozheniya municipal`ny`x rajonov i gorodskix okrugov Belgorodskoj oblasti. Stat. sb. Belgorod: Belgorodstat. 2011. 287 s. (in Russian)
12. Pokazateli e`konomicheskogo i social`nogo razvitiya gorodskix okrugov i municipal`ny`x rajonov Voronezhskoj oblasti. Voronezh. 2014. 191 s. (in Russian)
13. Kratkie itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda po Kurskoj oblasti. Informacionny`j byulleten` № 1. Kursk. 2012. 86 s. (in Russian)
14. Osnovny`e pokazateli social`no-e`konomicheskogo polozheniya municipal`ny`x rajonov i gorodskix okrugov Belgorodskoj oblasti. Stat. sb. Belgorod: Belgorodstat. 2021. 296 s. (in Russian)
15. Pokazateli e`konomicheskogo i social`nogo razvitiya gorodskix okrugov i municipal`ny`x rajonov Voronezhskoj oblasti. Voronezh. 2020. 168 s. (in Russian)
16. Statisticheskij ezhegodnik Kurskoj oblasti. 2021: Stat. sb. / Kurskstat. S25 Kursk, 2021. 424 s. (in Russian)
17. Social`no-e`konomicheskij atlas gorodov i rajonov Kurskoj oblasti. Kursk. 2018. 34 s. (in Russian)
18. Social`no-e`konomicheskij atlas gorodov i rajonov Kurskoj oblasti. Kursk. 2019. 36 s. (in Russian)
19. Chugunova N.V. Social`no-demograficheskoe razvitie Belgorodskoj oblasti izmenyayushhejsya Rossii. M.: GEOS. 2011. 140 s. (in Russian)

Поступила в редакцию 20.06.2022 г.

УДК 911.3

Г. М. Шагеева¹
Ф. З. Рафикова²

Эффективность деятельности органов местного самоуправления Республики Крым в области инфраструктуры

¹ ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) Федеральный
Университет, г. Казань, Российская Федерация
e-mail: shageevagm@mail.ru

² ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) Федеральный
Университет, г. Казань, Российская Федерация
e-mail: farida.rafikova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оценки эффективности социально-экономического развития муниципальных образований Республики Крым за период 2019-2021 гг. В качестве объектов изучения и оценки выступили 25 муниципальных образований Республики Крым, из которых - 11 городских округов и 14 муниципальных районов. Ранее в работах других авторов [2] были рассмотрены некоторые общие проблемы в социально-экономическом развитии Республики Крым без применения интегральных показателей.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное управление, муниципальное образование, городской округ, муниципальный район, социально-экономическое развитие, картографический метод, интегральный показатель.

Введение

К числу важнейших задач органов местного самоуправления (ОМС) относится обеспечение комплексного развития территории муниципального образования. Одной из ключевых областей развития территории является инфраструктура.

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] к полномочиям органов местного самоуправления также относится доклад о проделанной работе по перечню показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Целью исследования является оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления Республики Крым в области инфраструктуры.

Для реализации цели работы были поставлены следующие задачи:

1. рассмотреть показатели, характеризующие развитие инфраструктуры по муниципальным образованиям (МО) Республики Крым за 2019-2021 гг.;
2. рассчитать интегральные показатели развития инфраструктуры МО РК;
3. подготовить картографический материал по результатам расчётов;
4. оценить эффективность деятельности ОМС по уровню развития инфраструктуры.

Материалы и методы

В качестве статистических показателей в исследовании использованы данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым

и г. Севастополю и Сводного доклада о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Крым по итогам 2020 г. На основании этих данных рассчитаны интегральные показатели развития инфраструктуры по методике определения уровня социально-экономического развития региона [1]. Для анализа показателей были применены методы нормирования и кластеризации. Наиболее подходящим для набора значений стало разделение их на три кластера. Полученные результаты представлены с применением картографического метода.

Результаты и обсуждение

Во многих общепринятых методиках интегральный показатель включает в себя оценку несколько компонентов. В нашем случае в качестве таких показателей отобраны два из блока "Экономическому развитие", один — "Жилищно-коммунальное хозяйство", ещё один — "Жилищное строительство и обеспечение граждан жильём".

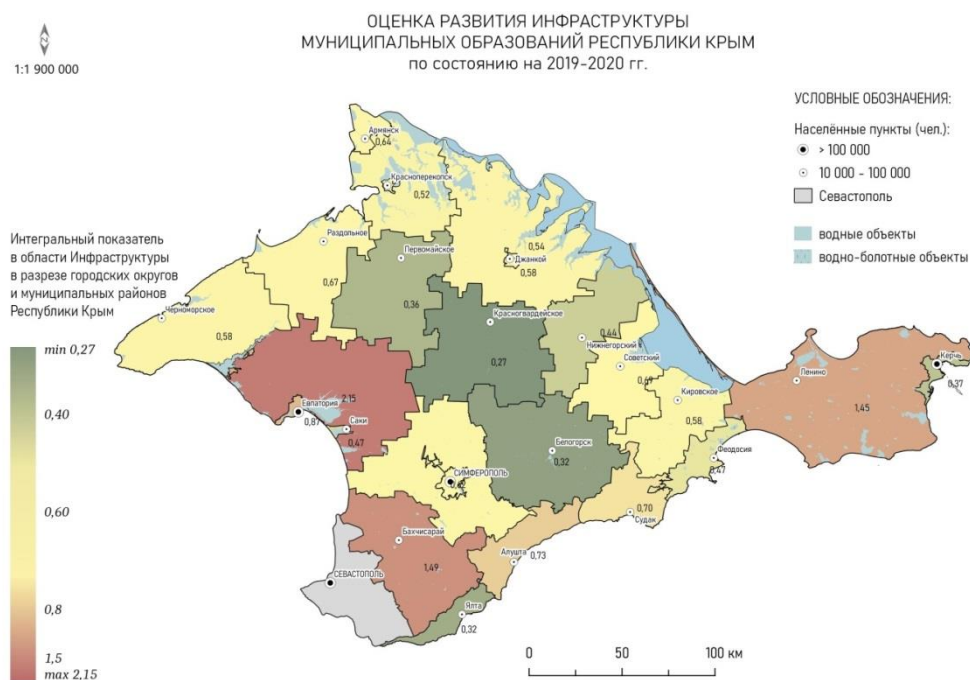

Рис. 1. Оценка развития инфраструктуры городских округов и муниципальных районов Республики Крым, 2019-2020 г.

Составлено авторами

Выбор показателей для расчёта по формуле (1) основан на законодательно установленном перечне показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов [7].

$$i_j = X1 * H(X_1) + X2 * H(X_2) + X3 * H(X_3) + X4 * H(X_4), \quad (1)$$

где i_j – интегральный показатель развития инфраструктуры за j -ый год в муниципальном образовании; H – вес каждого показателя; X_1 – доля протяженности автомобильных дорог общего

пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, %; X_2 – доля населения, проживающего в населенных пунктах, не имеющих регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения с административным центром городского округа (муниципального района), в общей численности населения городского округа (муниципального района), %; X_3 – доля населения, получившего жилые помещения и улучшившего жилищные условия в отчетном году, в общей численности населения, состоящего на учете в качестве нуждающегося в жилых помещениях, %; X_4 – площадь земельных участков, предоставленных для строительства, на 10 тыс. чел., га.

По результатам применения формулы (1) с последующим нормированием значений, переходом от абсолютных значений к относительным и кластеризацией данных была составлена таблица интегральных показателей инфраструктуры городских округов и муниципальных районов Республики Крым (Таблица 1).

Таблица 1

Интегральные показатели развития инфраструктуры городских округов и муниципальных районов Республики Крым

	2019-2020	2021*
Городские округа (ГО) — всего 11 ГО		
Евпатория	0,8722	0,4984
Алушта	0,7309	0,4494
Судак	0,7019	0,5747
Армянск	0,6418	0,5481
Симферополь	0,6906	0,4410
<i>В среднем по группе</i>	0,7275	0,5023
Джанкой	0,5790	0,4662
Красноперекоск	0,4932	0,3430
Феодосия	0,4730	0,3591
Саки	0,4679	0,5215
<i>В среднем по группе</i>	0,5033	0,4225
Керчь	0,3697	0,2534
Ялта	0,3237	0,2387
<i>В среднем по группе</i>	0,3467	0,2461
<i>В среднем по всем ГО</i>	0,5767	0,4267
Муниципальные районы (МО) — всего 14 МО		
Сакский	2,1500	0,4774
Бахчисарайский	1,4868	0,4921
Ленинский	1,4468	0,4004
Советский	0,6926	0,6160
Раздольненский	0,6656	0,5131
<i>В среднем по группе</i>	1,2883	0,4998
Симферопольский	0,6217	0,5152
Кировский	0,5838	0,5460
Черноморский	0,5840	0,5222
Джанкойский	0,5418	0,4501
Красноперекоспский	0,5241	0,4291
<i>В среднем по группе</i>	0,5711	0,4925
Нижнегорский	0,4402	0,4830
Первомайский	0,3618	0,3661
Белогорский	0,3195	0,4928
Красногвардейский	0,2651	0,3766
<i>В среднем по группе</i>	0,3466	0,4296
<i>В среднем по МО</i>	0,7631	0,4772

Составлено авторами по [6; 8]

В среднем уровень развития инфраструктуры городских округов на 18,6% в 2019-2020 гг. выше, чем муниципальных районах Республики Крым (Таблица 1).

Как видно по (Рис.1), высокий уровень развития инфраструктуры на 2019-2020 гг. в городских округах Ялты (0,32) и Керчи (0,37), Красногвардейском (0,27), Белогорском (0,32), Первомайском (0,36) муниципальных районах. Из них в городском округе Ялта и Красногвардейском районах имеются населённые пункты, не имеющие регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения, что свидетельствует о том, что эти территории также нуждаются в развитии и грамотном управлении.

Согласно социологическому исследованию удовлетворённости качеством автомобильных дорог в муниципальном образовании Республики Крым на 2020 г. [5] наиболее высокий уровень удовлетворённости отмечен в Белогорском районе (85,19%) и ГО Армянск (56,15%).

Неудовлетворительный уровень развития инфраструктуры на 2019-2020 гг. наблюдается в городских округах Евпатория (0,87), Алушта (0,73), Судак (0,70), в муниципальных районах — Сакском (2,15), Бахчисарайском (1,49), Ленинском (1,44) и Советском (0,69). Из них в Ленинском и Советском районах имеются населённые пункты, не имеющие регулярного автобусного и (или) железнодорожного сообщения. Низкие значения наблюдаются у обширных по площади муниципальных образований – городских округах Алушты и Судака, в Ленинском, Сакском и Бахчисарайском районах.

В целом, по региону стоит отметить стабильно высокий уровень автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям.

Согласно социологическому исследованию удовлетворённости качеством автомобильных дорог в муниципальном образовании Республики Крым на 2020 г. [5] наиболее низкий уровень удовлетворённости в Красногвардейском районе (31,83%), Ленинском (30,67%), в Кировском (29,30%), ГО Джанкой (29,00%), ГО Евпатория (25,66%), ГО Керчь (18,75%). Что является следствием, недостаточной организации в области инфраструктуры. Результаты опросов [5] соотносимы с результатами исследования.

По прогнозу на 2021 г. наилучший уровень развития инфраструктуры намечается в городских округах Ялты, Керчи, Красноперекоска, Феодосии и в Первомайском и Красногвардейском районах. Минимальная дополнительная потребность Республики Крым для развития инфраструктуры (транспортной, энергетической, социальной, коммунальной и телекоммуникационной) 4,2 млрд. руб. на 2019 г., 7,6 млрд. руб. на 2020 г.. Она возрастает до 48,6 млрд. руб. (рекордных для Южного Федерального округа) в следующем 2021 году. В рамках публичных слушаний обсуждения проекта бюджета Республики Крым на 2020-2022 годы. Данные приведены согласно информации [3].

Используемый метод позволяет проводить мониторинг динамики условий развития инфраструктуры ежегодно и выявлять районы с оптимальными и неблагоприятными условиями инфраструктуры.

Выводы

На основе общедоступных в официальной статистике показателей, отражающих реальное состояние, удалось оценить развитие муниципальных

образований по одному из ключевых направлений. Оценен уровень развития инфраструктуры, и, как следствие, эффективность деятельности органов местного самоуправления относительно инфраструктуры. Результаты исследований показывают что районах с населёнными пунктами без регулярного автобусного или железнодорожного сообщения, а также в обширных по площади районах более обозначены проблемы развития инфраструктуры. Разработка метода мониторинга динамики условий развития инфраструктуры позволит в будущем комплексно изучить эффективность деятельности ОМС.

В дальнейшем необходимо принимать определённые управленческие решения по устранению проблем инфраструктуры, в зависимости от принадлежности муниципального образования к группе. Органам местного самоуправления стоит серьёзно подходить к оценке эффективности инфраструктурных проектов.

Следующим этапом исследования является проведение исследований с другими важными компонентами социально-экономического развития муниципальных образований РК: экономическое развитие, социальная сфера, муниципальное управление для определения уровня СЭР. Представляется также необходимым проведение дальнейших исследований как по уточнению зависимостей с использованием новых методов статистического анализа, так и по увеличению периода исследования (5-7 лет).

Литература

1. Атаева А. Г., Аслаева С. Ш. Методические аспекты оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований // АНИ: экономика и управление. 2020. №4 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-aspekty-otsenki-urovnya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-munitsipalnyh-obrazovaniy>.
2. Боровская Л. В., Мельник В. Д. Проблемы и пути оптимизации социально-экономического развития Республики Крым // Science Time. 2016. №4 (28). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-puti-optimizatsii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-respubliki-krym>.
3. Инфраструктура России. Индекс развития / InfraONE Research. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://infraoneresearch.ru/index_id/2021_regions.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 г. №131-ФЗ (в ред. от 02.08.2019 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/>.
5. Об оценке эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, предприятий и учреждений, действующих на региональном и муниципальном уровнях и осуществляющих оказание услуг населению муниципальных образований Республики Крым за 2020 год: итоги опроса [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rk.gov.ru/uploads/txteditor/main/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpgUewVd_2020.pdf.
6. О результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике

Крым по итогам 2020 года: доклад [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.gov.ru/ru/structure/1010>.

7. Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов: Указ Президента РФ от 13.05.2008 г. №607 (в ред. от 14.10.2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/>.
8. Показатели эффективности деятельности органов местного самоуправления городского округа (муниципального района): [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://crimea.gks.ru/main_indicators.

G. M. Shageeva¹,
F. Z. Rafikova²

The effectiveness of the activities of local governments of the Republic of Crimea in infrastructure

¹Kazan (Volga region) Federal University, Kazan,
Russian Federation

e-mail: shageevagm@mail.ru

²Kazan (Volga region) Federal University, Kazan,
Russian Federation

e-mail: farida.rafikova@mail.ru

Abstract. *On the issue of the effectiveness of socio-economic development of municipalities of the Republic of Crimea, this material assesses the development of infrastructure for the period 2019-2021. 25 municipalities of the Republic of Crimea - 11 urban districts and 14 municipal districts - acted as objects of assessment. In other works, only general problems in the socio-economic development of the Republic of Crimea were considered without the use of integral indicators.*

Keywords: *local self-government, municipal administration, municipal formation, urban district, municipal district, socio-economic development, cartographic method, integral indicator.*

References

1. Ataeva A. G., Aslaeva S. SH. Metodicheskie aspekty ocenki urovnya social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nyh obrazovaniy // ANI: ekonomika i upravlenie. 2020. №4 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-aspekty-otsenki-urovnya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-munitsipalnyh-obrazovaniy>. (in Russian)
2. Borovskaya L. V., Mel'nik V. D. Problemy i puti optimizatsii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Krym // Science Time. 2016. №4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-puti-optimizatsii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-respubliki-krym>. (in Russian)
3. Infrastruktura Rossii. Indeks razvitiya / InfraONE Research. URL: https://infraoneresearch.ru/index_id/2021_regions. (in Russian)
4. Ob obshchih principah organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federatsii: feder. zakon ot 06.10.2003 g. №131-FZ (v red. ot 02.08.2019 g.). URL: <https://internet.garant.ru/>. (in Russian)

5. Ob ocenke effektivnosti deyatel'nosti rukovoditelej organov mestnogo samoupravleniya, predpriyatij i uchrezhdenij, dejstvuyushchih na regional'nom i municipal'nom urovnayah i osushchestvlyayushchih okazanie uslug naseleniyu municipal'nyh obrazovaniy Respubliki Krym za 2020 god: itogi oprosa. URL: https://rk.gov.ru/uploads/txteditor/main/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpgUewVd_2020.pdf. (in Russian)
6. O rezul'tatah monitoringa effektivnosti deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov v Respublike Krym po itogam 2020 goda: doklad. URL: <https://rk.gov.ru/ru/structure/1010>. (in Russian)
7. Perechen' pokazatelej dlya ocenki effektivnosti deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya municipal'nyh, gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov: Ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2008 g. №607 (v red. ot 14.10.2021). URL: <https://internet.garant.ru/>. (in Russian)
8. Pokazateli effektivnosti deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskogo okruga (municipal'nogo rajona). URL: https://crimea.gks.ru/main_indicators. (in Russian)

Поступила в редакцию 29.05.2022 г.

УДК 911.3

В. В. Шаймарданова

Поляризация культурно-досугового потенциала регионов Поволжья

ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) Федеральный
Университет, г. Казань, Российская Федерация
e-mail: valeriyashaim@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу статистических данных по отдельным показателям культурной сферы регионов в Приволжском федеральном округе. Были использованы статистические данные по численности зрителей театров, посетителей музеев, пользователей библиотек, а также показатель количества спортучреждений. Были построены карты динамики указанных показателей с 2010 по 2019 гг, а также проанализирован показатель культурно-досугового потенциала. Данная статья охватывает только часть возможных показателей оценки культурно-досугового потенциала региона.

Ключевые слова: культурный потенциал, досуг, статистика, Поволжье, картографирование культуры, культура региона, динамика культурной сферы, культурно-досуговой потенциал.

Введение

Каждый регион России представляет собой определенную территорию со сложившимся укладом, системой хозяйствования, социально-духовных отношений и традиций. Регионы, даже не имеющие своей уникальной истории, имеют свое особое мнение о том, кто они такие, каково их место в истории, духовной и культурной жизни России. Знание и актуализация особой ментальности регионов есть одна из основ развития гражданского общества, фактор социально-культурного единства российского общества [1].

Понимание сферы культуры в современном обществе все более относится ко взаимодействию общества и государства, культура становится инструментом политики [2]. Помимо этого, культура остается способом передачи ценностей, смыслов между поколениями. В сфере культуры России сегодня также аккумулированы огромные материальные, финансовые и интеллектуальные ресурсы [3].

Современные города являются зеркалами его культурного потенциала, культурной наполненности. Рассмотрение городов с точки зрения социально-пространственных форм подразумевает акцентирование на ценности свободного времени и его индивидуализации. Одним из подобных проявлений можно называть рост пассивно-созерцательных видов досуговой деятельности и уменьшение доли творческо-созидательной [4]. Однако в процессе современной глобализации увеличивается и доля досугового времени, возникает потребность в его качественном проведении. Во многих отношениях культурные индустрии характеризуются также изменением паттернов потребления культурных товаров и услуг [5].

Важное место в использовании свободного времени человеком играет и городская среда, так как человек практически всю жизнь проводит в городе. Городская среда, включающая в себя сложные физические и экологические

характеристики, интенсивное информационное воздействие и многообразие социальной структуры, оказывает существенное влияние на социокультурную ситуацию, в которой оказывается человек [6]. Наличие культурного досуга, мест качественного отдыха населения напрямую влияет на его туристскую привлекательность.

Данная статья посвящена анализу культурно-досугового потенциала регионов Приволжского федерального округа с точки зрения анализа динамики ряда показателей культурной сферы.

Материалы и методы

Основой для написания данной статьи послужили материалы статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020», выпускаемый ежегодно Федеральной службой государственной статистики [7]. Первоначально для анализа был определен раздел указанного сборника «Культура, отдых и туризм», период с 2010 по 2019 года. Данный сборник содержит статистические показатели вплоть до 2020 года, однако в рамках данного исследования в силу влияния эпидемиологической обстановки в стране данные 2020 года не отражают реальной динамики и были пропущены.

Данные показатели были отобраны для Приволжского федерального округа и классифицированы на 5 классов с помощью геоинформационной системы ArcGis 10.6. Построение карт осуществлялось в среде геоинформационной системы ArcGis 10.6.

Результаты и обсуждение

Анализируя данные статистики были разработаны таблицы, учитывающие различные абсолютные показатели культуры, отдыха и туризма и динамику данных показателей с 2010 по 2019 года. Результаты были представлены в виде серии таблиц. Итоговая таблица содержит выжимку статистических показателей по указанным параметрам для 2010 и 2019 годов соответственно (табл.1).

Таблица 1

Статистические показатели культурного потенциала регионов ПФО

Название субъекта	Численности зрителей театров, на 1000 жителей		Численность пользователей библиотеками, на 1000 жителей		Число посещений музеев, на 1000 жителей		Число спортивных учреждений, на 1000 жителей	
	2010	2019	2010	2019	2010	2019	2010	2019
Приволжский федеральный округ	210	268	13365	11885	332	539	1,7	1,7
Республика Башкортостан	199	236	2033	1919	136	240	2,2	2,4
Республика Марий Эл	302	433	385	342	553	859	2	2,1
Республика Мордовия	181	281	469	406	266	283	2,2	2,2

Республика Татарстан	219	322	1558	1448	455	1410	1,8	1,5
Удмуртская Республика	250	302	617	548	472	489	1,6	1,5
Чувашская Республика	278	326	692	625	229	215	2,4	2,6
Пермский край	262	343	1012	925	403	419	1,5	1,4
Кировская область	181	175	732	745	530	650	1,7	1,5
Нижегородская область	192	256	1602	1317	348	635	1,3	1,6
Оренбургская область	150	182	870	713	100	214	1,8	2
Пензенская область	144	151	671	621	376	476	2,1	2,6
Самарская область	186	283	1068	795	260	376	1,1	1,3
Саратовская область	264	266	1132	1028	325	336	1,2	1,3
Ульяновская область	159	190	526	448	567	437	1,6	1,5

Составлено по материалам сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020» [7]

Анализируя данную таблицу можно отметить, что почти все показатели имеют тенденцию к росту в исследуемый период, кроме показателя численности пользователей библиотек. На основе полученной таблицы с помощью ГИС ArcGis 10.6 были построены карты, отображающие визуальное распределение показателей культурной сферы по регионам Приволжского федерального округа. Так, на рисунке 1 изображена динамика показателя численности зрителей театров (рис. 1).

По данной карте видно, что лидером в численности зрителей театров являлась и продолжает являться Республика Марий Эл. Ряд регионов увеличили данный показатель, например, Нижегородская и Оренбургская области, а некоторые регионы имеют стабильные показатели, например, Кировская и Саратовская области, где данный показатель вырос не столь значительно.

Вторым показателем, по которому наблюдается соразмерный рост, является число посещений музеев за исследуемый период (рис. 2).

Данная карта также отображает существенное увеличение числа посещений, а также смещение лидерства с Ульяновской и Кировской областей к Республике Татарстан. Наименьшее количество посещений музеев при кратном увеличении их числа наблюдается в Оренбургской области и Республики Башкортостан.

Показатель обеспеченности спортивными учреждениями в Приволжском федеральном округе объединяет в себе интегрированную сумму количества спортивных учреждений в пересчете на 1000 жителей населения. В данном аспекты были рассмотрены такие спортивные учреждения, как стадионы, площадки, поля, плавательные бассейны и спортивные залы. Результат также был представлен в виде карты (рис. 3).

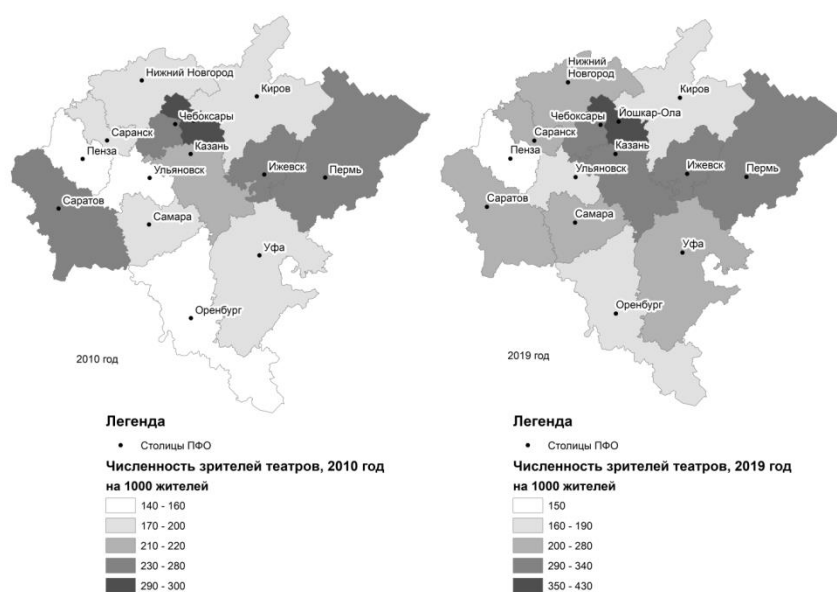

Рис. 1. Динамика численности зрителей театров, 2010-2019 гг.

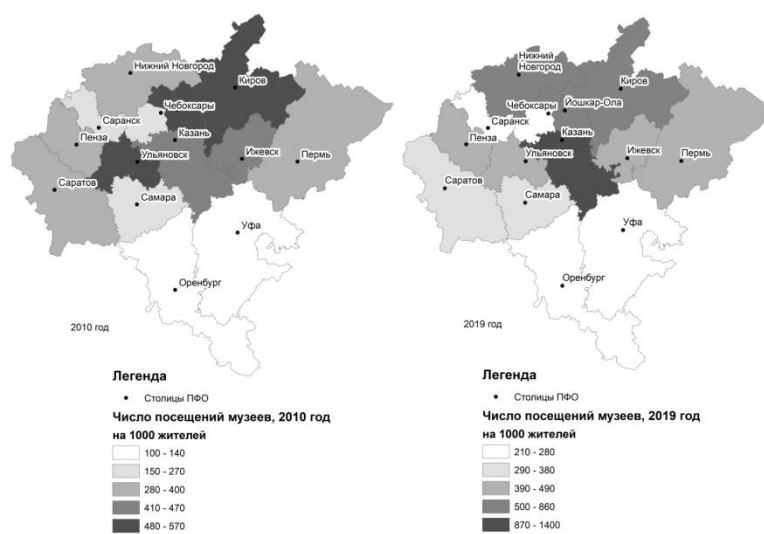

Рис. 2. Динамика числа посещений музеев, 2010-2019 гг.

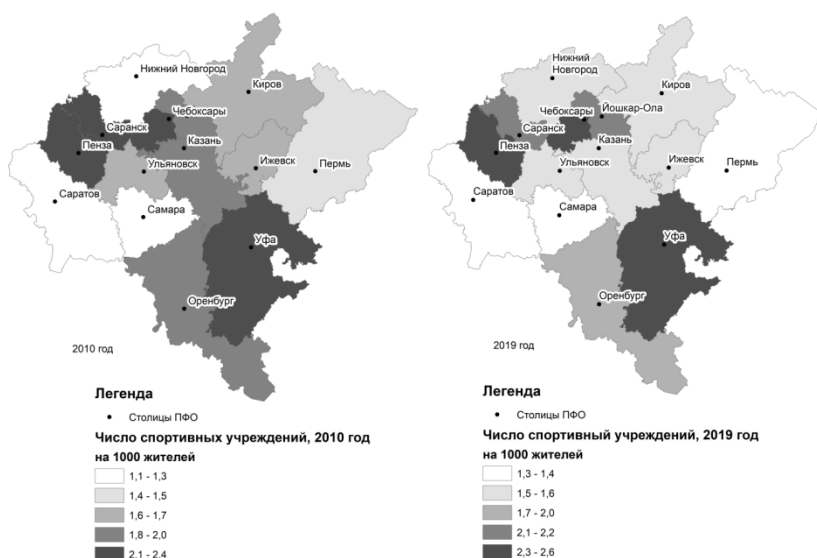

Рис. 3. Динамика количества спортивных учреждений, 2010-2019 гг.

Единственным показателем, продемонстрировавшим постепенное снижение по всем исследуемым регионам, является динамика численности пользователей библиотеками (рис. 4).

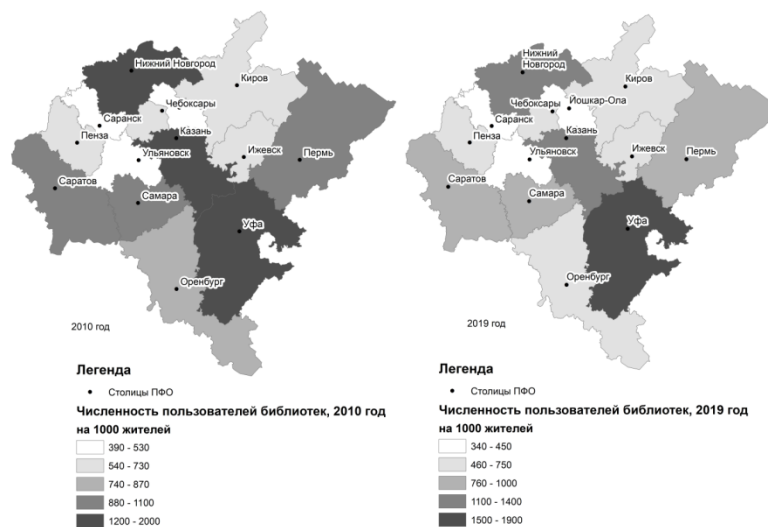

Рис. 4. Динамика численности пользователей библиотеками, 2010-2019 гг.

Карта динамики количества спортивных учреждений также отображает общий рост показателя обеспеченности по исследуемым регионам, при этом лидерство также сохраняется Пензенской областью, Республикой Башкортостан и Республикой Чувашия. Республика Татарстан, несмотря на существенный рост количества спортивных объектов в столице снижает показатель обеспеченности, что можно связать с ростом численности региона при сохранении спортивной инфраструктуры.

Лидерство по численности пользователей библиотеками по-прежнему сохраняется в Республике Башкирия, однако в таких регионах, как Нижегородская

область и Республика Татарстан, данный показатель снизился. Причиной этому может служить все большее внедрение информационных технологий в городах-миллионниках, наибольшая доля внедрения цифровых решений и большая осведомленность населения о цифровых возможностях и альтернативах традиционных библиотек.

Выводы

Таким образом, анализируя полученные карты и сопоставляя между собой отдельные показатели можно перейти к культурно-досуговому потенциалу на основе общей суммы. Так, суммарный культурно-досуговый потенциал исследуемых регионов Приволжского федерального округа за период снизился почти на 9%. При этом ряд регионов демонстрируют тенденцию к увеличению культурно-досугового потенциала. Например, Республика Татарстан увеличила его более чем на 42%, а Марий Эл на 30%. Наибольшее снижение культурно-досугового потенциала наблюдается в Ульяновской области, где данный показатель снизился на 14%.

Проведенный анализ дает первичное представление о состоянии культурной сферы в исследуемых регионах Приволжского федерального округа, может способствовать определению целесообразности распределения финансирования в данную сферу среди регионов, выделить наиболее «нуждающиеся». Данный подход демонстрирует общую дифференциацию территории по одному признаку, позволяет соотнести с иными показателями социально-экономического развития региона, например, с уровнем заработной платы, миграционным приростом, характером преобладающей миграции населения и рядом других.

Следует отметить, что основной «носитель» культурно-досугового потенциала региона – это столица субъекта. Большая часть посещений приходится именно на крупные и крупнейшие города, что создает потенциал развития культуры в сельской местности и малых городах. Программы государственной поддержки могут быть направлены на снижение диспропорций в данной сфере между городом и селом, тем самым увеличивая привлекательность сельских поселений.

Литература

1. Розенберг Н. В. Культурный потенциал региона как фактор формирования культурной идентичности // Аналитика культурологии. 2008. №11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-potentsial-regiona-kak-faktor-formirovaniya-kulturnoy-identichnosti>.
2. Гончарик А. Политика в области творческих индустрий: зарубежный опыт и российские реалии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://creativeindustries.ru>.
3. Котова Е. Ю. Потенциал культурных индустрий в реализации государственной культурной политики // Вестник СПбГИК. 2020. №1 (42). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-kulturnyh-industriy-v-realizatsii-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki>.
4. Мурылев В. А. Город как социально-пространственная среда. Теоретический аспект в городских коммуникациях // Аналитика культурологии. 2014. №30.

- [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-sotsialno-prostranstvennaya-sreda-teoreticheskiy-aspekt-v-gorodskih-kommunikatsiyah>.
5. Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнारेвой. Москва: Высш. шк. экономики, 2013. 256 с.
 6. Мурылев В. А. Социокультурная среда города // Аналитика культурологии. 2008. №10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-sreda-goroda>.
 7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

V. V. Shaimardanova

Polarization of the cultural and leisure potential of the regions of the Volga region

¹Kazan (Volga region) Federal University, Kazan,
Russian Federation
e-mail: valeriyashaim@mail.ru

Abstract. *An important place in the use of free time by a person is also played by the urban environment, since a person spends almost all his life in the city. The urban environment has a significant impact on the socio-cultural situation in which a person finds himself. The presence of cultural leisure, places of high-quality recreation of the population directly affects its tourist attractiveness. The article is devoted to the analysis of statistical data on certain indicators of the cultural sphere of the regions in the Volga Federal District. Statistical data on the number of theater goers, museum visitors, library users, as well as the indicator of the number of sports facilities were used. Analyzing the statistics data, tables were developed that take into account various absolute indicators of culture, recreation and tourism and the dynamics of these indicators from 2010 to 2019. Each indicator was selected for the Volga Federal District and classified into 5 classes using the geographic information system ArcGis 10.6. Maps of the dynamics of these indicators from 2010 to 2019 were built, and the indicator of cultural and leisure potential was analyzed. The only indicator that showed a gradual decline in all the regions studied is the dynamics of the number of library users*

The Republic of Bashkiria still holds the lead in terms of the number of library users, however, in such regions as the Nizhny Novgorod Region and the Republic of Tatarstan, this indicator has decreased. The reason for this may be the increasing introduction of information technology in cities with a population of over one million, the largest share of the implementation of digital solutions and the greater awareness of the population about digital opportunities and alternatives to traditional libraries.

Analysis of the maps and their comparison with each other allows you to move on to the cultural and leisure potential based on the total amount. Thus, the total cultural and leisure potential of the studied regions of the Volga Federal District decreased by almost 9% over the period. At the same time, a number of regions demonstrate a trend towards an increase in cultural and leisure potential. For example, the Republic of Tatarstan increased it by more than 42%, and Mari El by 30%. The greatest decline in

cultural and leisure potential is observed in the Ulyanovsk region, where this indicator decreased by 14%.

The analysis carried out gives a primary idea of the state of the cultural sphere in the studied regions of the Volga Federal District, can help determine the appropriateness of distributing funding in this area among the regions, and highlight the most “needy”. This approach demonstrates the general differentiation of the territory on one basis, allows it to be correlated with other indicators of the socio-economic development of the region, for example, with the level of wages, migration growth, the nature of the prevailing migration of the population, and a number of others.

This article covers only a part of the possible indicators for assessing the cultural and leisure potential of the region.

Keywords: *cultural potential, leisure, statistics, Volga region, mapping of culture, culture of the region, dynamics of the cultural sphere, cultural and leisure potential.*

References

1. Rozenberg N. V. Kul'turnyy potentsial regiona kak faktor formirovaniya kul'turnoy identichnosti // Analitika kul'turologii. 2008. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-potentsial-regiona-kak-faktor-formirovaniya-kulturnoy-identichnosti>. (in Russian)
2. Goncharik A. Politika v oblasti tvorcheskikh industriy: zarubezhnyy opyt i rossiyskiye realii. URL: <http://creativeindustries.ru>. (in Russian)
3. Kotova Y. Yu. Potentsial kul'turnykh industriy v realizatsii gosudarstvennoy kul'turnoy politiki // Vestnik SPbGIK. 2020. №1 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-kulturnykh-industriy-v-realizatsii-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki>. (in Russian)
4. Murylev V. A. Gorod kak sotsial'no-prostranstvennaya sreda. Teoreticheskiy aspekt v gorodskikh kommunikatsiyakh // Analitika kul'turologii. 2014. №30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-sotsialno-prostranstvennaya-sreda-teoreticheskiy-aspekt-v-gorodskikh-kommunikatsiyakh>. (in Russian)
5. Trosbi D. Ekonomika i kul'tura / per. s angl. I. Kushnarevoy. Moskva: Vyssh. shk. ekonomiki, 2013. 256 s. (in Russian)
6. Murylev V. A. Sotsiokul'turnaya sreda goroda // Analitika kul'turologii. 2008. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-sreda-goroda>. (in Russian)
7. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli. 2021: R32 Stat. sb. / Rosstat. M., 2021. 1112 s. (in Russian)

Поступила в редакцию 04.07.2022 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафшин Максим Михайлович	Кандидат географических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт Африки Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация
Архипова Дарья Сергеевна	Магистрант ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, Российская Федерация
Волошенко Ксения Юрьевна	Кандидат экономических наук, директор центра социально-экономических исследований региона ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», г. Калининград, Российская Федерация
Вольхин Денис Антонович	Кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры физической и социально-экономической географии, геоморфологии и ландшафтоведения, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Гаямов Кирилл Сергеевич	Обучающийся кафедры социально-экономической географии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Российская Федерация
Горохов Станислав Анатольевич	Доктор географических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт Африки Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация
Грибок Мария Владимировна	Кандидат географических наук, научный сотрудник ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», Географический факультет, г. Москва, Российская Федерация
Гуров Сергей Александрович	Кандидат географических наук, доцент кафедры туризма, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Дмитриев Руслан Васильевич	Кандидат географических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт Африки Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация
Епринцев Сергей Александрович	Кандидат географических наук, доцент кафедры геоэкологии и мониторинга окружающей среды факультета географии, геоэкологии и туризма ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
Жерлицына Наталья Александровна	Кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт Африки Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация

Залязя Никита Юрьевич	Обучающийся кафедры социально-экономической географии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Российская Федерация
Захаров Иван Андреевич	Кандидат географических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт Африки Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация
Ипполитова Нина Александровна	Кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник ФГБУН Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Российская Федерация
Карлов Леонид Станиславович	Аспирант Института «Гаврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Клепиков Олег Владимирович	Доктор биологических наук, профессор кафедры геоэкологии и мониторинга окружающей среды ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
Красноштанова Наталья Евгеньевна	Кандидат географических наук, научный сотрудник ФГБУН Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Российская Федерация Российская Федерация
Крупко Анатолий Эмануилович	Кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
Куролап Семён Александрович	Доктор географических наук, профессор, декан факультета географии, геоэкологии и туризма, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация
Лисин Даниил Абинашевич	Аспирант ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
Лучников Андрей Сергеевич	Старший преподаватель ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Российская Федерация
Лялина Анна Валентиновна	Кандидат географических наук, научный сотрудник центра социально-экономических исследований региона ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», г. Калининград, Российская Федерация
Морковская Диана Николаевна	Обучающаяся кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация
Муштайкин Антон Павлович	Студент, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация

Нагиев Салех Касум оглы	Кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии Азербайджана и методики преподавания географии, Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика
Новикова Анна Александровна	Старший преподаватель ФГБОУ ВО «Калининградский Государственный технический университет», г. Калининград, Российская Федерация
Носонов Артур Модестович	Доктор географических наук, профессор кафедры физической и социально-экономической географии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
Ожегова Людмила Александровна	Кандидат географических наук, доцент кафедры физической и социально-экономической географии, геоморфологии и ландшафтоведения, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Петров Евгений Юрьевич	Лаборант суперкомпьютерного центра ФГБОУ ВО Томский государственный университет; г. Томск, Российская Федерация
Размахнина Юлия Сергеевна	Кандидат географических наук, ведущий инженер ФГБУН Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Российская Федерация
Рафикова Фарида Зинатовна	Кандидат геолого-минералогических наук ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Российская Федерация
Рыльский Илья Аркадьевич	Кандидат географических наук, старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Географический факультет, г. Москва, Российская Федерация
Сазонова Галина Васильевна	Старший преподаватель кафедры туризма, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Сарайкина Светлана Васильевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры туризма ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
Семина Ирина Анатольевна	Кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой физической и социально-экономической географии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация

Сидорова Галина Михайловна	Доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт Африки Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация
Сикач Ксения Юрьевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры физической и социально-экономической географии, геоморфологии и ландшафтоведения, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
Тесленок Сергей Адамович	Кандидат географических наук, доцент кафедры геодезии, картографии и геоинформатики ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Российская Федерация
Фарафонова Юлия Юрьевна	Старший преподаватель научно-образовательного кластера «Институт управления и территориального развития», ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», г. Калининград, Российская Федерация
Харитонов Александр Михайлович	Научный сотрудник ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Российская Федерация
Чернышев Константин Анатольевич	Кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела геоурбанистики и пространственной демографии ФГБУН Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация
Чернышева Наталья Викторовна	Кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация
Чугунова Надежда Васильевна	Кандидат географических наук, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация
Шагеева Гульназ Маратовна	Магистр ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Российская Федерация
Шаймарданова Валерия Валерьевна	Старший преподаватель кафедры географии и картографии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Российская Федерация

<p>Швец Александра Борисовна</p>	<p>Кандидат географических наук, доцент кафедры физической и социально-экономической географии, геоморфологии и ландшафтоведения, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация</p>
<p>Яковенко Ирина Михайловна</p>	<p>Доктор географических наук, заведующий кафедрой туризма, факультет географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация</p>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ	3
А. Б. Швец, Д. А. Вольхин РОССИЙСКОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В НОВОМ ТРЕНДЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИИ	5
И. М. Яковенко, Л. С. Карлов ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ВИДОВ ТУРИЗМА.....	16
И. А. Захаров ЭФФЕКТЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ.....	32
Н. Е. Красноштанова ТРАНСФОРМАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА.....	41
Н. А. Жерлицына СТРАТЕГИЯ ЕС В ОТНОШЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО МАРШРУТА МИГРАЦИИ И ПОСТРАДАВШИХ ТРАНЗИТНЫХ ГОСУДАРСТВ САХЕЛЯ И ЛИВИИ.....	50
Г. М. Сидорова ТРАНСГРАНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ В АФРИКЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	60
А. М. Харитонов ИЗУЧЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИЕЙ И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА.....	68
РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ	77
К. С. Галямов К ВОПРОСУ О ФРАГМЕНТАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ.....	63
С. А. Горохов, М. М. Агафшин, Р. В. Дмитриев УЯЗВИМЫЕ РАЙОНЫ КАК ФОРМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ МИГРАНТСКИХ СООБЩЕСТВ В ШВЕЦИИ: ПРИМЕР ГЁТЕБОРГА.....	92
М. В. Грибок, И. А. Рыльский ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ И КАРТОГРАФИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО НАРУШЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ЗАГРЯЗНЕНИЕМ ВОЗДУХА	102
С. А. Гуров СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ: ДИНАМИКА И ТРАНСФОРМАЦИИ.....	110
С. А. Епринцев, О. В. Клепиков, С. А. Куролап СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И АНТРОПОГЕННОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ ВОЗДУШНОГО БАСЕЙНА КАК ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЦЧР.....	129

Н. А. Ипполитова, Д. С. Архипова	
ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ СИБИРИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	138
А. Э. Крупко	
ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ КУЛЬТУРНО-БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ.....	149
Д. А. Лисин, И. А. Семина	
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТРЕТИЧНОГО СЕКТОРА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК СТРАН ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ	160
А. С. Лучников, Н. Ю. Заляза	
К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В ПРЕДЕЛАХ УРАЛЬСКОЙ БАЗЫ	171
А. В. Лялина, А. А. Новикова, К. Ю. Волощенко, Ю. Ю. Фарафонова	
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСКЛАВНОЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	181
С. К. Нагиев	
РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	193
А. М. Носонов, С. В. Сарайкина	
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИИ	208
Л. А. Ожегова, Г. В. Сазонова, К. Ю. Сикач	
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ СПЕЦИФИКА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.....	217
Ю. С. Размахнина	
ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ РАЗНОГО СТАТУСА.....	236
С. А. Тесленок, А. П. Муштайкин, И. А. Семина	
КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ИЗБЫТОЧНОЙ СМЕРТНОСТИ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА В 2020-2021 ГОДАХ НА ФОНЕ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ.....	244
К. А. Чернышев, Н. В. Чернышева, Е. Ю. Петров	
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА: ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ И СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ О МЕСТАХ РОЖДЕНИЯ МИГРАНТОВ	253
Н. В. Чугунова, Д. Н. Морковская	
СОЦИО-ЭКИСТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ БЕЛГОРОДСКОЙ, ВОРОНЕЖСКОЙ, КУРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ.....	265
Г. М. Шагеева, Ф. З. Рафикова	
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ОБЛАСТИ ИНФРАСТРУКТУРЫ	275
В. В. Шаймарданова	
ПОЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ ПОВОЛЖЬЯ	282

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	290
СОДЕРЖАНИЕ	295